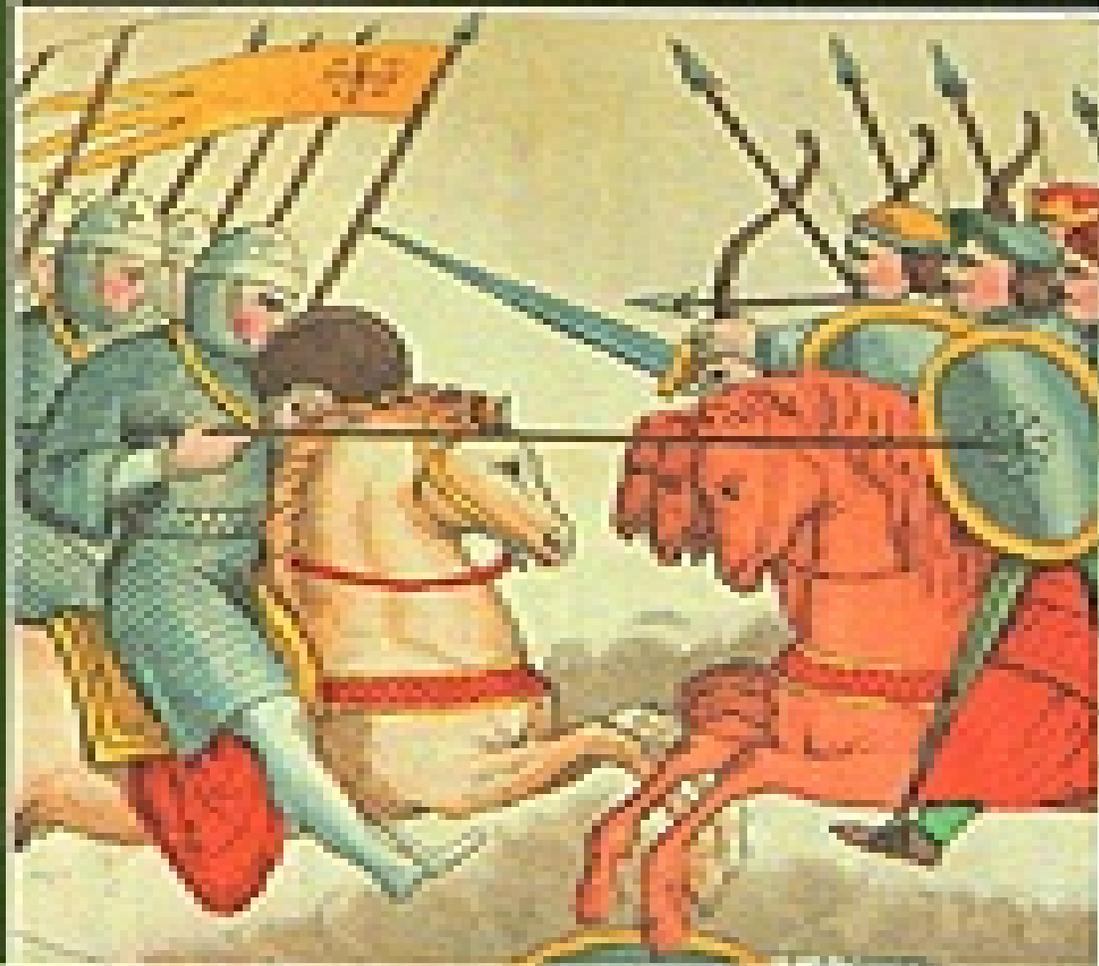
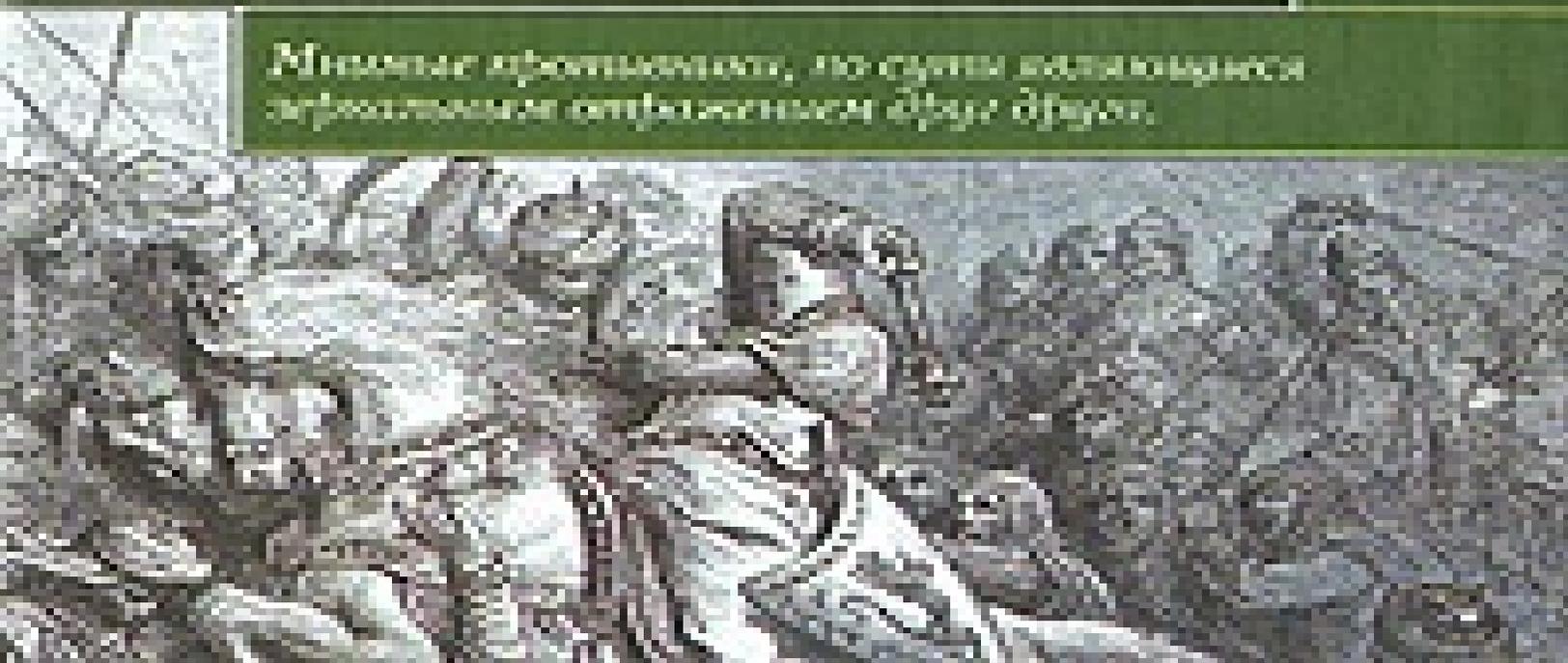

Джеймс ВАССЕРМАН

Тамплеры и ассасины

Минималное противостояние, по сути являющееся идеологическим отражением друг друга.

В книге Джеймса Вассермана сопоставляются две военно-религиозные организации: орден тамплиеров и орден ассасинов. При всей кажущейся на первый взгляд несопоставимости этих орденов автору удаётся показать, как много у них общего. Таинственный орден Храма, обвиняемый в еретичестве и погибший под ударами инквизиции, многое заимствовал у своих мусульманских собратьев по духу — ассасинов. Прослеживая историю обоих орденов, Джеймс Вассерман проводит нас сквозь лабиринт фактов и легенд, позволяя каждому самому решить, что здесь факт, а что легенды.

- [Джеймс Вассерман](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава I](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава II](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Часть четвёртая](#)
 - [Приложения](#)
 - [Приложение 1](#)

- [Приложение 2](#)

- [Приложение 3](#)

- [Библиография](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)

- [26](#)

- [27](#)

- [28](#)

- [29](#)

- [30](#)

- [31](#)

- [32](#)

- [33](#)

- [34](#)

- [35](#)

- [36](#)

- [37](#)

- [38](#)

- [39](#)

- [40](#)

- [41](#)

- [42](#)

- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

- [138](#)
 - [139](#)
 - [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
-

Джеймс Вассерман
Тамплиеры и ассасины
Стражи небесных тайн

*Эту книгу я посвящаю моим детям и Бессмертному Духу Свободы.
Также посвящается памяти моих отца и матери.*

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить мою жену Нэнси, которая выдержала бессчётные часы, которые я посвятил исследованиям и сочинению этой книги, и не обмолвилась ни словом упрёка по поводу потраченных за это время денег. Я благодарю её также за бесценную помощь в осмыслении, редактировании и издании «Тамплиеров и ассасинов». Приношу особую благодарность моему другу доктору Кристоферу Хайетту, который дал мне первый толчок к написанию данной работы. Крис Бэмфорд, Кэти Финн и Роберт Брэзил помогли мне при обсуждении моих замыслов. Бил Пэджетт, Хем Кэйген, Роберт Брэзил и Генри Судзуки оказывали мне помощь в разыскании необходимых материалов. Как обычно, многим я обязан Женевьеве Миколайчак. Дж. П. Ланд внёс несколько важных редакторских предложений. Шон Конеки облегчил мне работу своей всесторонней и эрудированной критикой. Я благодарю Пола Шонфельда, истинного знатока писательского искусства, который своими бесценными советами направлял мои творческие поиски. Вклад, который внесла в наше общее дело Лаура Сени, не ограничивается только её блистательным знанием языка. Многие зависело от меткого и точного редакторского скальпеля в руках Кристин Оверсон. Меня вдохновлял пример всесторонней учёности, воплощённый в лице Дэвида Вэги и в его работах по истории Древнего Рима, а также его благосклонное отношение к моим научным изысканиям. Доктор Джеральд Эпстейн щедро делился со мной своими знаниями в области западного монотеизма. Я высоко ценю веру в мои способности, которую выразил доктор Майкл Акино, критическим взглядом просмотревший мою рукопись. Я постоянно получал поддержку и ободрение от моего друга Мартина Старра. Я благодарю Ричарда Джернона и Вильяма Бриза за их помощь в подготовке первого наброска этой книги, появившегося в журнале «Равноденствие» (Equinox), 3, № 10, в 1986 году. С пониманием отнеслись к моей работе Стелла Грей, Билл Кегль, Джеймс Стрейн, Майкл Мак-Карти, Тони Карлсен и Амир Модак. Я признателен Питеру Лэмборну Вильсону за расширение моего кругозора в тонкостях мусульманского вероучения. Херб Голуб помог мне преодолеть последние препятствия. Важность вклада, внесенного Эммой Гонсалес в подготовку карт, невозможно переоценить. Лиза Коффин любезно разрешила мне воспользоваться её переводом послания святого Бернара, без которого мне не удалось бы в полной мере дать читателю представление о духовном состоянии общества, приведшем к расцвету ордена тамплиеров. Меня глубоко тронуло сочувствие, встреченное мною со стороны Джона Грэма из издательства «Иннер Традишенс». Таинственная алхимическая трансмутация, путём которой рукопись превращается в книгу, стала возможной только благодаря редакторскому чутью и искусству Роуэна Джэйкобсона. И наконец, я приношу благодарность Эху Сперлингу, основателю и руководителю издательства «Иннер Традишенс», за его дружеское отношение и поддержку, которую он оказывал мне все эти годы.

Предисловие

Тысячу лет назад завораживающая тишина израильской пустыни была нарушена громоподобной какофонией, производимой копытами коней, во весь опор мчащихся в бой. Поле боя огласилось звуками скрежета мечей, ударами копий о доспехи и щиты. Боевые кличи смешались со стонами раненых, рёвом труб и командами, выкрикиваемыми на множестве разных языков. Мусульмане сражались с христианами за обладание клочком земли, на котором зародились обе эти религии. В нескольких тысячах километров от места этих событий в горной твердыне к югу от Каспийского моря в современном Иране сидел и медитировал персидский мудрец, устремив взор своего разума на другую ужасающую сцену. Один из его самых преданных учеников, в одежде суфийского мистика, только что приблизился к носилкам могущественного сельджукского визиря. Кинжал пронзил сердце жертвы за секунды до того, как убийца пал под ударами охраны. Вероятно, Хасан ас-Саббах, легендарный Старец Горы, на какое-то мгновение испытал облегчение, так как смерть его заклятого врага должна была ослабить давление тюрков на его главный оплот, крепость Аламут. Удача снова улыбнулась осаждённой общине ассасинов через несколько недель, когда вслед за своим визирем из мира ушёл сам сельджукский султан.

Исторические сведения об орденах ассасинов и тамплиеров неразрывно переплетаются с мифами, на протяжении столетий оказывавшими возбуждающее действие на воображение многих поколений. И ассасины, и тамплиеры были объявлены еретиками и уничтожены около семисот лет назад. И хотя ассасины (правильнее называть их низаритами) существуют до наших дней во главе со своим вождём Ага-ханом, первому периоду их исторической деятельности положили конец нашествия монголов в 1256 и мамлюков в 1273 годах. Их имя было смешано с грязью благодаря усилиям ересиологов-суннитов, считавших ассасинов религиозными преступниками, и средневековых христианских историков, принимавших их за язычников-идолопоклонников. От тамплиеров до нас также не дошло какого-либо свода документов, несмотря на то что, по всей вероятности, будучи средневековым религиозным орденом, они вели тщательную запись своих деяний. Тамплиеры также изображаются в чёрном цвете историками организации, раздавившей и уничтожившей рыцарей и распустившей их орден. Так как история обычно пишется победителями, мы спешим с самого начала заявить, что наше исследование посвящено побеждённым.

Эта книга открывается кратким введением в вопрос о тайных обществах. Мы рассматриваем понятие мистического тайного общества и отграничиваем его как от политического заговора, так и от религиозной иерархии. Книга разделена на четыре части.

В первой части читателю предлагается общий обзор исторических процессов в Европе и на Ближнем Востоке от Рождества Христова до крестовых походов. Основное внимание в обзоре уделяется западной истории. Мы надеемся, что обзор поможет создать общую картину главных религиозных, политических, экономических и культурных событий, обусловивших европейское вторжение в Святую Землю. Хотя может показаться, что это вступление несколько перегружено и выпадает из общего контекста книги, на самом деле оно устанавливает определённые ориентиры для правильного понимания сложной системы взаимодействий в последующую эпоху. Читатели, хорошо разбирающиеся в европейской истории, могут начать чтение сразу со второй части.

Вторая часть посвящена ордену ассасинов. После рассмотрения мифов и легенд, существующих и по сей день, я перехожу к подробному анализу ислама от рождения пророка Мухаммеда до возникновения низаритской исмаилитской секты. Далее детально

рассматривается период политических успехов этого течения в Персии, охватывающий 166 лет и известный под названием Аламутский имамат. Столь же большое внимание уделяется сирийской общине ассасинов, с которой поддерживали тесные контакты крестоносцы. Далее следует краткий обзор последующей истории низаритов в Новое время.

В третьей части освещается история тамплиеров начиная с истоков ордена и его правил, составленных святым Бернаром Клервоским. Дальнейшая история ордена разделена на главы по крестовым походам, в которых на протяжении двухсот лет со времени основания участвовали рыцари Храма. Подробно рассматривается уничтожение ордена, а также вечный вопрос о виновности или невинности храмовников в приписываемых им преступлениях.

Четвёртая часть представляет собой послесловие, в котором я кратко рассматриваю развитие западной эзотерической традиции от её истоков в доисторическую эпоху. Мы наблюдаем упадок языческих мистерий под давлением христианской религиозной гегемонии на протяжении шести тёмных веков. Затем мы отмечаем возрождение оккультизма в Европе сразу вслед за началом крестовых походов, продолжающееся и по сей день. Особое внимание уделяется точкам схождения между западной и восточной традициями, особенно тем из них, которые можно возвести к контактам между ассасинами и тамплиерами.

В приложении 1 представлен современный анализ пресловутого текста «Девяти ступеней мудрости», отражающего исмаилитский ритуал инициации в том виде, который эта система приобрела по крайней мере с X века. В приложении 2 приводится новый перевод послания святого Бернара «Во славу нового рыцарства», в котором впервые провозглашается идеал рыцаря-монаха, оказавший столь яркое воздействие на европейскую мысль в 1136 году и положивший начало формированию мифов о рыцарях-тамплиерах в западной культуре.

Ввиду обильной литературы, посвящённой двум этим орденам, и множества оккультных сочинений в целом, возможно, не лишним будет с самого начала подчеркнуть, что в этой книге я всеми силами пытался избежать спекуляций и фантазий. Я всегда указываю на легендарность или историческую достоверность тех или иных сведений, считая правом читателя составлять то или иное мнение по поводу различных тёмных вопросов, затронутых в нашем исследовании. Мне кажется, что научно подтверждённые факты могут послужить трамплином для полёта фантазии, обусловленного самой сущностью ордена ассасинов и тамплиеров. Я надеюсь, что читатель простит меня за трудности, связанные с усвоением большого объёма исторических фактов, представленных в самом сжатом виде, и множества незнакомых имён и терминов, используемых в книге. Я очень надеюсь на то, что эти усилия со стороны читателя будут вознаграждены обретением более глубокого понимания этих воинов за святое дело — мнимых противников, по сути являющихся зеркальным отражением друг друга.

Глава I

Введение в историю тайных обществ

Существование Высшего Разума является первоочерёдным постулатом как религии, так и оккультных наук. Люди оторваны от своей божественной природы и отделены от неё непреодолимым, как кажется, барьером в виде рационального разума и своего эго. И всё же мы не можем избавиться от веры в существование высшего уровня и в нашу способность соединиться с источником силы, превышающей всё, чего мы можем достичь физическими средствами. Стремление к этому единению можно считать главной целью человеческой жизни. Чисто интеллектуальные попытки поставить это под сомнение отступают в тень перед универсальностью, всеобщностью этого стремления. Как говорил в IV веке неоплатоник Ямвлих, «врождённое знание о богах сопутствует самому нашему бытию; и это знание превосходит всякое суждение и осознанный выбор, существуя до разума и осознания»^[1].

Инициация

Легенды о грехопадении служат попыткой объяснить, почему между человеческим разумом и божественным сознанием пролегла такая непреодолимая пропасть. Эта великая тайна лежит в основании как религии, так и философии. Само же существование разрыва считается первичной предпосылкой в эзотерическом учении. *Цель инициации — не объяснить грехопадение, а преодолеть его последствия.*

Цель инициации, важнейшая «тайна» традиций, хранивших сокровенную мудрость, — это гносис, то есть прямое, непосредственное, личное переживание Бога в человеческом теле здесь и сейчас. «Гностик» — это «знающий», развивающий умение вступать в общение с божественным сознанием. В отличие от последователей тех религий, которые привлекают своих приверженцев обещанием райской жизни после смерти, гностик рассчитывает испытать это состояние при жизни.

Мистерии отвергают исключительность Слова, столь часто объявлявшегося таковым^[1]. Знание обретает индивидуум. «Если не станешь равным с Богом, не сможешь понять Бога, ибо подобное постигается лишь подобным. Возрасти до несоизмеримого величия, одним прыжком освободись от тела; возвысься над временем, стань Вечностью; тогда ты постигнешь Бога»^[2].

Тайные мистические общества

Тайные мистические общества, включавшие в своё учение инициационный культ и догмат о духовном освобождении, существовали во все времена и во всех культурах. От заклинаний, произносимых аборигеном Австралии, до экстатического верчения дервишей цель этих обществ остаётся одной и той же — управляемое изменение индивидуального сознания в рамках группы.

Ближайшим современным аналогом термину «тайное общество» можно признать «специальную группу по интересам». Люди разных профессий и склонностей, от сельского хозяйства до зоологии, участвуют в форумах, посвящённых их сфере специализации. Они общаются посредством электронных журналов, через интернет, при помощи общественных клубов и так далее. Члены таких групп имеют по крайней мере какой-то первоначальный запас

знаний по интересующему их предмету. Их личное стремление и желание исследовать избранную область служат общим знаменателем, который позволяет им общаться друг с другом. Цель их объединения заключается в облегчении личного развития в данной специальности при помощи общения с людьми, разделяющими этот интерес.

Членов мистических тайных обществ объединяет стремление достичь состояния высшего сознания путём участия в групповых ритуалах и передачи магических и мистических знаний среди людей со сходными интересами. Это знание по определению вызывает к себе благоговейное отношение. Размышления о божественной и человеческой природе, осознание истин, исходящих из высшей точки бытия, содержащееся в этом знании могущество — всё это вызывает чувство трепета и почтения, даже страха со стороны «обычного» рационального рассудка.

Учения мистических тайных обществ

Самым распространённым типом мистического тайного общества, действующим в западной эзотерической традиции, является иерархически структурированный орден. Все группы, которые мы будем обсуждать в этой книге, суть иерархические организации (или были таковыми). Хотя эти группы могут сильно различаться по своим сферам деятельности и работать в таких разных областях, как алхимия, метафизика или благотворительность, всех их объединяют следующие общие черты:

1. Средоточием тайного общества является сокровенное учение. Все установления и правила группы указывают на это сокровенное учение, которое постепенно раскрывается членам, проходящим инициационные ступени общества.

2. Иерархическая структура обуславливает постепенное, по мере продвижения по иерархической лестнице, раскрытие сокровенного учения. Человек, продвинувшийся выше в иерархии, должен знать больше, чем те, кто стоит на низших ступенях. Поэтому на примере высокопоставленных лиц в иерархии полагается само собой разумеющимся, что преданность обществу и следование его принципам проходят испытание долгими годами пребывания в обществе.

3. Свод нравственных правил в особенности выделяет преданность ордену, службу на благо общества, уважение к иерархии и стремление к познанию сокровенного учения. Терпение, необходимое для постепенного просвещения, свойственного таким тайным обществам, считается частью моральных устоев.

4. Образование прочной основы, на которой должно происходить дальнейшее духовное развитие кандидата, обеспечивается методом постепенного раскрытия тайн, то есть постепенного наставления в сокровенном учении по мере прошествия времени и продвижения по уровням иерархии. Практическая ценность такого метода для самого общества заключается в том, что он позволяет отделить людей ревностных от просто любопытствующих.

5. Клятвы, которые требуется принести при раскрытии тайн, имеют стандартный вид. Историки оккультных учений и даже сами члены тайных обществ нередко высказывают своё насмешливое отношение к помпезным и устрашающим клятвам, которые сопровождают раскрытие посвящаемым самых обычных знаний. Впрочем, нужно иметь в виду, что это установление служит для недопущения недостойных и для поддержания добродетели молчания среди достойных. На протяжении тех эпох, о которых пойдёт речь в нашей книге, сохранение тайны было вопросом жизни и смерти.

6. С помощью определённых учебных программ, нацеленных на интеллектуальное,

психическое и духовное развитие членов общества, кандидат подготавливается к постижению сокровенного учения. В эти программы обычно входит изучение рекомендованной литературы, а также медитативная и ритуальная практика.

Учения мистических тайных обществ

Для выхода из обычного, замкнутого на эго состояния трёхмерного, подверженного эмоциям сознания и для достижения эмпирического знания, гнозиса, было разработано множество техник, действенность которых подтверждена временем. Всем тайным обществам и духовным течениям, к которым мы будем обращаться на последующих страницах, свойственен определённый набор положений. Хотя они и отличаются в подробностях и особо выделяют различные элементы, для всех них характерны нижеприведённые послышки:

1. Существование Высшего Разума и утверждение, что определённые практики и методики позволяют человеку достичь высших уровней сознания.

2. Использование ментальных и психических приёмов, объединяемых в широком понятии «медитации», для выполнения этой задачи. Медитация — это процесс, с помощью которого разум обучается действовать независимо от искажений, вносимых чувственным восприятием. В медитацию могут входить такие элементы, как упражнения по достижению умиротворённости сознания, молитва, магические заклинания, спланированные визуализации, практики припоминания, астральная проекция и так далее. Техники медитации имеют множество разновидностей. На одном конце спектра от медитирующего требуются полная неподвижность и молчание; глаза должны быть закрыты. На другом краю находятся магические техники, следуя которым медитирующий может кружиться в танце, громко произнося заклинания с повторяющимися элементами, предназначенными для усиления какой-либо основной задачи этой церемонии.

3. Понятие физической связи с духовным миром. Такие формы упражнений, как хатха-йога, а также ритмичное дыхание и диета, возможно включая употребление алхимических компонентов, используются для укрепления и очищения тела. Некоторые системы могут использовать наркотические вещества, запрещённые другими системами. Цель этих практик состоит в направленном сосредоточении сознания.

4. Учение о нравственном и этическом поведении. Эти учения предназначены для того, чтобы освободить человека от интеллектуальных конфликтов и душевных проблем, которые не позволяют сосредоточить все силы на достижении одной цели. Моральные ценности могут сильно отличаться в разных системах. Например, среди сект, о которых мы будем говорить ниже, катарам было строго запрещено пролитие крови, которое в глазах тамплиеров или ассасинов являлось благородным деянием. Все тайные общества, которые фигурируют в этой книге, с отвращением относятся к воровству, но для последователей индийской секты тагов воровство было формой поклонения богине Кали.

5. Признание ценности разума. Интеллектуальный труд составляет часть западной системы, нацеленной на достижение расширенного духовного сознания. Естественные способности рационального компонента сознания можно обострить, чтобы вывести их на одинаковый уровень с духовными поисками. Разум — это ключевой элемент эго, который следует поставить на службу единой конечной цели.

6. Сексуальное учение. Правила сексуального поведения входят в Устав всех мистических тайных обществ. Секс — это часто неправильно понимаемое средство, при помощи которого сознание можно вывести за пределы обычных ограничений. Оккультисты считали главную

жизненную силу биоэлектрической сексуальной энергией, которую Вильгельм Райх называл *оргоне*, а йоги именовали *кундалини*. Управление этой силой составляет основу йоги и медитации, её возбуждение и направление — цель магии, её очищение — задачу алхимии. В сексе отражается божественное единство, являемое в виде полярности — «разделённости ради любви, ради возможности соединения»^[3]. На протяжении столетий мистики учили множеству оттенков сексуального поведения — от строгого аскетического воздержания до самозабвенной чувственной распущенности. Хотя эти техники могут показаться на первый взгляд противоположными, на самом деле они основываются на общем признании святости и силы сексуальной энергии.

Представители Высшего Разума

Бесчисленные мифы и легенды содержат упоминания об учителях мудрости, являвшихся невежественным и некультурным людям на протяжении всей истории человечества, чтобы принести им блага цивилизации и духовности. Этих чудесных благодетелей и помощников считали то богами, то ангелами, то духами, то посланцами внеземных цивилизаций, то святыми, то махатмами, то буддами, то адептами Внутреннего Уровня, то предками, а то просто гениальными людьми. Предполагалось также существование высокоразвитых допотопных цивилизаций, таких как Атлантида и Лемурия.

Возможно, члены мистических тайных обществ верят в то, что они поддерживают контакты с представителями Высшего Разума, которые руководят деятельностью обществ по своим невидимым каналам. Часто высказывается предположение, что эти представители вступают в то или иное тайное общество, чтобы поделиться своей мудростью с учениками, психически настроенными на волну эманации их энергий. В таком случае подобное общество по составу его членов можно признать трёхмерной манифестацией эволюционной деятельности Высшего Сознания.

Политические тайные общества

Иной тип тайного общества представляет собой политическая организация, ставящая перед собой главной целью достижение земной власти и заставляющая своих членов прибегать к анонимности именно из-за этих честолюбивых устремлений. На простейшем уровне политического заговора находятся такие криминальные организации, как мафия, деятельность которой при её раскрытии становится предметом судебного и уголовного преследования. Революционные тайные общества, подобные большевикам и Ирландской республиканской армии, также составляют обычное явление политической истории.

Гораздо большую опасность, по мнению автора, несут интернациональные общества последнего столетия (такие, как Бильдербергский клуб, Совет по международным связям и Королевский институт международных дел), которые терпеливо и неустанно стремятся установить мировое правительство. В состав таких групп входят политики, бизнесмены, ведущие журналисты и представители исполнительной власти, которые способны не только направлять общественное мнение, но и определять сами условия обсуждения тех или иных вопросов. «Важнейшей политической проблемой нашего времени представляется не противостояние либерализма и консерватизма или капитализма и социализма, а проблема государственности — то есть представление о том, что правительство по самой своей сути выше гражданского

общества, что прогресс заключается в расширении области принуждения, и что — в конечном итоге — наделение представителей правительства неограниченной властью принесёт людям счастье»^[4].

Цель современных государственников состоит в обретении такого уровня контроля, который превосходит все устремления, когда-либо бытовавшие в империях древних египтян, македонцев и римлян. Суть такой политической идеологии лежит в стремлении одного человека внушить свои представления другим. Мотивы могут расходиться от истинного идеализма до высокомерного пренебрежения чужими правами. «Благо большинства» в интерпретации самопровозглашённых экспертов и социальных прожектеров неизбежно приведёт к разрушению понятия индивидуальной, личной свободы^[2]. Нескончаемый шум, поднимаемый в последнее время в защиту демократии, несколько противоречит тому факту, что символом правления вседвоящего большинства является суд Линча.

Иерархические религии

Ещё одним типом общества, заслуживающим внимания, является официальная религия, такая как католичество, которая основывается на иерархической структуре власти и на божественном откровении. Постепенное просвещение отдельного человека тем не менее не является целью церковной структуры, так как её мотивирующими принципами скорее следует признать функцию, организацию и эффективность. Человек облачается большей ответственностью, преуспевает в выполнении поставленных перед ним задач и обретает более высокое положение. Кардинал или папа вовсе не обязательно обладают большим знанием сокровенного учения Христа по мере своего продвижения по иерархической лестнице Христианской церкви и не побуждаются к повышению своего статуса возрастающим гносисом. Члены церковной иерархии обладают не большими возможностями достичь святости, чем обычный прихожанин. На каждого канонизированного (в идеальном случае за его духовные заслуги) папу или епископа можно найти светское лицо — святого Франциска Ассизского, святую Жанну д'Арк или нашу современницу мать Терезу, — чья жизнь свидетельствует о их духовной близости к Христу.

Разграничительные линии между мистическим тайным обществом, политическим заговором и иерархической религией часто оказываются весьма размытыми, поскольку всем этим группам свойственны общие структурные элементы. Например, действенным механизмом как политических заговоров, так и мистических тайных обществ является секретность. Иерархические религии и мистические тайные общества объединяет многоуровневая система управления и конечная мотивация, состоящая в стремлении к духовному совершенствованию. Как мы увидим, различие между мистическим тайным обществом и политическим заговором практически стирается, когда речь заходит об ассасинах и тамплиерах.

Культ

За последние десятилетия XX века множество чернил было пролито по поводу культов. Им же было посвящено множество часов радиовещания и телевидения. Слово «культ» восходит к латинским словам *cultus*, означающему «поклонение, почитание», и *colere* «культивировать, уважать и т. д.». Оно означает: 1. Поклонение, почитание божества или божеств. 2. Особую форму или систему религиозного почитания, особенно в отношении к внешней обрядовой

стороне и церемониям. 3. Почитание отдельного лица или вещи, воздаваемое обычно организованной группой поклонников. Однако со времён знаменитой трагедии в Джонстауне в конце 1970-х годов^[3] слово «культ» стало практически лишённым смысловой нагрузки термином, используемым средствами массовой информации для обозначения религиозного фанатизма.

Все современные религии когда-то были культурами. Главная опасность, угрожающая сегодня культурам и их участникам, исходит со стороны устоявшихся организаций. Доминирующая правящая партия в любом обществе стремится уничтожить культы из эгоистических соображений, так как культы служат серьёзной помехой существующим догмам и общественному порядку, вступая с ними в соперничество. Это относится и к языческому Риму, преследовавшему новый христианский культ. После 323 года, когда христиане обрели политическую власть, они вернули долг, оплатив своим гонителям столетиями насилия, достигшего своей высшей точки во времена инквизиции.

Современное корпоративно-социалистическое государство, в которое быстро превращаются Соединённые Штаты, со всей наглядностью продемонстрировало свою власть в деле с Ветвью Давидовой в 1993 году. Заснятая на плёнку гибель членов группы в огне на горе Кармел неподалёку от техасского города Уэйко напомнила своей жестокостью Средние века. Подобно ассасинам, Ветвь Давидова представляла собой небольшую религиозную группу, не вписывающуюся в привычный уклад общественной жизни. Уничтожение секты федеральной полицией сопровождалось кампанией по ошельмованию и дезинформации, схожей с пропагандой, которая проводилась французской монархией против тамплиеров или средневековыми суннитами против ассасинов.

Человеческому роду предстоит ещё долгий путь к Свету. При этом большие сомнения вызывает общепринятая точка зрения на эволюционное развитие человечества. Эти сомнения подтверждаются психологической слабостью и врождённой зависимостью людей в современном обществе. Простые добродетели прошедших эпох — храбрость, вера в свои силы, личная нравственность — с полным правом можно считать более развитой культурной моделью, чем нынешний коллективистский гештальт. Если же мы заглянем ещё дальше в прошлое и перенесёмся в горную крепость Аламут, то нашим глазам откроется общество решительных и независимых людей, отказавшихся пожертвовать своими убеждениями под давлением окружающей среды.

Часть первая
Накануне Крестовых походов

Глава II

Исторический фон Крестовых походов

Прежде чем приступить к рассказу об ассасинах, будет полезно рассмотреть ход исторических процессов, приведших к крестовым походам. Европейское вторжение в Святую Землю в 1095 году ознаменовало собой пик политического влияния христианства, превратившегося из незначительного культа во времена Римской империи в силу, перед которой трепетали равно короли и крестьяне. Мы также обратимся к рассмотрению некоторых общих вопросов истории Средневековья, берущих свои истоки из Римской империи, так как именно в Риме зародился феодализм, в лоне которого сформировалось дворянство и рыцарство. Кроме того, именно Римская империя заложила основы, из которых выросли европейские национальные государства, причём это произошло лишь накануне крестовых походов. Краткая история раскола, разделившего Западную и Восточную христианские церкви (и также коренящегося в устройстве Римской империи), прольёт свет на враждебные отношения и вероломство, которое проявляли по отношению друг к другу христиане во время крестовых походов, и поможет объяснить причины заключения союзов между христианами и мусульманами. В центре нашего обзора будет стоять Европа; история ислама, с которой неразрывно связана история ассасинов, будет рассмотрена нами позднее.

Зарождение христианства

Ближний Восток породил множество религиозных течений, включая три великие мировые монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам. До их возникновения, начиная с доисторической эпохи, местные жители почитали таких богов, как Оаннеса, Озириса, Энки, Адониса, Диониса и Аттиса, наряду со многими другими. Святая Земля, лежавшая на пересечении торговых маршрутов, стала областью необычайно интенсивного религиозного и культурного взаимодействия. С другой стороны, на протяжении тысячелетий эту страну почти постоянно сотрясали политические перевороты.

В 143 году до н. э. Симон Маккавей начал завоевание Палестины и создал на её территории Иудейское царство. К 63 году до н. э. римляне победоносно закончили череду войн с греческими государствами и присоединили Иудею к Сирии. После еврейского восстания в 43 году до н. э. римляне восстановили Иудейское государство, поставив во главе его царя Ирода. Хотя сам Ирод был евреем, он навёл на себя всеобщую ненависть своим стремлением к романизации. Однако он сумел завершить восстановление знаменитого Второго Храма. (В Первом Храме, построенном царём Соломоном в середине X века до н. э., хранился таинственный Ковчег Завета. Храм Соломона был разрушен в 587 году до н. э., когда Иерусалим был захвачен вавилонской армией царя Навуходоносора. В 538 году до н. э. царь Персии Кир разгромил вавилонян и позволил евреям под началом Зоровавеля вернуться в Иерусалим, где они в 515 году до н. э. отстроили Второй Храм.) После смерти Ирода в 4 году до н. э. еврейские националисты подняли восстание, жесточайшим образом подавленное римлянами. Следующее восстание в 70 году н. э. привело к разрушению Второго Храма армией римского императора Тита и гибели от 600 000 до 1 200 000 евреев.

Десятилетия римской оккупации возбудили в евреях мессианские надежды. Они верили, что должен явиться мессия, который положит конец царству тьмы, покорит язычников и приведёт под сень иудейского закона и иудейского Бога все народы земли. Бедность, болезни и

несправедливость исчезнут. На Страшном суде грешники будут низвергнуты в ад, а праведники получают в награду вечное блаженство.

Таким образом, жизнь Иисуса Христа прекрасно вписывается в культурно-исторический контекст той эпохи. Его мессианство, целительные силы, чудеса и моральное учение, в котором он наставлял с помощью притч, а также подаваемый им пример религиозных убеждений отражали напряжённость палестинской духовной жизни. И неважно, был ли Иисус солярным божеством, воплощением иудейской эсхатологии и мессианских упований, выдающимся учителем духовного пути, евреем-революционером или Сыном Божиим, — христианская религия сохраняет свою силу и влияние и две тысячи лет спустя после его смерти.

Во времена Иисуса Средиземноморье было переполнено астрологами, волшебниками, ясновидящими, целителями, предсказателями, толкователями снов, святыми и чудотворцами. Египетские и палестинские пустыни были населены многочисленными аскетами, живущими в уединении или же объединёнными в монашеские общины. Языческие мистериальные культы проложили дорогу христианству. Умиравший бог, жертвующий собой ради искупления грехов общины, восстающий из мёртвых и ходатайствующий за человечество перед космическим, безличным божеством, был хорошо известен средиземноморским религиям. Ритуал причастия входил в греческие Элевсинские мистерии. Египтяне поклонялись троичным богам, следовали учению о Страшном суде и личном бессмертии, а также почитали богиню-мать и младенца. Культ Великой Матери Кибелы, как и культ Изиды, широко распространился по всему средиземноморскому бассейну. Вселенская битва между Богом и Сатаной издавна составляла суть зороастрийского дуализма. Такие обожествлённые императоры, как Юлий Цезарь, и богочеловеки, как пифагорейский философ и чудотворец Аполлоний Тианский, воплощали идею апофеосиса. В I веке н. э. на территории Римской империи большое распространение получило почитание персидского бога Митры, сына Ахура Мазды (бога света), который борется со своим извечным противником Ариманом (богом тьмы). Митра вступает в это противостояние в качестве заступника за род человеческий. Его рождение праздновалось 25 декабря, а в число обрядов, связанных с его культом, входило освящение и причащение хлебом и вином. Митраистской эсхатологии прекрасно известно представление о Страшном суде, который будет вести сам Митра, о вечном проклятии грешных душ, обречённых на страдания в царстве Аримана, и о воссоединении праведников с Ахуром Маздой в его небесном царстве.

Святой Павел (ум. около 65 года) принёс учение Иисуса языческому миру. Проповедь Павла, возвещавшего воскресение Иисуса во плоти, его явление ученикам после распятия, его вознесение на небеса и его обещание вечной жизни принявшим его, не натолкнулась на заметное сопротивление. Чудеса и исцеления, совершённые апостолами во имя Христово, способствовали дальнейшему укреплению новой религии. После уже упоминавшегося нами иудейского восстания 70 года молодой христианский культ, державшийся в стороне от политики, разорвал узы, до сих пор всё ещё связывавшие его с иудаизмом.

Несмотря на периоды жестоких гонений, время от времени обрушивавшихся на христианство в первые три столетия его существования, христианство быстро завоевало популярность в разваливающейся Римской империи. Этот процесс следует, скорее всего, считать следствием, а не причиной упадка Римского государства. Ослабление языческих культов придало христианству облик достойной подражания модели нравственного поведения. В христианской теологии, как и в её иудейском прообразе, говорится о неусыпном и вездесущем божестве, сурово требующем неустанного следования нравственным идеалам. Учение о равенстве и сострадании, самоограничении и всепрощении, а также облагораживающий пример любви и самопожертвования, преподанный самим Спасителем, не могли остаться без живого отклика в сердцах людей.

Ранний период существования христианства отличался хаотичностью, экспериментаторством, анархизмом и творческим подходом к делам религии. К 384 году в Римской империи можно было насчитать восемь отдельных христианских сект. В это время уже сложились некоторые ереси, которые позднее сыграют свою роль в истории тамплиеров. К ним можно отнести и обряд общей трапезы, агапе. Греческие и римские христиане собирались на субботнюю ритуальную трапезу, на которой освящались хлеб и вино, претворявшиеся в кровь и плоть Христову. Затем верующие обменивались «поцелуем любви». Историки того времени с осуждением отмечали, что эти собрания часто выливались в оргии. К III веку агапе исчезло из обихода основного течения христианства.

Раннее христианство испытывало влияние и со стороны других течений. Например, оно заимствовало множество элементов учения из греческой философии. В последующее время эти варианты также переродятся в особые ереси. С готовностью и охотой включили христианскую символику в свою богатую смесь греческих и восточных традиций и гностики. Во II веке такие философствующие гностики-христиане, как Василид (введший в гностицизм понятие о Верховном Божестве, Абраксасе), Валентин и Бардесан, создали эманационистские теории, в рамках которых Иисусу Христу отводилось то или иное место в космической духовной иерархии. Гностический проповедник Маркион был отлучён от Церкви, когда он объявил Бога Ветхого Завета злопамятным тираном и противопоставил ему проповедь любви и братства, возвещённую Иисусом. Он учил, что роль Иеговы заключается в закреплении человека в материальном теле, а Христос помогает людям достичь духовного освобождения. Маркион также утверждал, что распятое тело Иисуса было призрачным, не настоящим материальным телом.

Одна из самых серьёзных угроз существованию христианства родилась в 242 году н. э., когда персидский мистик Мани из Ктесифона провозгласил себя мессией. Он разделил мир на добро и зло, свет и тьму, назвав землю царством тьмы под управлением Сатаны. Единственная надежда на спасение для человека заключается в суровой аскезе, благодаря которой он будет в состоянии сбросить оковы злых сил со своей души и вознестись в царство света. После тридцати лет проповедования Мани был распят персидскими властями по наущению магов, представителей ведущей персидской религии, а затем его тело превратили в чучело, набив изнутри соломой. Мученическая смерть Мани только вдохнула новые силы в его последователей, и манихейство стало быстро распространяться.

По мере укрепления Христианской церкви она стала превращаться из общины верующих, выбиравших себе священников, дьяконов и служителей, в более сложный и иерархически устроенный организм. Во II веке для упорядочения религиозной сферы был создан институт церковных соборов и синодов. К III веку присутствовать на них позволялось только епископам, а их суждения определяли решение всех религиозных и организационных вопросов. Религиозная ревность, присущая годам становления всякой религии, привела к появлению множества вариантов Писания и составлению апокрифических откровений. Стандартизация Библии явилась одной из самых важных задач II века. Несовместимые с христианским учением элементы мистицизма были умело удалены из канона. За этим последовало наделение епископов исключительным правом рукополагать священников. Ещё более настоятельно требовало разъяснения понятие греха. К концу II века в общее употребление вошёл обряд мессы, напоминавший ритуал причастия в языческих мистериальных культах. Именно в это время стандартную форму получили таинства крещения, причащения, конфирмации, покаяния, обряды

бракосочетания, соборования и рукоположения в священники.

Отцы Церкви II и III веков, подобно Игнатию Антиохийскому, Тертуллиану Карфагенскому, а также Клименту и Оригену Александрийским, создали из доктринальной философии христианства прекрасно развитую теологическую систему, которая привлекла в ряды христиан множество обращённых из образованных слоёв общества. Новая религия развивалась поразительно быстрыми темпами. По подсчётам историка Нормана Кантора, к концу III века в Римской империи было 15 миллионов христиан, то есть одна четверть от всего населения государства^[5].

Патриархи управляли епископскими кафедрами из своих резиденций в Константинополе, Иерусалиме, Антиохии, Александрии и Риме. Церковная власть постепенно смещалась с места своего зарождения в Иерусалиме и теряла свою централизованность. В течение II и III веков ведущим христианским центром на Западе становится Рим. Римский патриарх именовался папой, «отцом». Была создана доктрина, согласно которой Римская церковь была основана Петром, который был назван Иисусом «камнем», на котором будет построена Его церковь. По этому толкованию, римские викарии должны обладать высшей властью в качестве наместников Христа на земле. С этих пор подобные представления преобразовались в единственную возможную действительность в глазах западного католицизма. К началу IV века в Риме насчитывалось сто тысяч христиан. Здесь же был создан первый латинский перевод Нового Завета. К V веку верховенство Римского епископа, папы, было полностью признано на Западе. Папы заполнили вакуум власти, образовавшийся вследствие слабости императоров поздней Западной Римской империи. Пока Римское государство продолжало скатываться в пропасть, крепла власть Римской католической церкви.

После раздела Римской империи Диоклетианом в конце III века началось ожесточённое соперничество между восточными патриархами в Константинополе и западными патриархами в Риме. К 300 году Малая Азия была ведущим центром христианства, а большинство её населения составляли приверженцы новой веры. В 303 году Армения стала первым государством, признавшим христианство государственной религией. В 451 году церковный Халкидонский собор провозгласил равенство положения римских и константинопольских епископов. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим борьбу между восточным и западным христианством.

Упадок и гибель Рима

Прельщённый красотой спящей весталки, римский бог Марс зачал с ней близнецов Ромула и Рема, которые, возмужав, создали своё царство на римских холмах в 753 году до н. э. Такого легендарное происхождение одной из величайших и самых долговечных земных империй. На пике могущества Рим владел огромной территорией. В неё входила Испания на западе и Британские острова на севере, Северная Африка на юге и Малая Азия на востоке.

От Рима мы унаследовали понятие республиканского правления, ограничивающего самодержавие царей, с одной стороны, и издержки демократического волеизъявления — с другой. В Риме были разделены законодательная и исполнительная власть. Здесь зародилась система сдержек и противовесов, которая позднее нашла своё выражение в американской конституции. Рим дал западной цивилизации свод законов, стимулировавших экономический, научный и культурный прогресс путём ограждения частной собственности и поддержки индивидуального дарования. Торговая деятельность облегчала межкультурное взаимодействие, достигшее небывалого размаха. Римская цивилизация сохранила философский гений Греции и

Египта, воспитала многие поколения в рамках своей образовательной системы, строила дороги, мосты, акведуки и другие общественные сооружения. Будучи родиной бесчисленных языческих религий, Рим положил начало Христианской церкви, значение которой для развития цивилизации не имеет себе равных в истории.

Римская республика родилась в 509 году до н. э. после свержения последнего царя из династии Тарквиниев. Группа благородных семейств образовала сенат, управлявший государством. Сенатом назначались два консула, наделённых исполнительными полномочиями. Срок их службы ограничивался одним годом. Четыре столетия спустя Рим погрузился в хаос гражданских войн 91–88 годов до н. э., когда власти сената был брошен вызов со стороны военных вождей. Они становились диктаторами, управлявшими государством вооружённой рукой. В 60 году до н. э. был образован триумвират, в который вошли три самых могущественных римских полководца — Помпей, Красс и Юлий Цезарь. После смерти Красса Цезарь и Помпей вступили в борьбу за власть. Победу одержал Юлий Цезарь, получивший от сената титул пожизненного диктатора в 44 году до н. э.^[4] В 27 году до н. э. сенат провозгласил августом племянника Цезаря, Октавиана. Римская империя пришла на смену Римской республике.

Однако к концу II века н. э. Рим охватила предсмертная агония. Его умирание, продолжавшееся четыре столетия, длилось дольше, чем жизнь многих государств. Начиная с века Августа самодержавная власть императоров всё возрастала по мере того, как могущество законов и республиканских принципов постепенно уступало дорогу тирании. Император отдалялся от сената — традиционного источника римской власти, заискивая перед низшими классами публичными раздачами. Снижающаяся жизнеспособность и тяга к удовольствиям, ставшие характерными чертами того периода, не шли ни в какое сравнение с агрессивным духом, свойственным варварам, проживавшим на территории провинций. Участившиеся в позднем Риме случаи аборт и детоубийств привели, в частности, к снижению уровня рождаемости. Это снижение оказалось крайне несвоевременным ещё и потому, что оно сопровождалось ужасными разрушениями, причиняемыми бубонной чумой в III и IV веках. По некоторым подсчётам, между 250 и 400 годами империя потеряла двадцать процентов своих граждан^[6]. Катастрофические последствия этих явлений привели к оттоку населения из сельской местности по всей Италии.

Соседние варварские племена, обычно называемые германскими, подстёгиваемые своей растущей численностью, смотрели на римские земли как на естественную цель заселения. Германцы представляли собой народ первобытной кочевой культуры, родина которого находилась в Скандинавии. Германская политеистическая религия содержала элементы анимизма, человеческие жертвоприношения, предсказания и священный каббалистический алфавит — руны. Власть военных вождей зиждилась на успешных войнах и захватах с вытекающими отсюда возможностями для грабежа. Германские короли обычно выбирались племенным советом. У германцев были также зачатки судебной системы для суда над обвиняемыми в преступлении. Несмотря на эти демократические учреждения, германским племенам были неизвестны ни понятия государства и гражданства, ни система взаимной ответственности друг перед другом правителей и подданных, подобная той, что привела к процветанию Римское государство. Со временем германские воины наводнили римскую армию. Германские крестьяне составили римское сельское население. Территории провинций благоденствовали по мере ослабления Рима.

Общий упадок Рима отразился в падении патриотизма. Слава Римской республики долгое время представлялась в образе гражданина-воина-законодателя. Большой процент от общего числа граждан республики составляли мелкие земледельцы, охотно бросавшие плуг и бравшиеся за оружие, чтобы защитить свою страну. Этот идеал воплощал Луций Квинций Цинциннат,

откликнувшийся на призыв долга и приведший римлян к победе в 458 году до н. э., а затем сразу же вернувшийся к мирной пахоте. Гражданство было привилегией в республиканском Риме, а служба в римской армии считалась честью, которой достойны только римские граждане.

Однако по мере укрепления самодержавных порядков в императорский период требования к воинскому составу изменились. Рим выработал идеал воина-профессионала. Военная служба превратилась в возможность быстрой карьеры для честолюбивых граждан, которые рассматривали её как шаг на пути к занятию должности губернатора или сенатора. Со временем те же надежды стали питать и честолюбивые провинциалы. Римское гражданство постепенно также стало терять свою избирательность, а в 212 году н. э. император Каракалла (198–217 гг.) наделил правами римского гражданства всех свободных людей, проживающих в империи, чтобы повысить приток налоговых сборов^[7]. Вскоре после этого, во время правления Галлиена (253–268 гг.), политический развал Римской империи достиг небывалых размеров, вплотную приведя государство на грань полного хаоса. Восстания, предательства и призывы к гражданской войне настолько истощили силы империи, что Галлиен был вынужден запретить римским сенаторам занимать командные должности в армии^[8]. Всё более отчуждаемый от власти римский гражданин больше не был заинтересован поддерживать государство. Римский средний класс уклонялся от службы в армии. К 200 году н. э. германские воины составляли от пяти до десяти процентов воинского состава. К 400 году их число достигло пятидесяти процентов^[9].

Заслуги Диоклетиана

Диоклетиан (284–305 гг.) произвёл формальный раздел империи в 285 году. Он счёл Рим опасным и непригодным для обороны местом и переместил столицу в Никомедию (Малая Азия), располагавшуюся в нескольких километрах от Византии. Хотя в Риме всё ещё продолжал заседать сенат, правительство покинуло пределы Италии. В 286 году Диоклетиан назначил своего соратника Максимиана императором Запада, одновременно удержав за собой право вето на его решения. Оба императора, титуловавшиеся августами, назначили себе главных помощников и предполагаемых преемников, получивших титул кесаря. Таким образом, централизованное управление Римской империей формально превратилось в четверичную систему, а роль сената практически свелась на нет.

На протяжении предшествующих пятидесяти лет положение императора всё больше утрачивало престиж. Диоклетиан попытался изменить положение дел, вновь введя обожествление императора и приняв восточную модель придворного этикета. Он провозгласил себя воплощением Юпитера, облечённым божественным правом на правление.

Диоклетиан создал условия, обусловившие последующее развитие феодальной системы. Он довёл централизованное управление государственной экономикой до небывалых административных расходов и крайне раздутого и недееспособного бюрократического аппарата. Введённые им правила налогообложения оказали столь угнетающее воздействие на богачей, что они оставляли своё имущество и переселялись из Рима в деревню. Итальянские центры производства перешли в руки чужаков. Монетный двор два десятилетия понижал содержание драгоценных металлов в монетах, что привело к невообразимой инфляции. Императорским указом крестьяне прикреплялись к своим участкам. Они связывались с землёй столь крепкими узами, что передавались вместе с ней при смене владельца. Диоклетиан применил те же принципы к ремесленникам. При Диоклетиане ещё больше углубился конфликт между Римом и христианством. Отказ христиан признать верховную власть императора и государства давно подрывал свойственную Риму терпимость, которую он выказывал по отношению к другим

религиям. Римляне считали, что христиане уклонятся от исполнения обязанностей уважающих себя граждан, ни во что не ставят патриотизм и проявляют крайнюю обособленность и отчуждённость от общественной жизни. Христиане считали, что почитание может быть обращено только к Богу, и избегали соприкосновения с тем, что в их глазах являлось дурной стороной римского общества. Выказываемое ими пренебрежение к римским богам издавна навлекало на них обвинения в бедах, обрушивавшихся на римское государство. Их антивоенный настрой посреди грозных опасностей, всё больше и больше ставивших под угрозу само существование Рима, также вызывал к ним ненависть добрых римских граждан.

К 303 году враждебность римского общества к христианству достигло кульминации, и Диоклетиан начал широкомасштабные гонения на христиан, которые продолжались восемь лет. По всей империи разрушались церкви и конфисковывалось имущество. В ходе преследований погибло около 1500 верующих. И гораздо большее число христиан, включая римского епископа, отреклось от своей веры. Гонения Диоклетиана обличались такой жестокостью, что привлекли на сторону христиан симпатии языческого населения. В 311 году правительство смягчило свою позицию и обнародовало эдикт о веротерпимости.

Христианство и император Константин

27 октября 312 года, накануне решающей битвы с Максенцием за власть над Западной Римской империей, молодому императору Константину было ниспослано видение, в котором ему явился пылающий христианский крест, несущий ему победу. Под утро ему приснилось, что он должен начертать на щитах своих воинов знак Х, увенчанный петлёй от буквы Р. (Этот знак известен под названием христогограммы, греческого символа Христа, образованного первыми двумя буквами греческого слова *christos* — хи и ро.) Константин одержал победу и вступил в Рим в качестве единственного законного императора Западной империи. К 324 году он захватил власть и над восточной частью государства, единолично воцарившись над всей Римской империей. Пришла долгожданная политическая победа христианства.

Константин был озабочен вопросом установления единообразия в христианском учении, чтобы предотвратить политическое распыление своих религиозных союзников. Его беспокоили внутрицерковные споры. С одним из них он столкнулся в 315 году, когда возник донатистский раскол. Донат, епископ Карфагена, порицал поведение многих епископов во времена гонений при Диоклетиане. Он заявлял, что, если епископ пренебрёг данными им обетами или отрёкся от своей веры, поддавшись давлению, вся его дальнейшая религиозная деятельность тщетна и бессмысленна. Иными словами, духовное состояние человека, совершающего таинства, в глазах Бога важнее, чем его священнический сан. Неудивительно, что воззрения Доната были решительно осуждены многими церковными деятелями. В ответ последователи Доната образовали свою особую церковную иерархию, которая вскоре была уничтожена Константином, хотя донатистская ересь время от времени продолжала всплывать на поверхность.

Однако самую серьёзную угрозу единству Церкви несло арианство. Арий, священник из Египта, в 318 году заявил, что Христос не единосущен Богу Творцу. По словам Ария, Христос был первым сотворённым существом, правившим миром под именем Логос. Святой Дух был сотворён Логосом и таким образом ещё дальше отстоит от единосущности с Богом. Представление о том, что Бог управляет небом и землёй посредством сотворения различных эманаций для выполнения различных задач, во многом входило в общее русло философской мысли той эпохи. В нём заключается ключ к многим религиозным идеям, о которых пойдёт речь в этой книге. Епископ, которому подчинялся Арий, Александр, решительно осудил эту

эманационную доктрину и запретил Арию проповедовать своё учение. Арий отказался выполнить требование Александра. Хотя Константин счёл дело «совершенно незначительным и недостойным таких бурных споров»^[10], он был вынужден им заняться. Разразилась столь ожесточённая интеллектуальная битва, что в языческих театрах ставились спектакли, издевательски обыгрывавшие спор между христианами.

В 325 году Константин созвал Никейский собор, на котором присутствовало 380 епископов с многочисленной свитой из церковнослужителей. Афанасий, архидьякон Александра, успешно выступил в защиту учения о Троице. Он вынудил Ария признать, что если Христос был сотворён, то он был подвержен греху. Вопрос был закрыт, когда все присутствовавшие, за исключением Ария и ещё двух епископов, подписали документ, известный под названием Никейский символ веры, составленный с помощью Константина. Арий был предан анафеме участниками собора и изгнан императором. Его книги было приказано сжечь, а за их хранение полагалась смертная казнь. Константин роздал награды епископам после завершения собора. Никейский собор ознаменовал заключение союза между государством и Церковью. Впоследствии этот союз породил Тёмные века.

В 324 году Константин основал город Константинополь (современный Стамбул) на месте древнего Византия. Он не жалел расходов на возведение этого роскошного материального символа своего обращения в христианство и конца язычества. Он также построил церковь Святого Гроба Господня в Иерусалиме на том месте, где, по свидетельству Писания, находилась гробница Иисуса и где была найдена часть креста, на котором он был распят. И всё же первый император-христианин не был святым. Например, в 326 году он приказал казнить свою первую жену, своего сына и своего племянника по причине, так и оставшейся тайной для историков. На смертном одре в 337 году Константин призвал епископа Евсевия, который произвёл над ним обряд крещения и очистил его от первородного греха.

После Константина

Три с половиной столетия деспотизма полностью подорвали те устои гражданской добродетели, которой когда-то славился Рим. Нравственный упадок позднеримского общества предвосхитил современный уклон в сторону светского гуманизма и морального релятивизма. Безразличие и праздность пришли на смену патриотизму и любви к свободе, которые руководили действиями людей, создавших эту удивительную республику. Тех, кто стремился попасть на государственную службу, теперь привлекала возможность получения взяток. Имперские амбиции предъявляли невыполнимые требования к армии, которая была слишком раздута и лежала тяжким бременем на римском обществе. Средний класс содержал на свои средства огромное количество сборщиков налогов, которые перераспределяли доходы, отдавая их в руки самых богатых и самых бедных граждан, а также в руки коррумпированной и недееспособной бюрократии. Снижение численности населения, занятого в производительном секторе экономики, привело к неравномерному распределению плотности населения в пользу иммигрантов. Возрастающее беззаконие, произвол и невыносимое налоговое бремя заставляли множество свободных крестьян отказываться от независимости и в поисках защиты признавать над собой власть богатых землевладельцев. Эти тенденции подстёгивали развитие феодализма.

Язычество пережило краткий период возрождения в правление племянника Константина, Юлиана Отступника, который царствовал с 361 по 363 год. Юлиан отличался глубокой верой и аскетическим образом жизни, свойственным возвышенным и сильным душам. Он считал христианство отвратительной религией и стремился возродить прежнюю славу язычества,

вернув ему ведущее положение в обществе. Юлиан создал церковь, назначив её главой самого себя. Хотя император и терпимо относился к христианам, он лишил их всех привилегий и потребовал вернуть деньги и имущество, дарованные Константином. Юлиан погиб в сражении в возрасте 32 лет, предприняв неудачный поход в Персию. С его смертью развеялись последние надежды на перемены.

В 390 году христианство отпраздновало политический триумф. Император Восточной Римской империи Феодосий I Великий перебил семь тысяч жителей Фессалоники в наказание за убийство губернатора. За это деяние ему было отказано в праве войти в церковь. В конце концов он был вынужден совлечь с себя все знаки императорской власти и молить об отпущении грехов на публичном покаянии — такую епитимью наложил на него Амвросий, епископ Милана, позднее канонизированный Церковью. В 392 году Феодосий издал указ, запрещающий язычество на территории Римской империи. В 394 году он подавил мятеж язычников. Веротерпимость перестала являться отличительной чертой Римской империи.

Гонения на гностиков, язычников и иудеев подавили всякую идею соперничества с христианством, обеспечив его полную идеологическую консолидацию. В 391 году озлобленная толпа христиан разрушила бесценную александрийскую библиотеку. Это злодейство нанесло смертельный удар по интеллектуальному духу язычества. Ересь стала общим термином для обозначения религиозной спекуляции. Эта политика дойдёт до массовых убийств лишь несколько столетий спустя, но зачатки будущей инквизиции проглядывали уже в эту эпоху.

В 410 году ослабленный и утраченный Рим пал жертвой готской армии Алариха. Изнеженные, купающиеся в роскоши римляне ничего не могли противопоставить грубым германским племенам. В 455 году Рим вновь был разграблен вандалами. В 472 году германские армии захватили политическую власть над Западной Римской империей. Гунны, пикты, кельты, англ, вестготы, саксы, юты, тевтоны, франки и остготы смыли остатки римской культуры и цивилизации. Латынь, язык Римской империи, стала мёртвым языком. Её смешение с племенными языками захватчиков Рима привело к возникновению романских языков современной Европы.

В Восточной империи положение было совершенно иным. Византийский император, управлявший остатками Римской империи из столицы в Константинополе, был богатейшим и самым могущественным христианским правителем в Европе на протяжении Средних веков, несмотря на огромные культурные отличия, которые, казалось, отделяли его от западного мира. Император Юстиниан (527–565 гг.) кодифицировал законы и указы, выпущенные после Константина. Кодекс Юстиниана явился вехой в истории западной юриспруденции, так как прежняя мешанина традиций, указов и толкований получила строгую и непротиворечивую форму. Именно он в XII веке дал толчок возрождению как гражданского, так и церковного права по всей Европе, за исключением Англии. Самодержавная власть монарха, закреплённая кодексом Юстиниана, явилась идеальным образцом для усиления средневековой королевской власти.

Юстиниан провозгласил христианство единственной законной религией Римской империи. Он установил подчинённое положение Церкви по отношению к императору. В 529 году он закрыл неоплатонические академии в Афинах^[5]. Юстиниан отстроил Константинополь, развив грандиозную архитектурную деятельность и создав византийский художественный стиль, представлявший собой творческое сочетание римского, греческого, восточного и христианского стилей. Собор Святой Софии до сих пор является величайшим достижением византийской архитектуры.

С другой стороны, пылкое стремление Юстиниана к воссоединению Римской империи существенно ослабило империю Византийскую. Его войска вторглись в Италию, находившуюся

под властью остготов, формально считавшихся наместниками императора. Походы Юстиниана принесли Италии неисчислимые бедствия, так как остготы храбро оборонялись, и война затянулась на целых три десятка лет. Чтобы привлечь на свою сторону папу, Юстиниан начал гонения на египетских и сирийских христиан-монофизитов. Эти преследования настолько отдалили монофизитов от Константинополя, что через несколько десятилетий, когда на их земли пришли мусульманские завоеватели, их встретили с радостью как меньшее из двух зол.

По мнению монофизитов, у Христа была лишь одна природа — божественная, несмотря на то что он воплотился и прошёл весь человеческий путь рождения, страданий и смерти. Эти представления были диаметрально противоположны несторианской ереси, которая была официально осуждена на Эфесском соборе в 431 году. Несторианцы считали, что в Иисусе Христе на самом деле жило два существа — Бог и человек. По римской католической доктрине, провозглашенной на Халкидонском соборе в 451 году, у Христа было две природы — божественная и человеческая. Таким образом, два крайних воззрения на личность Христа были объявлены еретическими, а срединная между ними позиция получила признание в качестве официального вероучения. Отрицание человеческой природы Христа станет одной из отличительных черт средневековой катарской ереси.

Во второй половине VI века началась персидская военная экспансия, принёсшая пламя войны на территорию Восточной Римской империи. Начало VII века ознаменовалось нападениями северных племён, аваров и славян, воспользовавшихся тем, что внимание императора было приковано к войне с персами. В 614 году персидский шах Хосров II объявил войну Византии и христианству. Персидская армия разграбила Иерусалим и перебила около 90 тысяч христиан. Персы предали огню церковь Святого Гроба Господня и увезли в Персию святую реликвию, часть креста, на котором был распят Спаситель. Тем самым Персидская держава, быстро возвращавшая себе былую славу и могущество, спустя тысячу лет отомстила за завоевания Александра Великого. Византийский император Ираклий сумел перегруппировать свои силы и нанести поражение Хосрову в 628 году. Сын Хосрова заключил мир с Ираклием, вернув Византии Египет, Палестину, Сирию, Малую Азию и западную Месопотамию, а также и часть святого креста. Ираклий восстановил церковь Святого Гроба Господня. Позднее он разгромил авар.

Ослабленные постоянными войнами, ни персы, ни византийцы оказались неготовыми к появлению в 622 году пророка Мухаммеда и ислама, религии Корана, насаждаемой мечом. Ярость мусульманских воинов в битве уступала лишь их настойчивому и единственному желанию — обрести славу перед лицом Аллаха. К 640 году Восточная Римская империя потеряла Сирию, Египет и Северную Африку. Гонения на иудеев, предпринятые Ираклием, оттолкнули от Византии многих жителей Александрии, Антиохии и других средиземноморских городов, перенёсших свои симпатии на отличавшихся большей веротерпимостью мусульманских завоевателей. Мусульмане предпринимали попытки взять Константинополь в 673–678 и 717 годах, но оба раза были отбиты. Константинополь выстоял и против третьего нападения в 960 году. (Предвосхищая одну из самых важных психорелигиозных черт крестовых походов, византийский император Никифор безуспешно побуждал патриарха Полиевкта обещать славу мучеников всем христианским солдатам, которые погибнут в войне с мусульманами.)

Христианство и Тёмные века

С VI веком на Западную Европу опустились Тёмные века. В то время как Византийская империя в целом пользовалась относительным благополучием, несмотря на территориальные

потери, Западной Европе после смерти Юстиниана предстояли шесть столетий хаоса, войн, культурного упадка, суеверий, невежества и нищеты. Большая часть Западной Европы, включая Италию, Галлию (современную Францию) и Испанию, пала жертвой варварских племён, которые ранее захватили Рим. Чума и голод опустошили огромные пространства. К 550 году Рим, который когда-то насчитывал миллион жителей, населяло сорок тысяч человек, половина из которых жила на папскую милостыню.

Жизнь была жестока и сурова. Крестьянство хотя и было свободным, но в то же время было раздавлено нищетой, невежеством и политическим бесправием. Эпидемический размах приняли кожные заболевания из-за запрета, наложенного Церковью, на наготу и купание. Вши и другие паразиты мучили всех без исключения, вне зависимости от социального положения^[11]. К началу VII века литература и образование остались уделом духовенства. На смену науке, медицине и литературе пришли магия, суеверие и религиозные тексты. Восемьдесят процентов населения на протяжении всех Тёмных веков никогда не удалялись более чем на десять километров от места своего рождения. Вследствие плохого питания и отсутствия медицинской помощи средняя продолжительность жизни составляла тридцать лет, а средний рост мужчин не превышал 160 см. Весь IX и X века Европу непрерывно раздирали опустошительные войны, обусловленные непрекращающимися нападениями скандинавских, восточноевропейских и германских племён, а также мусульман. Дикость и вера, невежество и благочестие, сельское хозяйство и военная агрессия — это смешение воплощало характерные черты интеллектуального застоя, свойственного Тёмным векам.

Грубые и необразованные варварские племена, положившие конец Римской империи, направлялись и руководились Римской церковью. Церковь стала тем стержнем, который объединил эти разъединённые племена в единую силу, способную защитить Европу от военных вторжений мусульманских и восточных народов. Священники, епископы и монашеские общины осуществляли как политическое, так и духовное руководство разбросанными и разобщёнными городами и сёлами. Церковные соборы выполняли функции судов. Христианские монастыри сохраняли свет образования и учёности. По подсчётам Нормана Кантора, девяносто процентов тех, кто так или иначе участвовал в литературной жизни между 600 и 1100 годами, получили образование в монастырской школе^[12]. Церковь протягивала руку помощи беднякам и калекам.

С другой стороны, именно Церковь несёт ответственность за насаждение пагубных учений, столетиями довлевших над Европой. Понятие первородного греха было не просто философским или религиозным представлением. Оно пронизывало всю социальную, политическую и судебную структуры. Так как человек по самой своей природе греховен, то невозможна и справедливость. Совершенствование, улучшение земной жизни не может являться целью христианина. Такова оборотная сторона иудейских представлений о благодати Божией и о возможном переустройстве общества на основе всеобщего соблюдения божественных установлений. Средневековому христианину жизнь представлялась лишь как испытание и подготовка к смерти. Если человек вёл праведную жизнь, то за смертью тела его ждало райское блаженство. Грешникам же были уготованы душераздирающие мучения в вечном мраке ада. Страдание очищало душу, подготавливая её к благой участи после смерти. Покаяние, исповедь и епитимья были введены в VI веке папой Григорием I Великим (позднее канонизированным) в качестве единственного средства, благодаря которому подверженная греху человеческая душа способна преодолеть промежуточное состояние Чистилища.

Сама природа считалась злом. В ней заключался источник неизбежного инстинктивного сексуального стремления к воспроизводству. Зачатое в грехе рождалось греховным. Безбрачие из духовной техники возводилось в ранг духовного идеала. Попытка провозгласить и ввести в массовое сознание правила строгого антисексуального поведения привела к смятению

душевного уклада европейского населения. Безумие и болезни с неизбежностью следовали за сексуальным подавлением, приведшим к огромным жертвам в Средние века. Из-за того, что телесные болезни считались наказанием Божиим за грехи, медицинское искусство осталось уделом арабских и иудейских целителей, а также женщин, изучавших травы и целительные свойства природных средств. В числе многих других они позднее пали жертвами той великой битвы с Сатаной и плотью, которую развернула инквизиция, центральный орган, на котором лежит ответственность за убийства, пытки и истерию, порождённую его созданием.

Хотя верхушка Христианской церкви часто уклонялась от религиозных идеалов и некоторые собственно христианские учения напрямую привели к различным извращениям и слабостям западной цивилизации, Церковь стремилась и к высоким целям. На примере жизненного пути Иисуса, его святости, страстей и воскресения христианство создало нравственное учение, которое должно было привести людей на более высокую ступень духовной эволюции.

Феодализм

«В теории, феодализм представлял собой прекрасную систему нравственной взаимозависимости, связывающую между собой людей, живущих в незащищенном и суровом обществе, сложной сетью взаимных обязанностей, личной защиты и преданности»^[13]. Жестокость нашествий, предпринимавшихся североевропейскими народами с V по X век, способствовала сплочению населения под властью практически независимой землевладельческой знати. Из-за непрестанных набегов аристократы покидали города, притягивавшие захватчиков и грабителей, и обосновывались в своих сельских владениях. Феодалные порядки всё больше укоренялись во Франции, Англии, Италии и Германии на протяжении VI века, когда слабые монархи вознаграждали аристократов и военачальников землями за службу и поддержку в делах правления и обороны страны.

Свободное крестьянство, вилланы, попадали в зависимость от крупных землевладельцев. На девяносто процентов феодальная экономика определялась сельским хозяйством. Состоятельные люди постепенно скупили крестьянские участки и создали высокоразвитую систему зависимого сельскохозяйственного производства в обмен на военную защиту и физическую безопасность, предоставляемую укрепленными замками. На землях крупных владельцев возникали деревни. Жившие в этих деревнях свободные и зависимые крестьяне пользовались тремя основными выгодами, селясь рядом с обрабатываемыми полями, находясь под военной защитой и не опасаясь изоляции. В деревнях складывались благоприятные условия для социального взаимодействия, а деревенские рынки обеспечивали куплю-продажу и обмен товарами и услугами.

Феодальное общество представляло собой иерархическую систему, на нижней ступени которой находились рабы. В эту категорию входили воины, пленённые в бою, например славяне, или мусульмане из Северной Африки, которыми торговали средиземноморские работоторговцы. Церковь запрещала порабощение христиан, но сама владела множеством рабов, переданных ей в дар вместе с земельными пожертвованиями.

Класс рабов в Европе постепенно сокращался по мере возрастания численности серфов. Серф — это земледелец, обрабатывающий участок земли в обмен на гарантию занятости и защиты, пока он производит установленное количество зерна, денег и труда. Серф был собственностью господина. Он мог быть выселен с земли по желанию господина. Господин мог продать его труд другому. Чтобы передать свою землю и статус по наследству, серф должен был заручиться согласием господина. Во Франции серф мог разорвать эти отношения, отказавшись

от земли, но в Англии он был лишён даже такой свободы. Господин обладал множеством законодательно закреплённых прав по отношению к своим серфам, в том числе и наносившим огромный моральный ущерб правом первой ночи, то есть правом лишить девственности жену крестьянина в её первую брачную ночь, если муж не заплатит условленный выкуп. На практике снисходительность чаще всего вела к повышению производительности, и благодущный хозяин получал больше доходов — а мудрый серф стремился к увеличению благосостояния своего господина, рассматривая его благополучие как собственное. По некоторым подсчётам, в позднее Средневековье в Германии серф должен был отдавать господину две трети своей продукции^[14]. (Так как этот процент представляет собой эквивалент и современной ренты, и современных налогов, на эти подсчёты стоит обратить пристальное внимание.)

Вассалы были свободными людьми с ограниченными средствами, попадавшими в зависимость от господина путём принесения присяги на верность, или оммажа, и нёсшими военную службу или обязывавшимися участвовать в предприятиях своего господина в обмен на защиту, землю (фьеф) и иногда серфов. (Слово «вассал» происходит от кельтского слова со значением «мальчик». В VI и VII веках вассалами назывались группы подростков, состоявшие в свите военачальника. Их посылали выполнять различные поручения знатных начальников. В награду они получали финансовую поддержку. По мере развития кавалерии в VIII веке статус наёмных воинов повысился. Огромные расходы, идущие на вооружение и экипировку конного рыцаря, заставляли знать наделять их землёй и крестьянами, с которых такие рыцари могли получать свой собственный доход.)

Отношения вассальной зависимости пронизывали всю феодальную иерархию. Например, менее значительный господин мог стать вассалом более значительного. Человек мог принести клятву верности нескольким господам. Вторая клятва представляла собой простой оммаж, а главный господин требовал клятвы «льез оммаж», то есть полной верности. Все господа были вассалами короля. По мере развития процесса феодальной децентрализации в IX и X веках каждый слой вассалов забирал в свои руки всё больше политической и юридической власти. К X веку особенности феодальных договорных обязательств приняли вполне устоявшийся вид.

Феодальный сеньор в идеале был богатым и умелым администратором, в сферу ответственности которого входила военная защита своих подданных, организация сельскохозяйственной и ремесленной деятельности в своих владениях и военная служба своему сеньору — королю — в военное время. Феодальный сеньор предоставлял за незначительную плату дорогое оборудование, необходимое крестьянским общинам, то есть давяльные прессы для вина, мельницы и печи. Он охранял луга для охоты, лес для добычи хвороста и поля, на которых серфы обеспечивали жизнь себе и своему господину. Сеньор нёс ответственность за содержание, починку и строительство дорог, мостов и каналов. Его замок служил во время нападений убежищем для жителей окрестных деревень, которых нужно было обеспечить пищей и водой. Он выдавал средства для тяжеловооружённых конных воинов, составлявших его отборную военную дружину.

Католическая церковь, хотя первоначально и с неохотой, полностью влилась в феодальную систему. Она начала облекать феодальные присяги и церемонии в религиозную форму. Церковь приобрела много земельных владений с серфами, пожертвованных верующими. Епископы получали символы своей духовной власти из королевских рук. Короли принимали от священнослужителей клятву верности и дарили им за службу земельные угодья. Со временем Церковь стала крупнейшим землевладельцем в Европе.

Король стоял на вершине феодальной иерархии. Он был сеньором всех вассалов. Такое положение опиралось на древнейшую традицию, унаследованную от эпохи средиземноморских истоков западной цивилизации и наделявшую королевскую власть божественной святостью.

И всё же феодальные короли гораздо больше зависели от добровольной поддержки своих вассалов, чем в предшествующую или последующую эпоху. Автономия феодалов служила сдерживающей уздой для европейских королей на протяжении примерно тысячи лет. Государство защищала армия, состоящая из сил полунезависимых сеньоров. Король был первым среди равных. В обмен на верность своих знатных подданных он давал им земли и деньги. В теории ему принадлежала вся земля в королевстве, но на практике его собственные земельные владения часто были не больше владений его вассалов.

В борьбе между королями и знатью заключается история образования национального государства. На исходе Тёмных веков, когда в Европе начала развиваться торговля, возник состоятельный класс, не вписывающийся в традиционные границы феодальной системы. Этот новый класс торговцев требовал установления стабильности и централизации и обуздания хаоса. Например, дорожные пошлины, взимаемые феодальными сеньорами, по разорительности соперничали с грабителями и подрывали успешную торговлю. Короли были слишком бедны, чтобы обеспечивать защиту жизни и собственности, то есть выполнять единственную законную функцию правительства. Состоятельные торговцы достигли своей цели, финансируя централизованную королевскую власть и оказывая ей поддержку в борьбе с феодальной знатью. Папы также пришли к пониманию того, что вести дела с отдельными королями несравненно легче, чем пытаться договориться с группой баронов, и потому со своей стороны стали способствовать укреплению монархии. Наконец, сами бароны слишком часто не могли и не хотели поддерживать порядок и спокойствие в своей среде, поскольку века вседозволенности поселили в их сердцах высокомерие. История работала против них, и к концу XIII века французский король одержал победу и над знатью своего королевства, и над папой, завоевав право самовластно управлять страной. К 1500 году монархическая форма правления восторжествовала практически во всех европейских государствах.

Рыцарство

Рыцарство, совместившее в себе черты германского воинского кодекса чести, мусульманских представлений об идеальном воине и христианского идеала человека, ознаменовало собой высшую точку творческих сил феодальной системы. Рыцарские сказания получали огромное распространение, а хвалы рыцарству складывались и распевались бродячими трубадурами и менестрелями по всей области Лангедок в Южной Франции с конца XI века. Отборные конные и тяжеловооружённые воины на службе у феодальной знати и занимавшиеся исключительно военным делом получили новую и высоконравственную идеологию.

Хотя понятие военной элиты остаётся архетипическим и для современного сознания, во времена рыцарства это было гораздо более формализованное и распространённое культурное явление. Например, средневековые турниры поначалу представляли собой лишь учебные упражнения в боевом искусстве. Со временем они превратились в красочные зрелища, которые могли продолжаться целую неделю, одновременно служа увеселению и развлечению зрителей и предоставляя возможности для общественных и торговых контактов. Романтическая атмосфера таких событий усиливалась исполнением поэтических произведений, песен и танцев. Побочным продуктом турниров стала геральдика. Вооружённые рыцари в шлемах с опущенными забралами пользовались системой графических символов, наносимых на щиты или вышитых на знамёнах, для безошибочного опознавания.

Рыцарство было открыто для вступления каждому благородному кандидату, который принимался в рыцари только после долгого периода ученичества. В возрасте семи или восьми

лет мальчик начинал своё обучение в пажах. Далее между 12 и 14 годами он становился оруженосцем. На институт рыцарства накладываются клятвы в преданности христианской вере. Церемония возведения в рыцарский сан начинается с однодневного поста, ритуального очистительного омовения, ночной уединённой молитвы, исповеди и причастия. Меч будущего рыцаря освящается священником. Затем его сеньор принимает у кандидата рыцарскую клятву и производит акколаду, обряд посвящения в рыцари.

Защита слабых, вежливость, честность, служение Церкви, чистота, честь и храбрость — из этих качеств состоял образ идеального рыцаря. Другим аспектом кодекса чести была романтическая любовь, идеализация возлюбленной. Рыцарь посвящал все свои деяния избранной им даме. Хотя служение даме во многом было похоже на поклонение Деве Марии, здесь присутствовала и определённая сексуальность. Средневековый брак основывался скорее на собственности, чем на любви. Воспевавшиеся трубадурами прекрасные дамы часто были замужними женщинами. Брак без любви зачастую открывал путь к преступной связи с преданным рыцарем или поэтом.

Рыцарская литература о Святом Граале, введённая в обиход трубадурами XII века, привила средневековому сознанию тему мистического поиска-путешествия, переплетённую с темой романтической любви. До тех пор персонализированный образ романтической любви был неизвестен западной культуре. Средневековое воспевание чувственной и пылкой любви, сопровождавшееся рыцарской идеализацией женского начала, сильно расходилось с утилитарной безличностью, свойственной предшествовавшим взглядам на женщину. Превознесение уникальной природы романтической любви с необходимостью приковывает внимание к нуждам и желаниям отдельного человека. А это, в свою очередь, ведёт к полному разрыву с устоями коллективной и жёстко иерархизированной структурой феодального общества.

Конечно, у рыцарской культуры была и тёмная оборотная сторона. В теории задача рыцаря заключалась в защите своей родины от чужеземцев. Однако на практике между феодалами вспыхивали беспрестанные междоусобицы. Феодальные войны велись чаще, но были не столь кровопролитны, как современные военные конфликты. Военное искусство строилось на чётко определённых правилах и обычаях, и обычным следствием поражения был плен и выкуп. Такая практика приводила к учащению и незатуханию феодальных раздоров. В дополнение к этому конные рыцари часто несли ответственность за эксцессы, обычно возникающие при соприкосновении вооружённой воинской элиты с безоружным гражданским населением. Церковь пыталась защитить мирных граждан от агрессивных выходов рыцарей и знати, создав движение Божьего Мира ещё в XI веке. Церковь побуждала феодалов разрешать свои споры путём переговоров и воздерживаться от сражений в определённые дни.

Распространение больших луков в XIV веке нанесло первый тяжёлый удар конному рыцарству, так как умелый лучник способен с лёгкостью спешить тяжеловооружённого всадника и заставить его сражаться пешим, то есть практически лишить его боеспособности. Появление пороха в XV веке возвестило смерть средневекового рыцарства.

Священная Римская империя

С 486 по 751 год Францией правила династия Меровингов, постепенно терявшая силу и власть. Карл Мартелл (Карл Молот) был храбрым и влиятельным военачальником на службе у Меровингов. Его воинская доблесть спасла Европу от мусульманского нашествия в VIII веке. В 751 году его сын Пипин III обратился к папе Захарии с просьбой благословить узурпацию

французского престола и свержение последнего короля-Меровинга. Пипин поступил очень мудро, заручившись поддержкой обладавшего огромным влиянием бенедиктинского монаха Бонифация, который неустанно трудился на благо Церкви, объединяя католическую веру и священство под эгидой римского папы.

Папе была крайне необходима политическая опора. В то время ему чрезвычайно досаждал очередной конфликт с византийским императором по вопросам христианского вероучения, и поэтому он с радостью приветствовал бы любую вооружённую силу, способную подкрепить его духовную власть. Бонифаций совершил поездку в Рим, доведя до сведения папы замыслы Пипина. Папа дал согласие, и Пипин был избран королём франков (общее название, поначалу обозначавшее один из европейских союзов племён, а затем французских и германских жителей Священной Римской империи и, наконец, в самом широком смысле всех европейских крестоносцев). На церемонии коронации Бонифаций, выступая в качестве представителя папы, помазал Пипина святым миром и короновал его на трон, положив начало новой эпохе в политико-религиозном развитии Западной Европы.

После смерти Пипина королевский престол унаследовал его сын Карл Великий, Шарлемань, признаваемый самым великим средневековым королём, и правил с 768 по 814 год. Карл Великий был выдающимся человеком. Он отличался глубокой религиозностью и острым умом, огромной жадностью знаний и неисчерпаемой энергией. Он четыре раза был женат, содержал нескольких любовниц и стал отцом восемнадцати детей, которых всех любил и защищал. В 773 году он оказал папе помощь в борьбе с лангобардами, короновался на лангобардский престол и объявил себя защитником Церкви. В его королевство входили территории современных Италии, Франции и Германии. Столица королевства Карла Великого находилась в Ахене. Он был прекрасным стратегом и храбрым воином, доказавшим свою воинскую доблесть в 53 походах.

Карл Великий был и способным администратором. В ту в общем-то отсталую эпоху он создал систему образования, выучился читать и очень хотел научиться писать. Он укрепил организацию армии и военный дух, установив высокие идеалы патриотизма и религиозного рвения. Он поощрял сельское хозяйство, ремесленные промыслы и финансовое дело. При его дворе состояли администраторы, церковники, учёные и судьи. Он стремился привлечь людей к принятию решений, созывая крупных собственников на заседания, проходившие каждые полгода, на которых обсуждались политические и экономические вопросы. Он пытался защитить крестьянство от закабаления, одновременно предоставляя аристократии широкие права самоуправления. Развивавшаяся не без его деятельной помощи литература и наука вывели Европу из варварского состояния Тёмных веков.

В 799 году папа Лев III подвергся нападению и был заключён в тюрьму. Он бежал и обратился за помощью к Карлу Великому. Король устроил безопасное возвращение папы в Рим под вооружённой охраной. В 800 году Карл Великий вступил в Рим и 1 декабря собрал совещание франков и римлян, на котором с папы были сняты все обвинения. На Рождество был назначен большой праздник. Когда Карл Великий преклонил колени в молитве, папа Лев возложил на его голову корону и провозгласил его императором и августом римлян, наделив его титулом, которым с 476 года титуловался только византийский император в Константинополе, официальный глава Римской империи. Это был смелый ход, не имевший ни исторических прецедентов, ни опоры в традиции. Неизвестно, кто предложил провести эту церемонию. Неясно даже, знал ли о предстоящей коронации сам Карл Великий.

Создание Священной Римской империи усилило власть и короля, и папы, и это благотворное воздействие нового установления растянулось на тысячу лет. Произошло объединение государства и Церкви. Божественное право королей на светскую власть получило признание Церкви, а право посвящать на трон признавалось за Церковью королями. Король

приобрёл высшую власть над знатью, а Церковь укрепила своё положение по отношению к королям. Естественно, от этого ещё больший урон потерпели отношения между Римской католической церковью и Константинополем.

Карл Великий считал себя истинным и всемогущим властелином древней Римской империи и действовал в соответствии с этим пониманием своей роли до самой своей смерти в 814 году. Однако наследовавшие ему короли-Каролинги не были способны удерживаться на той высоте призвания, которую он установил своей мудростью, храбростью и властью. Скандинавские нашествия IX и X веков особенно ярко подчеркнули бессилие его наследников. Династия Каролингов правила до 987 года, когда королём Франции был единодушно избран Гуго Капет, положивший начало новой правящей династии Капетингов.

Собирание английских земель в единое королевство под властью единого короля началось при короле Эгберте Уэссекском в 829 году, спустя полстолетия после вторжения датчан. Большая часть Англии к северу от Темзы всё ещё находилась под датским владычеством, когда в 871 году на уэссекский престол сел Альфред Великий, продолживший дело объединения страны. К 899 году он одержал полную победу в борьбе с датчанами. Через сто лет скандинавские нападения возобновились, заставив большую часть свободных крестьян отдать свою собственность и свободу крупным землевладельцам в обмен на военную защиту. В 1016 году Кнут Датский стал королём Англии. Это был мудрый правитель, стремившийся к благу государства, принявший христианство, строивший церкви, приносивший к нравам и традициям своих англо-саксонских подданных и назначавший англичан на все высокие должности в своём королевстве. Позже он стал королём Дании и Норвегии и управлял всеми тремя странами из своей столицы в Уэстчестере. В сентябре 1066 года на 1400 кораблях приплыло норманнское войско Вильгельма Завоевателя. В день Рождества 1066 года он короновался королём Англии. К пёстрой смеси англов, саксов, кельтов, галлов, ютов и данов, до сих пор составлявшей английский народ, теперь добавилась норманнская кровь.

Норманнское завоевание привело к политическому объединению Англии, ставшей первой прочной европейской монархией. Вильгельм создал искусно выстроенную административную систему. В неё входили принципы налогообложения, военного набора, контроля и поддержки священства и ведение письменного учёта. Английская судебная система (к которой прежде всего восходит американская) также была уникальна для своего времени. Она отвергла централизованную монархическую модель, положенную в основу кодекса Юстиниана, и приняла германскую племенную модель традиционного права. Теперь закон находился в ведении как короля, так и общины, перестав быть выражением воли абсолютного монарха, как было при Юстиниане. Англо-германская система вела к децентрализации власти, в то время как система Юстиниана сосредотачивала власть в руках судьи, выступавшего в качестве представителя императора^[6]. В идеале король так же подчинён общему закону, как и любой из его подданных. Этот принцип был впервые формально оглашён в Великой хартии вольностей, эпохальном взаимном соглашении, заключённом в 1215 году между королём и аристократией, в котором король был вынужден признать определённые права знати и гарантировать их нерушимость. Ограничение монархической власти, воплощённое Великой хартией вольностей, со временем выльется в американскую конституцию.

Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия были в то время населены племенами, численность которых превысила тот естественный максимум, который мог прокормиться на этих холодных землях. С 800 года начались викингские нашествия, растянувшиеся на два с половиной века. Скандинавские племена ходили в походы на Шотландию, Ирландию, Исландию, Гренландию,

Россию, Францию, Сицилию и Англию. Среди мифологических представлений этих храбрых воинов выдающееся место занимала небесная Вальхалла, в которую удалялись с честью погибшие в битве. Этот идеал со временем вошёл в те религиозные верования, которые вдохновляли крестовые походы.

Формирование германского национального государства берёт начало с 843 года, когда был заключён Вердунский договор, по которому первым королём германцев становился один из внуков Карла Великого, Людовик. Он правил остатками варварских племён готов, вандалов, бургундов, франков и лангобардов, ранее расселившихся на территории Римской империи и позднее перемешавшихся со славянами-вендами, саксами, тюрингами, баварами и свевами. Нападения венгров в 900 году выявили слабость центрального германского правительства, которое было вынуждено в военном отношении полагаться на войска крупных феодалов. Это привело к укреплению феодальной системы в Германии. Однако вскоре Оттон I Великий (936–973) убедил некоторых феодалов принять участие в своей коронации. Позднее, когда эти сеньоры подняли против него мятеж, он назначил в их герцогства своих избранных друзей, тем самым ослабив могущество знати и упрочив королевскую власть. В 962 году он получил из рук папы Иоанна XII корону императора Западной Римской империи. С 955 по 1075 год Германия была самой процветающей страной в Европе.

Испания в 711 году была захвачена арабами, и южная часть страны оставалась под мусульманской властью ещё 500 лет после этого. Мусульманская экспансия во Францию была остановлена сначала Карлом Мартеллом в 732 году, а затем в 759 году Пипином Коротким. В Испании мусульмане проявили себя лучше предшествовавших правителей страны, вестготов. Исламские культурные достижения в искусстве, архитектуре и поэзии сочетались с эффективной и справедливой политической администрацией. Мусульмане принесли с собой научные методы ведения сельского хозяйства и металлургию. В X веке Кордова, с её мощёными тротуарами, освещёнными улицами, прекрасными мостами, большим акведуком, чудесными садами и знаменитым университетом, считалась самым развитым городом в Европе.

Христиане были вытеснены в области Северной Испании. В их число входили готы, свевы, берберы и кельты, изгнанные мусульманами с юга и сумевшие остановить их наступление в 718 году. Христианская Испания была слаба и бедна по сравнению с мусульманскими владениями. Политическая раздробленность поддерживалась феодальной структурой со свойственной ей ослабленной королевской властью и независимой и своевольной знатью. Из-за отсталости в сельском хозяйстве население северных областей часто голодало. Испанская реконкиста, война с мусульманами за бывшие христианские земли, продолжалась до XIII века. После двухвекового затишья христиане предприняли последнее усилие, захватив в 1492 году Гранаду и тем самым положив конец мусульманскому присутствию в Европе.

Италия делилась на три обособленных области политического влияния. На севере жили лангобарды, пришедшие из Скандинавии в VI веке. В VIII веке их наступление на юг было остановлено папой Григорием III. В 774 году Карл Великий завоевал Ломбардию и присоединил её к франкскому королевству. Центральная Италия находилась под властью папы, правившего ей из Рима. Здесь проходила непрерывная борьба римской знати за контроль над папством. Языческий Рим так и не принял сурового аскетизма, проповедуемого католическим духовенством, навсегда сохранив верность чувственности и художественной изысканности. Южная Италия с 1036 года постепенно переходила под власть норманнов. Поначалу они нанимались на службу к южноитальянским феодалам. В 1053 году Роберт Гвискар стал королём

Южной Италии и ходил отсюда в успешные походы на Византию, Венецию и Германию.

Конец Тёмных веков

В IX веке люди со всё большим беспокойством ожидали наступления нового тысячелетия. В Откровении Святого Иоанна говорилось о важности тысячелетнего периода. Толкователи расходились во взглядах. По мнению одних, это означало уничтожение зла на земле, по мнению других — установление царства Сатаны. Одни считали, что грядёт второе пришествие Иисуса Христа, а другие — что близится погибель всей земли, подкрепляя свои утверждения участвовавшими необычными явлениями и природными катаклизмами. Когда же 1000 год наступил и прошёл безо всяких особых событий, на смену страху пришло облегчение, даже осторожный оптимизм. Европейское христианство стало пробуждаться к новым веяниям.

Социальные процессы, в середине X века находившиеся в зачаточном состоянии, в XI веке расцвели пышным цветом. Окраины отступали по мере расчистки лесов и осушения болот, предоставляя древесину для новых построек и земли для возделывания. Использование водяных мельниц для помола муки и водяных лесопилок для обработки дерева повысило количество пищи и дерева. Хомут и стремяна облегчали перевозку. Открывшиеся перспективы побуждали людей к путешествиям, в которые отправлялись феодалы, торговцы, священники, учёные и паломники, пренебрегая опасностями, исходившими от буйных баронов, живших в своих замках, и разбойничьих банд, заполонивших европейские дороги.

Росли города, центры торговли и ремёсел. Торговцы и ремесленники стремились обезопасить себя, образуя цеха и гильдии. Права самоуправления покупались состоятельными буржуа, оказывающими всё больше политического влияния на дела городов, в которых они жили. Венеция, Генуя и Пиза стали международными торговыми центрами Западной Европы. Оживилась и процветала морская торговля. Западноевропейские купцы начали проникать в Средиземноморье, издавна контролировавшееся византийцами и мусульманами.

XI век ознаменовался бурным строительством церквей и монастырей, обусловленным растущим благочестием населения, явившимся следствием христианской религиозной консолидации. Широко распространилась мода на паломничество в Святую Землю, считавшееся знаком религиозного рвения. Ревнитель веры мог ходить по тем самым местам, где ступали ноги Спасителя и многих других библейских персонажей. Паломничество также служило заменой тюремного заточения, будучи средством искупления грехов. Преступник одновременно удалялся от общества на долгие годы и вместе с тем получал возможность принести искреннее покаяние. Европейские паломники, молодые и старые, бедные и богатые, путешествовали по Европе и Ближнему Востоку в поисках духовного совершенствования и религиозного опыта.

Иерусалим

Главной целью средневековых паломников был Иерусалим. Пошлина, выплачиваемая мусульманам, позволяла христианам в безопасности путешествовать по святым местам Палестины. И всё же, по мере того как паломничество набирало популярность в средневековой Европе, среди верующих накапливалось возмущение почти пятивековым господством мусульман в Святой Земле.

До мусульманского завоевания в VII веке Иерусалим долго находился под властью европейцев. Александр Великий взял город в 334 году до н. э. во время своего персидского

похода. После смерти Александра и развала его империи Египет и Палестина достались Птолемям. Эти земли оставались во владении эллинистических царей до их захвата Римом в 190 году до н. э. После этого Иерусалим вошёл в состав Римской империи и только в 614 году был ненадолго захвачен персами. В 628 году он был возвращён Византии Ираклием. Однако в 638 году Святой Город взяло мусульманское войско, и с тех пор он пребывал под властью мусульман. К VIII веку арабы стали составлять подавляющее большинство его населения.

Мусульмане правили завоёванными территориями довольно лёгкой рукой. Иудеи и христиане считались «народом Книги» и пользовались свободой вероисповедания. В действительности при новой власти налоги были легче, чем во времена греческого или римского правления. Христиане, жившие на Святой Земле, не подчинялись Римской католической церкви и папе. Они состояли либо под духовным руководством патриарха Иерусалимского, связанного с Греческой православной церковью и Византийским императором, либо входили в различные местные гностические церкви.

Иерусалим столь же свят для ислама, как для иудаизма и христианства. В 691 году Омейядский халиф Абд ал-Малик возвёл несколько святынь поблизости от церкви Святого Гроба Господня. Он построил Храм Камня, в котором помещается камень, считавшийся иудеями пупом мира. По легенде, именно на этом камне Авраам собирался принести в жертву Исаака по велению Бога, здесь Моисей получил Ковчег Завета и над ним построили свои храмы Соломон и Ирод. С этого камня Мухаммед вознёсся на небо на крылатом коне; если человек обладает нерушимой верой, он может увидеть на камне отпечатки ног Пророка. На этом камне Мухаммед встречался с Авраамом, Моисеем и Иисусом.

Константинополь и Византийская империя

Византий, древняя столица Византийской империи, был основан в 657 году до н. э. Занимая крайне удачное стратегическое положение и служа вратами между Западом и Востоком, Азией и Европой, Византий быстро превратился в крупный городской центр. Переименованный в Константинополь и провозглашённый в 330 году столицей Римской империи, он иногда также именовался Новым Римом. Восточная Римская империя более тысячи лет защищала Европу от нашествий азиатских захватчиков. Она же являлась хранилищем, донёсшим до наших дней культуру греческой античности. Прочность её правительства и административной системы, достижения византийского искусства намного превосходили всё, чем мог похвалиться Запад в этих областях. В 1453 году Константинополь всё же был захвачен турками-османами.

С V по XV век Константинополь оставался величайшим торговым рынком и портовым городом в мире. Здесь происходили оживлённые торговые и культурные контакты между Европой и Святой Землёй ещё до крестовых походов. Состояние войны, созданное Первым крестовым походом, послужило совершенно нежелательным препятствием для византийских и ближневосточных деловых кругов конца XI века.

Население Константинополя составляли греки и римляне. К VII веку языком правительства, литературы, богослужения и бытового разговора стал греческий. И всё же византийская цивилизация была скорее азиатской, чем европейской. Вследствие тесных контактов с Ближним Востоком греческий дух подвергся значительным видоизменениям. Мистическая и философская творческая способность греческого разума гораздо лучше сочеталась со сходными чертами восточной мысли, чем с простоватой строгостью и прямолинейностью западного христианства. Близость Константинополя к Греции, лежавшей на том же Эгейском море, возможно, также в какой-то мере объясняет восточный склад ума византийских греков. Поездка из Афин в Рим

по суше отнимала в два раза больше времени, чем поездка из Афин в Константинополь.

Восточное и западное христианство

Средневековая страсть к паломничеству пробудила в Западной Европе самозабвенное восхищение перед Константинополем и Византийской империей. Здесь хранились главные реликвии христианской веры, на которые с вожделием смотрел папский престол. Греческая православная церковь владела даже Терновым венцом.

Раскол между восточной Православной и западной Римской церковью продолжал всё больше усугубляться со времён произведённого Диоклетианом раздела Римской империи в III веке. По мере усиления христианства между Римской и Православной церквями росли доктринальные противоречия. Эти разногласия ещё больше усиливались языковым барьером между латиноязычным Западом и грекоязычным Востоком.

В политическом отношении Римская церковь разрешила конфликт между Церковью и государством в свою пользу. Папы всегда были вовлечены в борьбу за власть, ведущуюся королями и феодалами. Латинское христианство требовало для Церкви автономии. Власть духовенства была так велика, что папа Григорий I позволял себе угрожать европейским князьям и требовать от них соблюдения Закона Божиего. (Нужно отметить, что это высокомерное отношение к государству со стороны Церкви проистекает от большей зрелости второго института. Подъём христианства был в значительной степени облегчён его контактами с государством, как показывают примеры Константина и Карла Великого. Государство часто доказывало Церкви свою полезность в таких отвратительных деяниях, как гонения на еретиков, будь то ариане в IV веке или катары в XIII.)

В отличие от Запада, в Восточной империи установилась теократическая форма правления. Духовная иерархия восточной Церкви традиционно находилась под управлением императора, признаваемого главой Церкви. Восточное православие считало государство учреждением, установленным самим Богом. Верность политическому вождю входила в число духовных обязанностей, а политическое инакомыслие рассматривалось как богохульство. Хотя император до некоторой степени и зависел от Церкви, патриархи назначались и смещались императором. Баланс сил находился в крайне неустойчивом равновесии.

Греческие теологи признавали, что Царствие Божие не от мира сего. Благочестивый верующий может достичь спасения на земле. В глазах Римской церкви Царство Божие являло собой трансцендентное понятие, относящееся к отдалённому будущему. Обе стороны привлекали в поддержку своих взглядов цитаты из Библии, подчёркивая те или иные отрывки из Евангелий или Деяний Апостолов. Аргументы, подкрепляющие притязания римских епископов на верховную церковную власть и основанные на толковании слов Спасителя, обращённых к Петру, не принимались во внимание восточной Церковью, так же как и римское учение о непогрешимости папы. Восточная Церковь признавала императора представителем Царствия Небесного, заместителем Христа на земле. Византийское представление об обществе как отражении небесного устройства так и не прижилось на Западе, даже в учении о божественном праве королей. Хотя Западная Европа и могла признать короля богоназначенным правителем на земле, папы ревностно охраняли ведущую духовную роль Церкви, проводя церемонию этого божественного назначения.

После мусульманского завоевания Александрии, Антиохии и Иерусалима патриархи этих областей были смещены или изгнаны. Таким образом, Константинопольский патриарх стал истинным главой восточной Церкви, как римский папа — общепризнанным главой западной.

С распространением арабской агрессии в VIII веке военные проблемы, приковавшие к себе внимание Римского императора в Константинополе, не давали ему с прежним упорством и успехом защищать свои западные владения. Хотя официально и традиционно Рим состоял под политическим контролем Византийского императора, папа искал покровительства у франкских правителей, быстро набирающих силу и могущество. Отражением окончательного политического единения Рима и франкского государства стало образование Священной Римской империи в 800 году.

Пропасть между восточной и западной Церквями продолжала углубляться. Главный символ христианства, крест, имел свои отличия в обеих Церквях: греческий крест был равноконечным, а римский повторял традиционную форму распятия. Церковные одеяния и ритуальные украшения также расходились у западных и восточных христиан. Греки возносили молитвы стоя, а римляне преклоняли колени. Греческие священники могли жениться, а римское духовенство соблюдало обет безбрачия. Политические разногласия ещё больше усиливали напряжение между Церквями. Выход из-под власти Византийского императора и переход под эгиду Франкских королей возмутил восточного патриарха. Конфликт достиг высшей точки после того, как папа короновал Карла Великого на престол Священной Римской империи в 800 году. В 863 году папа отлучил от Церкви патриарха. В 867 году патриарх отлучил от Церкви папу. Однако смерть обоих соперников на время приостановила дальнейшее разгорание противостояния.

В 1054 году произошёл окончательный раскол. Патриарх Михаил Кируларий был честолюбив. Он заключал военные союзы и привлёк к себе народные симпатии. Он закрыл в Константинополе церкви, следовавшие римскому обряду, отлучил тех священников, которые продолжали соблюдать римские обычаи, и выступил с резкой критикой некоторых римских теологических воззрений. Папа Лев IX потребовал от патриарха подчиниться Риму и послал в Константинополь своих легатов. 16 июля 1054 года была обнародована булла, анафематствовавшая Константинопольского патриарха. Христианство раскололось на две части.

В 1057 году византийский военачальник Исаак Комнин сел на императорский трон. В 1081 году престол перешёл к его племяннику Алексею Комнину. Алексей оказался в очень сложной военной ситуации, которую ещё более усугубил захват Иерусалима тюрками в 1076 году. Тюркские войска двинулись на Константинополь. В 1095 году во время Пьяченцкого собора Алексей обратился к христианам Западной Европы с просьбой о помощи. Он предложил объединить восточную и западную Церкви в обмен на западную помощь против мусульман, тем самым дав первый толчок к крестовым походам.

Папская реформа

Кроме распрей с восточной Церковью папа Лев IX активно занимался преобразованиями в церкви Римской. Долгий период пребывания на папском престоле недостойных избранников, длившийся почти 150 лет, привёл Церковь на грань нравственного падения. С 1049 года, когда Лев IX стал папой, он всеми силами стремился вернуть Церкви её прежнее духовное значение, а папству — то уважение, которым оно некогда пользовалось. Он строго осудил и пытался искоренить практику вступления духовенства в брак и незаконное сожителство, широко распространившееся по Европе в нарушение церковных заповедей. Он неустанно трудился на благо Церкви, используя в качестве меча могучее оружие — угрозу отлучения.

За смертью Льва IX в 1054 году последовали два десятилетия ослабления папской власти, пока на папский престол не сел Григорий VII, правивший с 1073 по 1085 год. На протяжении тридцати лет до своего избрания папой Григорий активно участвовал в реформистском

движении. Во многом благодаря ему было принято решение Латеранского собора, созванного в 1057 году, на котором избрание папы передавалось коллегии кардиналов и тем самым отнималось у германского императора и римской аристократии. Став папой, он возобновил борьбу, которую вёл Лев IX с браками духовенства и симонией (распределение церковных чинов и услуг за финансовое вознаграждение). К 1074 году он начал проповедовать крестовый поход, который собирался лично возглавить. Григорий VII ставил своей целью освобождение Святой Земли, преодоление раскола с восточной Церковью и объединение всей Европы под знаменем теократической республики.

Антупана

Григорий VII знаменит своей борьбой с королевской или светской инвеститурой, то есть с обычаем, по которому короли избирали епископов и вручали им символы их сана. По мнению Григория, в этом заключался корень церковных неурядиц. Он был полон решимости поставить под папский контроль все аспекты церковной жизни. Светские правители, естественно, выступили против папских замыслов, так как получали немалые доходы с земель и владений, которыми наделяли епископов, а также потому, что эти планы подрывали их традиционный вес в церковных вопросах, которым они пользовались со времён Константина.

Крупнейшим противником Григория был молодой германский император Генрих IV. Григорий выступил против светской инвеституры на папском синоде в 1075 году. Генрих в гневе отказался подчиняться решению папы и публично обратился к папе с призывом отречься от сана. В ответ Григорий отлучил его от Церкви и объявил о смещении Генриха с императорского трона. Он пригрозил отлучением всякому, кто окажет Генриху какую-либо поддержку. Вследствие этого Генрих был вынужден предстать перед папой и умолять его о прощении. Он прибыл в Северную Италию, где в то время находился Григорий, отправлявшийся на собрание князей, чтобы объявить о низложении Генриха. Генрих ожидал перед крепостной стеной того замка, в котором остановился Григорий, и стоял в снегу три дня. В конце концов Григорий даровал ему своё прощение.

К 1080 году Григорий вновь отлучил Генриха от Церкви и объявил о его низложении, завязав с группой мятежных германских князей переговоры об избрании нового императора. Со своей стороны, преданные Генриху германские епископы объявили о низложении самого Григория. Они избрали его преемником Гилберта, архиепископа Равеннского. С 1081 по 1083 год Генрих осаждал Рим. В 1084 году его войска взяли город. Гилберт был избран папой под именем Климента III в соборе Святого Петра и возложил на голову Генриха императорскую корону. У Григория не было никакой возможности вмешаться в эти события.

Григорий стремился к достижению императорской папской власти, при которой духовный и религиозный авторитет папы признавался бы высшей властью всеми королями и государствами. В 1606 году он был канонизирован. Его попытки превратить Церковь в средоточие духовно-светской власти были подхвачены некоторыми его преемниками, двое из которых, а именно Урбан II (1088–1099 гг.), иницировавший Первый крестовый поход, и Иннокентий III (1198–1216 гг.), главная опора тамплиеров, будут играть важную роль в этой книге.

Глава III

Миф об ассасинах

Подобно искре, воспламеняющей хворост, слово способно вызывать образы. Имя Хасана ас-Саббаха тут же заставляет всплыть из глубин памяти образ тайного общества ассасинов или гашишинов, влияние которого тысячу лет назад простиралось на значительную часть Персии и Палестины. Легенда о Хасане ас-Саббахе ходит на Западе и по сей день. Этот персонаж проник в битническую культуру. Его имя часто можно встретить на страницах книг Вильяма Берроуза. Такая роль появилась даже в фильме «Перформенс», в котором её с блеском исполнил Мик Джаггер, создавший на экране устрашающе привлекательную фигуру Старца Горы.

Популярность, которой пользуется миф об ассасинах по всему европейскому миру, проистекает от контактов с мусульманской цивилизацией, завязавшихся во времена крестовых походов. Одно из первых зёрен в благодатную почву мифотворчества заронил в 1175 году Бурхард из Страсбурга, посланец императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы в Египте и Сирии. Он оставил описание обитателей сирийских гор, называемых хейссессини. Эти люди жили, не соблюдая никаких законов, ели свинину, делили женщин и не гнушались инцестом с матерями и сёстрами. Он описал наводящего ужас наставника этой секты, руководящего сетью молодых убийц, настоящего бича как мусульманских, так и христианских вождей и правителей. По его словам, этот наставник владел прекрасными и неприступными дворцами в горах, в которых молодые люди воспитывались с младенчества и обучались языкам и обычаям разных народов. Они впитывали правила беспрекословного послушания и верности своему наставнику, который внушал им, что в награду за своё служение они обретут райское блаженство, зависящее от его власти. По его приказу они с радостью принимали из его рук золотой кинжал, который должны были направить в сердце указанного наставником врага.

В 1192 году сирийские ассасины объявили своим злейшим христианским врагом и намеченной жертвой Конрада Монферратского, короля Иерусалима. Его преемник, Генрих, граф Шампанский, племянник короля Ричарда Львиное Сердце, получил от ассасинов предложение заключить договор. Генрих описал свою поездку, состоявшуюся примерно в 1194 году, в горы Носаири, в крепость главы сирийских ассасинов, называемого Старцем Горы. Генрих и Старец прогуливались у подножия крепостных стен, и Старец сказал, что христиане не способны на такую преданность своим вождям, которую проявляют по отношению к нему его ученики. Чтобы доказать своё утверждение, он подал знак двум юношам на вершине одной из башен; оба не медля ни мгновения прыгнули вниз и разбились о скалы в тысяче метров у них под ногами.

В начале XIV века Марко Поло подлил масла в огонь изумления, которое европейцы испытывали перед ассасинами, составив краткий свод ходящих об ассасинах легенд и расцветив его дополнительными подробностями. Венецианский путешественник провёл на Востоке двадцать пять лет, семнадцать лет прожил при императорском дворе в Китае и побывал в Персии. В ставшем классическим бестселлером рассказе о своих путешествиях Марко Поло пересказал легенды о чудесном саде, скрытом в Аламуте, в котором вся обстановка полностью соответствовала тому, как пророк Мухаммед описывал рай: здесь были прекрасные плоды, позолоченные беседки, чудесные картины и шёлковые ковры. Здесь реками текло вино, молоко, вода и мёд. Прекрасные женщины, обученные музыке, пению, танцам и искусству любви, выполняли любое желание тех, кому было дозволено переступить через порог этого сада.

Марко Поло писал, что войти сюда позволялось лишь юным ученикам, тщательно отобранным Старцем по их военной доблести и личной преданности наставнику. Сначала он давал им какой-то наркотик, из-за которого они погружались в глубокий сон. Проснувшись, они

оказывались в чудесном саду. Простодушные юноши проводили какое-то время, предаваясь чувственным наслаждениям, пока им снова не давали наркотик, после чего они просыпались в замке. Когда их приводили к Старцу, они спрашивали его о том, что видели в саду. Тогда Старец выбирал одного из них и поручал ему убийство, уверяя его в том, что после успешного выполнения задания и возвращения ему снова будет дозволено войти в сад, а если он умрёт при исполнении поручения, Старец пошлёт за ним ангелов, чтобы они отнесли его душу в рай^[7].

Слово «ассассин» вошло практически во все языки средневековой Европы и стало означать наёмного или политического убийцу. Поначалу европейское сознание с восхищением приняло преданность учеников Старцу Горы. Трубадуры обещали своим возлюбленным хранить такую же верность, какую ассассины хранят своему таинственному учителю. Постепенно страх перед хитростью и ловкостью ассассинов проник во дворы европейских монархов. Короли начали подозревать своих противников в том, что они заключают союзы со Старцем и используют в своих целях его зловещих учеников.

Чтобы обратиться к рассмотрению этого архетипичного образа тайного общества, мы должны сначала сосредоточить наше внимание на тех извилистых путях, которыми шло развитие ислама в четыре столетия, предшествовавшие рождению Хасана ас-Саббаха. Именно в кипящем котле многочисленных течений и сект, образовавшихся после смерти пророка Мухаммеда, следует искать корни той чудовищной власти, которой были облечены Хасан ас-Саббах и его преемники. Простая вера доблестных всадников пустыни, которым проповедовал Мухаммед, превратилась в множество сложных, утончённых и запутанных учений, в которых уже трудно было признать что-то похожее на породившие их истоки. И в эту-то чудовищную смесь добавил свой ингредиент Хасан ас-Саббах.

Глава IV

Исламские корни

Мухаммед и возникновение ислама

В Книге Бытия говорится, что до 85 лет у патриарха Авраама не было детей, когда Бог пообещал ему, что его потомки сравнятся по числу со звёздами небесными. Его жена Сара, которой было 76 лет, привела к нему служанку Агарь, говоря, что она может зачать и родить Аврааму дитя. Затем ревность поселилась в сердце Сары, и Агарь была вынуждена бежать. Ангел сказал Агари, что она понесла и должна вернуться и возвестить об этом Аврааму и Саре. Авраам нарёк своему сыну имя Исмаил. Когда ребёнку было тринадцать лет, Бог вновь заговорил с Авраамом. Он возвестил, что Сара родит ему сына, которого будут звать Исааком и которому Бог даст свой Завет. Когда родился Исаак, Сара настояла на изгнании Агари с Исмаилом. С печалью в сердце Авраам согласился на это, после того как получил от Господа уверение в том, что Он будет хранить их и что Исмаил и семья его будут благословенны. Таково было начало западной цивилизации и трёх великих монотеистических религий, ибо христианство — дитя иудаизма, как иудаизм — дитя Исаака, а ислам — Исмаила.

Пророк Мухаммед, да благословит его Аллах, родился в Мекке около 570 года н. э. Его рождение и вся его жизнь были отмечены многими знаменами божественного покровительства и многократными свидетельствами боговдохновенности и общения с ангелами. Ему приписывают совершение множества чудес, и множество чудес было сотворено его именем. О нём сообщают, что он был красив, среднего роста, вежлив и красноречив. Он прекрасно владел арабским и обладал врождёнными харизматическими свойствами. Он происходил из знатного арабского рода, но из-за смерти отца ещё до его рождения и смерти матери, когда ему было всего лишь шесть лет, он остался сиротой и воспитывался в суровой простоте своим дедом по отцу. Став юношей, Мухаммед занялся торговлей и быстро приобрёл известность своей честностью. В двадцать лет он женился на Хадидже, участвовавшей в его торговле. Она стала его первой женой, матерью его детей, другом и первой мусульманкой.

Вскоре после того, как ему исполнилось тридцать пять, Мухаммеду стали являться видения, из-за которых он время от времени стал искать уединения в пустынных пещерах, где проводил время в медитации. Около 613 года он начал проповедовать своё учение о покорности (*ислам*) Аллаху. Ему явился архангел Гавриил, который назвал Мухаммеда посланником Бога и открыл ему часть священной книги, Корана. Приблизительно в 620 году Мухаммеду было явлено видение, в котором он перенёсся в Иерусалим и вознёсся на крылатом коне на небеса. Утром он проснулся на своём ложе в Мекке живым и невредимым. Благодаря этому видению Иерусалим считается третьим святым городом ислама после Мекки и Медины (в которой в 622 году началась вторая эпоха проповеди Мухаммеда). Первоначально мусульмане читали молитвы, обратившись лицом к Иерусалиму. Этот обычай был изменён в 624 году, когда было предписано обращаться в сторону Мекки. В 630 году войско Мухаммеда захватило Мекку, и пророк объявил её Святым Городом ислама. Он очистил Каабу от идолов и заповедал, чтобы сюда не ступала нога неверного^{8}.

Мухаммед всегда считал себя обычным смертным, отличающимся от других людей только дарованным ему Богом вдохновением. Путём завоеваний, в которых его армии часто помогали небесные силы, он распространил свою веру на новые земли. Воинственная природа ислама с его кодом чести и рыцарской натурой его основателя, естественно, не могла не вызвать

отклика у носителей той же воинской культуры, кочевых аравийских племён, которые с готовностью приняли новую религию. Мухаммеду удалось полностью подавить влияние прежних арабских идолопоклоннических религий, заменив их монотеистическим мусульманским культом с его символом веры — шахадой: «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед Пророк Его!» Ислам способствовал возникновению чувства национального и расового единства у рассеянных племён Аравии. В 632 году, когда умер Мухаммед, ислам уже прочно стоял на ногах.

Мусульманская культура

В то время, когда родился Мухаммед, Южная Аравия находилась под политическим контролем Персии. Племенные арабские вожди, присягнувшие на верность византийским и персидским правителям, управляли княжествами в Северо-Западной Аравии и Сирии с III по VII век н. э. Они служили буферными государствами, сдерживавшими арабов-кочевников с востока. Отдельные арабские племена жили на территории современного Ирака. Базовой единицей политической организации было племя. Между такими племенами часто вспыхивала ожесточённая вражда. Арабы вели оживлённую торговлю. Сведения об арабской торговле с Египтом дошли до нас от эпохи, отстоящей от современности на пять тысяч лет. Около восьмидесяти процентов населения составляли бедуины, пастухи, кочевавшие со своими стадами во время сезонной смены пастбищ. Они также занимались разведением фруктовых садов, выращивали финики, персики и абрикосы, производили ладан и мирру, которые были в древнем мире столь же ходовым товаром, как масло в наши дни. Арабскую культуру отличала чрезвычайная склонность к музыке и поэзии. Сами воины-кочевники исповедовали политеистическую и пантеистическую религию. Главным местом поклонения была Мекка, оживлённый перекрёсток многочисленных торговых путей. Здесь находилось святилище Кааба, в котором хранится святой Чёрный Камень. Этот предмет, примерно семи дюймов в диаметре, вделан в восточную стену Каабы и, как считается, был передан Аврааму ангелом Божиим. По словам Мухаммеда, когда камень только оказался на земле, он был белым, но грехи человечества заставили его сменить цвет на чёрный.

Ислам означает «покорность» воле Божией. Это жизнеутверждающая религия. Соблюдение её строгих устоев вознаграждается чувственным блаженством в загробной жизни. Пять Столпов ислама представляют собой веру в Аллаха и признание Мухаммеда его пророком, а также четыре обязанности — молитву, милостыню, пост и паломничество. Мусульманин молится пять раз в день, обратившись лицом к Мекке и выполняя сложные правила очищения. Раздача милостыни подразумевает налог в пользу бедных и щедрость ко всем людям без исключения как неременное условие духовного благополучия. Пост требует соблюдения особых повседневных правил, которые запрещают есть свинину и пить вино. Пост месяца Рамадан длится каждый день от восхода до захода солнца и приурочен к празднованию обретения Корана. Под паломничеством понимается обязанность совершить путешествие в Мекку с целью посетить Каабу хотя бы один раз в жизни каждого мусульманина. Шариат, закон, полученный через божественное откровение, представляет собой набор религиозных предначертаний, определяющих личную, общественную и политическую жизнь мусульманина. Частные указания шариата толкуются исламскими юристами и теологами в согласии с Кораном и традицией, повествующей о жизни и изречениях Пророка и запечатлённой в суннах и хадисах. Шариатский канон окончательно сложился к IX веку.

Мухаммед уделял большое внимание физической чистоте, и мусульманская культура

придаёт большое значение омовениям, благовониям и одежде. Общественные бани составляли неотъемлемую черту любого городского сообщества. Высоко ценились вежливость и честность. Ислам поощрял торговлю и гостеприимство. Отношение мусульман к сексуальной жизни было в высшей степени спокойным. Мусульмане считали безбрачие неестественным. Чувственность воспевалась в литературе, танце, искусстве. Большой интерес вызывали такие фармакологические препараты, как любовные снадобья. Мужчинам разрешалось иметь четырёх жён в соответствии с высоким мужским статусом, свойственным воинской культуре, и необходимостью пополнения населения. Супружеская измена, разврат и гомосексуализм строго запрещались в теории, но на практике эти запреты часто не соблюдались.

Женщины пользовались уважением в исламе, который запрещал жестокие варварские обычаи доисламских арабских племён, например умерщвление родившихся дочерей с целью избавиться от лишних ртов. Женщины имели права наследования и собственности. Любая семейная собственность, полученная от родителей, принадлежала женщине; супруг не имел права распоряжаться частной собственностью жены. Согласие женщины было необходимым условием для заключения брака. В высших слоях общества женщины нередко получали прекрасное образование. В гареме (буквально «запретный», закрытая часть жилища обеспеченного араба или дворец, предоставленный исключительно женщинам) культивировались искусства танца, поэзии и музыки. Женщины обладали таким же правом на развод, как и мужчины, хотя им и не разрешалось иметь больше одного мужа.

Важную роль на Ближнем Востоке играл институт рабства. Хотя в христианских землях на протяжении Средних веков рабство постепенно сменялось крепостной зависимостью, оно оставалось одним из следствий военных поражений. Кроме того, благодаря оживлённой работоторговле дома и хозяйства Ближнего Востока наполнялись рабами из Африки, Туркестана, России, Италии и Испании. Однако положение раба в исламе было не столь ужасным, как в других странах. Например, потомство, рождённое рабыней от хозяина или свободной женщиной от раба, было свободным. Из тридцати семи халифов-Аббасидов только трое не были сыновьями рабынь^[15].

Мусульманская цивилизация внесла важный вклад во многие области науки и искусства: в астрономию, химию, физику и ботанику; в литературу, особенно поэзию; в философию; историю; педагогику; математику, особенно алгебру, тригонометрию и использование понятия нуля; в медицину, особенно фармакологию, офтальмологию и оптику; в искусство, архитектуру и музыку. Труды Аристотеля переводились на арабский в VIII веке и изучались в арабской Испании в IX. (И только в XII веке с философским рационализмом этого философа познакомилась Западная Европа при посредничестве арабской Испании и Сицилии.) Шарообразность земли издавна признавалась исламской географией и астрономией. Бумажное производство проникло из Китая в мусульманские страны в VIII веке, и вскоре здесь расцвело искусство книжной миниатюры. Только в середине X века бумагу стали производить в арабской Испании, и только в XIV веке эта технология стала известна в Англии. Коптская техника использования окрашенных деревянных досок для расцветки тканей была заимствована крестоносцами у египетских мусульман и в конце концов привела к возникновению европейского книгопечатания.

Первый раскол: сунниты и шииты

Вскоре после смерти Мухаммеда перед мусульманами встал вопрос о преемственности положения главы ислама. По мнению большинства верующих, Мухаммед так и не назвал своего

преемника. Он просил своего тестя и друга, престарелого Абу Бакра, вести дневные молитвы во время своей предсмертной болезни. Абу Бакр первым из представителей благородных семейств Мекки принял ислам и привёл к новой вере многих других знатных людей. Преданный и способный помощник, Абу Бакр был сразу же признан преемником Мухаммеда, халифом (главой правоверных), старейшинами мусульманской общины в Медине. Халиф не был новым пророком. Согласно фундаментальному принципу ислама, Мухаммед был Печатью Пророков, последним из того ряда, который составляли Адам, Ной, Авраам, Моисей и Иисус. Халиф выступал в качестве политического и религиозного вождя мусульманской общины, на которого возлагалась обязанность защищать целостность государства и нерушимость веры. Абу Бакр был первым из череды четырёх «праведных халифов», «товарищей Пророка», которые сопровождали Мухаммеда в хиджре, историческом бегстве из Мекки в Медину в 622 году, с которого начался отсчёт новой мусульманской эры.

После избрания Абу Бакра халифом, соперничающая партия заявила, что по естественному праву преемником Мухаммеда следует признать двоюродного брата и зятя Пророка, Али. Сторонники Али назывались шиату Али (партия Али, позднее просто шииты). По шиитскому учению, Мухаммед провозгласил Али своим преемником в 632 году в Гадир-Хумме, взяв его за руку и сказав собравшимся мусульманам: «Для кого я вождь, для того и Али вождь»^[16]. Указания на предпочтение, оказываемое Пророком Али, восходят к самому началу пророческого пути Мухаммеда. Мухаммед воспитывал Али с тех пор, как мальчику исполнилось пять лет. В возрасте десяти лет Али последовал примеру Хадиджи, став вторым мусульманином. В первой проповеди, произнесённой вне круга своей семьи, Пророк называет юного Али своим «братом, душеприказчиком и преемником среди вас». Далее Мухаммед призывал «слушать Али и подчиняться ему»^[17]. Али женился на Фатиме, которая была единственным ребёнком Мухаммеда, не умершим во младенчестве. От их союза родилось двое детей. Перед брачной ночью Пророк дал особое благословение новобрачным и их потомству^[18]. Али выказал себя храбрым и преданным воином.

Поддерживавшие избрание Абу Бакра стали именоваться суннитами. Они склонялись к умеренному, демократичному взгляду на путь развития религии и общества, считая основной движущей силой единодушное большинство правоверных, в то время как в глазах шиитов для руководства исламом по истинным предначертаниям Пророка и велениям Корана требовался одарённый божественной благодатью посредник. Таким образом, сунниты смотрели на фигуру халифа прежде всего как на распорядителя делами государства, тогда как шииты выдвигали на передний план его функции духовного вождя. Шиитский вождь наследует *илм*, особое религиозное знание, необходимое для наставления паствы на праведный путь. Обладая таким знанием, он выступает в качестве непогрешимого наставника своего народа, не подверженного ни греху, ни ошибке. Более того, шииты утверждали, что вождь со всей необходимой духовной властью и авторитетом может происходить только от крови Пророка, от *ахл ал-бейт*, «людей дома».

Так как халиф является одновременно и религиозным, и светским вождём ислама, раскол между сторонниками преемственности халифата по образцу, действовавшему со времён Абу Бакра, и теми, кто поддерживал притязания рода Али, превратился в борьбу и политическую, и религиозную. Идеал исламского государственного устройства заключается в теократии, то есть в такой форме правления, когда право на власть исходит от самого Бога. Правитель возвещает волю Аллаха и тем самым управляет обществом и государством, воспринимаемым как земное отражение Царствия Небесного. Государство и Церковь неразделимы. В теократическом государстве политическая оппозиция выражается в форме ереси. И потому раскол мусульман на суннитов и шиитов носит гораздо более сложный характер, чем сходные расколы в западных

религиях.

Короткое правление Абу Бакра закончилось с его смертью в 634 г. То ли с целью избежать новых затруднений для молодой религии, то ли по каким-то другим неизвестным причинам, он решил назначить своим преемником не Али, а Омара, своего друга и главного советника. Таким образом, разрыв между двумя партиями в исламе, суннитами и шиитами, только усугубился, до сих пор не потеряв своей первоначальной остроты^[9].

При Омаре власть мусульман распространилась на весь Аравийский полуостров. Кочевые арабские племена испокон веков жили разбоем, но после принятия ислама им уже запрещалось воровать у единоверцев. Поэтому они обратили свои взоры на север в сторону Палестины, находившейся под властью христианской Римской империи, и на зороастрийские земли Месопотамии и Ирана. Все эти области не могли оказать достойного сопротивления. Каждую из них раздирали внутренние слабости, которые делали их притягательной мишенью для удара. Пассивность христиан привела к снижению обороноспособности палестинской области, а персы были охвачены раздорами и общей апатией. Арабские же племена, напротив, находились на подъёме, обретая религиозное и политическое единство. Мусульмане представляли собой изголодавшуюся, агрессивную силу, а их растущая численность требовала захвата новых земель.

Мусульманские войска нанесли поражение византийцам в Сирии в 634 году, превратив эту страну в плацдарм для будущих завоеваний. В 635 году пал Дамаск, в 636 — Антиохия, в 638 — Иерусалим. Халиф Омар приехал в Святой Город, встретился там с христианским патриархом Софронием и наложил на христиан лёгкую контрибуцию. Арабские победы в Палестине породили мощную волну переселения с Аравийского полуострова на захваченные земли. К 641 году мусульмане владели всей Сирией, Персией и Египтом. Александрия была захвачена у Византии при помощи христиан-монофизитов, которые предпочли власть веротерпимых мусульман, испытав гонения со стороны своих ортодоксальных собратьев при императоре Юстиниане. Хотя два историка XIII века обвинили мусульманского военачальника Амра ибн ал-Аса в сожжении Александрийской библиотеки и растапливании её бесценными папирусами и пергаменами городских бань, эту историю следует относить к области вымысла. Библиотека была по большей части разрушена ещё в 391 году при Феофиле, патриархе Александрии^[19].

Быстрое распространение ислама облегчалось терпимостью мусульман к другим вероисповеданиям и хорошим отношением к побеждённым. Мусульманские завоеватели позволяли своим новым подданным сохранять земли, обычаи и религии. Отказывавшиеся перейти в ислам просто облагались налогом по более высоким ставкам, чем правоверные. Однако денежная дань, налагаемая мусульманами, часто была меньше тех налогов, которые взымали предыдущие правители. Таким образом, мусульмане почти не встречали сопротивления, постепенно распространяя свою власть на весь Ближний Восток.

Халиф Омар был смертельно ранен в 644 году одним рабом, персидским христианином. В то время юная мусульманская империя простиралась от Аравии на юге до Турции и Армении на севере, Ирана на востоке и Ливии на западе. За следующие шесть лет была покорена Северная Африка до самого Атлантического побережья. В итоге множество христианских общин римского периода постепенно перешло в ислам, за исключением существующей и по сей день Коптской церкви.

Перед своей смертью Омар назначил совет из шести мусульманских вождей, который должен был избрать его преемника. Али вновь остался не у дел, и третьим халифом стал Осман. Во время его правления вследствие политических и экономических конфликтов, новых для мусульманского государства, разрослись внутренние раздоры. Политические назначения и распределение земель, производимое Османом, вызвали межплеменные разногласия. Агрессивная экспансия ислама шла на убыль, вследствие чего без работы и должностей

осталось множество военных. Этой возможностью воспользовались шииты, начавшие вербовку сторонников среди недовольных. В 656 году Осман был убит группой мятежников из числа арабских военных. Мусульмане наконец всё-таки не удержались от пролития мусульманской крови. Краткий период единства, установившегося после провозглашения новой религии, навсегда канул в Лету.

Шииты утверждали, что исламская община пошла по неверному пути, сосредоточив свои усилия на создании империи. Они заявляли, что необходимо вернуться к истинному учению Пророка. По их убеждению, единственное средство, которое обеспечит это возвращение, заключалось в наследовании власти в кругу родственников Пророка, без которого нельзя рассчитывать на исполнении духовной миссии ислама. Они обвиняли первых трёх халифов в отступничестве. Позднее это обвинение вызовет сильную враждебность со стороны суннитов. По словам шиитов, два десятилетия, прошедшие со времени смерти Пророка, со всей суровой очевидностью показали правоту шиитских воззрений на необходимость формальной связи между божественной мудростью и религиозной властью.

В 656 году халифом наконец был избран Али, ставший четвёртым преемником Мухаммеда. Его правление ознаменовалось серьёзными беспорядками и первой гражданской войной. Алиша, вдова Пророка, издавна питала ненависть к Али^[10]. К Алише присоединились два влиятельных Товарища Пророка, Зубейр и Талха. Три мятежных вождя собрали армию в Ираке, но были разбиты войсками Али. Зубейр и Талха были убиты в сражении, и Алиша была вынуждена вернуться в Медину.

Двоюродный брат Османа, Муавия, правитель Сирии, отказался признать Али халифом и в 657 году объявил ему войну, выставляя в качестве предлога желание отомстить за смерть Османа. Войска Али уже почти одержали победу, когда воины Муавии подняли на копьях страницы Корана, показывая, что они хотят не битвы, а выяснения истины. Воины Али отказались продолжать битву. В последовавших переговорах представители Али поддались на уловку Муавии. Было решено назначить новые выборы халифа и объявить, что Али готов сложить свои полномочия, чтобы провести выборы. Сторонники Муавии воспользовались этой возможностью, чтобы провозгласить Муавию халифом ввиду отречения Али. Ислам оказался расколот на халифаты Муавии и Али. В 661 году Али был убит в Ираке, где он устроил свою столицу. После смерти его значение только возросло. Он считается мучеником и уступает святостью в глазах шиитов только Пророку.

Халифат Омейядов и убийство внука Пророка

Наследником Али стал его распутный сын Хасан, отрёкшийся от престола в пользу Муавии за крупную сумму денег. (Хасан был убит одной из своих жён в 669 году.) Муавия сделал своей столицей Дамаск и положил начало династии Омейядов, правившей мусульманами на протяжении ста лет. Муавия ввёл обычай проклинать Али с кафедры во время пятничной молитвы, который стал первым примером проявления официальной антишиитской политики со стороны суннитов.

Хусейн, младший сын Али и Фатимы, получил предложение стать во главе шиитов. Он ответил, что до смерти Муавии связан условиями, заключёнными при отречении его брата. В 680 году Муавия умер, передав власть своему сыну Йезиду. Вскоре после этого Хусейн предъявил свои права на халифат в качестве законного преемника Али. В 680 году Йезид с четырёхтысячным войском напал на Хусейна и небольшую группу его приближённых у Кербелы. В бою погибли и Хусейн, и все семьдесят человек его свиты. Его тело было предано

поруганию. Убийцы пощадили только женщин и детей. Среди чудесным образом спасшихся от истребления был и сын Хусейна, Али. Мальчик лежал больным в шатре несколько в стороне от остальной группы.

Гибель Хусейна считается решающим событием, породившим шиизм в качестве особого учения и вероисповедания. Убийство внука Пророка властвующим политическим вождём ислама вызвало волну ярости, негодования и сомнения в своих силах по всему мусульманскому миру. Последователи Хусейна были в особенности подавлены своей неспособностью оказать ему действительную помощь и предотвратить его смерть. В шиизм проникли могущественные религиозные чувства искупления, самопожертвования и мученичества. Инсценировки мученической смерти Хусейна разыгрываются по сей день. В них участвуют и массы флагеллантов, вызывающие удивление у западных телезрителей. Кербела до сих пор считается Святым городом шиизма.

Многие современники Хусейна не знали, что в сражении при Кербеле выжил Али ибн Хусейн, правнук Мухаммеда, тем более что после бойни он вернулся в Медину и держался вдали от политической сцены. О нём не вспоминали, поскольку в то время начали происходить события, отодвинувшие на задний план единственного потомка Пророка.

Мухтар и подъём шиизма

У шиитов появился новый вождь по имени Мухтар. Он собрал под своим началом так называемое Войско кающихся, состоявшее из сторонников Хусейна. В 686 году Мухтар разбил армию омейядского халифа Йезида, но умер год спустя, не успев воспользоваться плодами своей победы. Хотя жизненный путь Мухтара был недолог, ему удалось навсегда изменить ислам. Он привил шиитам непоколебимую веру в могущество имама и пришествие Махди. Две эти фигуры свойственны только шиизму. Имамы считаются духовными наставниками человечества и временными руководителями ислама, прямыми представителями Аллаха. Махди — это имам-мессия, избранный Аллахом, который явится из укрытия в должное время, восторжествует над врагами, сделает общим достоянием скрытое учение и введёт людей в царство истины, равенства и справедливости.

Мухтар провозгласил имамом и Махди одного из сыновей Али, Мухаммеда ибн ал-Ханафийя. (Мухаммед ибн ал-Ханафийя не был сыном дочери Пророка Фатимы, которая умерла через шесть месяцев после смерти отца. Когда Фатима ушла из жизни, Али женился на Хавле, женщине из племени Пророка, Бану Ханифа, и она родила ему сына, Мухаммеда ибн ал-Ханафийя. Таким образом, новый имам не был прямым потомком Пророка.) Мухаммед ибн ал-Ханафийя умер около 700 года. Многие шииты верили, что на самом деле он удалился в укрытие в горах близ Мекки и в будущем вернётся в качестве Махди.

Шиизм получил широкое распространение в Ираке и Иране. Властители зороастрийской Персии традиционно рассматривались как полубоги, подобно обожествлённым египетским фараонам. Шиитское учение о боговдохновенном имаме с готовностью воспринималось персами. Мухтар также потребовал положить конец арабскому первенству в исламе, настаивая на полном равноправии с арабами персидских и иракских новообращённых мусульман, *мавали*, «подчинённых». Социальная, политическая и религиозная ущемлённость по отношению к арабскому правящему классу вызвала крайнее недовольство у новообращённых. Отзывчивость, с которой Мухтар воспринял возмущение мавали, в немалой степени способствовала укреплению шиитского движения.

Духовный и политический шиитский призыв, реформистский и революционный по своей

сути, нашёл отклик и среди недовольных арабов. В эту группу входили благочестивые мусульмане, разочарованные мирскими заботами халифов, бедные арабы, раздражённые нарочитой демонстрацией богатств своими состоятельными вождями, кочевые племена, которые презирали ограничения на собственность и перемещение, установленные всё более централизованной и высокомерной суннитской властью, и многие другие сунниты, возмущённые и утраченные убийством Хусейна, внука самого Пророка.

Таким образом, шиизм служил средоточием множества форм политического и духовного инакомыслия. А так как ислам прирастал новообращёнными из других религий, шиитское течение обростало разнородными христианскими, иудейскими и персидскими представлениями и верованиями. Шиизм впитывал идеи доисламского персидского и вавилонского мистицизма, греческого политеизма, манихейского дуализма, а также иудейского и христианского гностицизма. Иудейские представления о святости крови Дома Давидова наряду с зороастрийской мессеанской традицией и христианским учением о том, что Спаситель происходит из святого рода, также внесли свой вклад в становление шиизма.

Аббасидский халифат

Крупным, хотя и недолговечным политическим успехом шиизма явилось воцарение династии Аббасидов. Возводя свой род к ал-Аббасу, дяде Пророка, Аббасиды в 716 году выдвинули свои притязания на признание их шиитским меньшинством и опирались на шиитов в борьбе за власть над халифатом. По утверждениям Аббасидов, они входили в обозначенную Мухтаром череду имамов, происходящую от Мухаммеда ибн ал-Ханафийя. В 716 году многие шииты поддержали Аббасидов, заявлявших, что имамат перешёл к Мухаммеду ибн Али, правнуку ал-Аббаса.

Затем Аббасиды объявили, что, так как имамат передаётся в их династии, они являются законными вождями шиизма и готовы бросить вызов халифам-Омейядам. В то время власть халифа чрезвычайно ослабла из-за беспрерывных раздоров и неурядиц, вылившихся в гражданскую войну. В 743 году Мухаммед ибн Али умер, а его преемником стал его сын, Ибрахим ал-Имам. Брошенный в тюрьму Омейядами, Ибрахим умер в заключении в 749 году всего лишь за несколько месяцев до победы, одержанной Аббасидами над Омейядами при Куфе. В ноябре 749 года Абу ал-Аббас, единокровный брат Ибрахима, был провозглашён первым аббасидским халифом. В 750 году его войска нанесли решающее поражение Омейядам в Египте^[11].

На протяжении трёх десятилетий Аббасиды клялись в своей приверженности роду Али и признавали святость его потомков. Однако сразу же после успешного воплощения своих честолюбивых замыслов они предали сторонников Алидов, которые посадили их на трон халифов. Во-первых, Аббасиды полностью уравнили в политических правах *мавали*. Это решение на время устранило недовольство *мавали* и лишило их повода поддерживать дело шиитов. Во-вторых, чтобы добиться признания мусульманского большинства, Аббасиды решили отречься от своих корней. Они начали жестокие гонения на своих бывших шиитских союзников, заключая их в тюрьму, отправляя на казнь и устраивая массовые избиения. В конце концов Аббасиды объявили себя суннитской династией.

В 762 году Аббасиды перенесли столицу халифата в древний вавилонский город Багдад, отстроив его практически заново. В Багдаде они будут править ещё пять веков, оставаясь номинальными вождями ислама, до прихода монголов в 1258 году. Окончательное предательство по отношению к шиизму совершил халиф Мухаммед ал-Махди (775–785 гг.), который заявил, что

Пророк назначил своим преемником вовсе не Али, а Аббаса. (На самом деле ал-Аббас поначалу отвергал новую религию и долгое время воевал с Мухаммедом.) Это была откровенная измена.

Развитие экстремистских тенденций в шиизме

Возмущение предательством Аббасидов естественным образом привело к укреплению экстремистских настроений среди шиитов и заставило их ещё больше отдалиться от главного руслу ислама. Эти же события вынудили шиитов обратиться к размышлениям о истории и развитии собственной секты. В качестве оппозиционного религиозного движения шиизм был подвержен различным видоизменениям доктрины в гораздо большей степени, чем официальный суннизм. Время от времени появлялись претенденты, объявлявшие себя Махди, или скрытым имамом, и обогащавшие представления современников о могуществе этого тайного Спасителя. Сильный подъём испытывал культ святых, а имамы и *дай* (прямые представители имама) наделялись в народном воображении чудодейственными силами.

Учения о божественном озарении, доставшиеся исламу в наследство от прежних религий и ересей, так изменили основное направление мусульманской теологии, что возникавшие вследствие этого процесса культы обретали почти что независимое положение. Нередки были случаи перехода из одной секты в другую. Эклектические доктрины, возникшие в недрах многих шиитских групп, содержали представления о перевоплощении и переселении душ; обожествление имамов и иногда *дай*; углублённые размышления о божественной природе; особое внимание к пророчествам и гаданию; учения о природе души, смерти, загробной жизни и бессмертии; рассуждения о цикличном характере времени и истории; каббалистическое изучение буквенного и числового значения; и иногда отказ от традиционных для ислама ограничений на сексуальное поведение, использование наркотиков и пищевые запреты.

Различия, которые возникли внутри шиитской общины, часто несколько не отличались по своей глубине от фундаментального различия между шиитами и суннитами. Духовная и политическая программа одних групп могла иметь конечной целью воцарение избранного имама в качестве революционного вождя, который, ведомый Аллахом, откроет людям путь в новый мир истины и справедливости. По мысли другого направления, имамы настолько погружены в заботы духовного руководства, что устраняются от любого вмешательства в политическую борьбу, предпринимаемую с целью свержения суннитских халифов. Другие шиитские течения считали, что имамы настолько далеки от мирских превратностей светских конфликтов, что тайно наставляют самих суннитских халифов либо непосредственно физически, в телесном облике, либо с помощью магических сил.

Вопрос об истинном имаме

Измена Аббасидов со всей наглядностью поставила шиитов перед необходимостью определения критериев, по которым можно оценивать притязания на имамат разных шиитских вождей. Каковы должны быть требования к роду, в котором по наследству передаётся шиитский имамат? Кто является законным представителем *ахл ал-бейт*? Все сходились в признании первым имамом Али. Два его сына от Фатимы, Хасан и Хусейн, также признавались всеми следующими двумя имамами. Однако Мухтар провозгласил имамом сына Али от его жены из племени Бану Ханифа. Другие имамы обосновывали свои притязания происхождением из рода Бану Хашим, из которого вышел и сам Пророк. После предательства Аббасидов шииты

наложили на имапат более строгие ограничения. С этих пор большинство шиитов считает, что имапат может передаваться лишь в роду потомков Али от Фатимы. Таким образом, в этом ограниченном понимании род Али означает прямое происхождение от Пророка. Более того, большинство полагает, что в каждый данный момент действует лишь один имап. Али, сын Хусейна, признаётся подавляющим большинством шиитов (и тогда, и теперь) законным четвёртым имапом. Алидский имапат наследуется в роду его потомков.

Хотя Али ибн Хусейн был известен своим благочестием, его отстранённость не позволила ему стать политическим вождём. После его смерти в 714 году пятым имапом стал его сын Мухаммед ал-Бакир. Мухаммед считается первым имапом, исполнявшим харизматическую роль властного и боговдохновенного учителя, укрепившим традицию имапата у шиитов^[20]. Он разработал учение *такийи*, имевшее важное значение для выживания шиитской общины во враждебном суннитском обществе. Понятие *такийи* включает в себе притворство, скрытность и предусмотрительность. Учение *такийи* позволяет верующему скрывать свои истинные верования, не впадая в грех и тем самым избегая мученической смерти от рук враждебно настроенных властей или населения. Эта практика помогла шиитам распространить свои всё более и более радикальные воззрения без помех со стороны недоброжелателей. Одновременно политическое недовольство в простом народе деятельно разжигалось шиитскими агентами, получившими право скрывать свои истинные цели без опасности погрешить перед Богом. В первой половине VIII века в Персии не прекращались вооружённые революционные действия, предпринимавшиеся небольшими независимыми группировками. Однако все подобные выступления подавлялись войсками сначала Омейядов, а затем Аббасидов.

Шестой имап, Джафар ас-Садик, наследовал своему отцу в 732 году и стал знаменем шиитского движения после измены Аббасидов. Он отличался высокими душевными качествами и был последним имапом, признаваемым таковым всеми шиитами. Его учёность и набожность были столь велики, что его авторитет признавался (и признаётся до сих пор) самими суннитами. Джафар разработал доктрину *насса*, духовного назначения правящим имапом своего преемника. По учению Джафара, имап может отстраниться от политической жизни, не принимая участия в революционной деятельности, направленной на захват халифской власти. Это учение позволило шиитскому движению в обстановке политического бессилия и бесправия превратиться в настоящую религию. Джафар также углубил и дополнил учение своего отца в отношении *такийи*. Он утверждал, что имап может осуществлять своё духовное руководство в молчании и неизвестности. Имап не обязан бросать открытый вызов светской политической власти суннитов. Истинное величие имапа может пребывать скрытым.

Исмаилитский раскол

В 765 году в шиизме появилась новая партия, которая играет важнейшую роль в тех событиях, которые мы рассматриваем в этой книге. Исмаилитская партия возникла вследствие споров о правопреемничестве и истинной личности седьмого имапа^[12]. По не вполне ясным причинам Джафар ас-Садик лишился наследства своего старшего сына, Исмаила. Некоторые историки считают, что Исмаил навлек на себя недовольство отца своими тесными сношениями с экстремистскими группами. По-видимому, Исмаил поддерживал связь с Абу-л Хаттабом, учеником Джафара, который был ревностным сторонником имапа, но из-за своих радикальных политических и религиозных взглядов был всенародно проклят Джафаром. В 756 году, через два года после проклятия, Абу-л Хаттаб был схвачен и распят Аббасидскими властями. Абу-л Хаттаб проповедовал каббалистическое учение, стремившееся к раскрытию эзотерической истины,

скрытой за внешними проявлениями. Его учение объясняло природу духовной иерархии, божественность имама и необходимость углублённого толкования внутреннего смысла Корана. Все эти черты были позднее подхвачены исмаилитским течением.

По мнению других историков, Исмаил не мог стать преемником Джафара и седьмым имамом, поскольку умер раньше отца. Считается, что Джафар передал права наследования младшему единокровному брату Исмаила, Мусе ал-Казиму, который признаётся седьмым имамом большинством шиитов. Род Мусы продолжался до двенадцатого имама, Мухаммеда ал-Махди, который исчез в 873 (или 878) году. Возвращения двенадцатого имама, Махди, перед концом света, его явления во славе до сих пор ожидает большая часть шиитов, называемых шиитами-двунадесятниками, или Исна ашарийя. Это умеренное шиитское течение стало официальной религией Ирана и Ирака с XVI века.

Инакомыслящий шиитский лагерь поддерживал права Исмаила на имамат. Некоторые утверждали, что Джафар объявил о смерти Исмаила, чтобы защитить его. Другие считали, что после смерти Исмаила Джафар назначил седьмым имамом Мухаммеда, сына Исмаила, поскольку он понимал, что *насс* переходит от отца к сыну, а не от брата к брату. Другие же говорили, что перед смертью Исмаил открыто передал *насс* сыну, указав на него как на истинного имама. Многие полагали, что Джафар ас-Садик не имел права отнимать *насс* у Исмаила, даже если ему не нравился его политический настрой.

Сторонники имамата Исмаила и его сына Мухаммеда получили прозвание исмаилитов, а также шиитов-семеричников, или Сабийя. Вскоре после того, как Муса ал-Казим был признан предуказанным преемником Джафара, Мухаммед ибн Исмаил отправился путешествовать. Считается, что он отправился в Персию, а затем исчез, скрывшись от человеческих глаз. Покров неизвестности окутывает все дальнейшие сведения об этом имаме.

Ранняя история исмаилитских имамов

Об истории и учении исмаилитских имамов от начала исмаилитского движения в 765 году до создания Фатимидского халифата в 909 году известно очень немного. Однако к тому моменту, когда имам Фатимид решил явить себя миру, исмаилитское учение было уже зрелым. Исмаилитские имамы, более ста лет действовавшие в относительной тайне и изоляции, разработали целостное теологическое учение, обладавшее привлекательными чертами как с интеллектуальной, так и с эмоциональной точки зрения. С середины IX века они начали выходить из укрытия, развернув оживлённую деятельность по проповедыванию своего учения. Исмаилитская миссия известна под названием *дава*, «призыв» к повиновению имаму. *Даву* проповедуют *даи*, «призывающие», которые распространяют истинное учение.

В философском отношении исмаилиты заменили хаотическое разномыслие и суеверия прежних шиитских сект рядом чётко продуманных философских доктрин. Хотя ранняя исмаилитская литература дошла до нас в крайне скудном объёме, среди доверенных членов секты, по-видимому, ходили различные анонимные рукописи. Исмаилитское учение отличалось синтетичностью, сочетая почитание Корана с греческим неоплатонизмом и индийским мистицизмом. Исмаилитское сосредоточение религиозной преданности на фигуре живого имама привлекало учеников своей эмоциональной притягательностью. Наконец, исмаилизм представлял собой хорошо организованную оппозиционную силу, собиравшую под свои знамёна всех недовольных существующими порядками.

В Ираке руководство исмаилитской *давой* с 870 года находилось в руках Хамдана Кармата. Его последователи именовались карматами. Энергичная проповедь Кармата нашла широкий

отклик, и Ирак стал областью со значительным исмаилитским влиянием. *Дава* Хамдана распространялась на Ирак, Персию, Трансоксанию, Сирию, Бахрейн, Йемен, Синд и Северную Африку. Из-за столь блестящих успехов в конце IX века исмаилиты стали именоваться карматами, даже если они не принадлежали к числу учеников самого Хамдана Кармата. Его революционное политическое учение привлекало множество недовольных правлением Аббасидов. К тому же более многочисленные шииты-двунадесятники так и не сумели создать организованной оппозиции.

На самом деле за период с 765 по 900 год обстоятельства складывались так, что это привело к общему ослаблению как суннитов, так и шиитов-двунадесятников в политическом и культурном отношении. С середины IX века фактическими руководителями Аббасидского правительства стали представители тюркской дворцовой гвардии в Багдаде. Вино, разврат, педерастия и страсть к роскоши столь ослабили династию Аббасидов, что империя стала распадаться. Область за областью выходила из-под аббасидской власти. Угнетение всё возрастало по мере того, как правители-отступники узурпировали власть аббасидской администрации. Упадок Аббасидов дошёл до того, что на всём Ближнем Востоке перестала поддерживаться когда-то мощная ирригационная система, необходимая для производства пищевых ресурсов.

Новая общественная и экономическая ситуация подразумевала развитие ремёсел и торговли. Прежние базы войск превращались в города, становившиеся центрами экономической активности. Арабская племенная знать принимала в свои ряды новый правящий класс, состоящий из землевладельцев, состоятельных купцов, администраторов, религиозных наставников и учёных. Между городским и сельским населением возник конфликт интересов.

Крестьянские волнения возникали прежде всего среди той части бедного населения, которая была привлечена исмаилитским движением, обещавшим своим сторонникам полную справедливость при правлении махди. Исмаилитская проповедь распространялась в сельской местности, вдали от глаз могущественной аббасидской городской бюрократии. Исмаилитская *дава* пользовалась определённым успехом и в городских центрах, особенно среди интеллигенции, привлечённой изысканностью и разработанностью исмаилитского учения. Недовольство положением, сложившимся в VIII и IX веках, заставило многих с особым вниманием прислушаться к призывам шиитов, утверждавших, что ислам пошёл по неверному пути и должен подвергнуться очищению и исправлению.

Провозглашение Фатимидского халифата и карматский раскол

Исмаилиты были готовы возглавить дело исправления ислама. В 909 году они достигли наивысшего успеха, когда скрытый имам Убейдаллах провозгласил создание Фатимидского халифата в Северной Африке. В самом выборе названия новой династии отразился переход власти к роду Али.

На протяжении периода в сто пятьдесят лет между смертью Джафара ас-Садика и халифатом Убейдаллаха исмаилиты представляли собой единое течение. После седьмого имама, Мухаммеда ибн Исмаила, все последующие имамы сохраняли свой имамат в тайне, называя себя (следуя учению такийи) всего лишь худджа, «доказательство» или «представитель», Мухаммеда ибн Исмаила Махди, новое явление которого должно было искупить грехи человечества. Эта традиция коренным образом изменилась в тот момент, когда Убейдаллах провозгласил себя живым имамом и возвёл свою генеалогию через всех скрытых имамов за последние сто пятьдесят лет к Джафару ас-Садику. Конечно, из заявлений Убейдаллаха вытекало отрицание

того, что Мухаммед ибн Исмаил был Махди.

Вовсе неудивительно, что человек, занимавший такое положение, как Хамдан Кармат, отказался признавать Убейдаллаха и его учение об имамате. В 899 году Хамдан начал замечать некоторое изменение в тоне сообщений, поступающих из штаб-квартиры сирийских исмаилитов. Он послал своего брата Абдана, чтобы расследовать это обстоятельство. Абдан встретился с Убейдаллахом и узнал, что тот считает себя имамом и более не признаёт Махди Мухаммеда ибн Исмаила. Хамдан собрал своих *даи* и сообщил им о ереси, в которую впал Убейдаллах. Он приказал им прекратить проповедь. Вскоре после этого Хамдан Кармат исчез с исторической сцены.

Антифатимидское течение в исмаилизме так и не получило руководителя уровня Хамдана, и всё же на территориях, охваченных исмаилитским влиянием, остались группы недовольных. Карматы продолжали ожидать пришествия Мухаммеда ибн Исмаила. Среди предполагаемых карматских агентов были такие личности, как знаменитый Мансур ал-Халладж, который приобрёл значительное влияние на некоторых представителей правящей Аббасидской династии. По наущению врагов и завистников при Аббасидском дворе в 922 году ал-Халладж был схвачен, предан пыткам и распят в Багдаде. Его тело подверглось расчленению. Мансур ал-Халладж испытывал гностический опыт слияния с Богом, во время которого он выкрикивал: «Я истина!» Он был обвинён в ереси и убит, а его ученики впоследствии основали множество мистических суфийских орденов^[21].

В Бахрейне карматская дава продолжала существовать ещё два столетия, составляя конкуренцию как Аббасидам, так и Фатимидам. Здесь община приобрела особенно резкие революционные черты. Карматское государство по большей части поддерживало своё существование за счёт грабительских нападений на караваны и города, входившие в Фатимидское и Аббасидское государства. В 902 году карматы вынудили Убейдаллаха бежать из Сирии и предпринять долгое и опасное путешествие в Северную Африку. Карматский экстремизм не сбавлял оборотов и наконец достиг столь высокой степени накала, что в 930 году секта во главе с Абу Тахиром напала на Мекку. В результате было убито тридцать тысяч жителей Мекки и паломников-мусульман, а в руки карматов попала главная святыня ислама — Чёрный Камень Каабы. Карматы хранили камень до 951 года, когда его выкупили у них Аббасиды, предложившие им огромную сумму денег. Суннитские теологи и ересиологи начали стричь под ту же гребёнку и всех остальных исмаилитов, без разбора обвиняя их в богохульстве и мерзостях, свойственных радикалам-карматам. (Они оставляли без внимания то обстоятельство, что многие атаки карматов были направлены против исмаилитов-Фатимидов.) К 1077 году карматы попали под власть Фатимидов; их исмаилитские корни и воспоминания о прежних карматских беззакониях привели к тому, что дурная слава перешла на всех исмаилитов.

К неверным истолкованиям исмаилитского вероучения, в какой-то мере оправданным обычным непониманием, добавилась целенаправленная пропаганда, вестущаяся Аббасидами. Начиная с IX века исмаилиты служили мишенью для суннитских пропагандистов, веками трудившихся над созданием того, что историк Фархад Дафтари назвал «чёрной легендой»^[22]. Шииты-двунадесятники часто оказывали помощь суннитским ересиологам в этих нападениях, содержащих, в частности, изошрённо обоснованное отрицание происхождения исмаилитских имамов от Али. Имамы изображались самозванцами, поборниками ильхада (главная ересь), поставившими перед собой ужасную цель разрушить ислам изнутри. Исмаилитов называли малахидами (еретиками) и мульхидами (отступниками). В 1011 году Аббасидский халиф созвал ученых суннитов и шиитов-двунадесятников на совещание в Багдаде, в ходе которого был издан манифест, осуждавший исмаилитов-Фатимидов и отвергавший их родственные связи с родом Али. Эта клевета позднее, в XVIII веке, была повторена западными ориентологами,

почерпнувшими её при изучении средневековой мусульманской истории. Таким образом, вся европейская наука XVIII и XIX веков прошла под знаком полного непонимания исмаилитов.

Эпоха Фатимидов

Фатимидская династия представляла собой первое долговечное шиитское государство, образованное после двух с половиной столетий непрерывной политической борьбы. Классический Фатимидский период, получивший название Золотого Века исмаилизма, продолжался около 200 лет, начиная с 909 года, когда Убейдаллах объявил себя имамом, и заканчивая смертью восьмого Фатимидского халифа ал-Мунстансира в 1094 году и последующим низаритским расколом. Правление Фатимидов в целом отличалось высокой стабильностью, что привело к общему росту благосостояния. Фатимиды покровительствовали искусствам и наукам. В результате их деятельности Каир превратился в процветающий центр культуры и торговли, в XI веке соперничавший в этом качестве с Багдадом. Этот богатый период классической Фатимидской литературы запечатлел небывалые интеллектуальные и философские достижения исмаилитов.

С 902 по 909 год Убейдаллах занимался созданием исмаилитской организации в Северной Африке. После недолгого заточения он был освобождён своими сторонниками и провозглашён халифом в Марокко, после чего перенёс свою столицу в Тунис. Первые десятилетия его правления ознаменовались постоянной борьбой за выживание. Фатимиды вступили в открытую войну с карматами и другими недовольными исмаилитами, отказавшимися признавать правомочность имамата Убейдаллаха и сохранявшими верность памяти Мухаммеда ибн Исмаила. Ко времени четвёртого Фатимидского халифа ал-Муизза (953–975) Фатимиды практически преодолели внутреннее сопротивление и смогли приступить к осуществлению политики территориальной экспансии. К 969 году Фатимиды отвоевали у Аббасидов Египет и построили здесь свою новую столицу Каир (ал-Кахира). В 969 году ал-Муиззу изъявили покорность Мекка и Медина, получив взамен существенные экономические выгоды.

За редкими исключениями Фатимиды с уважением относились к религиозной свободе суннитского большинства в Египте и отличались терпимостью к христианам и иудеям. Некоторые христиане и иудеи достигли при Фатимидских халифах высоких должностей в государстве. В 988 году Фатимиды основали первый университет в мире, ал-Азхар, ставший центром распространения исмаилитского вероучения. Конечной целью Фатимидов было полное и единоличное руководство исламом. На всём протяжении истории Фатимидского государства халифы вели неустанную миссионерскую деятельность, в отличие от Аббасидов, свернувших подобную активность после достижения политической победы.

Ал-Муизз умер в 975 году. Он внёс некоторые изменения в исмаилитское вероучение с целью привлечь на свою сторону недовольных исмаилитов. Мухаммед ибн Исмаил занял своё место в рамках системы космологических циклов и был поставлен рангом выше, чем прежде, в учении Убейдаллаха. Ал-Муизз также включил в фатимидскую систему исмаилитскую неоплатоническую космологию, вновь открывая несогласным пути к воссоединению. Его старания способствовали расширению фатимидского влияния в исмаилитском обществе.

При следующем халифе ал-Азизе (975–996) Фатимиды добились максимального расширения границ своего государства. На вершине могущества их империя распространялась на территории Египта, Сирии, Северной Африки, Сицилии, побережья Красного моря, Йемена и Хиджаза в Аравии, а также на священные города Мекку, Медину и Иерусалим. К концу X века исламским миром правили три разные династии — Омейяды в Испании и Марокко, Фатимиды

на территории от Алжира до Сирии и Аббасиды в Багдаде. Ал-Азиз деятельно занимался распространением фатимидской давы в Персии. Его правление отмечено наибольшей веротерпимостью. Его жена была христианкой, а его визирь — обращённым в исмаилизм из иудаизма.

Ал-Азизу наследовал семилетний сын ал-Хаким (996–1021). Это был угрюмый и эксцентричный халиф, отличавшийся крайней неуравновешенностью. Однако он проявлял большой интерес к искусствам и наукам и неустанно трудился над расширением своей давы. В 1005 году он основал Дар ал-Хикма, Дом Мудрости, — училище, в котором обучались *даи*. В сферу миссионерской деятельности ал-Хакима попали и недовольные карматы. За пределами Бахрейна большинство карматов признали Фатимидский имамат. С другой стороны, ал-Хаким начал гонения на иудеев и христиан. В 1009 году он приказал разрушить церковь Святого Гроба Господня в Иерусалиме. Это деяние положило конец перемирию, заключённому его отцом с Византийским императором, и послужило предлогом для крестовых походов. Его нетерпимость распространялась и на суннитов. Он присоединился к шиитскому обычаю проклинать первых трёх халифов как узурпаторов, незаконно занимавших место Али.

В 1017 году возникло движение друзов, группы недовольных исмаилитов, которая вскоре создала собственную религию. Некоторые *даи* ал-Хакима начали проповедовать крайние формы вероучения, выдвигая тезис о физической божественности Фатимидского имама. Фатимиды считали имама поставленным от Бога, непогрешимым и безгрешным, единственным полноправным духовным вождём человечества — но всё же человеком. Друзы сделали следующий шаг и тем самым навлекли на себя гнев Фатимидов. Вождь друзов был убит в 1018 году, но их движение продолжало расти, становясь неизбывным источником религиозных и политических разногласий. Друзы утверждали, что ал-Хаким был Каимом, последним имамом, чьё правление предвещает Кийяму, конец ислама и отмену шариата. (Эти представления, свойственные радикальному шиизму, вновь появятся у низаритов столетие спустя. Мы рассмотрим их подробнее, когда будем говорить о правлении ассассинских вождей Хасана II и его сына Мухаммеда II.) На нынешний день около 300 тысяч друзов живут на территории Сирии, Ливана и Израиля, по-прежнему ожидая пришествия ал-Хакима^[23].

Ал-Хаким умер или исчез в 1021 году. Ему наследовал его сын аз-Захир (1021–1036). Во время своего недолгого халифата аз-Захир позволил византийцам отстроить церковь Святого Гроба Господня. Его преемником стал семилетний сын ал-Мустансир, который правил около 60 лет, до 1094 года. На короткое время при Мустансире Фатимиды захватили номинальную власть над Аббасидами и тем самым над всем исламом. Начиная с 1057 года мятежный тюркский полководец ал-Бусасири искал союза с Мустансиром против сельджуков и Аббасидов. Получив от Мустансира существенную помощь деньгами и оружием, в 1058 году ал-Бусасири взял Багдад. Он немедленно ввёл шиитский призыв на молитву и приказал называть имя ал-Мустансира во время пятничной проповеди — хутбы, — тем самым признавая его духовным вождём ислама. Тем не менее вскоре он навлек на себя неудовольствие Мустансира, отказавшись доставить Аббасидского халифа в Египет и удерживая его в заточении в Багдаде. В 1059 году ал-Бусасири был разбит и убит тюрками-сельджуками.

Упадок Фатимидов

При Мустансире непрерывное состояние войны привело к ряду экономических кризисов и усилило положение военных в гражданском правительстве. В 1062 году близ Каира между различными недовольными военными группировками произошло открытое столкновение.

Тюркский военачальник Насир ад-Давла захватил власть в Египте. Это был злобный и порочный тиран. Несчастья страны усугубились голодом и экономическим ухудшением между 1065 и 1072 годами. Сам халиф фактически превратился в пленника, а его войска разграбили его же дворец. Насир ад-Давла был убит в 1073 году.

В 1074 году ал-Мустансир обратился за помощью против своих мятежных войск к Бадру ал-Джамали, курдскому военачальнику, управлявшему Акрой. Бадр действовал без промедления. Его войска подавили тюркский мятеж и восстановили порядок. Бадр стал подлинным правителем Египта. До сих пор в соответствии с традицией халиф управлял тремя основными функциями государства: гражданским правительством; религиозной жизнью и миссионерской деятельностью; военным командованием. Теперь все три ветви подчинялись Бадру. Должность главнокомандующего стала наследственной и впоследствии перешла к сыну и внуку Бадра. Фатимидский халиф, подобно своему сопернику, халифу Аббасидскому, был лишён реальной власти и превратился в марионетку. Настоящая власть была сосредоточена в руках военных, которым постоянно угрожало наступление сельджукской армии.

В 1094 году Египет поразил ужасный голод, принёсший неисчислимые страдания и бедствия населению. Людей, увидевших своими глазами то, как идеалистическая религиозная революция вырождается в военную диктатуру, охватило ощущение безнадежности. Главное обстоятельство, обусловившее упадок Фатимидского имамата, заключалось в том, что творческая, интеллектуальная и духовная искра, разжигавшая стремление исмаилитов к власти и воспламенявшая их дух, почти затухла под давлением политической ответственности, налагаемой управлением империей.

Когда в том же 1094 году умер халиф ал-Мустансир, вопрос о престолонаследии решался главнокомандующим ал-Афдалом, наследовавшего в этой должности своему отцу, Бадру ал-Джамали. У ал-Мустансира было двое сыновей. Старшему, Низару, было около 50 лет. Он уже был объявлен наследником, получил от отца насс и был признан девятнадцатым имамом исмаилитской общиной. У его брата, ал-Мустали, которому исполнился лишь 21 год, не было ни опыта, ни союзников. Ал-Афдал женил ал-Мустали на своей дочери и в день смерти ал-Мустансира провозгласил его халифом. Молодость ал-Мустали и его политическая слабость делали его игрушкой в руках ал-Афдала.

Низаритский раскол

На завершающем повороте лабиринта, ведущего нас к Хасану ас-Саббаху, мы встречаем последний крупный раскол в исмаилитском движении, в котором важную роль сыграл сам Хасан. Низар бежал в Александрию с целью поднять восстание. После некоторых успехов он потерпел поражение, был схвачен и казнён. Однако сама Фатимидская династия была безнадежно ослаблена. К началу правления ал-Мустали владения Фатимидской империи ограничивались практически одним Египтом. Многие исмаилиты отказались признавать имамат ал-Мустали. Активизировались оппозиционные течения. Главным вождём и вдохновителем сопротивления, которое оказывали Фатимидскому халифату персидские исмаилиты-низариты, стал Хасан ас-Саббах. (Ассасины собственно и назывались исмаилитами-низаритами.) Революционно настроенные исмаилитские мистики полностью отвергали государственную религию, считая её безвозвратно искажённой.

После смерти Низара, последовавшей в 1095 году, его сторонники вступили в период интенсивной творческой активности, завершившийся провозглашением ал-дава ал-джадида, «Нового призыва». Хасан ас-Саббах непосредственно участвовал в развитии и распространении

учения о наследии Низара. Нет никаких исторических свидетельств, говорящих о том, что Низар передал насс кому-либо из своих сыновей. Однако, по одной из созданных впоследствии традиций, имамат перешёл к сыну или внуку Низара, тайно вывезенному из Египта и воспитанному Хасаном в Аламуте. (По одному из вариантов легенды, сам Низар чудесным образом пережил свою казнь и укрылся в Аламуте.)

Фатимидский халифат слабел всё больше и больше. На протяжении правления ал-Мустали он оказался практически в полной изоляции. В 1130 году сын и преемник ал-Мустали, ал-Амир, был убит ассасинами, подосланными из Аламута. Это событие в сущности ознаменовало собой конец Фатимидского имамата, хотя фактически он прекратил своё существование лишь в 1171 году, когда умер последний халиф и Египет вернулся под власть суннитов во главе с Саладином, с которым мы ещё встретимся на страницах этой книги. Сегодня исмаилиты-мусталиты, известные под названием бохров, живут в Йемене и Индии.

Тюрки-сельджуки

В то время как Фатимидский халифат постепенно разрушался из-за внутренних потрясений, суннитский Аббасидский халифат мало-помалу восстанавливал утраченные силы. Когда в начале XI века тюрки-сельджуки начали захватывать Персию, они послали своих представителей к Багдадскому халифу, объявляя о своём переходе в ислам и признании его власти. Халиф приветствовал новых союзников, женился на племяннице сельджукского султана Тугрила и в 1058 году назначил Тугрила «царём Запада и Востока». Сельджукские войска стали защитниками халифа. Сельджукские правители сосредоточили в своих руках политическую власть, чтобы отразить две главные угрозы, подрывавшие суннитское движение и исходившие от Фатимидского халифата и европейских крестоносцев.

Оборотной стороной союза явилось то, что тюрки-сельджуки составляли подлинную силу, на которую опирался Аббасидский престол. Они вызывали страшное возмущение местного населения в любой области, в которую они вступали. Новый правящий класс состоял из чужаков. Тюркские военные и политические вожди несли иную культуру. Хотя они принесли ослабевшей державе порядок и спокойствие, ценой за эти блага служило покорение их воинственным нравам. Самих сельджуков изнутри раздирало родовое соперничество, которое в дальнейшем дестабилизировало обстановку ещё больше.

Суфии

Возрождению суннитской духовной энергии не в последнюю очередь способствовало суфийское движение. Образуюсь вокруг духовных наставников, разные суфийские группы стремились к постижению эзотерической стороны ислама и разрабатывали упражнения и учения для достижения мистического просветления. Аббасиды позволили суфиям следовать своим целям. Хотя терпимость, с которой халифы отнеслись к суфиям, помогала укрепить тенденцию к суннитскому возрождению, усиленное внимание, уделявшееся суфиями духовной стороне, только подчёркивало глубины того духовного упадка, в который скатились Аббасиды. С другой стороны, пылкость, с которой преследовали свои религиозные цели исмаилиты, выгодно оттенялась чертами, свойственными суфийскому течению.

Таким образом, по странному стечению обстоятельств оба явления, возродившие суннитские политические и духовные силы, одновременно служили усилению исмаилитов,

выступавших в роли оппозиционного движения. Шиизм, лучше всего чувствующий себя в смутные времена, и его мятежный отпрыск, исмаилизм, были снова готовы породить гения-революционера.

Махди, имам и даи

Почитаемый шиитами искупитель, Махди, терпеливо ожидает назначенного времени для своего пришествия на землю. Это — Каим (последний), который создаст идеальное мусульманское государство. Это седьмой Пророк-Иерофант, который откроет седьмую эпоху в развитии человечества, подобно тому как Мухаммед открыл шестую. Будучи последним имамом, он возвестит эзотерический смысл всей предшествующей истории и введёт людей в эпоху чистого духовного знания, в которой над всем человеческим поведением и поступками будет довлеть только истина.

А пока что общество направляется к этому великому моменту по пути праведности имамом, наследником Пророка, богоизбранным вождём и наставником человечества. Происходя из рода Али и Фатимы, имам несёт в себе кровную связь с духовной миссией Пророка. Он безупречен и непогрешим. В глазах исмаилитов миром управляет череда Говорящих и Скрытых имамов, которые, по милости Аллаха, всегда пребывают на земле. Имам — это воплощение метафизической души вселенной и потому обладает божественной природой. Его проникновение в эзотерическую истину требует покорности и повиновения от последователей. Он один может толковать скрытый смысл Корана и прозревать истину, спрятанную за покровом профанных религиозных обрядов непросветлённых ортодоксов. Имам и его знание превосходят даже Коран, ибо Коран возвещает букву закона, захир, внешнее учение, а имам один способен открыть батин, внутреннее значение Корана. (Исмаилитов иногда называют батинитами.) Имама часто именуют «говорящим Кораном»^[24].

Исмаилиты из всех шиитских сект довели учение о духовном руководстве имама до наивысшей точки. Только имам может направлять верующего в действиях, необходимых для познания Бога, и дать ему в руки средство достижения спасения. Имам обладает высшей формой илма, гносиса, непосредственной духовной мудрости, даруемой самим Аллахом и передаваемой имамом общине верующих. Хотя в каждый данный момент на земле может быть только один имам, рядом с ним может находиться его молчаливый преемник, самит или худджа, ожидающий своего часа. Имамат передаётся дарованием насса назначенному преемнику. Таким образом имам сообщает илм следующему имаму.

Духовная функция имама, заключающаяся в толковании и различении внутреннего и внешнего учения (батина и захира), называется тавил. Способность принять тавил передаётся посредством инициации, благодаря которой, повышая свой духовный уровень, кандидат постепенно готовится к постижению эзотерической истины. При толковании часто используется каббалистическая экзегеза, объясняющая путешествие из мира видимости в мир реальности. Например, соединение мужского и женского начал, выражаемых буквами каф и нун в слове «кун» — «быть», признаётся первичным орудием, посредством которого Бог сотворил вселенную^[25]. Любое внешнее явление предполагает внутреннюю истину, хакику. Батин, воплощающий хакику, может быть сообщён ученику только после принесения клятвы неразглашения и инициации, означающей принятие в секту. Инициация требует выплаты определённого взноса. «Исмаилиты считали, что хотя религиозные законы были возвещены Пророком, именно в функцию имама входит толкование и разъяснение их истинного значения немногим достойным, прошедшим инициацию и признавшим власть имама»^[26].

Имам руководит действиями своих избранных проповедников и наставников, *дау*, которые выполняют задачу привлечения к сокровенному учению имама наибольшего возможного числа сторонников путём давы, проповеди. Функция *дау* — установить духовную связь между учеником и имамом. Внутреннее духовное прозрение скрытой сущности имама в качестве воплощения нура, мистического излучения божественного света, считается высшей целью и необходимым условием для нисхождения на ученика божественной благодати. В дополнение к своим религиозным обязанностям, заключающимся в обращении и наставлении, *дау* преследует определённые политические цели, стремясь установить правление имама во всём мире, *дау* должен «не только споспешествовать созданию исмаилитского государства, но и возвещать основополагающее учение и нравственные цели, которым должно служить государство»^[27].

Иерархию *дау* возглавляет главный *дау*, действующий под непосредственным руководством имама. Хотя западные учёные часто сравнивают *дау* с проповедниками, на самом деле они были высокообразованными и прекрасно обученными философами и теологами, а также посвящёнными мистиками. Они обучались языку и религиозным воззрениям своей потенциальной аудитории, чтобы овладеть искусством убеждения. *Дау* стремился достичь личного взаимопонимания с возможным новообращённым, чтобы выйти на самый интимный уровень общения, *дау* никогда не проповедовал массам. Каждый человек считался неповторимой индивидуальностью и требовал особого подхода. Ведущим принципом был гносис — знание, достигаемое путём просветления.

Страстный поиск истины — вот вечный исмаилитский призыв. Поиск, подобный тому, как ученик ищет имама, выдерживая все необходимые испытания. Его цель заключается в преодолении человеческой ограниченности и достижении полной свободы духа. Верующий выражает своим духовным путешествием космическое стремление нафс ал-кулла (принципа вселенской души, представшего перед глазами человечества в облике имама Али) вернуться к своему истоку, акл ал-куллу (принципу вселенского разума, воплощённому среди людей в Пророке Мухаммеде)^[28]. Таким образом, исмаилиты составляли иерархию живой истины, общину, объединённую высочайшей мудростью имама, который через нисходящий ряд *дау* возвещал данное ему от Бога знание верующим, которые в свою очередь неустанно искали Бога.

Сложная иерархическая структура исмаилизма с его подчёркнутым вниманием к неповторимости личного пути к просветлению составляла яркую противоположность безличной усреднённости традиционного суннитского образца. С суннитской точки зрения, универсальные требования шариата отодвигают на второй план духовные различия, поскольку эти требования должен выполнять каждый мусульманин.

Исмаилиты широко раскинули свою сеть *дау* и их последователей по суннитским землям. Центр обучения исмаилитских проповедников, учреждённый халифом ал-Хакимом, Дар ал-Хикма, обладал библиотекой в двести тысяч книг по теологии, астрономии и медицине. По завершении обучения *дау* отправлялись странствовать по всему исламскому миру, тайно подыскивая возможных обращённых и проповедуя революционное учение исмаилитского имама. Так как их секта подвергалась гонениям, исмаилиты должны были проводить свои религиозные обряды и проповедническую деятельность в условиях строжайшей тайны. Если ученик пугался и выдавал учителя властям, *дау* могла ожидать смертная казнь. Опасный процесс обращения начинался с постепенного подрыва доверия к официальной суннитской религиозной доктрине и политической власти суннитского халифа.

Средневековое исмаилитское учение представляло собой крайне эклектическое сочетание, в котором учёные философские рассуждения смешивались с персидской, иудейской и христианской эзотерикой; гностическим, неоплатоническим и индуистским мистицизмом; а

также с элементами суфийского оккультизма. Исламизм пользовался каббалистическими приёмами для постижения творения посредством рассмотрения слов и чисел. История представлялась в виде циклов и состояла из семи космических эпох и семи Пророков-Иерофантов, направляющих человечество в эти периоды. В один из перечней этих вселенских наставников входили Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и Мухаммед ибн Исмаил. В некоторых вариантах место Адама занимает Али, а Фатимиды были вынуждены прибегнуть к значительным переделкам, чтобы подогнать эту схему под свою доктрину о седьмом имаме. Исламиты исповедовали эсхатологические доктрины о воскресении и верили в Страшный Суд, на котором спасённые будут отделены от неспасённых. По исмаилитским воззрениям на спасение, совершенство человеческой души необходимо для достижения совершенства вселенской души.

Во времена основания династии Фатимидов в исмаилизм влились определённые неоплатонические представления. В IX веке на арабский были переведены сочинения греческих философов III-V веков — Плотина, Порфирия, Ямвлиха и Прокла, — в которых содержались тщательно разработанные доктрины об эманации. Несколькими столетиями ранее персидская династия Сасанидов восстановила главенство зороастрийской религии в Персии и приютила множество языческих философов и учёных, бежавших от потрясений, сопровождавших становление христианства в качестве государственной религии Римской империи. После того как в 529 году Юстиниан закрыл неоплатоническую академию в Афинах, училище Джунд-и Шапур (Гондешапур), основанное Хосровом I в Юго-Западном Иране, превратилось в крупный научный и образовательный центр, привлекавший иудеев, христиан и неоплатоников, познакомивших персидскую культуру с западной духовностью и философией. В основе неоплатонизма лежит представление об абсолютно трансцендентном и непознаваемом Боге. «Таким образом, основная мысль неоплатонизма легко могла найти отклик у исмаилитских теологов, приверженных идее строгого монотеизма и ставивших откровение, интуицию, выше рационального познания»^[29].

Интересное выражение эти верования получили в кружке, образовавшемся в Басре в конце X века и называвшем себя Ихван ал-Сафа, Братьями Чистоты. Созданное ими революционное гностическое учение дошло до нас в анонимном энциклопедическом произведении Расал Ихван ал-Сафа, собрании из 52 посланий, разделённых на четыре части, в которых обсуждаются все известные науки того времени, включая астрономию, математику, музыку и геометрию, в дополнение к философским и религиозным рассуждениям о космологии, теологии и эсхатологии. Цель учения состоит в стремлении помочь читателю очистить свою душу и достичь спасения путём соединения греческой философии, христианской этики, суфийского мистицизма и мусульманского закона. Это сочинение «оказало глубокое влияние на мусульманскую интеллектуальную жизнь от Персии до Испании»^[30]. Расал вполне мог служить и антифатимидским знаменем, под которым можно было собрать недовольных исмаилитов, поскольку в Расале высказывается сочувствие Мухаммеду ибн Исмаилу. (Известно, что Расал изучал харизматический вождь сирийских ассасинов Рашид ад-дин Синан, а также его друг и соученик, четвёртый правитель Аламута Хасан II. Возможно, Расал был знаком и Хасану ас-Саббаху.)^[31]

Одним из элементов исмаилитского учения, оказавшимся одновременно самым спорным и самым прочным, является система ступеней инициации, известная под названием Девять Ступеней Мудрости и восходящая по крайней мере к X веку. Один из трактатов того периода, Книга Высшего Посвящения (Китаб ал-халаг ал-алхар), подразумевает знакомство читателя с этими ступенями. Недавние исследования показали, что это произведение представляет собой

антиисмаилитскую подделку, созданную, чтобы оклеветать и опорочить секту^[32]. Книга выставлялась в качестве тайного и крайне циничного исмаилитского учебника для *даи*, в котором описывалось, как привлечь невинного умом и душою человека к аморальному и атеистическому культу беззакония. Книга Высшего Посвящения напоминает современную антисемитскую фальшивку «Протоколы Сионских мудрецов» или пророческое «Сообщение с Железной Горы», описывающее создание социалистической модели как организующего принципа современного государства. «Впрочем, подобным злопахательским произведениям свойственна пародийная, а не полностью фантастическая окраска; они утратят большую часть своего возможного воздействия, если предмет карикатуры будет неузнаваем»^[33].

Совершенно ясно (в частности, и современным учёным), что в ходе обращения и инициации, совершаемой *даи*, и в программе обучения, которую *даи* проходили, присутствует нечто таинственное и загадочное. «По форме исмаилиты представляли собой тайное общество с разработанной системой клятв и инициаций, а также с чёткой иерархией рангов, зависящих от степени познания учения. Эти тайны тщательно охранялись, и сведения о них крайне отрывочны и запутанны»^[34]. Сэмюэль Стерн, писавший о ступенях инициации, представленных в Книге Высшего Посвящения, также признаёт наличие у исмаилитов поступательной инициационной системы: «Поэтому нельзя отрицать, что исмаилизму было присуще понятие поступательной инициации. Автор нашего памфлета ничего не выдумывал во внешней рамке системы. К злонамеренному освещению следует отнести *содержание*, которое он приписывает доктринам, преподаваемым на различных ступенях инициации»^[35].

Девятиуровневая модель, будучи отражением иерархического учения тайного исмаилитского общества, обладает притягательной симметричностью, которая позволила ей просуществовать тысячу лет. Из уважения к современным исмаилитским учениям, из искреннего желания не способствовать пропаганде антиисмаилитской клеветы и ввиду того обстоятельства, что этот вопрос явился предметом многочисленных спекуляций, мы отнесли дальнейшее обсуждение и изложение современной оценки девятиуровневой системы в приложение 1.

Глава VI

Хасан ас-Сабах

Начало пути

Хасан ас-Саббах родился около 1055 года в Куме, в 75 километрах к юго-западу от Тегерана, в Персии (современный Иран), в семье шиита-двунадесятника. Когда Хасан был ещё ребёнком, его семья переехала на северо-восток и поселилась в соседнем городе Рее, в котором с IX века, когда здесь побывал Хамдан Кармат, проповедовали исмаилитские *дау*. С семи лет Хасан увлекался теологией и до семнадцати лет строго придерживался учения шиитов-двунадесятников, в котором его наставлял отец.

Затем он повстречал учителя по имени Амира Дарраб, который познакомил его с учением шиитов-седемичников, то есть исмаилитов. Амира был рафиком, наставником первого уровня. Поначалу Хасан не принял исмаилитской доктрины. В своей автобиографии, дошедшей до нас в отрывках, он рассказывает, что счёл исмаилитское учение «философией» и ставил её гораздо ниже мусульманского религиозного учения шиитов, которому был всей душой привержен. Однако со временем из уважения к личности Амиры Дарраба он попытался глубже вникнуть в его наставления. Он погрузился в учёбу. Тяжёлая болезнь завершила его обращение. Он испугался, что умрёт, так и не познав истины. По выздоровлении он продолжил занятия с другим исмаилитом, Абу Наджамом Сарраджем. В конце концов, перейдя к третьему *дау*, Мумину, он принёс клятву верности Фатимидскому халифу ал-Мустансиру. В мае или июне 1072 года Рей посетил Абд ал-Малик ибн Атташ, глава исмаилитской давы в Западной Персии и Ираке. Здесь он повстречался с Хасаном, который произвёл на него сильное впечатление. Ибн Атташ возвёл его в ранг *дау* и приказал ему отправиться в Египет, чтобы явиться ко двору халифа. Хасану понадобилось несколько лет, чтобы выполнить этот приказ.

Обстоятельства, при которых Хасан уехал из Рея, остаются предметом споров у историков. Считается, что свидетельства современника мы можем почерпнуть в книге Низам ал-Мулка, могущественного визиря сельджукского султана Малик-шаха, хотя существуют некоторые сомнения в её подлинности. Книга называется Васият, «Завещание», и представляет собой руководство для будущих государственных деятелей. Низам пишет, что он, Хасан ас-Саббах и поэт Омар Хайям вместе учились у имама Муваффека. Трое друзей поклялись, что тот из них, кто первым добьётся успеха, разделит его с остальными двумя товарищами. Низаму повезло первому, и Омар Хайям явился ко двору, чтобы напомнить ему о клятве. Низам назначил ему денежное содержание, которое позволяло Хайяму писать и размышлять, как он того и просил. Хасан также потребовал от Низама выполнить договор. Низам дал честолюбивому Хасану высокую придворную должность, после чего Хасан стал подкапываться под Низама, желая сам занять место визиря. Низам, узнав о вероломстве своего друга, также начал плести интриги против Хасана и наконец добился того, что султан подверг его опале. Хасан бежал в Египет, замыслив жестоко отомстить бывшему товарищу. Этот рассказ был поставлен под сомнение позднейшими учёными, указавшими на подозрительное несоответствие в возрасте предполагаемых друзей. Некоторые историки предполагают, что Хасан был обвинён в предоставлении крова агентам Фатимидского халифа в Рее и, спасаясь от заточения, бежал в Египет в 1076 году.

Низам, ставший непримиримым врагом Хасана, был прекрасным государственным деятелем. За тридцать лет службы он принёс много пользы сельджукской империи. Он поощрял

развитие промышленности, торговли и финансов, строил дороги и мосты, воплощал в жизнь образовательные, культурные и архитектурные проекты. Он твёрдо проводил линию религиозной ортодоксии, видя в ней неперемнное условие безопасности и благополучия государства. Мы уже говорили о том, с какой непримиримой враждой он относился к исмаилитам, но его нетерпимость также распространялась и на христиан, и на иудеев, и на шиитов. Омар Хайям, известный западным читателям прежде всего своим поэтическим творчеством, был также одним из величайших математиков Средневековья. Он реформировал персидский календарь, сделав его точнее, чем тот, которым мы пользуемся по сей день, но этот исправленный календарь так и не вошёл в обращение, потому что он вступал в противоречие с ортодоксальным лунным календарём, установленным Мухаммедом.

Поездка в Египет

Поездка в Египет отняла у Хасана два года, так как он направился к своей цели кружным путём. Сначала он проехал несколько сотен километров на юг до Исфахана. Там он остановился у Рази Абуфасла и под его руководством продолжил изучение исмаилитской доктрины. Однажды он поразил Абуфасла, сказав ему, что, если бы у него было всего два верных друга, он смог бы победить султана и его визиря и перевернуть вверх дном всю сельджукскую империю. Абуфасл был настолько поражён, что счёл Хасана безумным и предложил ему напитки и блюда, сдобренные шафраном, чтобы исцелить его болезнь. (Через двадцать лет ассасины, посланные Хасаном, убили всемогущего Низам ал-Мулка. Вскоре после этого умер султан Малик-шах. Рази Абуфасл стал преданным учеником Хасана в Аламуте. Хасан шутил над ним, вспоминая его прежние подозрения: «Рази, кто из нас двоих был не в себе и кому нужно было принимать шафран, мне или тебе?»^[36])

Продолжив своё путешествие, Хасан проехал несколько сотен километров на север до Азербайджана. Оттуда он направился в Западную Турцию к северу от истока Тигра в Майяфарикин. Его изгнали из города за отрицание права суннитского улема толковать Коран, которое он признавал за одним лишь имамом. Затем он поехал на юг через современный Ирак и Сирию. В Дамаске Хасан узнал, что из-за военных волнений сухопутный маршрут в Египет перекрыт, и потому отправился к побережью и вышел в море в Палестине.

Хасан прибыл в Каир 30 августа 1078 года и остался в Египте на два или три года. Он завершил своё обучение и получил звание *дау*. Историк Энно Франциус так описывает исмаилитское учение, которому посвятил себя Хасан: «Это была в одно и то же время шиитская секта, соединявшая мусульманские представления с доисламскими греческими, персидскими, сирийскими и вавилонскими верованиями; алидское тайное общество, стремившееся к свержению Аббасидских халифов-суннитов; и революционное движение, намеревавшееся улучшить участь угнетённых»^[37]. Слабость и шаткость положения, в котором Хасан застал халифа ал-Мустансира, вполне возможно, пробудила в нём мысли о его собственной призванности для будущего возрождения исмаилизма.

Хасан поссорился с главнокомандующим Бадром ал-Джамали, истинным правителем Фатимидского Египта. Причины разрыва неизвестны. По одной апокрифической легенде, суть заключалась в низаритских склонностях Хасана. Вряд ли этому можно доверять, поскольку вопрос о правах Низара на наследование имамата ещё не стоял на повестке дня. Персидский биограф Хасана Рашид ад-дин Табиб, писавший в 1310 году, сообщает, что Хасан попал в самое пекло раздоров, разгоревшихся между Бадром и халифом ал-Мустансиром. Бадр запретил Хасану явиться к имаму, несмотря на желание ал-Мустансира увидеть молодого чужеземца с севера.

Бадр на короткое время даже заключил Хасана в тюрьму. По легенде, на тюрьму упал минарет. Это сочли знамением, и Хасан был освобождён и выслан из Египта. Корабль, на котором он плыл, попал в бурю, предсказанную Хасану имамом. Невозмутимое спокойствие Хасана во время страшной бури привело к обращению его случайных попутчиков. Он благополучно сошёл на берег и приехал в Сирию. Оттуда он направился в Алеппо и Багдад и наконец в 1081 году прибыл в Исфахан.

Дава Хасана

В течение следующих девяти лет Хасан изъездил всю Персию в качестве странствующего *даи*. В конечном итоге он сосредоточил свою деятельность на горной области в Северной Персии у Каспийского моря, особенно в Дейлеме. В этой области жили свирепые и независимые горцы, практически изолированные от своих иранских собратьев, населяющих равнины. Дейлем с давних времён не покорялся никаким завоевателям. С конца VIII века здесь образовался шиитский центр. В X веке дейлемиты на короткое время распространили свою власть на большую часть Персии и Ирака, пока их не вытеснили турки-сельджуки.

Дейлем представлял собой благодатную почву для проповеди Хасана. В конце концов ибн Атташ назначил Хасана главным *даи* Дейлема, и тот разослал по округе лично обученных им *даи*. Низам ал-Мулк, заклятый враг Хасана, узнал о его проповеднической деятельности и приказал правителю Рея захватить его. Хасан избежал пленения и забрался ещё глубже в горы.

Аламут

Во время своих проповеднических поездок Хасан неустанно искал неприступную крепость, чтобы создать из неё незыблемый оплот сопротивления сельджукской империи. Около 1088 года он наконец выбрал для этой цели замок Аламут, построенный на высокой скале в области Рудбар, в самом сердце гор Эльбруса. Замок высился над замкнутой со всех сторон горами плодородной долиной тридцати километров в длину и тридцати километров в самой широкой части, примерно в 1800 километрах над уровнем моря. В долине было рассыпано несколько деревень, жители которых оказались крайне восприимчивы к учению Хасана. На них огромное впечатление произвели набожность и аскетизм главного *даи*. К замку можно было подступить, и то с величайшими трудностями, только по узкому ущелью, в котором текла река Аламут. Крепость была построена около 860 года правителем Дейлема Вах-Суданом ибн Марзубаном. Однажды во время охоты он выпустил орла, который уселся на горную вершину в 180 метрах над долиной. Немедленно осознав стратегическую важность этой позиции, правитель возвёл на скале крепость и назвал её Алух-амут, что означает на языке обитателей Дейлема «урок орла»^[38].

Чтобы захватить замок, Хасан использовал тщательно продуманную и очень осторожную стратегию. Аламут был подарен его тогдашнему владельцу, шииту по имени Махди, сельджукским султаном Малик-шахом. Сначала Хасан отправил своего доверенного *даи* Хусейна Каини с двумя спутниками, чтобы обратить жителей соседних деревень. Затем в исмаилизм тайно обращены многие жители и воины в самом Аламуте. Наконец, в сентябре 1090 года Хасан сам инкогнито пробрался в замок. Когда Махди понял, что в сущности Хасан без шума овладел его крепостью, он беспрепятственно покинул своё бывшее владение. Хасан выдал ему расписку на 3000 золотых динаров. По легенде, он предложил эту сумму за такое количество

земли, которое поместится в бычьей шкуре. Затем он разрезал шкуру на тонкие полоски и связал их вместе, обхватив весь участок, на котором стоял Аламут. Хасан отправил Махди к знатному человеку, который должен был уплатить ему обещанные деньги. Махди не очень-то верил в выданную расписку. Однако в конце концов он предъявил её адресату, который, увидев подпись Хасана, поцеловал бумагу и выдал предъявителю золото.

Захват Аламутской крепости ознаменовал создание низаритского государства и означал открытый мятеж против сельджукской империи. С момента вступления в замок в 1090 году и до самой своей смерти, последовавшей через 35 лет, Хасан ас-Саббах никогда не выходил из крепости. Говорят, что он покидал свой дом лишь дважды, оба раза выходя на крышу. Он посвящал своё время молитве и посту, чтению и записи своего учения, разработке стратегии революционной деятельности, управлению своим государством и распространению Новой Низаритской Проповеди. Он был знаменит своими глубочайшими познаниями в математике, астрономии, магии и алхимии.

Он вёл исключительно набожный и аскетичный образ жизни. Когда один из его последователей составил для него изошрённую генеалогию, Хасан выбросил её в воду, заявив, что лучше он будет любимым слугой имама, чем его нелюбимым (или незаконным) сыном. Однажды в Аламуте раздались звуки флейты, и злосчастный музыкант был навсегда изгнан из замка, так как музыка считалась мусульманскими пуристами признаком распущенности. На самом деле Хасан отличался такой воздержанностью, что казнил одного из своих сыновей, Мухаммеда, за распитие вина, воспрещённое исламом. Другой сын, Устад Хусейн, был казнён за участие в якобы готовившемся заговоре против Хусейна Каини (позже это обвинение оказалось ложным). Во время голода, вызванного сельджукской осадой Аламута, Хасан отослал свою жену и дочерей в Гирдкух, соседнюю исмаилитскую общину, и так и не позволил им вернуться обратно, тем самым положив начало традиции, которую соблюдали правители Аламута, не допуская присутствия женщин в замке в военное время.

Хасан во главе ассасинов

Устроив главную базу в Аламуте, Хасан полностью освободился от всяких ограничений и стеснений, так что смог полностью посвятить себя основной задаче. Иными словами, теперь он мог беспрепятственно заняться сплочением исмаилитских сил под своим руководством, укреплением Аламута, захватом других крепостей и дальнейшим усилением проповеднической деятельности. Чтобы расширить свои владения, Хасан использовал разнообразные приёмы, не только отправляя проповедников и действуя убеждением, но и при случае прибегая к подкупу, обману и вооружённому нападению. Вскоре после смерти Фатимидского халифа ал-Мустансира в 1094 году Хасан унаследовал от ибн Атташа звание верховного *даи* Персии и был признан главой низаритского движения. Теперь низариты были совершенно самостоятельной сектой ислама, не обязанной никому подчиняться.

Устремления Хасана увенчались успехом. Горная и уединённая область вокруг Аламута созрела для перехода в исмаилизм из-за общей шиитской восприимчивости к пылкой исмаилитской проповеди, из-за отрицательного отношения к сельджукскому режиму и из-за того, что область Эльбруса и вообще-то никогда не славилась религиозной ортодоксией. Занимающий важное стратегическое положение замок Ламмассар, расположенный в 30 километрах к западу от Аламута, был взят Кийя Бузургумидом в 1096 или 1102 году. Второй аванпост был создан в Кухистане в Юго-Восточной Персии, куда Хасан направил Хусейна Каини. В Кухистане сложились благоприятные условия для утверждения там низаритов, так как

сельджукский правитель области угнетал и оскорблял проживавших там исмаилитов. Третий региональный центр образовался в горной области в Юго-Западном Иране поблизости от Хузистана благодаря усилиям *даи* Абу Хамзы, который прошёл обучение в Египте, прежде чем присоединился к Хасану ас-Саббаху. Четвёртым важным для низаритов регионов была Сирия. Хасан посылал проповедников в Алеппо в самом начале XII века.

В 1092 году сельджукский султан Малик-шах решил захватить Аламут и избавить своё государство от принявшей значительные размеры низаритской угрозы. По стратегическому плану, составленному Низамом ал-Мулком, сельджуки одновременно напали на Аламут и Кухистан. Оба сельджукских войска были отражены небольшими низаритскими гарнизонами с помощью подкреплений, которые удалось собрать из числа местного населения. Позднее в том же году ассасины добились первого крупного успеха в искусстве политических убийств. Их жертвой пал прежний друг Хасана и нынешний злейший враг Низам ал-Мулк. Одетый в одежду суфия, Абу Тахир Аррани, *фидаи* («верный»), приблизился к носилкам Низам ал-Мулка и вонзил в него кинжал. Смерть султана Малик-шаха, последовавшая через несколько недель после убийства Низама, ознаменовала собой конец первой сельджукской кампании против Аламута.

На следующие десять лет сельджукская империя погрузилась в пучину хаоса и гражданской войны. Соперничество за престол и внутренние раздоры открыли брешь, в которую не преминули ворваться низариты и крестоносцы. Хотя Малик-шаху наследовал его сын султан Баркиярук, руки его были связаны борьбой со сводным братом Мухаммедом Тапаром, который заключил союз с его родным братом Санджаром. Кроме того, по мере ослабления центральной власти практически независимое положение получили различные сельджукские военачальники, управлявшие отдельными областями и городами сельджукской империи.

В отличие от сельджуков низариты управлялись единым правительством, возглавляемым таким гением стратегии, как Хасан ас-Саббах. Хасан привлёк на свою сторону группу полунезависимых правителей, создав очаги сопротивления внутри самого сельджукского государства. Ассасины превратились в сильное оппозиционное движение, черпающее свою силу в слабости и раздробленности сельджукской власти. Каждая низаритская крепость представляла собой особую штаб-квартиру, из которой направлялись местные военные действия и которая служила убежищем для людей, спасающихся от сельджукских войск. Низариты проявляли завидную гибкость во всех своих тактических приёмах, заключая союзы или прибегая к оружию в зависимости от конкретных условий.

Патриотизм и религиозный пыл, свойственный воину-низариту, делали его сильным и энергичным противником. Представления о том, что славная гибель на поле боя открывает перед умершим врата Рая, прочно утвердились ещё со времён походов Пророка Мухаммеда. Иерархическая структура, требующая от своих членов беспрекословного подчинения, позволила низаритским армиям достичь высокого уровня воинской доблести на всей значительно разбросанной территории низаритского влияния. Некоторое понятие об их военных успехах может дать битва у Рея, состоявшаяся в 1093 году, в которой низариты разбили сельджукскую армию численностью в 10 000 человек.

Низаритская экспансия продолжала наносить чувствительные удары сельджукским властям. Ассасины захватывали крепости на всё большем пространстве. Захват Гирдкуха (1096 г.) в области Восточного Эльбруса несёт на себе все классические признаки низаритских приёмов. Сельджукский военачальник Музаффар был тайным исмаилитом. Поняв, что замок занимает идеальное стратегическое положение для низаритов, он убедил сельджукского эмира обратиться к султану с просьбой назначить его правителем крепости. Затем за счёт сельджуков Музаффар укрепил замок, после чего объявил себя учеником Хасана ас-Саббаха. Он управлял Гирдкухом

около сорока лет.

Начиная с 1093 года низариты предпринимали попытки распространить своё влияние на Исфахан. Шахдиз ранее был важной сельджукской крепостью. Ахмад ибн Атташ, сын руководителя персидской давы, унаследовал от своего отца звание *дау* Исфахана. Он осторожно начал деятельность по обращению в исмаилизм среди детей гарнизона Шахдиза. Говорят, что он обратил в этой области около 30 000 человек. В 1100 году он захватил Шахдиз. Присутствие низаритов в Исфахане позволяло им подобраться к самой сердцевине сельджукской власти. За Шахдизом последовали и другие крепости. Нападения на ассассинские общины парировались убийствами их зачинщиков.

В глазах сельджуков угроза, исходящая от ассасинов, приняла весьма значительные размеры, и терпеть её больше было нельзя. Например, низаритские вожди в Кухистане и Исфахане начали собирать налоги с жителей этих областей, формально принадлежащих сельджукской империи. Исмаилитские агенты проникли в армию и окружение Баркиярука. Офицеры, отказывавшиеся идти на сотрудничество с низаритами, были вынуждены всегда носить при себе оружие, чтобы отразить возможное нападение. К 1101 году прежние соперники — Баркиярук и Санджар — решили объединить свои усилия против ассасинов в Кухистане и Исфахане, а также против лиц, занимающих важные посты внутри самой сельджукской системы управления и подозреваемых в тайном пособничестве исмаилитам. В Кухистан была послана отлично снаряжённая армия. После первых успехов эмир, возглавлявший войска Санджара, получил взятку и ушёл из области. Через три года против ассасинов был предпринят очередной поход; он также увенчался успехом, но в итоге низариты заключили мир на очень благоприятных для них условиях. Баркиярука обвиняли в нерешительности. Чтобы снять с себя эти обвинения, он приказал устроить избиение исмаилитов в Исфахане, за которым последовали такие же избиения в других городах Ирака.

Порядок в сельджукской империи был восстановлен в 1105 году, когда Баркияруку наследовал Мухаммед Тапар, правивший как единственной законный сельджукский султан до самой своей смерти в 1118 году. Он начал широкомасштабную кампанию против низаритов на всей территории Персии, лично возглавив поход на Шахдиз в 1107 году. Когда Мухаммед Тапар напал на Шахдиз, Ахмад ибн Атташ храбро сопротивлялся, но пал жертвой предательства. Жена Ахмада надела все свои драгоценности и прыгнула с крепостной стены. Самого Ахмада провели по улицам Исфахана, а затем с него живьём содрали кожу. После этого её набили соломой и отослали в Багдад, вместе с головой Ахмада и головой его сына.

Второй сельджукский поход против ассасинов имел своей целью Аламут. Войско возглавил сын Низама ал-Мулка, Ахмад, унаследовавший от отца должность визиря. Брат Ахмада также пал под ударами низаритских кинжалов в прошлом, 1106 году. Ахмад поставил Аламут в крайне тяжёлое положение, усугубившееся голодом. Однако, несмотря на всю свою ненависть, Ахмад потерпел поражение и был вынужден снять осаду.

Два года спустя третьим сельджукским походом на Аламут руководил Ануштегин Ширгир, который решил, что прямая атака на крепость не приведёт к желаемым результатам. Он начал опустошать в области Аламута поля, чтобы уморить обитателей голодом. Именно в ходе этих военных действий Хасан и многие его последователи отослали своих жён и дочерей из Аламута. Ширгир осаждал замок до 1118 года, когда к нему поступили сведения о том, что оборона и защитники крепости находятся на последней грани истощения. Тогда он решил послать войска на приступ. Однако в этот момент, когда ассасины стояли на краю гибели, пришло известие о смерти Мухаммеда Тапара, и Ширгир отступил.

Со смертью Мухаммеда Тапара сельджукская империя ослабла ещё больше. Его официальным преемником стал один из его сыновей, Махмуд, но на деле функции

сельджукского султана выполнял младший брат Мухаммеда Тапара — Санджар, оставшийся у власти до своей смерти в 1157 году.

Один любопытный рассказ демонстрирует дипломатическое искусство Хасана. Попытавшись заключить мир с Санджаром в самом начале его правления, Хасан направил к молодому султану послов. Они получили грубый отказ. Проснувшись однажды утром, султан обнаружил, что в пол у его ложа воткнут кинжал. В страхе он решил сохранить это происшествие в тайне. От Хасана прибыл гонец, который передал его слова: «Если бы я не желал султану добра, кинжал, воткнутый в пол, торчал бы у него из груди»^[39].

На последующие несколько десятилетий между низаритами и сельджуками установилось перемирие. Санджар позволил ассасинам удерживать часть денег с налогов, собиравшихся на их землях. Он разрешил им собирать дорожные пошлины с проезжающих, а также даровал им другие права и привилегии. Ассасины превратились в стабильную и мощную политическую силу, опиравшуюся на разбросанные по всей стране крепости, и поддерживали достаточно спокойные отношения с суннитским большинством. Хотя подчас и возникала необходимость расправиться с тем или иным человеком или той или иной группой, время открытого мятежа низаритов против сельджуков прошло. В один из решающих моментов сельджукской гражданской войны в войсках Санджара, сражавшихся с его племянником Махмудом, были и низариты.

В 1121 году *фидаи* Хасана проделали путь из Сирии в Каир, чтобы убить ал-Афдала, визиря и главнокомандующего Фатимидов, который отстранил Низара от халифата. Халиф Амир обрадовался смерти ал-Афдала, так как надеялся вернуть себе власть, отнятую у Фатимидов военными. Он захватил огромное преимущество покойного визиря. Казалось, настал подходящий момент для улучшения отношений с Аламутом. Халиф написал Хасану письмо, в котором просил его отказаться от низаритских убеждений. Однако новый визирь, ал-Мамун, шиит-двунадесятник, был очень недоволен попытками сближения с ассасинами. Он подозревал, что Хасан замыслил устранить и его, и имама. Визирь приказал закрыть границы и усилил внутренние меры безопасности, которые могли бы вызвать зависть современных статистиков. В число этих мероприятий входила перепись населения, требования идентификации личности, ограничение на передвижения по стране и массовые аресты подозреваемых в причастности к ассассинским группировкам и сочувствующих. В 1122 году ал-Мамун созвал на совещание сторонников Мустали, чтобы опровергнуть притязания низаритов. На совещании было выработано послание, которое затем оглашалось во всех сирийских и египетских мечетях. Отношения между Каиром и Аламутом продолжали ухудшаться.

В мае 1124 года Хасан заболел и назначил своего преемника. 23 мая 1124 года Хасан ас-Саббах скончался^[40]. Сегодня он почитается исмаилитами как основоположник низаритского движения. Его могила в Аламуте служила местом стечения паломников-низаритов, пока не была разрушена монголами в 1256 году. Хасан никогда не выдвигал притязаний на право считаться скрытым имамом, но был признан худжей, доказательством, источником знаний и праведного учения, представителем скрытого имама и хранителем низаритской давы до пришествия самого имама.

Более девяти столетий политические и религиозные противники Хасана приписывали ему самые низменные устремления. Для объяснения фанатической любви и преданности, которую питали к нему его *фидаи*, утверждали, будто всё дело в особых методах управления сознанием, которыми пользовался ас-Саббах. Истинное объяснение его могущества гораздо проще: Хасан ас-Саббах успешно воздействовал на своих учеников безупречностью своего поведения и силой своей личности, убедив их в том, что он является чистойшей и ближайшей ступенью на пути к скрытому имаму.

Место ассасинов в мусульманском обществе

Создание независимого и прочного государства во враждебном окружении было величайшим достижением Хасана ас-Саббаха. Как мы уже видели, ассасины столкнулись как с религиозным неприятием суннитского большинства, так и с военной мощью огромной сельджукской империи. Успех низаритского государства лежит в области идеологии — в исмаилитских представлениях о том, что стремление к обращению в истинную веру и военное господство менее праведных, чем они, людей обуславливает джихад (духовное обязательство воевать с неверными, возлагаемое на истинных мусульман учением Пророка). Кроме того, низариты считали своим долгом перед имамом наращивать военную и политическую силу, с помощью которой станет возможным установить его праведное правление на земле.

До сельджукского похода на Шахдиз, проведённого в 1107 году, при дворе Махмуда Тапара состоялся религиозный диспут, предметом которого послужило обсуждение отношений между исмаилитами и исламом. Низариты и их сторонники призывали суннитских правоведов воздержаться от враждебных действий, поскольку они, низариты, являются истинными мусульманами, неотступно следующими мусульманскому символу веры «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед Пророк Его», выполняют все требования шариата и готовы подчиниться власти сельджуков. Единственное отличие заключается в том, что они признают духовного имама. Это утверждение в ортодоксальности со стороны исмаилитов-низаритов было отвергнуто некоторыми суннитскими фундаменталистами. Враждебно настроенные теологи спрашивали низаритов, как они поступят, если их имам разрешит то, что запрещено Святым Законом ислама, или если он запретит то, что требует Святой Закон. Хотя некоторые из этих теологов вскоре пали жертвой ассасинов, их опасения оказались пророческими, когда в 1164 году Хасан II провозгласил Кийяму.

Война ассасинов против суннитов привела к осложнению отношений с большинством шиитов. Хотя шииты-двунадесятники, естественно, склонялись к антитюркским, антисуннитским настроениям, особенно в первые годы активности исмаилитов, но исмаилитское вероисповедание было, с их точки зрения, ересью. Кроме того, низаритская тактика политических убийств часто вызывала ответные жестокости со стороны суннитов, включая массовые избиения подозреваемых в исмаилизме и сочувствующих им лиц. Таким образом, зачастую вся шиитская община без разбора подвергалась суннитским гонениям, направленным против низаритов. Эти избиения поначалу вызывали сочувствие к жертвам у ненизаритского крыла исмаилитов и у шиитов-двунадесятников. Однако со временем их позиция изменилась, и они стали обвинять в возникновении беспорядков именно ассасинов. В конечном итоге большинство шиитов превратилось в таких же ярых противников ассасинов, как и сунниты. Среди шиитов-двунадесятников всё больше возрастает объём литературы, направленной против низаритов.

Таинственность и закрытость низаритов дала повод обвинять их в таких преступлениях, какие только мог выдумать обвинитель. Подобно современным городским легендам о сатанистах и политических экстремистах, ассасины превратились в воплощение тёмной стороны ислама. Их обвиняли в приёме наркотиков и сексуальных оргиях. Вождям ассасинов приписывали безграничные способности к подчинению чужого сознания, а их зомбированных учеников

считали либо слишком тупыми, либо слишком хорошо обработанными, либо слишком сильно накачанными наркотиками, чтобы сопротивляться жестокой и харизматичной власти вождей. Про низаритских руководителей говорили, что они не соблюдают никаких законов, кроме своих собственных, и что они не брезгают никакими, даже самыми мерзкими приёмами, вроде колдовства, чтобы сбить с пути свою паству. Сунниты утверждали, что низариты замышляют подорвать исламский закон изнутри и возродить древнюю языческую религию Персии — дуалистическое учение зороастризма. «Страшные сказки» X века о преступном богохульстве, направленные против ранних исмаилитов, теперь были возрождены применительно к низаритам, а их распространение достигло своего наивысшего пика в аламутский период низаризма.

В 1108 году был убит Абу-л-Махасин Руйяни, знаменитый суннитский наставник, пылко и страстно обличавший низаритов. По его словам, низариты настолько отделились от ислама, что их следует убивать как неверных, несмотря на традиционную суннитскую терпимость ко всем, кто произносил символ веры, шахаду: «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед Пророк Его». Возмущение против низаритов продолжало нарастать на протяжении тех полутора столетий, что они обладали политическим могуществом. Только после полного их уничтожения в качестве политической силы, низариты снова, хотя и очень неохотно, были признаны мусульманами. Маршалл Ходжсон пишет, что исмаилиты-низариты оказались настолько неприемлемыми для веротерпимости суннитского общества, что определили будущий характер мусульманской веры, «проложив путь относительной нетерпимости ислама к возможным отклонениям»^[41].

Тактика политических убийств

Убийства в мусульманской культуре восходят к самому Пророку, который выражал своё недовольство тем или иным врагом, а затем с радостью приветствовал того из своих людей, кто убивал намеченную жертву^[42]. Одним из первых мусульман, последовавших призыву Пророка к убийству, был Абд Аллах ибн Унейс, который убил главу враждебного племени и тем самым избавил исламскую общину Медины от сильного и могущественного противника^[43]. Из четырёх «Праведных халифов», наследовавших Мухаммеду, трое были убиты. Однако применение понятия джихада к одиночным убийствам принадлежит раннему шиизму.

Но только Хасан ас-Саббах превратил убийства в настоящее искусство, достигая наибольших политических преимуществ при наименьших затратах человеческих жизней и создав более гуманный метод разрешения политических споров, чем резня на поле боя, сопровождающая традиционные формы улаживания конфликтов. Убийство обладает необычным свойством проникать прямо в коридоры власти и затрагивать непосредственно лиц, ответственных за принятие решений, а не простых граждан, издавна привыкших жертвовать своими жизнями за политические авантюры своих правителей.

Так как исламская культура придаёт важнейшее значение личным качествам человека, вождь, сумевший возвыситься и удержаться у власти, должен был обладать незаурядными чертами ума и характера. Поэтому его смерть часто полностью нарушала равновесие сил. С другой стороны, ассасинов в целом совершенно не привлекала возможность использовать тот же приём против христианских военных орденов вроде тамплиеров или госпитальеров. Они полагали, что эти ордена отличаются такой структурой и организацией, что убийство руководителей приведёт лишь к их замене нижестоящими рыцарями.

Историк ислама Бернард Льюис приводит почётный список из Аламута, содержащий

упоминания о пятидесяти убийствах, совершённых за 35 лет правления Хасана ас-Саббаха^[44]. Рашид ад-дин Табиб, персидский биограф Хасана, писал о том, что при Хасане и двух его преемниках было убито 75 человек^[45]. На самом деле большинство убийств относятся к этим первым десятилетиям низаритской борьбы за власть и становятся всё реже в последующий период. Эта тактика революционных действий навлекла на ассасинов всеобщую ненависть. Маршалл Ходжсон отмечает связь между убийствами и карательными акциями, ответными избиениями низаритов; по мере снижения числа убийств становились реже и случаи массовых избиений^[46].

Для *фидаи* акт убийства был актом религиозного самопожертвования. Как пишет Льюис, «в глазах жертв ассасины были фанатичными преступниками, замешанными в кровавый заговор против общества и религии. В глазах исмаилитов они были элитным отрядом в борьбе против врагов имама; убивая угнетателей и узурпаторов, они представляли высшее свидетельство своей веры и преданности, доставлявшее им немедленное и вечное блаженство»^[47]. В рассказе, иллюстрирующем роль политических убийств и культурные ценности средневекового низаритского общества, говорится о матери одного сирийского *фидаи*. Узнав о смерти своего сына во время удачного покушения, она возрадовалась и надела праздничные одежды; после неожиданного благополучного возвращения своего сына она стала оплакивать его как погибшего^[48].

Неизвестен ни один случай, когда *фидаи* пытался бы избежать захвата или использовал для своей цели какое-либо другое оружие, кроме кинжала. Ассасины чаще всего избирали своими жертвами людей из числа хорошо охраняемых государственных деятелей — эмиров, султанов и военачальников, и почти всегда совершали убийства при свете дня в общественных местах. Целью покушений также являлись суннитские религиозные наставники, проповедовавшие против исмаилитов, и предполагаемые обращённые, отрекавшиеся от исмаилизма после посвящения в истинную революционную суть учения. Основная задача тактики политических убийств состояла в максимальном устрашении и поддержании состояния постоянного страха за свою жизнь среди противников низаритов.

Эта же тактика иногда использовалась против врагов низаритских союзников. Это навлекало на низаритов обвинение в политической продажности и наёмничестве. По большей части эти обвинения были беспочвенны, за следующими исключениями: если предлагалось совершить убийство, которое вписывалось в общую стратегию ассасинов, они, вполне возможно, охотно принимали деньги от заинтересованной стороны; кроме того, после устранения врагов, союзники могли отблагодарить ассасинов дарами. Внушение окружающим мысли о том, что ассасины работают на других политических вождей, конечно же, служило прекрасным средством вызвать против этих вождей всеобщее возмущение и посеять раздор в стане врага. Поэтому «признания», исторгнутые у некоторых *фидаи*, скорее всего, представляли собой лишь заранее спланированную дезинформацию, также наносившую чувствительные удары по существующему порядку. С прошествием времени, после уничтожения низаритского государства во второй половине XIII века, отдельные вожди сирийских ассасинов позволяли своим *фидаи* наниматься за плату.

Наркотики и отступничество

Сунитские историки обычно называли ассасинов сборищем малахида, еретиков, у которых религиозная философия прикрывала преступную деятельность, а вожди обманывали своих

последователей, манипулируя их сознанием. В отличие от этого, многие историки-исмаилиты считают ассасинов хранителями священных тайн, постепенно открывающихся членам общины при прохождении разных ступеней посвящения.

Ассасины получили и от суннитов, и от враждебно настроенных шиитов наименование хашишим. Термин «хашишийя» был впервые зафиксирован в анти-низаритском трактате, выпущенном в 1123 году и подготовленном во время правления Фатимидского халифа ал-Амира, сына и наследника ал-Мустали. В тексте он никак не поясняется^[49]. Долгое время считалось, что он имеет отношение к легенде, согласно которой вожди ассасинов давали своим ученикам наркотик, уносивший их в Сад Наслаждений. Однако даже самые враждебные мусульманские писатели той эпохи, как сунниты, так и шииты, не обвиняли секту в использовании наркотиков.

Величайший востоковед и арабист своей эпохи Сильвестр де Саси в 1809 году показал, что слово «ассасин» происходит от арабского слова «хашишин»^[50]. Хотя де Саси отвергал мысль о том, что *фидаи* были наркоманами, бездумно выполняющими волю своего безжалостного и коварного вождя, он считал, что, возможно, *фидаи* давали напиток, настоянный на гашише или смешанный с такими веществами, как опиум, с целью вызвать определённое экстатическое состояние. Несмотря на эти предположения, у нас нет исторических свидетельств того, что какой-либо *фидаи* когда-либо принимал тот или иной наркотик.

Начиная с XI и по крайней мере до конца XIV века употребление гашиша осуждалось большинством мусульман, которые считали этот порок уделом низших классов и полагали, что он неизбежно сопровождается нравственной опустошённостью, свойственной отбросам общества^[51]. Вероятнее всего, слово «хашишийя» служило ругательством, пренебрежительной насмешкой, используемой суннитскими историками при описании еретических верований и методов членов этой секты, которых они сравнивали с пьяницами и наркоманами^[52]. Образное сравнение, к которому прибегали мусульманские противники ассасинов, было всерьёз принято европейцами, объяснявшими таким образом способность к самопожертвованию и стремление к мученичеству, присущее *фидаи*, тем самым признаваясь в неумении объяснить это каким-либо другим способом^[53].

Вклад Хасана ас-Саббаха в исмаилитское учение

После разрушения аламутской библиотеки монголами в 1256 году сохранилось лишь несколько отрывков из произведений Хасана ас-Саббаха. Важнейшим его сочинением, о котором нам известно, была критика доктрины талима (авторитетного учения), дошедшая до нас в резюмированном виде благодаря суннитскому ересиологу Шахрастани, писавшему в XII веке. Согласно основополагающему суннитскому учению о талиме, люди сами по себе не способны определять религиозную истину; мы не обладаем качествами, необходимыми для верного суждения. Поэтому Бог должен был послать человечеству Пророка, чтобы тот научил нас истине. Бог продолжает направлять людей на истинный путь посредством имамов, каждый из которых назначает своего преемника, тем самым поддерживая непрерывность традиции.

Хасан дополнил это учение, теологически обосновав необходимость имама как прямого представителя Бога и Мухаммеда. По мнению Хасана ас-Саббаха, Мухаммед и непрерывная цепь имамов являются доказательствами существования Бога, а бытие самого имама зависит от духовных исканий учеников, стремящихся обрести Бога. Единоличность Бога, тавхид, служит ключом к обнаружению истины, ибо знак истины — единство, а знак ошибки — множественность. В глазах Хасана имам един, а власть его абсолютна. И сунниты, и шииты

подвержены заблуждениям из-за неправильного понимания истинной природы имама. Низариты — единственная мусульманская секта, свободная от заблуждений и потому долженствующая занять главенствующее положение в исламе.

Ключевую роль в понятии талима играет община, состоящая из людей, признающих власть имама. Так как талим служил организующим принципом низаритского общества, это повышало сплочённость и дисциплину среди аламутских воинов. Хасан требовал от своих последователей безоговорочной преданности, выставляя её в качестве прямой обязанности верующих перед Богом и тем самым выходя далеко за рамки шиитской традиции, требовавшей признания духовной иерархии. «С самого начала принципу талима придавалось важнейшее значение. Конечно, это было фундаментальным понятием исмаилизма, но его роль теперь повышалась ещё больше, так как послушание и дисциплина становились непреходящими ценностями, составляя необходимое условие для выживания общин, подобных аламутской»^[54].

Как мы видели, честолюбивые замыслы Хасана далеко не удовлетворялись пределами Аламута. «Он стремился к всемирному распространению власти имама, притязания которого казались тем оправданнее, чем очевиднее становился опустошающий скептицизм любых более мягких требований. Ничто более не имело смысла, кроме стремления к власти, которым была движима община, осмелившаяся занять столь крайнюю позицию»^[55].

Глава VIII

После Хасана ас-Саббаха

Как и в случае с многими другими религиозно-духовными течениями, после смерти вдохновенного и харизматического основателя последующая история персидских ассасинов представляет собой постепенный спад с редкими вспышками творческой активности. После смерти Хасана низаритским государством управляло семь вождей. За одним выдающимся исключением ни один из правителей Аламута не мог сравниться с Хасаном ни по духовному рвению, ни по способностям.

Тем не менее повелители Аламута всегда сохраняли положение неоспоримых лидеров разбросанных на обширном пространстве низаритских областей, в которых давно закрепился обычай децентрализованного и полусамостоятельного управления. Преемственность низаритских вождей отличалась стабильностью, небывалой для других мусульманских династий. Несмотря на многочисленные различия в общем политическом направлении и уровне индивидуального духовного развития между правителями Аламута, на протяжении последующих полутора столетий аламутская династия сохраняла своё исконное своеобразие, сплочённость с общиной и осознание своей исключительной миссии. 166-летнюю историю аламутского государства можно разделить на три этапа: первый — революционный — начинается с основания низаритской державы Хасаном ас-Саббахом в 1090 году и продолжается при его преемниках Бузургуммиде и Мухаммеде; второй — период Кийямы — начинается при Хасане II в 1164 году и заканчивается при его наследнике Мухаммеде II; третий — период Сатра, сближения с суннитским миром, — открывается правлением Хасана III с 1210 года и продолжается при Мухаммеде III и его недолговечном преемнике Хуршахе, разбитом монголами в 1256 году.

Преемники Хасана ас-Саббаха во времена революционного периода

Бузургуммид (1124–1138)

Бузургуммид был одним из самых доверенных полководцев Хасана ас-Саббаха; на протяжении двух десятилетий он управлял замком Ламмассар, второй по значимости твердыней ассасинов после Аламута. В последние месяцы перед своей кончиной Хасан вызвал Бузургуммида в Аламут и назначил его своим преемником. По легенде, Хасан сказал Бузургуммиду, что, пока тот будет с честью выполнять свой долг, дух Хасана будет служить ему советами. Бузургуммид унаследовал правление обширными низаритскими землями в Персии, окружавшими три региональных центра, разделённых расстоянием в около 1500 км. Первым центром был Аламут; второй, к юго-востоку от него, — Гирдкух; третий находился в Кухистане ещё дальше на юго-восток в центральной Персии. Под его началом находилась также сирийская ветвь низаритов. Опровергая злорадные ожидания своих врагов, Бузургуммид прочно утвердился на престоле и продолжил стратегическую линию, заложенную трудами его предшественника. Не будучи столь ярким и вдохновенным революционером, как Хасан ас-Саббах, Бузургуммид отличался храбростью и прекрасными административными способностями.

С самого начала он столкнулся с трудностями. В 1124 году в Амиде в южной Армении произошло избиение, во время которого погибло 700 исмаилитов. В 1126 году Бузургуммид организовал успешное сопротивление очередной крупной сельджукской атаке, предпринятой Санджаром, изменившим своей дружелюбной политике в отношении низаритов, которой он

придерживался при жизни Хасана ас-Саббаха. Должно быть, агрессивное поведение Санджара объясняется недооценкой нового аламутского правителя. Позже визирь Санджара, посоветовавший ему напасть на Аламут, был убит двумя *фидаи*.

В 1129 году представитель низаритов был приглашён Махмудом, сельджукским султаном в Исфахане, для обсуждения мирного договора. Низаритский посланник и его спутник были растерзаны толпой. Махмуд принёс Бузургуммиду свои извинения, но отказался наказывать убийц. В ответ ассасины перебили 400 жителей Казвина и отразили карательный поход Махмуда на Аламут.

В 1130 году *фидаи* отправились в Египет и убили Фатимидского халифа ал-Амира, унаследовавшего от своего отца, ал-Мустали, звание имама. Как мы уже говорили, ал-Амир безуспешно пытался положить конец низаритскому расколу в правление Хасана ас-Саббаха. Он правил 29 лет. С его смертью династия Фатимидов погрузилась в пучину новых расколов, так как возник вопрос, оставил ли ал-Амир после себя сына-наследника или нет.

В 1135 году 24 *фидаи* убили Аббасидского халифа ал-Мустаршида, который был разгромлен в сражении, схвачен и посажен в тюрьму сельджукским султаном Масудом, преемником Махмуда в Исфахане. Хотя во время заключения с ал-Мустаршидом обращались с отменной вежливостью, после убийства поползли слухи о том, что в дело замешаны как Масуд, так и верховный сельджукский правитель Санджар. Гибель могущественного аббасидского халифа, номинального властителя всей суннитской империи, послужила поводом для устройства в Аламуте торжеств, продолжавшихся восемь дней.

Политическая и религиозная изоляция низаритской общины, казалось бы, не могла способствовать её сохранению и развитию. Между тем при Бузургуммиде Аламут даже чеканил свою монету. Бузургуммид представлял собой реальную силу, с которой приходилось считаться как суннитам, так и шиитам. Под его руководством низаритское государство достигло максимального территориального расширения.

Мухаммед (1138–1162)

За несколько дней до своей смерти Бузургуммид передал бразды правления своему сыну Мухаммеду, человеку консервативных убеждений, чьё восшествие на престол ознаменовало новую фазу низаритской истории. Во-первых, отныне звание правителя Аламута передавалось по наследству от отца к сыну. Во-вторых, Мухаммед уделял значительно меньше внимания расширению низаритского влияния. Его военная активность носила гораздо более локальный и провинциальный характер, чем деятельность его отца. За 24 года его пребывания у власти зарегистрировано 14 случаев политических убийств, из которых большая часть пришлась на первые пять лет. За пределами аламутского региона и других крупных низаритских центров не предпринималось никаких значительных военных действий, хотя некоторые походы местного значения отличались агрессивностью.

Например, в 1138 году *фидаи* убили нового аббасидского халифа ар-Рашида, сына и преемника ал-Мустаршида, хотя ар-Рашид также оставался в Исфахане. Ассасины вновь с размахом отметили гибель халифа, но в Исфахане была устроена жестокая резня, в которой погибло множество исмаилитов. За этим последовало несколько убийств, завершившихся смертью сына Шах Гази Рустама в 1142 году, превратившей отца в яростного и непримиримого врага низаритов. В ярости он стал нападать на исмаилитов везде, где только мог их найти, и возводил башни из отрубленных голов. В 1143 году *фидаи* Мухаммеда убили сельджукского султана Дауда, который также преследовал сектантов. В результате Аббас, сельджукский правитель в Рее, устроил очередное избиение, также сопровождавшееся возведением ужасных башен. Низариты отправили к Санджару посла, прося у него защиты от гонителей. Вскоре после этого в Аламут была отослана голова Аббаса. Начался новый, хотя и краткий, период

дружественных отношений с Санджаром.

Во время правления Мухаммеда власть сельджуков продолжала идти на убыль. В 1141 году Санджар столкнулся под Самаркандом с монгольскими племенами и едва сумел спастись. В 1153 году он вступил в сражение с мятежными туркменами, которые разгромили армию султана, взяли его в плен и разграбили все окрестности. Смерть Санджара, последовавшая в 1157 году, ещё больше ослабила сельджукскую империю.

Всё большее число низаритов в Аламуте начало разочаровываться из-за снижения амбиций верховной власти. Пределом стремлений Мухаммеда к территориальной экспансии представляется низаритская миссия, направленная в Афганистан. Многим казалось, что прежние обширные замыслы, подразумевавшие завоевание всего мира и господство в мусульманском обществе, выдохлись, превратившись в банальные военные кампании местного значения и угон скота. Стала сказываться ностальгия по бывшему духовному рвеню, ещё так недавно воодушевлявшему общину. Люди проявляли нетерпение, ожидая скорого пришествия имама.

Молодые низариты многого ждали от Хасана, сына Мухаммеда, родившегося в 1126 году. Это был решительный и обаятельный человек. Хасан хранил верность учению Хасана ас-Саббаха, оккультизму ранних исмаилитских философов и суфийскому мистицизму. Он привлёк к себе сердца множества сторонников в Аламуте и Рубдаре. Его имя было окружено самыми странными слухами. Говорили, что он втайне пил вино, скрывая это от отца. Считалось, что столь еретическое отступление от правил возможно только потому, что он является скрытым имамом и, следовательно, стоит выше закона. Его отец, Мухаммед, непреклонно опровергал все эти слухи. Он всенародно заявил, что Хасан не может быть имамом, поскольку он его сын, а сам Мухаммед — всего лишь *даи*. Приверженцы Хасана подверглись чрезвычайно жестокому и странному наказанию: Мухаммед казнил 250 его сторонников, а затем привязал тела казнённых к спинам других 250 подозреваемых и изгнал их из Аламута. Хасан отказался от продолжения своей проповеди и стал терпеливо вновь завоевывать доверие отца, чтобы не лишиться наследства.

Провозглашение Кийямы

Хасан II (1162–1166)

Мухаммед и в самом деле назначил Хасана своим преемником. На тот момент Хасану было 35 лет. Первые два с половиной года его правления не ознаменовались никакими замечательными событиями, хотя он и проявил несомненные лидерские качества, продолжив укреплять главенствующее положение правителей Аламута в качестве духовных вождей широко раскинувшихся низаритских территорий.

8 августа 1164 года на собрании представителей персидских низаритских общин Хасан II провозгласил наступление Золотого века, Воскресения, Кийямы. Это событие состоялось посреди священного месяца Рамадан, в день, когда шииты поминают мученическую смерть Али. В полдень, одетый в белое платье и в белом тюрбане, Хасан взошёл на возвышение, с четырёх сторон которого развевались белые, красные, зелёные и жёлтые стяги, и начал молиться, обратившись лицом к западу, спиной к Мекке. Подняв над головой обнажённый меч, он объявил, что скрытый имам дал новую заповедь и освободил верующих от законов шариата. Он сказал, что скрытый имам назначил его своим главным представителем и что те, кто верит его словам и последуют его указаниям, обретут вечную жизнь после смерти. В сущности, он объявил, что те, кто верит в имама, уже вступили в Рай при жизни. После окончания этой удивительной речи он

спустился с возвышения и принял участие в пире, который означал, что пост месяца Рамадан уже завершился. Это поразительное богохульство сопровождалось распитием вина и поеданием свинины^[13].

Из провозглашения Кийямы следовало, что Судный день уже наступил. Те, кто признал низаритского имама и его представителя Хасана, были оправданы и вступили в Рай. Все остальные были осуждены и попали в Ад. Наконец все исторические и религиозные циклы достигли своей высшей точки. Священные правила шариата, возведённые Пророком, были всего лишь внешними символами внутренних духовных истин. Теперь же они превратились в их лишнюю и ненужную замену. В условиях религиозной свободы и духовного поиска, вытекающих из новой заповеди, человек должен стремиться к непосредственному духовному единению с Аллахом. Больше не нужно простираться ниц в молитве пять раз в день, совершая символический акт единения с Богом. По новой заповеди следует непрерывно поддерживать молитвенное состояние, приводящее к слиянию с Высшим началом.

Те низариты, которые остались верны традиционным правилам ислама и отказались следовать новой заповеди, были осуждены и побиты камнями как богохульники — точно так же, как прежде поступали с нарушителями шариата. Только истинно верующие низариты были способны признать и постичь сокровенную истину. Все прочие, включая мусульман-низаритов и всех не-мусульман, «с этих пор навечно ввергались в Ад, то есть, по сути, в состояние духовного небытия»^[56].

Через десять недель после этих аламутских событий такое же провозглашение состоялось в Кухистане, где поверенный Хасана зачитал послание от правителя Аламута, представителя Бога на земле, халифа исмаилитов-низаритов. Утверждение Хасана о том, что он является богоданным повелителем (халифом) всех исмаилитов, означало дальнейший разрыв с устоявшейся традицией. До того все шиитские халифы притязали на кровное родство с Али (каким бы оно ни выглядело натянутым). Позднее Кийяма была провозглашена в Сирии представителем Хасана, Рашид ад-дином Синаном.

Нам неизвестно, называл ли себя Хасан имамом. Он именовался учителем (даи), доказательством (худджа) и богоданным правителем (халифом). Все эти звания подразумевают низшую ступень по отношению к имаму. Средневековый историк Рашид ад-дин Табиб утверждает, что Хасан после провозглашения Кийямы разослал тайные послания, в которых заявлял, что является *внутренним* имамом, то есть имамом по духу, если не имамом по плоти. Однако Мухаммед II, его сын и преемник, положил в основу своего учения утверждение, согласно которому его отец был истинным имамом во всех смыслах и вёл свой род от самого Низара. Это положение было впоследствии принято всеми низаритами. С момента провозглашения Кийямы Хасаном II правитель Аламута признавался низаритами имамом, а не *даи* и не *худджа*.

Маршалл Ходжсон исследует ещё более глубинное измерение, скрывающееся за провозглашением Кийямы и предположением (перешедшим в устах его сына в несомненную истину), что он и есть скрытый имам. Имам, объявляющий Воскресение, был уже известен в исмаилитском учении под именем Судьи Воскресения, Кайма Кийямы. Ему отводилась особая роль завершителя учения Пророка в конце времён. О нём говорят все мусульманские традиции. Пророк Мухаммед считается одним из шести пророков-наставников человечества, предшествующих появлению Кайма (Адам, Ной, Авраам, Моисей и Иисус были первыми пятью). Поэтому Каим выше самого Мухаммеда. Заповедь этого имама и провозгласил Хасан II во время празднования Рамадана. А миссия Хасана ас-Саббаха заключалась в проложении пути последнему Пророку^[57].

Богохульственное заявление Хасана II и продолжение этого учения его сыном

Мухаммедом II разорвало последние связи низаритов и с суннитами, и с шиитами. Своими собственными действиями ассасины полностью подтвердили обвинения в ереси, вполне заслужив прозвание малахида. Споры уже не касались таких частных, как признание или отвержение того или иного имама. Провозгласив Кийяму, низариты заявили о своей абсолютной независимости от мусульманского общества. «Если подвести итог, можно сказать, что теперь все низариты вступили в Рай на земле, а остальное человечество перешло в состояние небытия»^[58]. «Однако в то же время низариты расписались в провале попыток занять главенствующее положение в исламе»^[59]. Указанием на это служат изменения в миссионерской деятельности низаритов после провозглашения Кийямы. Распространению низаризма путём обращения стало уделяться гораздо меньше внимания, чем проповедованию нового учения самим членам низаритской общины.

Через полтора года после этих событий Хасан II был убит своим шурином, который наотрез отказался следовать заповеди Кийямы и, очевидно, стремился вернуть низаритов к прежнему учению. Несмотря на крайнюю неоднозначность религиозной деятельности Хасана II, ныне он почитается исмаилитами, называющими его Хасан-ала-зикри-ал-салам (да будет мир его имени).

Мухаммед II (1166–1210)

Хасану II наследовал его сын Мухаммед II, которому в то время исполнилось лишь 19 лет. Это был властный человек, приказавший немедленно казнить убийцу своего отца вместе со всеми членами его семьи. Мухаммед II заявил, что Хасан был имамом как по духу, так и по плоти, так что он, Мухаммед, по праву является истинным имамом. Он продолжил развивать учение Кийямы и приложил много усилий для тщательной и изощрённой разработки новой доктрины.

Мухаммед начал с составления генеалогии своего отца, восходящей к Али. По его словам, Хасан II не был сыном третьего правителя Аламута, Мухаммеда, сына Бузургуммида, а тайным сыном скрытого имама. Некоторые считали, что Хасана подменили в младенчестве; другие полагали, что Мухаммед взял в жёны беременную женщину, не зная о её беременности; по мнению третьих, мать Хасана вступила в прелюбодеяние со скрытым имамом, жившим у подножия горы, на которой стоял Аламут. В конечном итоге его род возвели к внуку Низара, который тайно воспитывался Хасаном ас-Саббахом и стал то ли отцом, то ли дедом Хасана II. «Таким образом, примерно через 70 лет после смерти Низара род низаритских имамов вновь появляется на исторической сцене»^[60].

Мухаммед II внёс существенный вклад в теологическую доктрину, придав низаритскому имаму значение, намного превышающее роль, которую имам играл в шиитской теологии. Благодаря Кийяме Рай сошёл на землю, и потому Бог являет себя во всём своём величии через имама. Имам становится собственно формой Бога. Его свойства являются свойствами, посредством которых Бог открывает свою сущность людям. Имам должен быть духовным средоточием жизни каждого низарита. Достигнув полного осознания безграничной добродетели имама, ученик освобождается от ошибок и заблуждений и подготавливается к личному слиянию с Богом. Познание истинной духовной сущности имама открывало путь к высшей действительности — Раю. Эти представления носят определённое сходство с мистическим христианством и с гуру бхакти индийских и суфийских традиций. В сущности, в этом кроется одна из причин, по которой низариты примерно век спустя так удачно смешались с суфийским движением.

Мухаммед II был умелым руководителем, продолжавшим лучшие аламутские традиции. В одной интересной легенде рассказывается о его взаимоотношениях с суннитским учёным Фахр ад-дином ал-Рази, который вёл энергичную пропаганду против низаритского учения.

Мухаммед послал к нему ассассина, который под видом ученика начал посещать занятия у ал-Рази в Рее. Через несколько месяцев *фидаи* приставил к горлу учителя кинжал и заставил его поклясться, что он прекратит проповедь против ассассинов. Затем он передал ему от Мухаммеда приглашение посетить Аламут и вручил ему дары имама — золото и одежды. Когда другой ученик однажды спросил ал-Рази, почему он больше не нападает на низаритов, тот ответил, что их контраргументы были одновременно слишком острыми и слишком весомыми.

С политической точки зрения первая часть правления Мухаммеда II не ознаменовалась ничем особенным. За первые 26 лет было зафиксировано лишь одно политическое убийство, совершённое за пределами Сирии. Мусульманские правители были настолько поглощены борьбой с крестоносцами, что практически не обращали на низаритов внимания.

Однако со временем политическое положение осложнилось. Сельджукская империя оказалась на грани гибели. К 1194 году центральная власть уже не контролировала действия местных персидских правителей, а бывшие сельджукские военачальники втянулись в междоусобные войны. Низариты время от времени заключали союзы с тем или другим вождём в зависимости от требований данного момента.

Примерно в 500 километрах к северо-востоку от Аламута, в отдалённой и уединённой области Хорезм в верховьях Аму-Дарьи к югу от Аральского моря, возникала новая сила, готовая заполнить собой пустоту, образовавшуюся вследствие ослабления сельджуков. Бывшие изначально вассалами Санджара тюрки-хорезмийцы убили последнего сельджукского султана Тугрила III в Рее в 1194 году. В 1198 году они напали на Аламут. Прибегнув к военной хитрости, они сначала попросили у ассассинов укрытия, а затем предали своих доброжелателей. Во время нападения хорезмийцев на Казвин в 1199 году уже ассассины перехитрили численно превосходящего противника, согласившись сдать крепость и уйти с миром. Они договорились, что разделятся на две группы. Если первой группе позволят уйти без всякого вреда, то вторая сдаст замок. Первая группа ушла, и хорезмийцы стали ждать, когда сдастся вторая. Только через какое-то время они поняли, что в первой группе был весь гарнизон крепости.

Хорезмийцам самим угрожали Гуриды, племя из Гиндукуша, обратившееся в ислам и захватившее Афганистан. Гуриды также боролись с низаритами в Кухистане. Растущее могущество Гуридов быстро подавляло всякое сопротивление. В 1206 году был убит Шихаб ад-дин, местный гуридский правитель. Низариты взяли это убийство на себя, хотя не вполне ясно, были ли они к нему причастны на самом деле. Они утверждали, что действовали по просьбе хорезмийцев. В результате между Гуридами и хорезмийцами начались переговоры для выяснения обстоятельств дела.

Ещё одним неблагоприятным фактором, с которым пришлось столкнуться Мухаммеду, было возрождение могущества Аббасидских халифов в Багдаде. Халифат, служивший знаменем суннитской ортодоксии, вновь стал возрождаться к жизни при халифе Насире (1180–1225). Как ни парадоксально, он был шиитом, но использовал традиционный суннизм для объединения ислама. Он учредил рыцарский орден, став его Главным Магистром. Этот орден зародился среди суфиев и позднее завоевал популярность у ремесленного населения. Само новое учреждение было призвано поддерживать принципы футуввы, правила поведения фата, что по-арабски означает «храбрый юноша». «После распространения ислама, следуя употреблению этого слова в Святом Коране, под ним стали понимать образцового, благородного и совершенного человека, гостеприимство и щедрость которого не знают пределов; человека, который готов отдать всё, включая свою жизнь, для своих друзей»^[61]. Каждый вступающий приносил клятву верности наставнику, введшему его в орден, носил особые одежды, пил из особого сосуда и вносил в свой герб геральдические орденские знаки. Насир стал привлекать в орден мусульманских правителей. Тем самым каждый местный владыка должен был признать духовную власть

Аббасидского халифа. Преданность высшим идеалам чести и верности наделила суннизм романтическим блеском, которого он был так долго лишён.

Однако, несомненно, самой серьёзной проблемой, приковывавшей к себе внимание Мухаммеда II, был настрой его сына и наследника Хасана III, мечтавшего включить низаритскую общину в общий мусульманский мир. В итоге между отцом и сыном возникло определённое напряжение, напоминавшее былые споры между Мухаммедом I и Хасаном II. Положение осложнялось тем, что Мухаммед II придавал огромное значение имамату и его неотчуждаемой преемственности, ведь Хасан III уже был провозглашён наследником. И отец, и сын боялись покушений и ходили по Аламуту не иначе как в полном вооружении.

Период Сатра (Укрытия)

Хасан III (1210–1221)

После (естественной) смерти Мухаммеда II бразды правления принял его сын Джелал ад-дин Хасан. Его матерью была суннитка. Хасан III навязал ассасинам суннитскую ортодоксию и взял себе имя Хасан Навмусульман, «новый мусульманин». Его мать отправилась в паломничество в Мекку, куда её любезно пригласил халиф Насир. Хасан III сообщил хорезмшаху и другим мусульманским правителям, что он обратился в суннизм и вновь ввёл среди низаритов шариат. Он призвал суннитских учёных, чтобы они наставляли его последователей, и попросил их разобрать книги знаменитой аламутской библиотеки. Рукописи, признанные этими учёными еретическими, были сожжены. Хасан строил на подвластных ему землях мечети и бани. Он всенародно и торжественно предал проклятию своих предков.

По-видимому, его действия не вызвали недовольства в Аламуте. Самые проникательные могли думать, что отвержение Кийямы является всего лишь практическим применением доктрины такийя, подразумевающей сохранение в тайне истинных верований имама ради физической безопасности и спасения общины от уничтожения. С другой стороны, духовные обязанности и полная изоляция, налагаемые требованиями Кийямы, несомненно, выходили за пределы возможностей большинства низаритов. Стремление к простоте свойственно людям, привыкшим пользоваться материальными благами, приобретёнными их предками в жестокой борьбе. Принятие шариата должно было предотвратить нападения на ассасинов со стороны единоверцев-мусульман. Впервые в истории низаритское государство было признано суннитами законным членом мусульманского общества.

В течение двух лет Хасан ходил в военные походы в союзе с Аббасидским халифом. Поводом для низаритских войн служило уже не желание обратить в свою веру, а захват добычи. По-видимому, Хасана и Насира связывала личная дружба, и Хасан, вне всяких сомнений, был принят в рыцарский орден Насира. Насир выдал Хасану официальный мандат на правление и даже помог ему жениться на четырёх суннитках из благородных семей, одна из которых стала матерью следующего имама. В конечном итоге дружба Хасана с Насиром привела к разрыву с хорезмшахом, с которым Хасан III прежде также поддерживал союзнические отношения.

Считается, что Хасан III тайно предлагал принести клятву верности великому монгольскому вождю Чингис-хану. После появления монголов в Средней Азии в 1219 году Хасан первым из мусульманских правителей отправил к ним послов.

Хасан III умер в 1221 году, вероятно, от дизентерии. Он назначил своего визиря регентом при малолетнем наследнике. Визирь обвинил жён и сестру Хасана в его отравлении и казнил их.

Мухаммед III (1221–1255)

Преемником Хасана стал его 9-летний сын Мухаммед III, также известный под именем Ала

ад-дин. Достигнув зрелых лет, он без особого шума вернул Аламут к шиизму, заявив, что имама его отца следует считать периодом сокрытия. Правление Мухаммеда ознаменовалось интеллектуальным подъёмом, так как он сознательно принял роль покровителя искусств и наук, присущую традиционным мусульманским правителям. Исмаилитское уважение к учёности, побудившее Хасана ас-Саббаха учредить знаменитую аламутскую библиотеку, с давних пор привлекало учёных и теологов, включая суннитов, шиитов-двунадесятников и даже иудеев.

Низариты в очередной раз переработали своё учение, чтобы примирить доктрину Кийямы с действиями Хасана III. Теперь Кийяма считалась эпохой откровения истинной духовной сущности имама во всей его славе, дающей возможность прямого общения с Богом. В периоды открытого явления имама такие понятия, как шариат, становятся бессмысленными, если не богохульственными. С другой стороны, на смену таким эпохам приходят периоды сокрытия, когда имам предпочитает таить свою истинную сущность от общины. В эти времена требуется формальное соблюдение шариата, чтобы сохранить чистоту Закона. Фаза, требующая уважения к шариату, называется Сатром. В эту пору имам скрывает своё настоящее духовное положение, выступая в роли лишь мирского правителя низаритов, а не Кайма Кийямы, истинной духовной роли каждого низаритского имама. Смена эпох откровения и сокрытия, Кийямы и Сатра, определяется решением имама. Поэтому при Мухаммеде III, как в период, предшествовавший Кийяме, соблюдались правила шариата, хотя и не с такой строгостью, как при его отце.

Эти изощрённые философские доктрины были по большей части разработаны великим мусульманским философом Насир ад-дином Туси, жившим в Аламуте по приглашению Мухаммеда III. Вероятно, в Аламуте Туси обратился в исмаилизм, хотя у нас нет на этот счёт никаких определённых свидетельств. Однако его учение можно считать философским спасательным кругом, позволившим низаритам сохранить свою сущность после имамата Хасана III, который поставил их перед сложным выбором. С одной стороны, следуя предначертаниям Хасана, они могли добровольно слиться с суннитским обществом. С другой — они могли отвергнуть сближение с суннизмом и стать всего лишь очередной шиитской сектой, отказавшись от той славы, которой окружило их движение учение Кийямы при Хасане II и Мухаммеде II. Туси предложил третий путь.

Однако в ретроспективе искусное интеллектуальное построение Туси и возвращение к духовной чистоте низаритских верований представляется несколько запоздалым. Ибо, согласно персидскому историку Джувейни, ненавидевшему ассасинов, Мухаммед III был чудовищем, личные слабости которого отражали ослабление аламутской общины. Джувейни утверждает, что в юности Мухаммед повредил себе мозг из-за ошибки врача, выпустившего ему слишком много крови во время совершенно не требовавшей этого болезни. Какова бы ни была причина, Мухаммед, возможно, был душевнобольным, если не безумным. По мере взросления его поведение всё больше напоминало поведение сумасшедшего. Он превратился в жестокого, деспотичного и непредсказуемого садиста и к тому же много пил. История низаритского государства близилась к концу.

Впрочем, последние десятилетия политической независимости Аламута ознаменовались определённым подъёмом. Сближение Хасана III с мусульманским обществом расширило низаритский политический кругозор. На некоторое время в Аламут вернулись мечты о всемирном господстве. Узкоместные распри сменились крупномасштабной дипломатической деятельностью, благодаря которой низариты завязали контакты с такими отдалёнными странами, как Монголия и европейские государства, одновременно прочно обосновавшись в Индии. Дань за личную безопасность поступала от государей Германии, Арагона и Йемена.

Что касается суннитов, то тяга к роскоши, заимствованная у Аббасидов, начала сказываться на сельджуках, хорезмийцах и Гуридах, лишая их былой суровости и энергичности.

По привычной исторической схеме вакуум, образовавшийся из-за ослабления политической воли самоуспокоившихся правителей, заполнили очередные кочевые племена из Северо-Западной Азии. В XIII веке под началом Чингис-хана монголы — потомки гуннов, 800 лет назад хлынувших на территорию погрязшей в роскоши и распутстве Римской империи, — начали завоевание Центральной Азии. В 1219 году, раздражённый оскорблениями от хорезмшаха, Чингис-хан напал на Хорезм. В 1221 году, то есть в тот же год, когда Мухаммед III сел на имамский престол, Хорезм пал к ногам монгольской армии.

Монголы представляли собой серьёзную угрозу. Хотя между ассасинами и монголами в результате дипломатических усилий Хасана III был заключён мирный договор, близился неизбежный конфликт между двумя антагонистами. Широкий размах низаритских устремлений и честолюбивых замыслов должен был привести их к прямому столкновению со сходными планами монголов. Мухаммед III унаследовал от отца разветвлённую систему политических союзов, но все они разрывались вследствие быстрой смены политической обстановки, вызванной продвижением монголов. Когда монголы обратили свои взоры на Персию, исмаилиты вновь, как когда-то раньше, оказались практически в полной изоляции.

Монгольские войска, возглавляемые Чингис-ханом, впервые подступили к берегам Яксарта (ныне Сыр-Дарья) в 1218 году. В 1238 году ассасины отправили послов во Францию и Англию, соединившими свои усилия с посланниками Аббасидского халифа в попытке убедить христианских государей Людовика IX Французского и Генриха III Английского выступить против монголов. К несчастью, именно в этот момент европейские короли искали союза с монголами против мусульман. К 1240 году монголы дошли до Западного Ирана и собирались двинуться на Грузию, Армению и Северную Месопотамию. В 1248 году исмаилитское посольство, прибывшее на монгольский курултай, было отправлено обратно без ответа.

В 1252 году ханом монголов в Каракоруме был избран Менгу, внук Чингис-хана. Он немедленно приказал своему младшему брату Хулагу идти в поход на низаритов и полностью уничтожить их государство. В 1254 году Менгу принял францисканца Вильгельма Рубрука, посла Людовика IX. Людовик хотел заручиться поддержкой монголов в Седьмом крестовом походе. Вильгельм узнал, что Великий хан боится за свою жизнь, так как ему стало известно, что против него послано около 40 ассасинов под разными обличьями, которые должны были отомстить за поход на Аламут. Хотя Хулагу прибыл в Иран только в 1256 году, его авангард уже расчищал ему путь через исмаилитские земли. Монголы напали на кухистанских низаритов, затем двинулись на Гирдкух и отправили отряды опустошать долину Рудбара. А меж тем неумолимо продолжал приближаться и сам Хулагу с основной армией.

Многие обитатели Аламута были утрашены жестокостью монгольских орд. Однако Мухаммед III до конца сохранял силу своего (возможно, больного) духа. С другой стороны, его охватила неприязнь к старшему сыну и наследнику Хуршаху. В 1255 году вожди ассасинов решили, что душевная болезнь имама принимает такие угрожающие формы, что им не остаётся ничего другого, как посадить на престол его сына. Они хотели объявить Хуршаха регентом и, не причиняя никакого вреда Мухаммеду, отстранить его от дел, особенно ввиду монгольской опасности. Однако эти замыслы так и не воплотились в жизнь: пьяный Мухаммед был зарублен топором своим любовником Хасаном Мазендерани, которого он когда-то изувечил, поддавшись садистским наклонностям во время секса. Жена Хасана Мазендерани сообщила Хуршаху о деянии её мужа, пытаясь смягчить его изъявлениями раскаяния, но новый правитель приказал казнить убийцу своего отца и трёх его детей.

Хуршах (1255–1256)

Развязка аламутской драмы наступила с восшествием на престол Хуршаха, ставшего 27-м низаритским имамом. Сознвая неизбежность поражения от монголов, Хуршах написал Ясуру,

монгольскому военачальнику в Ираке, выражая свою покорность монгольской власти. Ясур ответил, что Хуршах должен сам явиться к Хулагу. Вместо этого аламутский правитель послал в лагерь Хулагу в Хорасан своего младшего брата Шаханшаха. Между тем в июне 1256 года Ясур вступил в окрестности Аламута. Воины Хуршаха выдержали первый натиск. Хулагу передал Хуршаху, что примет его сдачу и не будет винить его в преступлениях его отца, если он разрушит свои крепости и лично явится в монгольский лагерь. Войско Ясура отправилось дальше.

Хуршах попросил отсрочки на год, прежде чем предстать перед Хулагу, чтобы иметь возможность лично надзирать за срытием своих замков. Он также попросил пощадить Аламут и Ламмассар из-за их древности. Хулагу отвечал, что если Хуршах не может прибыть к нему лично, то пусть пошлёт в знак доброй воли своего сына. Тем временем Хулагу подошёл к Рею. Хуршах отправил к нему своего сына. Хотя Хулагу заподозрил, что присланный мальчик не является настоящим наследником, низаритские историки утверждают, что это было так. Монгольский хан продолжил наступление, и Хуршах прислал к нему ещё одного брата с 300 низаритов в качестве заложников. В ноябре 1256 года Хуршах находился в крепости Маймундиз. К замку подошли войска Хулагу и потребовали, чтобы аламутский имам сдался, дав пять дней срока. 19 ноября 1256 года Хуршах пришёл в монгольский лагерь со своей семьёй, свитой и сокровищами. Остальные ассасины отказались сдаваться и были перебиты монголами.

Хулагу принял Хуршаха вежливо, раздав ассассинские сокровища своим воинам, но взамен подарив имаму сотню верблюдов и жену-монголку. Затем он попросил имама сопровождать его в походе, чтобы лично обеспечить сдачу оставшихся низаритских крепостей. Сообщают, что по призыву ослабевшего духом имама монголам сдалось сто замков. Каждая крепость после выхода из неё обитателей разрушалась до основания. Начальники Аламута и Ламмассара поначалу отказались сдаваться, но в декабре 1256 года Аламут всё же был сдан.

Монголы были изумлены чудесами Аламута. Хулагу самолично поднялся в замок, чтобы тщательно осмотреть искусность его отделки. Вода поступала по прочным каменным трубам и скапливалась в огромных резервуарах, вырубленных из сплошной скалы. Пища и оружие хранились в подземных кладовых, также вырубленных в скале. Непрístupная крепость была обеспечена всем необходимым со времён Хасана ас-Саббаха. Хасан насадил в аламутской долине множество деревьев и разработал ирригационную систему, чтобы повысить плодородность земли. Аламут задумывался как крепость, в которой населяющая её община способна выдержать длительную осаду. И лишь затратив значительные усилия, монголы сумели её срыть.

Армию Хулагу сопровождал персидский историк Джувейни. Он лично наблюдал за сожжением большей части из оставшихся книг аламутской библиотеки, включая работы по низаритской истории и теологии, а также не-мусульманские математические, философские и научные произведения. Разрушению главной библиотеки мы в том числе обязаны отсутствием ассассинской литературы аламутского периода. С другой стороны, объяснением может служить постоянное состояние военной готовности, которое побуждало низаритов скорее к практической деятельности по обращению населения, чем к литературным или философским изложениям своего учения.

Гарнизон Ламмассара продержался на год дольше. Хулагу и Хуршах выехали из Казвина, откуда Хуршах написал письмо сирийским низаритам, приказывая им подчиниться монголам. Вместе с тем он попросил устроить ему встречу с самим Великим ханом Менгу. В 1257 году Хуршах в сопровождении монгольского отряда отправился в долгий путь до Каракорума. Когда он прибыл в ставку Менгу, тот отказался принять прибывшего, так как Ламмассар и Гирдкух всё ещё оказывали сопротивление монгольской армии. На обратном пути разочарованный Хуршах был избит до смерти своими монгольскими охранниками.

Исмаилиты позаботились укрыть в надёжном месте сына Хуршаха, Шамс ад-дина Мухаммеда. (Нынешний Ага-хан возводит свой род к этому выжившему потомку аламутских имамов.) Монголы начали безжалостно стирать с земли самую память об ассассинах, убивая всех мужчин, женщин и детей, и особенно преследуя родственников Хуршаха. Самая злодейская резня состоялась в Кухистане, где за один день было перебито около 80 000 исмаилитов. Многие были проданы в рабство. Защитники Ламмассара были все уничтожены после взятия крепостей, хотя гарнизон Гирдкуха сумел продержаться до 1270 года. В 1275 году ассассинский отряд захватил Аламут, но монголы вернули себе замок в течение года.

В 1258 году монгольское войско отправилось в поход на Аббасидов. Аббасидский халиф ал-Мустасим сдался так же малодушно, как и Хуршах. После этого он был казнён. Династия, правившая мусульманским миром (по крайней мере, номинально) на протяжении полтысячи лет, прервалась. Монгольская армия 40 дней грабила Багдад. Во время грабежей погибло около 800 000 мусульман. В 1260 году Хулагу захватил принадлежавшие Айюбидам города Дамаск и Алеппо. Вскоре после этого мамлюкский султан Бейбарс нанёс монголам сокрушительное поражение и изгнал их из Сирии. Опустошения, вызванные нашествием монголов, сказываются и по сей день.

Глава IX

Сирийские ассасины

Проповедническая деятельность, инициированная Хасаном ас-Саббахом среди сирийских исмаилитов, привела к тому, что европейцы столкнулись с ассасинами уже во время первых крестовых походов. Легендарный Горный Старец, воспетый трубадурами и наводивший страх на королей, был вождём сирийского ответвления ордена.

Подобно Ирану, Сирия отличается сложной топографией. Здесь также есть горные области, идеально подходящие для размещения стратегических крепостей, как было принято у низаритов. Сирийские горы, долины и пустыни также служили прибежищем для сильно отличающихся друг от друга групп населения, хранивших традиции политической независимости и религиозной раздробленности, включая различные еретические секты. Среди них можно выделить друзов, о которых мы говорили ранее, отколовшихся от исмаилитов, соблюдавших верность Фатимидам. Также нужно упомянуть нусейритов, шиитов-экстремистов двенадцатнического толка, которые верили в то, что Али есть Бог, а Мухаммед Пророк его. В нусейритское вероисповедание вошли некоторые элементы валентинианских и манихейских гностических верований. Эта секта была основана в IX веке и существует в Сирии по сей день.

В политическом отношении Сирия созрела для низаритской проповеди. К тому моменту, когда сюда начал засылать своих эмиссаров Хасан ас-Саббах, то есть после 1090 года, сельджукские султаны уже долгое время вели борьбу с Фатимидской империей и захватили власть над большей частью страны. Следует помнить о том, что в 909 году именно в Сирии вышел из своего убежища скрытый имам, явив себя миру и положив начало династии Фатимидов. Это обстоятельство указывает на давнее присутствие в Сирии весьма сильной исмаилитской общины. Появление тюркских войск могло привести только к раздражению местного населения, как это уже произошло в Персии, где власть иноземных захватчиков вызвала бурную волну негодования.

В 1095 году, после смерти сельджукского правителя Сирии Тутуша, брата Малик-шаха, страна оказалась разделена на несколько соперничающих государств, возглавляемых различными сельджукскими князьями. Важнейшими княжествами управляли два сына Тутуша: Ридван в Алеппо и Дукак в Дамаске. Низариты развернули в Алеппо активную деятельность. Первоначальным успехом усилия сирийских низаритов увенчались во многом благодаря поддержке Ридвана. В Алеппо жило много шиитов, приверженцев разных сект, которые по общей численности превосходили суннитское население. До низаритов Ридван поддерживал фатимидского имама ал-Мустали.

В 1097 году на сцене появляются крестоносцы. Орды неверных пронесли по Палестине, сокрушая всё на своём пути. Деятельность сирийских ассасинов облегчалась слабостью Фатимидов и их неспособностью противостоять как тюркам-сельджукам, так и крестоносцам. Появление последних могло только повысить склонность местного населения прислушиваться к проповеди скрытого низаритского имама.

Однако в то же время аламутские проповедники находились в невыгодном положении. В Сирии низаритские миссионеры, подобно сельджукам и крестоносцам, были чужаками, прибывшими из Персии по приказу Повелителя Аламута. На всём протяжении истории сирийской общины ассасинов её вожди назначались аламутским правителем. Успехи низаритов чередовались с провалами, так что потребовалось почти столетие, прежде чем им удалось прочно обосноваться в этой стране, создав плацдарм для дальнейших действий.

Вторжение крестоносцев вызвало распри среди местных сельджукских князей, споривших

о том, какие земли они способны будут удержать под натиском захватчиков. Союз с низаритами помог Ридвану в борьбе с соперниками. Например, в 1103 году ассасины во главе с Хакимом ал-Мунадджимом, известным под прозвищем Врач-астролог, были обвинены в убийстве Джанах ад-Давлы, правителя Хомса и врага Ридвана.

Первый засвидетельствованный контакт ассасинов с крестоносцами состоялся в сентябре 1106 года. Танкред, князь Антиохии, напал на недавно приобретённый низаритами замок Апаке близ Алеппо. Христиане разгромили низаритов и наложили на секту дань. Танкред захватил нового главного *даи* Сирии Абу Тахира «Золотых дел мастера» и заставил его внести за себя выкуп. В 1110 году низариты уступили Танкреду ещё часть своей территории. Несмотря на эти потери, сирийские ассасины помогли Ридвану изгнать крестоносцев из некоторых крепостей, чего не сумел добиться в то время больше ни один сельджукский правитель.

После смерти Ридвана в 1113 году к власти пришёл его сын Алп Арслан. Под давлением верховного сельджукского султана Мухаммеда Тапара и идя на поводу общенародных антиисмаилитских настроений, он дал разрешение уничтожить низаритскую общину в Алеппо. Он отдал приказ казнить Абу Тахира и бросить в тюрьму или убить более 200 исмаилитов. Имущество казнённых и пленённых было отобрано в казну. К 1124 году из Алеппо были изгнаны все низариты, сумевшие пережить гонения.

Вторым по важности городом, который низариты стремились превратить в свою сирийскую базу, был Дамаск. Впрочем, секте никак не удалось там закрепиться. Однако в 1125 году низаритские солдаты под началом верховного сирийского *даи* Бахрама доказали свою незаменимость в борьбе с франками. Сельджукский правитель Дамаска Тугтегин, главный визирь которого, ал-Маздакани, выказывал определённую склонность к низаритам, передал Бахраму пограничную крепость Банияс. Бахрам получил также здание в самом Дамаске, служившее его городской штаб-квартирой. Он немедленно начал укреплять замок Банияс и рассылать проповедников, одновременно проводя военные операции по всей Сирии. Во время одного из таких походов он был убит; его голова и руки были увезены в Каир, а доставившие их люди были щедро вознаграждены Фатимидским халифом.

В 1128 году умер Тугтегин, и в Дамаске поднялась волна антиисмаилитских возмущений, напоминавшая гонения в Алеппо. Сын Тугтегина Бури перешёл в наступление, казнив визиря ал-Маздакани и выставив его отрубленную голову на всеобщее обозрение. Это событие послужило сигналом к резне, в которой погибло около 6000 исмаилитов. Ходили слухи, что ассасины заключили союз с франками и собирались сдать им Дамаск в обмен на Тир. Хотя это было не так, преемник Бахрама ал-Аджами написал Болдуину II, королю Иерусалимскому, письмо, предлагая ему сдать Банияс в обмен на какое-либо убежище, в котором его сторонники могли бы укрыться от своих гонителей-суннитов. Ал-Аджами умер в изгнании у франков в 1130 году. В 1131 году два низарита, посланные из Аламута, убили Бури. Это произошло в тот же период (1130-е годы), когда Бузургуммиду удалось умертвить Фатимидского халифа ал-Амира, тем самым положив конец деятельности в Сирии исмаилитов-мусталитов.

В 1132 году, после неудачного завершения попыток закрепиться в городских центрах Алеппо и Дамаске, низаритский вождь Абу-л Фас купил крепость Кадамус в горах Джабал-Бахра. На протяжении следующих семи лет низариты приобрели в этой области ещё 8 или 10 замков.

В 1140 году они захватили важную крепость Масьяф. В 1142 году госпитальеры получили во владение близлежащий замок Крак-де-Шевалье. Таким образом, низариты обрели крайне беспокойных и опасных соседей. В 1149 году ассасины помогали Раймунду Антиохийскому в неудачной битве с войсками тюркской династии Зангидов. В бою погибли и Раймунд, и вождь ассасинов Алф ибн Вафа. Союз с Раймундом был вызван желанием низаритов заручиться поддержкой в борьбе с Зангидами, которые только что захватили Алеппо. В части 3 мы ещё

поговорим о войнах Зангидов с тамплиерами, здесь же заметим, что они несли двойную угрозу для низаритов, часто вступая в союзы с сельджуками и являясь настолько пылкими приверженцами суннизма, что считали еретиками всех шиитов. Быструю смену политической обстановки той эпохи наглядно демонстрирует то обстоятельство, что в 1151 году ассасины сражались с франками за Манику, а в 1152 году они убили свою первую жертву из крестоносцев, Раймунда II, графа Триполи. Это убийство повлекло за собой нападение тамплиеров, принудивших низаритов выплачивать им дань в 2000 золотых монет ежегодно.

Рашид ад-дин Синан

Самым знаменитым вождём сирийских ассасинов, прообразом Горного Старца, был Синан ибн Салман ибн Мухаммед, также известный под именем Рашид ад-дин Синан (1162–1192). Синан воплощает в своём лице второй после Хасана ас-Саббаха идеал низаритского духовного лидера. Подобно Хасану ас-Саббаху, основоположнику движения, и его духовному преемнику Хасану II, разорвавшему цепи исламской ортодоксии, Синан был харизматичным и могущественным правителем, изменившим ход истории. Синан родился близ Басры в Южном Ираке в зажиточной семье и бежал в Аламут будучи ещё молодым человеком после ссоры с братьями. В Аламуте он подружился с молодым Хасаном II, своим товарищем по учёбе. После восшествия на имамский престол Хасан II послал Синана в Сирию. Синан отправился в Каф, где втайне трудился на благо низаритского дела. Когда умер престарелый главный *даи* Абу Мухаммед, Синан стал во главе сирийских ассасинов после недолгой борьбы за власть, которая разрешилась указом Хасана II.

Сирийские низариты оказались в опасном положении из-за вторжения крестоносцев, с которыми у них установились крайне напряжённые отношения, а союзы носили чрезвычайно недолговечный и преходящий характер. Кроме того, Синан столкнулся с четырьмя угрозами, исходящими от собственно мусульманского мира. За время его правления сунниты выдвинули две новые силы, стремившиеся объединить раздробленное мусульманское общество под знаменем борьбы с общим христианским врагом.

Первую силу представлял прославленный зангидский полководец Нур ад-дин, разместивший свою штаб-квартиру в Алеппо. Не ограничиваясь деятельностью в политической и военной сферах, он создал по всей Святой Земле систему медресе, религиозных школ, призванных служить поддержанию единства суннитской веры. Нур ад-дин послал своего военачальника Ширкуха в Египет, чтобы уничтожить остатки Фатимидского халифата. Ширкух стал визирем у номинального главы государства, Фатимидского халифа. После смерти Ширкуха ему наследовал его племянник Саладин.

Саладин воплощал вторую главную суннитскую угрозу для Синана и его общины. В 1171 году он объявил о свержении Фатимидов, провозгласив суннизм религией Египта. Саладин стал величайшим поборником единства ислама со времён самого Пророка. Он мечтал о едином мусульманском обществе, управляемом чистыми религиозными принципами. И Нур ад-дин, и Саладин считали своими опаснейшими врагами крестоносцев, но не упускали из виду и еретиков-исмаилитов.

Третья угроза исходила от враждебно настроенных соседних нусейритских племён, которые жили в горной области Джабал Бахра задолго до прихода исмаилитов. И наконец, четвёртым опасным противником были суннитские черносотенцы, входившие в организацию Нубувийя, которые бродили по окрестностям, нападая на шиитов.

Таким образом, Синан очутился в крайне сложной ситуации. На дипломатическом фронте

он должен был вести изошённую политику союзов и перемирий, чтобы не допустить объединённого нападения со стороны мусульман. Поэтому поначалу он поддерживал Нур ад-дина как меньшее из двух зол, признавая Саладина более непримиримым противником. Он был также вынужден налаживать отношения с крестоносцами, с которыми он, как мусульманин, должен был вести непрерывную войну. Ассасины уже платили дань рыцарям-тамплиерам к моменту прихода Синана к власти. Должно быть, вождь низаритов рассматривал эти деньги как разумное вложение средств, способное предотвратить открытую вражду. Наконец, он должен был возводить и укреплять крепости, чтобы выдержать нападение любого из перечисленных выше врагов.

В 1173 году Синан отправил посла к Амальрику I, королю Иерусалимскому, предлагая ему союз. В качестве единственного условия он выдвигал снижение дани, которую ассасины платили тамплиерам. Считается, что Амальрик согласился на условия Синана и что его посланник был убит на обратном пути тамплиерами, не собиравшимися допускать снижения выплат. Также считается, что это убийство привело к замораживанию дальнейших попыток сближения, несмотря на извинения, принесённые Синану Амальриком, заключившим в тюрьму рыцаря, обвинённого в убийстве. Возможность разрешения конфликта устранилась со смертью Амальрика в 1174 году.

Архиепископ Вильгельм Тирский, хронист той эпохи, писал, что Синан через своего посланца выразил готовность ассасинов обратиться в христианство при заключении союза с крестоносцами. Фархад Дафтари полагает, что историк неправильно понял суть предложений Синана^[62]. Благодаря прекрасному теологическому образованию и широкому кругозору Синан, возможно, действительно стремился больше узнать о религиозных учениях своих возможных союзников. Доктрина Кийямы была неверно принята многими средневековыми историками, посчитавшими её шагом на пути к принятию христианства и отречению от ислама, и эта точка зрения имеет под собой определённые основания, так как ряд положений учения о Кийяме вполне совместим с некоторыми христианскими взглядами. Революционная позиция, занятая Иисусом, отвергавшим формальную сторону иудейского Закона, несомненно, во многом находит параллели в доктрине Кийямы.

Полагают, что в 1174 году, незадолго до своей смерти, Нур ад-дин намеревался отправиться в поход на исмаилитов, чтобы отомстить им за поджог мечети в Алеппо, якобы совершённый ими. Узнав о смерти Нур ад-дина, Саладин провозгласил независимость от династии Зангидов и объявил себя первым правителем из новой, основанной им династии Айюбидов. Могущество Саладина угрожало младшему сыну и наследнику Нур ад-дина, ал-Малику ас-Салиху. Регент, правивший от имени малолетнего ас-Салиха, попросил Синана оказать ему помощь против Саладина и подослать к тому убийцу. Одной из причин, по которой Синан согласился на этот шаг, была ненависть, которую питали к Саладину низариты. В 1174–1175 годах отряды Нубувийя напали на два исмаилитских центра, убив около 13 000 человек. В это время мимо проезжал Саладин. Он узнал об учинённой резне и воспользовался положением, чтобы напасть на другие низаритские крепости.

В 1175 году Синан послал к Айюбидскому султану двух *фидаи*. Местный правитель, у которого остановился Саладин, узнал их и предотвратил покушение. Вторая попытка была предпринята в 1176 году. Саладин был легко ранен, но спасся благодаря быстрой реакции и кольчуге, которую никогда не снимал. В августе 1176 года Саладин напал на Масьяф и осадил этот главный оплот низаритов в Сирии. Однако вскоре он без всяких видимых причин снял осаду и отошёл. Этим действиям предлагались различные объяснения, включая и кажущееся довольно правдоподобным свидетельство из биографии Синана. Однажды к Саладину пришёл посланник Синана. Он сказал, что послание, которое он доставил, настолько секретно, что он может

сообщить его лишь наедине. Саладин постепенно избавился от своих придворных, оставив при себе лишь двух мамлюков. Посланец Синана спросил, почему Саладин не приказал удалиться мамлюкам, чтобы слышать сообщение с глазу на глаз. Саладин ответил: «Эти двое мне как сыновья. Я и они — одно». Тогда посланец повернулся к мамлюкам и сказал: «Если бы я приказал вам от имени моего Учителя убить этого султана, выполнили бы вы мой приказ?» Они вынули мечи и ответили: «Приказывай»^[63].

По-видимому, этот эпизод стал поводом к заключению союза между Саладином и Синаном. В дальнейшем между ними не было зафиксировано никаких конфликтов. Возможно, следствием улучшения отношений явилось убийство Конрада Монферратского, короля Иерусалимского, в 1192 году, незадолго до смерти самого Синана. Убийство было совершено двумя *фидаи*, одетыми в облачение христианских монахов. Наряду с выполнением каких-либо союзнических обязательств перед Саладином в этом событии, вероятно, фигурировали и другие мотивы. Так, нельзя сбрасывать со счетов предположение, что Конрад был убит по сговору ассасинов с Ричардом Львиное Сердце. Впрочем, проще всего смерть Конрада объясняется сложностями, возникшими между франками и ассасинами в последние несколько лет. Недавний захват Конрадом низаритского корабля и его груза, а также казнь корабельной команды могли уже сами по себе послужить для Синана достаточным поводом к мести. В любом случае гибель Конрада облегчила Саладину переговоры о перемирии с Ричардом. По просьбе Саладина низариты также рассматривались как одна из договаривающихся сторон. Саладин умер через несколько месяцев после Синана, а Ричард уехал из Святой Земли в Европу.

Сирийские низариты почти что боготворили Синана, считая его высшим существом. У него не было телохранителей. Он правил лишь благодаря силе своей личности. Синан путешествовал из крепости в крепость, не имея какой-либо одной установившейся штаб-квартиры. Из-за постоянных перемещений вождя крепости поддерживали между собой постоянную связь и не выходили из состояния бдительности. По подсчётам Вильгельма Тирского, писавшего свою хронику во времена Синана, главе сирийских ассасинов подчинялось около 60 000 сторонников. Другой историк описывает мягкость и благородство низаритского вождя.

Синан был знаменит своими познаниями в астрологии и алхимии, а также в магическом искусстве, телепатии и ясновидении. Среди многочисленных примеров проявления ясновидческих способностей особенно выделяется случай, когда Синан точно предсказал судьбу каждого из сорока дамасских суннитов-законоведов, пытавшихся превзойти его в религиозном диспуте, но оказавшихся бессильными перед его красноречием, умом и благочестием. Никто никогда не видел его едящим или пьющим. Ему приписывали целительную силу. Говорят, дважды он спасал людей от падающих скал, используя свои психокинетические способности. Он единолично отразил нападение воинов Саладина, лишив их возможности двинуться и удержав на безопасном расстоянии от низаритского отряда.

Вежливость была такой же частью образа Синана, как и ясновидение. В одной истории говорится, что однажды он приехал в деревню, в которой был с почестями принят местным начальником, принёсшим ему накрытое блюдо с яствами, специально приготовленными для Синана его женой. Синан спокойно отодвинул блюдо. Начальник обиделся таким очевидным пренебрежением его гостеприимством и спросил у Синана, почему он так сделал. Синан отвёл его в сторону и объяснил, что, в своём возбуждении, жена начальника забыла должным образом вычистить потроха. Если бы блюдо открыли, муж был бы прилюдно унижен. Проверив содержимое блюда, тот обнаружил, что Синан был прав.

В менее благосклонном к Синану анекдоте выставляется напоказ его хитрость и жестокость. Говорят, что однажды он привёл в свою комнату нескольких *фидаи*. На блюде на полу лежала окровавленная голова одного из их товарищей, очевидно отрубленная после

успешного покушения. Обращаясь к голове, Синан попросил её описать Рай. Голова начала речитативом описывать райские наслаждения. Собравшиеся юнцы были поражены до глубины души. Когда они вышли, Синан снял блюдо со своего злополучного приверженца, который, как оказалось, стоял в яме, вырытой специально для этого представления. Затем он выхватил свою саблю и одним ударом отправил несчастного в загробную жизнь, которую тот так красноречиво описывал своим товарищам.

Также сообщается, что несколько раз Синан подтверждал свою веру в учение о переселении душ. Эта доктрина составляла основную суть нусейритского вероисповедания. То, что Синан признавал столь необычное для ислама учение, возможно, облегчало заключение союзов с нусейритами и обращение их в низаризм. По-видимому, Синан также разделял представления о реинкарнации, согласно которым совершенствование души есть одновременно и цель, и средство её достижения.

Синан признал учение Кийямы, провозглашённое Хасаном II, и получил от него задание распространить эту доктрину в Сирии. Вскоре после своего прибытия в Сирию Синан провёл праздник Кийямы во время священного месяца Рамадан. Очевидно, он считал Хасана II законным духовным Учителем, но, с другой стороны, не мог или не хотел подчиняться сыну и наследнику Хасана, Мухаммеду II. Таким образом, с момента смерти Хасана II и до смерти самого Синана сирийские ассасины пользовались независимостью от Аламута. Такое положение казалось неприемлемым Мухаммеду II, который послал против Синана несколько групп своих *фидаи*. Однако, по легенде, Синан либо убил, либо привлёк на свою сторону всех своих предполагаемых убийц.

Провозглашённое Синаном учение Кийямы вызвало несколько неожиданные последствия у одной исмаилитской общины в области Джазр, пустынной местности между горами Джабал Бахра и Алеппо. В 1176 или 1177 году эти низариты, называвшие себя «Чистыми» (Суфат), ввели в употребление особые обряды, сопровождавшиеся развратными действиями и пьяными оргиями, считая их неотъемлемой частью Кийямы. Синану удалось спасти некоторых из них от кары со стороны правителя Алеппо, объявив, что он является единственным правителем, во власти которого наказывать этих людей. Тем не менее он не сумел предотвратить избиение, состоявшееся за пределами Алеппо, во время которого группа суннитов перебила целую суфатскую общину. По мнению других историков того времени, это нападение и уничтожение секты было делом рук самого Синана. Как полагает Бернанд Льюис, подобные эксцессы, связанные с провозглашением Кийямы в Сирии, послужили источником мифов о Райском Саде^[64].

Многие сирийцы считали Синана богоданным имамом или, по крайней мере, худджей. Некоторые даже придерживались мнения, что он Бог во плоти. По-видимому, сам он рассматривал себя как орудие божественной воли, не ниже таких пророков, как Адам и Иисус. По преданию, однажды ночью ученики обнаружили его беседующим с зелёной птицей, сияющей ярким светом. Синан объяснил, что это душа Хасана II, явившаяся, чтобы попросить помощи сирийского имама. После смерти Синану воздавались беспрецедентные почести, нашедшие наивысшее выражение в постройке посвящённого ему святилища^[65]. Считалось, что, подобно Махди, Синан не умер, а перешёл в скрытое состояние, из которого он однажды вновь явится людям.

Сирийские исмаилиты после Синана

Синан доставил своей пастве весьма достойное положение, характеризовавшееся

относительной независимостью и мирными отношениями как с франками, так и с суннитами. На протяжении последующего столетнего периода крестовых походов сирийские низариты продолжали поддерживать оживлённые связи с обеими сторонами, сохраняя за собой статус третьей силы в Святой Земле. Они заключали временные союзы с различными как христианскими, так и суннитскими вождями, воплощая своими непредсказуемыми действиями фактор неизвестности, имеющий столь важное значение в такой политически нестабильной стране, как Сирия.

Не обладая харизмой и могуществом Синана, последующие лидеры сирийских исмаилитов вновь подчинились власти Аламута. В 1211 году Хасан III провозгласил возвращение к шариату и вступил в политический союз с Аббасидским халифом. После этих событий низариты, по-видимому, прекратили убивать других мусульман: по крайней мере, сообщения о подобных случаях исчезают со страниц летописей. Однако в 1213 году сирийские *фидаи* убили Раймунда Антиохийского, сына Боэмунда IV. Разгневанный Боэмунд отправился в поход на низаритов. Впрочем, благодаря своему новому, вполне ортодоксальному положению, низариты получили право и возможность обратиться за помощью к суннитским Айюбидским правителям Алеппо и Дамаска, которые заставили франков остановить нападение.

Хотя в своей повседневной жизни сирийские низариты самостоятельно принимали все решения, в случае необходимости они охотно вспоминали о том, что подчиняются Аламуту. Например, во время крестового похода Фридриха II, начавшегося в 1228 году, Фридрих попытался вступить в прямые переговоры с ассасинами. Он привёз им богатые дары. Сирийцы тактично отвечали, что, хотя они умеют ценить проявленное к ним внимание, посольству придётся проделать долгий и опасный путь до Аламута, чтобы провести переговоры на уровне, необходимом для выполнения поручения Фридриха. (Несмотря на проявленную осторожность, за переговоры с Фридрихом низариты подверглись нападению франков и были вынуждены выплачивать дань госпитальерам в дополнение к продолжающимся выплатам тамплиерам.)

В 1230 году низариты оказали помощь госпитальерам в их войне с Боэмундом IV. Его преемник, Боэмунд V, написал папе Григорию IX письмо, в котором жаловался на союз между госпитальерами и ассасинами. Григорий отправил послания архиепископу Тирскому и епископам Сидонскому и Бейрутскому, требуя, чтобы как тамплиеры, так и госпитальеры разорвали любые союзы с ассасинами.

В 1250 году низариты отправили послов к королю Франции Людовику IX, прибывшему в Сирию для участия в очередном крестовом походе. Они просили его избавить их от дани, выплачиваемой военным орденам. Хотя им не удалось достичь договорённости (об этом подробнее см. в части 3), один монах, владевший арабским языком, по имени Ив Бретон, поехал вместе с низаритскими послами в Масьяф. Там он был принят исмаилитским вождём, вероятно Тадж ад-дином, и обсуждал с ним библейские и прочие религиозные вопросы. Позднее Ив рассказал, что хозяин показался ему дружелюбным, умным и образованным и что у изголовья он хранил какую-то христианскую книгу. Ив также изложил учение сирийских исмаилитов, согласно которому того, кто умрёт на службе своего господина, ожидает благоприятная реинкарнация.

Ослабление сирийской низаритской общины было предрешено падением Аламута в 1256 году. Их могущество было подорвано сначала монголами, а затем приходом к власти в Египте мамлюков. В 1259 году умер великий хан Менгу. Узнав об этом, его брат Хулагу вернулся в Персию, оставив во главе сирийских войск Кет-Буку. В 1260 году Кет-Бука потерпел поражение от энергичного и жестокого мамлюкского военачальника Бейбарса, который наконец изгнал из Сирии ненавистных монголов. В этом походе на стороне мамлюков вместе с остальными мусульманами сражались и сирийские низариты.

Мамелюки были рабами, по большей части монгольского и тюркского происхождения, из которых набиралась дворцовая гвардия Айюбидов. Когда в 1249 году умер ас-Салих, последний султан из Айюбидской династии, его вдова Шаджар-ад-Дурр, бывшая рабыня, устроила убийство своего пасынка и провозгласила себя правительницей страны. Каирская знать настояла на том, чтобы она вновь вышла замуж, и выбрала ей в мужа другого бывшего раба Айбека. В 1257 году Шаджар-ад-Дурр убила Айбека, после чего была забита до смерти служанками первой жены своего второго мужа. Следующий мамлюкский султан Кутуз был убит в 1260 году Бейбарсом. Мамлюкские династии управляли Египтом до 1517 года, когда к власти пришли турки-османы.

Бейбарс был тюркским невольником. Со временем он выдвинулся, став главнокомандующим египетской армией. Теперь же он стал султаном Египта и фактическим повелителем Сирии. В 1265 году он начал взимать налоги с ассасинов, забирая себе часть дани, выплачиваемой им другими правителями. Ассасины также платили ему дань, которую ранее отдавали госпитальерам. К 1270 году Бейбарс начал сам назначать руководителей ассассинской общины. В 1271 году он узнал о существовании низаритского заговора против его жизни. Это известие избавило его от всяких остатков терпимости, если они когда-либо у него были. Он начал методически захватывать все крепости низаритов. К 1273 году все низаритские замки управлялись ставленниками Бейбарса.

Сирийский орден ассасинов был сокрушён. Однако, в отличие от монголов, полностью разгромивших персидских низаритов, Бейбарс позволил сирийскому ответвлению существовать на правах его подданных. После этого они часто выступали в качестве наёмных убийц, выполнявших поручения своих египетских правителей, по жестокой иронии судьбы превратив убийства в ремесло. Прежняя клевета стала явью. Бейбарс также нанёс окончательное поражение крестоносцам, включая тамплиеров. Мы вернёмся к этим событиям в части 3 нашей книги.

Глава X

Низариты-исмаилиты в наши дни

Как персидские, так и сирийские низариты совершенно неожиданно оказались лишёнными статуса независимого государства после разгромов, учинённых монголами и мамлюками. В отличие от сирийских, персидские ассасины не сохранили даже иллюзии политической самостоятельности. Тем не менее, по-видимому, они были более крепки в своей вере, поскольку сумели укрыть малолетнего имама Шамс ад-дина Мухаммеда, сына Хуршаха, и перевезти его в Азербайджан к северо-западу от Аламута. К счастью для них, незадолго до падения аламутской крепости одна низаритская община смогла утвердиться в отдалённой области верхнего течения Окса, незатронутой монгольским нашествием. Эта группа донесла до наших дней основное ядро персоязычной исмаилитской литературы, доступной современным исследователям.

Послеаламутский период растянулся на семь столетий. Мы отметим лишь основные вехи. Если читатель захочет узнать больше об этой эпохе, мы с удовольствием отсылаем его к энциклопедическому труду Фархада Дафтари «Исмаилиты», в котором содержится подробное обсуждение этой темы, а также ссылки на многочисленные дополнительные исследования. Идя по стопам Владимира Иванова, основоположника современного изучения исмаилизма, Дафтари разделяет послеаламутскую эпоху низаритской истории на три основных периода. Первый, который можно считать непосредственным следствием уничтожения государства низаритов, продолжался около 200 лет. Второй длился ещё 200 лет и известен под названием Анджуданского возрождения. Современный период начался в середине XIX века и ознаменовался перемещением имамата в Индию при первом Ага-хане.

Любое обсуждение положения низаритов после утраты государственности должно начинаться с наблюдения, что, несмотря на переход многих сектантов в более ортодоксальные мусульманские течения, низариты-исмаилиты сумели сохранить свою исключительность и традиционную преданность имаму и оказать стойкое сопротивление внешним культурным влияниям.

В течение двух столетий после падения Аламута имамы скрывались даже от своих приверженцев и жили в условиях строжайшей такийи в крайне враждебном окружении. За время этого безначальствия вследствие ассимиляции, постепенной и мирной утраты культурного своеобразия, численность низаритов снизилась намного больше, чем могло бы произойти в результате военных действий. Однако даже в самых тяжёлых обстоятельствах многим персидским и сирийским низаритам удалось сохранить свою религиозную и культурную обособленность. Привычка к дисциплине и маскировке, культивируемая тайным обществом, несомненно, помогла спасти множество жизней.

Низариты были на полтора века удалены от горных крепостей, в которых когда-то сложилось их государство. Подавленная и угнетённая монгольским нашествием и последующими преследованиями секта раздробилась и рассеялась, разбившись на множество обособленных общин, лишённых единого центра власти. При появлении же отдельных личностей, способных взять на себя бремя религиозного или политического руководства, единая доктрина, отличавшая низаритов в аламутский период, всё больше распадалась на различные течения.

Многие персидские низариты сумели скрыться в недрах эзотерических ответвлений иранского суфизма. Оживлённое взаимодействие между исмаилизмом и суфизмом обеспечивалось общими для них характеристиками — мистицизмом, гностицизмом, умозрительной философией, техниками самосовершенствования и преданностью главному

наставнику — пиру или шейху. Набросив на себя суфийские покровы, имамы позднее получили возможность выдавать себя за шейхов, наставлявших своих учеников, мюридов, в эзотерическом значении (батине) мусульманской веры. Одним из исмаилитов, переживших разрушение Аламута, был прославленный Шамс-и-Табриз, знаменитый духовный учитель персидского поэта Джелал ад-дина Руми, основатель суфийского ордена Мевлеви — ордена вертящихся дервишей. Возможно, Шамс-и-Табриз был сыном Хасана III или даже одним из исмаилитских имамов^[66]. Слияние исмаилитской и суфийской традиций дало низаритам повод утверждать, что исмаилитами были такие известные суфийские поэты, как Санай, Фарид ад-дин Аттар и Руми^[67].

Имам Шамс ад-дин Мухаммед умер в 1310 или 1311 году в Азербайджане. Хотя подробности нам неизвестны, похоже, среди членов его семьи разгорелся спор о наследстве, приведший к первому низаритскому расколу. Появилось две династии имамов — Мухаммед-шахи и Касим-шахи. Династия Мухаммед-шахи пользовалась наибольшей популярностью в Сирии, хотя до второй половины XV века она насчитывала много сторонников и в Персии. Последний имам из этого рода умер в Индии в конце XIX века, не оставив преемника. В 1887 году делегация сирийских сектантов, отправленная на поиски нового имама, вернулась в Сирию с этим известием. Большинство сирийцев изъявило свою преданность имаму из династии Касим-шахи, Ага-хану III.

В начале XV века в Персии потеряла власть монгольская династия Хулагуидов, основанная уже знакомым нам внуком Чингис-хана, Хулагу. Вследствие этого Персия оставалась политически раздробленной на протяжении всего XV столетия. Низариты сумели воспользоваться смягчением религиозного и политического режима, активизировав свою деятельность.

Период, известный под названием Анджуданского возрождения, начался во второй половине XV века, когда имам из рода Касим-шахи Мустансир Билла II переселился в Анджудан в центральной Персии и явил себя свету, провозгласив продолжение аламутского имамата. Это событие привело к новому подъёму низаритской философии и к возрождению низаритской литературы. Последующие имамы неустанно распространяли своё влияние на разбросанные и раздробленные низаритские общины, рассеянные по Персии, Сирии и Индии.

XV век ознаменовался постоянным ростом влияния суфийских орденов, тариков, и распространением шиизма. Суфийская тарика Сефеви стремилась подчинить своей политической власти всю территорию Персии. В 1501 году шейху этого ордена удалось занять персидский престол и основать династию Сефевидов, управлявшую страной на протяжении более двух столетий. Сефевиды провозгласили государственной религией шиизм двенадцатнического толка. Вскоре после восшествия на престол они начали преследовать некоторые более популярные суфийские ордена и наиболее крайние шиитские течения, видя в них соперников. Хотя низариты и подвергались гонениям, в целом, по-видимому, им неплохо жилось при Сефевидах, не в последнюю очередь благодаря тактике такийи.

Возвышению Сефевидов и распространению суфизма на территории Персии немало поспособствовали суфийские ордена Нурбакшийя и Нимат Аллахи. Проживший удивительно долгую жизнь основатель тарика Нимат Аллахи, Шах Нимат Аллах (1130–1431), возводил свой род через Фатимидов к Мухаммеду ибн Исмаилу. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что низариты вступили в союз с орденом Нимат Аллахи, под покровительством которого они могли продолжать свои недавно возобновившиеся проповеднические усилия, маскируясь под одно из течений алидского суфизма. В разумных пределах понизив уровень такийи, низариты сумели прекрасно вписаться в персидский культурный ландшафт той эпохи, счастливо избегая опасности новых преследований и гонений.

Ещё одной важной чертой Анджуданского возрождения стало внимание, с которым имамы относились к сбору десятины — десятой части доходов своих приверженцев на всех низаритских территориях. Десятина служила двум целям: за счёт её финансировалась деятельность имама и, что было не менее важно, благодаря ей имам восстанавливал свою власть над различными общинами, отколовшимися от основного русла низаризма во времена рассеяния, последовавшие за взятием Аламута. Иمامу удалось поставить во главе всех низаритских групп своих личных представителей, а в наиболее удалённых областях сбор десятины осуществляли тщательно отобранные имамом странствующие посланники, исполнявшие также наблюдательные функции.

В Сирии соперничество между имамами из династий Касим-шахи и Мухаммед-шахи затянулось на более длительное время, чем в Персии, и эти междоусобицы оказали отнюдь не благотворный эффект на низаритскую общину. Кроме того, дальнейшему ослаблению сирийских низаритов способствовала непрекращающаяся война с нусейритами, продолжавшаяся и в XX веке. Когда же на смену мамлюкам пришли турки-османы, низариты утратили всякую возможность воплотить в жизнь свои честолюбивые политические замыслы.

Третий, или современный, период начался с переселения низаритского имама в Индию, состоявшегося в середине XIX века. Низаритская дава действовала в Индии с начала XIII века то есть, в позднеаламутскую эпоху. Самых больших успехов достиг индийский *дау* пир Садр ад-дин, обративший в исмаилизм множество индуистов в XIV веке. Он дал индийским низаритам название «ходжи», что означает «господа» или «наставники». Немалую роль в успешном распространении давы в Индии сыграло уважение, которое *дау* и пиры проявляли к верованиям и традициям индийских новообращённых. Таким образом, индийский низаризм обогатился элементами индуистской религии и мифологии.

К середине XVIII века низаритский имам перенёс свою штаб-квартиру из Анджудана в Кирман в Юго-Восточной Персии, ближе к индийской границе. Это позволило значительно облегчить тяготы паломников из Индии, отправлявшихся повидать своего имама, и одновременно обеспечить непрерывное поступление в Персию индийской десятины. В 1794 году к власти в Персии пришла династия Каджаров, но это никак не сказалось на благоденствии низаритов. Сорок пятый низаритский имам Шах Халил-Аллах женился на дочери одного выдающегося представителя суфийского ордена Нимат Аллахи. В 1804 году от этого брака родился будущий преемник имамата. Хасан Али-шах. В 1817 году Халил-Аллах был убит в Йезде бесчинствующей толпой шиитов-двунадесятников. В возмещение за убийство отца каджарский правитель Фатх Али-шах даровал молодому имаму Хасану Али-шаху земельные угодья, а также руку одной из своих дочерей. Он также дал ему почётный титул Ага-хан, «Главнокомандующий».

После Фатха Али-шаха на престол взойшёл его внук, который плохо относился к низаритам, вынудив Хасана Али-шаха (Ага-хана I) предпринять неудачную попытку восстания. Через несколько лет Хасан вновь поднял мятеж и снова потерпел поражение. Тогда в 1841 году он отправился в Афганистан, положив конец восьми векам пребывания низаритских имамов в Персии. В Афганистане он свёл дружбу с англичанами и пользовался их покровительством. В 1842 году Хасан Алишах уехал в Индию, где вновь выступил сторонником интересов английской короны, видимо, в надежде, что однажды англичане помогут ему вернуться в Персию. Те и в самом деле пытались договориться с Каджарами, но так и не сумели помочь имаму вернуться в родные места.

В 1844 году Ага-хан I переехал в Бомбей. Большинство индийских ходжей с радостью приветствовали своего имама. В Бомбее Ага-хана ждал большой успех. Например, он принял в своём доме принца Уэльсского, будущего короля Англии, когда тот посетил Индию с государственным визитом. Ага-хан I был умелым и жестким руководителем, сумевшим

сплотить низаритскую общину. Группа недовольных ходжей, оказывавших сопротивление его усилиям создать единый центр управления, в 1866 году подали против него иск, стремясь добиться запрета на вмешательство в свои дела. Слушания, состоявшиеся в Британском Верховном Суде в Бомбее, длились 25 дней. Судьи рассмотрели огромное количество исторических документов, генеалогических сведений и религиозных текстов. Ага-хан был объявлен председателем Верховного Суда сэром Джозефом Арнулдом законным потомком и наследником аламутских имамов — а тем самым и Фатимидского халифата, и Пророка Мухаммеда — и правомочным получателем налогов и десятины, собираемых с ходжей. Последние годы своей жизни имам провёл в Бомбее, где увлекался скачками и содержал прекрасную конюшню.

Успешно закрепившись в Индии и добившись официального признания, в 1881 году Ага-хан I передал имамат своему сыну Ака Али-шаху. Ага-хан II направил свои усилия прежде всего на создание современной школьной системы для детей низаритов. По примеру отца он продолжил налаживать отношения с британцами, а также с низаритскими общинами в верхнем течении Сыр-Дарьи, в Бирме и Восточной Африке. Ага-хан II сохранил прочные связи с суфийским орденом Нимат Аллахи. Он был прекрасным охотником и унаследовал от отца страсть к скачкам и разведению племенных лошадей. В 1885 году его преемником стал его восьмилетний сын Мухаммед-шах.

Ага-хан III воспитывался и получил образование в самых современных и культурных общественных кругах благодаря своей матери, происходившей из династии Каджаров и активно участвовавшей в руководстве низаритской общиной в юные годы нового имама. Для расширения своего образования Ага-хан III посетил европейские королевские дворы. В Европе он подружился с королём Эдуардом VII и был назначен вице-королём Индии. Он завязал контакты со многими европейскими королевскими династиями и основал резиденции в Швейцарии и во французской Ривьере. Ага-хан III поддерживал Англию в обеих мировых войнах и призывал к тому же всех своих сторонников. Он руководил мусульманской делегацией на Круглом Столе в Лондоне в 1930 году, на котором обсуждалось будущее Индии. В 1937 году на одну сессию он был избран президентом Лиги Наций. Он добился признания своей власти со стороны восточноафриканских низаритов и установил отношения с бирманскими низаритами.

Ага-хан III провёл ряд реформ, в том числе составив письменный Устав организации и создав административные советы для управления низаритскими общинами. Он установил чёткие правила для низаритских религиозных обрядов, которыми сопровождались браки, разводы, передача наследства и похороны. Он неустанно трудился на благо своего народа, стремясь повысить уровень образования, благосостояния и здравоохранения низаритов. Ага-хан III направлял большую часть доходов от взимаемой десятины на удовлетворение нужд населения, сооружая жилые здания, школы, мечети, библиотеки, банки, больницы и спортивные здания. В Сирии, стране по преимуществу аграрной, он ввёл сельскохозяйственные новшества, позволившие собирать больше урожая и тем самым вызвавшие повышение уровня жизни местных жителей.

Ага-хан III правил низаритской общиной 72 года и умер в 1957 году. Он передал насс своему внуку, сорок девятому низаритскому имаму, здравствующему и по сей день Кариму ал-Хусейни, Ага-хану IV. Получив образование в лучших европейских школах, Ага-хан IV поступил в Гарвард, где специализировался в области изучения мусульманской культуры и религии. Он продолжил дело своего отца, неуклонно занимаясь повышением уровня жизни низаритов. Он назначил множество стипендий для молодых низаритов, желающих обучаться в лучших западных колледжах. Он создал около 300 центров обучения по всему миру, начиная от детских садов и начальных школ до медицинского колледжа и школы медсестёр в Пакистане. Он построил шесть

больниц. Как низаритские школы, так и низаритские больницы открыты для людей всех религий и национальностей.

В 1984 году имам учредил Фонд Ага-хана по содействию экономическому развитию, являющийся центром координации по программам хозяйственного саморазвития стран третьего мира. Он основал проекты по пропагандированию мусульманской религии, архитектуры и цивилизации среди западных студентов, выделив стипендии на обучение в таких престижных американских университетах, как Гарвард и Массачусетский технологический институт. Ага-хан IV поощряет научное изучение исмаилитского движения, создав в 1977 году Институт исследования исмаилизма в Лондоне.

Ага-хан IV является признанным вождём нескольких миллионов низаритов, проживающих в 25 странах и составляющих на данный момент самую многочисленную ветвь исмаилитов. К шиитам относится одна десятая часть всего мусульманского сообщества, насчитывающего ныне около одного миллиарда человек.

Каждый представитель династии Ага-ханов стремился к улучшению социального и экономического положения своих единоверцев, подняв его намного выше среднего уровня жизни в странах третьего мира. Низаритские имамы по достоинству оценили блага западной цивилизации, в то время как многие другие мусульманские лидеры огульно отвергают всю западную культуру. Успех современных низаритов, выбравшихся из бездны нищеты, безграмотности и религиозной нетерпимости, в общем и целом свойственных мусульманскому миру, может служить прекрасным примером для социологов, статистиков и учёных других специальностей, показывающим необоримую силу упорного труда и строго соблюдения нравственных ценностей. Несмотря на утрату государственности и провал попыток захватить господствующее положение в исламе, современные низариты во многом воплотили в жизнь те чудеса, о которых мечтал их знаменитый главный *даи* в Аламуте десять веков назад.

Падение низаритского государства было обусловлено прежде всего естественным процессом снижения творческой энергии и затуханием революционного пыла и патриотического идеализма, на смену которым пришло полное безразличие^[14]. В замечательной современной сказке Михаэля Энде «Бесконечная история» изображается воображаемый мир, который угрожает разрушить страшная сила, называемая «Ничто». Она непременно уничтожит всякую надежду, если только люди не найдут в себе достаточно мужества, чтобы не отказаться от своих мечтаний. Так пусть же наша земля никогда не оскудеет такими визионерами, поддерживающими неугасимый огонь человеческого духа, как Хасан ас-Саббах, поднявший меч шиитской религиозности против военного могущества Фатимидского имамата, или Томас Джефферсон, объявивший богоданным преимущество индивидуального начала над претензиями короля Великобритании.

Хотя ассасинов считают первой в мировой истории организованной группой террористов, их методы сильно отличались от приёмов, используемых современными увешанными бомбами камикадзе. Мусульманские воинские традиции часто оправдывают убийство, впрочем, как и священные писания многих мировых религий от Ветхого Завета до индуистской Бхагават-гиты. Исламское понятие джихада, священной войны, с равным успехом может применяться для обозначения борьбы как с мусульманскими узурпаторами, престоупающими Закон Божий, так и с неверными. Ассасины действовали прежде всего для преумножения славы Господней.

С начала XIX века и даже по сей день многие европейские ориенталисты, следуя примеру Йозефа фон Хаммер-Пургшталля (первого популярного европейского исследователя ассасинов), пышут гневом и ненавистью по отношению к низаритам. Неумеренность их эмоциональных выпадов подогревается сообщениями суннитских историков, враждебно относившихся к ассасинам, писаниями средневековых христианских пропагандистов и их собственным праведным возмущением, направленным против таких ужасных людей.

Хасан ас-Саббах до сих пор ославляется как величайший убийца и преступник, тогда как в исторических записях зафиксировано около 50 политических убийств, совершённых на протяжении его тридцатипятилетнего правления. Вряд ли это идёт в какое-то сравнение с резнёй, во время которой монголы в Кухистане за один вечер перебили 80 тысяч исмаилитов — мужчин, женщин и детей.

Исмаилиты внесли в иерархическую модель мистического тайного общества, основывающуюся на религиозной идеологии, скрытом знании, особых узах верности и сложных обрядах, новшества, направленные на борьбу с религиозными и политическими устоями суннитского ислама. Это были религиозные революционеры, истинные заговорщики, в тайне и молчании создававшие и сокрушавшие земных властителей. За полтора столетия ассасины сумели в корне изменить бытовавшие ранее представления о жертвенности и политическом бессилии шиизма.

Орден ассасинов нашёл своё отражение в европейской культуре в виде тамплиерского ордена. Тамплиеры обладали сходной иерархической структурой. Их организация также была создана для вооружённой борьбы во имя высших религиозных целей. Богатая историческая традиция подтверждает предположения, согласно которым контакты с изошрённым религиозным учением ассасинов оказали преимущественное влияние на возникновение тайной тамплиерской ереси, завёдшей тамплиеров далеко от их христианских истоков. Как явствует из нашего рассказа, имеется множество документально засвидетельствованных примеров

контактов, в которые вступали между собой тамплиеры и ассасины на Святой Земле. Религиозные идеи, которые приносили в Европу вернувшиеся с Востока крестоносцы, как считают многие исследователи, способствовали возрождению европейского оккультизма, продолжающемуся и по сей день. Таким образом, влияние Хасана ас-Саббаха простиралось далеко за пределы персидских и сирийских гор и не ограничивалось началом первого тысячелетия.

Часть третья
Рыцари-тамплиеры

Глава XII

Первый крестовый поход

Все западные тайные общества, имеющие строгую иерархию, от масонов до ордена восточных тамплиеров, утверждают, что они берут своё начало от храмовников. Этот религиозный орден рыцарей-монахов, принимавших участие в крестовых походах, возник в 1118–1120 годах. Его целью была защита пилигримов на пути к месту рождения Спасителя и христианской религии, притягивавшему к себе паломников. На протяжении многих лет орден благоденствовал, пользовался уважением во всей Европе и находился под исключительным покровительством самой влиятельной религиозной фигуры Средневековья, Бернара Клервоского. Тамплиеры составляли личную армию Папы, по этой и другим причинам избранные воины, храмовники, пользовались защитой и поддержкой многих Пап, и признавали над собой власть одного лишь папского престола. Тем не менее примерно через двести лет после основания с орденом жестоко расправились, а его предводители были замучены и сожжены на костре. Тамплиеров обвиняли в колдовстве, ереси, сексуальных извращениях и предательстве. Состояние и земли ордена были конфискованы. Что произошло? И почему легенда о тамплиерах до сих пор существует? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о Первом крестовом походе, который был предпринят примерно за 25 лет до основания ордена.

Урбан II стал Папой в 1088 году. Его задачей было объединение Римско-католической церкви. Антипапа Климент III (Виберто) всё ещё правил в Риме, хотя его влияние было ограничено. Урбана II поддерживала большая часть населения Европы. В марте 1095 года на Соборе в Пьяченце Урбан II почувствовал, что его позиция достаточно сильна для того, чтобы отлучить от Церкви Виберто и его сторонников. Он также начал переговоры с Восточной православной церковью. Первым его действием в качестве Папы было снятие анафемы с Византийского императора. На Соборе в Пьяченце присутствовали посланники Алексея I Комнина: они обратились к Западу с просьбой о помощи в борьбе с тюрками-сельджуками, которая длилась уже десять лет.

Урбан II мог усмотреть в данной ситуации много преимуществ. Безусловно, мысль об укреплении влияния Церкви и создании более прочного союза с Константинополем была соблазнительной. Не менее многообещающей представлялась возможность наконец-то отправить воинственных рыцарей, опустошавших округу, на полезное дело. Объединить всех христиан, направив общую политическую волю и военный потенциал на отвоевание Святой Земли у безбожников, казалось Урбану II деянием, соответствующим божественному провидению. Милосердный Бог, позволивший человечеству дожить до конца тысячелетия, несомненно, желает, чтобы Его Церковь вернулась на родину Христа.

Урбан II путешествовал по Франции и слышал толки о божественных знаках: северном сиянии, кометах, звёздном дожде. В ноябре 1095 года он созвал Клермонский Собор и провозгласил Первый крестовый поход. Это было одним из самых ярких событий в истории: все европейцы поддержали идею понтифика. Культурную стагнацию Европы можно лучше всего проиллюстрировать на примере того, с каким воодушевлением подавляющее большинство европейцев внимало призыву Урбана II. Знать и рыцари сразу же стали готовиться к Первому крестовому походу, который должен был начаться в августе 1096 года. Однако простой народ не стал ждать так долго. Толпа численностью больше 20 000 человек под предводительством Петра Пустынника начала путешествие в Святую Землю, предварительно устроив еврейский погром на родине. Через шесть месяцев остатки этой неорганизованной орды, потерявшей

огромное количество людей, были уничтожены турками, как только они миновали Константинополь.

Организованные армии шли медленнее и осмотрительнее. Они разделились на четыре отряда и отправились в поход между августом и октябрём 1096 года. Первый отряд возглавил Годфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, и его младший брат Балдуин. Второй отряд шёл под предводительством Боэмунда Тарентского и его племянника Танкреда. Третьим командовал Раймунд Сен-Жиль, граф Тулузы и Сен-Жиля. Предводителями четвёртого отряда были: Роберт Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя, Роберт Фландрский и Стефан Блуаский, приёмный сын Вильгельма Завоевателя. По некоторым подсчётам, в Первом крестовом походе приняли участие 35 000 солдат^[68].

Первое сражение состоялось под Никеей, в Турции. Мусульмане исполнились чрезмерной самоуверенности, одержав лёгкую победу над толпой под предводительством Петра Пустынника, и организованные европейские воины разгромили их наголову. По окончании осады все четыре армии крестоносцев соединились. Они продолжили свой совместный поход через Турцию и сражались с неверными, несмотря на тяготы пути, во время которого они страдали от голода и жажды. В октябре 1097 года они достигли севера Палестины, Антиохии (армия Балдуина отделилась и пошла дальше, на восток Турции, где Балдуин захватил Эдессу и стал её правителем).

Главные силы крестоносцев осадили Антиохию. Из-за того, что город был хорошо укреплён, из-за плохой погоды и недостатка еды осада была долгой и тяжёлой. Седьмая часть воинов погибла от голода. Наконец, в июне 1098 года крестоносцам удалось взять Антиохию: они подкупили несколько мусульманских стражей, и те открыли им ворота. Воины завладели тем самым копьём, которым, по их мнению, проткнули бок Христу, когда он был распят на кресте. С неба на мусульманский гарнизон упал метеорит. Говорят, что христианам помогали ангелы «небесные на конях белых, облачённые в виссон белый и чистый» (Откр., 19:14), несущие белый флаг.

В июне 1099 года крестоносцы, разгромив под Аскалоном армию Фатимидов во главе с эмиром ал-Афдалем, осадили Иерусалим. Как мы помним, именно ал-Афдаль не дал Низару унаследовать фатимидский имамат. Осада города длилась всего пять дней, до полудня пятницы, 15 июня, часа распятия Христова. По свидетельству одного из крестоносцев, западноевропейские воины шли по щиколотки в крови врагов. Урбан II умер за две недели до захвата Иерусалима. Все предводители четырёх отрядов счастливо избежали опасностей похода. Часть из них вернулась в Европу, часть осталась в Палестине. Последние разделили завоёванные территории следующим образом: Балдуин стал правителем Эдессы, Танкред получил титул князя Галилеи, Годфрид Бульонский принял титул «Защитника Гроба Господня» в Иерусалиме. Готфрид не захотел носить королевскую корону в городе, где Христос носил терновый венец, и он отказался от неё.

Когда через год Готфрид скончался, из Эдессы приехал его брат Балдуин и 11 ноября 1100 года был провозглашён королём Балдуином I Иерусалимским. Во время своего правления Балдуин I постоянно укреплял европейское влияние на Востоке. После его смерти 2 апреля 1118 года по закону трон перешёл его двоюродному брату, коронованному под именем Балдуина II.

Основание

Орден тамплиеров, или бедных рыцарей храма Соломона, или бедных воинов Христа был учреждён французским рыцарем Гуго де Пейном, который постригся в монахи после смерти своей жены. Он прославился своим аскетизмом, глубокой приверженностью христианским ценностям, смирением, непоколебимым мужеством. На момент основания ордена ему было около пятидесяти лет, он участвовал в Первом крестовом походе и провёл двадцать два года в восточной части^[69].

Наши сведения об образовании ордена по большей части основаны на свидетельствах трёх историков, писавших не позднее чем через 50-70 лет после его учреждения. Согласно двум из них, Гуго вместе с восемью другими рыцарями принёс обет послушания Вармунду из Пиккиньи, патриарху Иерусалима. Они решили жить в полной бедности и целомудрии, посвящая себя заботе о пилигримах, совершающих путешествие в Святую Землю, и их охране. Король Балдуин II пожаловал тамплиерам часть своего дворца, находившегося около мечети аль-Акса, что расположена рядом с «Куполом скалы», местом, где изначально находился храм Соломона. По свидетельству третьего историка, Гуго де Пейн прибыл в Иерусалим после того, как принёс клятву никогда не возвращаться в Европу, в начале правления Балдуина II. Три года он провёл в сражениях на Святой Земле, а потом вместе с тридцатью другими рыцарями сложил оружие и принял обет. Их военные навыки и преданность религии привлекли внимание короля, который убедил их в том, что лучше служить христианству, занимаясь военным делом и защищая пилигримов^[70].

Сложно установить точное количество первых рыцарей ордена (20 или 30) и личность того, кто составил его Устав (сами рыцари, или король Балдуин II), но ещё сложнее определить точную дату создания ордена тамплиеров. В канун Пасхи 1119 года было совершено нападение на семьсот пилигримов, триста из них были зверски убиты, шестьдесят попали в плен, а всё имущество стало трофеем победителей. Негодование охватило Иерусалим. Остаётся неизвестным, когда был основан орден: сразу же после нападения, или в 1118, или в 1120 году. По мнению Малькольма Барбера, развитие ордена послужило предпосылкой к продолжительному существованию христианства на Святой Земле^[15].

Около 1080 года был создан Суверенный Военный орден госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского (сейчас это Мальтийский орден), представлявший собой группу людей, занимающихся благотворительностью. В их обязанности входило предоставление медицинской помощи и убежища пилигримам. В 1113 году рыцари получили одобрение Папы. Орден госпитальеров — образец ордена, который посвятил себя нуждам пилигримов в Святой Земле, и он, несомненно, оказал влияние на рыцарей, объединившихся в орден тамплиеров. В 1130-х годах госпитальеры в свою очередь подверглись влиянию тамплиеров, приняв на себя военные обязанности, хотя участие в войне никогда не было единственной задачей госпитальеров, в отличие от тамплиеров.

В сущности, Иерусалим находился в изоляции от остальных территорий в Палестине, принадлежавших европейцам. Несмотря на то, что город имел большое символическое и эмоциональное значение для крестоносцев, он был окружён мусульманами и находился под постоянной угрозой их нападения. Иерусалимом совместно управляли король Иерусалима и

патриарх Иерусалима. В делах управления мог принять участие любой влиятельный феодал-крестоносец, находившийся в городе. Такая политически нестабильная ситуация зачастую приводила к междоусобицам и конфликту интересов.

Пилигримы подвергались многочисленным опасностям, поскольку дорога от порта Яффы (современный Тель-Авив) до Иерусалима почти не охранялась. Её протяжённость составляла 35 миль по прямому пути — это два дня путешествия по опасной горной тропе, по невыносимо жаркой пустыне и суровой местности, полной бандитов, мусульманских отрядов и диких животных, в том числе, львов. В Святой Земле всегда недоставало постоянной военной силы.

Портовые города Палестины были единственными настоящими экономическими центрами. Генуэзские, пизанские и венецианские купцы вели оживлённую торговлю со Средиземноморьем. Желая увеличить процент западного населения в Иерусалиме для охраны территории от окружающих город мусульман, король Балдуин I решил дать людям экономический стимул, чтобы они смогли туда приехать. Данный проект подразумевал снижение налогов и пошлин, выдачу земельных участков, предоставление дешёвого жилья. Были созданы рабочие места, людей задействовали на построении общественных зданий. Было предпринято широкомасштабное строительство с целью укрепления города. Хотя эти мероприятия пользовались успехом, опасности сухопутного пути из Яффы стали причиной продолжавшейся изоляции Иерусалима и экономической нестабильности. Легко понять, почему король и патриарх стали двумя щедрыми попечителями и благодетелями регулярной местной армии в лице ордена тамплиеров.

Святой Бернар Клервоский и рост ордена

В начальный период своего существования молодой орден столкнулся с массой сложностей. Он не имел ни Устава, ни денежных средств, ни официального статуса, так что его члены должны были приложить огромные усилия, чтобы орден не умер ещё во младенчестве. Рыцари, давшие обет бедности, носили светскую одежду, которую им жертвовали верующие. На их гербе изображены два рыцаря на одной лошади. Это изображение символизировало скромность и бедность тамплиеров. По свидетельствам историков того времени, тамплиеры имели несколько неопрятный вид. Однако орден увеличивался. Например, граф Анжуйский Фульк V (король Иерусалима после Балдуина II) остановился в Храме во время своего визита в 1120–1121 годах. Он был первым владетельным князем, предоставившим им ежегодное пожертвование^[71]. Полагают, что Фульк был принят в тамплиеры на правах рыцаря, который, оставаясь в миру, помогал ордену.

Другой знаменитой фигурой в самом начале существования ордена был граф Шампани Гуго, крупный землевладелец и феодал, сеньор Гуго де Пейна. Он официально присоединился к ордену в 1125 году. Через несколько лет именно в его владениях был проведён Собор в Труа, созванный Папой Римским. Целью Собора было признание ордена тамплиеров духовной частью церкви. Гуго Шампанский также пожертвовал землю ордену цистерцианцев, в лице аббата Клерво. Первым аббатом монастыря в Клерво был святой Бернар, племянник одного из вассалов Гуго, Андре де Монбара, который стал одним из первых тамплиеров, а впоследствии и Великим Магистром. Святой Бернар был одной из самых влиятельных фигур католической церкви того времени.

В 1126 году Андре де Монбар и ещё один тамплиер по имени Гондемар покинули Иерусалим и отправились в Европу. Балдуин II в своём письме святому Бернару просил его помочь тамплиерам получить папское благословение и составить Устав ордена. Вскоре после

этого Гуго де Пейн отправился в Европу, чтобы привлечь в орден новых рыцарей, собрать пожертвования, как денежные, так и земельные, а также рассказать людям о задачах своей организации.

Святой Бернар оказал огромную помощь тамплиерам: он обладал достаточными знаниями, чтобы создать концепцию рыцарского религиозного Устава. Он родился в 1090 году и рос с мыслью о том, чтобы стать рыцарем, пока в 20 лет с ним не случился религиозный переворот, в корне изменивший всю его жизнь. В 36 лет святой Бернар почти достиг пика своей власти. Несмотря на плохое здоровье и слабое сложение, он излучал огромную духовную энергию. Его личное влияние на церковную историю XII века неизмеримо по меркам нашего времени. Говоря метафорически, он был совестью христианства. Всё то, что он поддерживал, процветало, всё то, что осуждал, угасало. Активная поддержка, которую он оказывал тамплиерам, практически предопределила их успех.

Святой Бернар стал цистерцианцем в 1112 году, когда существование братства было под угрозой. В 1115 году, в возрасте 25 лет, он стал главой монастыря в Клерво. Под его руководством вместо семи монастырей в 1118 году у цистерцианцев появилось 328 в 1152 году. Он был очень талантливым организатором, обладавшим способностью создавать чёткую иерархию и структурировать власть, и применил это умение к тамплиерам.

Святой Бернар также был мистиком. Он был одним из ведущих последователей культа Девы Марии, который стал распространяться в XII веке. Поклонение идеалу Девы Марии — матери и заступницы — составляло отличительную черту ордена тамплиеров. Святой Бернар понимал огромный эмоциональный потенциал, который заключал в себе культ Девы Марии. Святой Бернар учил, что искреннее пылкое стремление со стороны ищущего приведёт к «сладкому наполнению божественной любовью»^[72].

В январе 1128 (или 1129)^[16] года по просьбе святого Бернара в Труа (около 90 миль к югу от Парижа) Папа созвал Собор. Целью Собора было создание Устава ордена тамплиеров: об этом просили Гуго де Пейн, Балдуин II и святой Бернар. На нём присутствовали многочисленные архиепископы, епископы, аббаты. Приехал и представитель Папы Гонория II. По распоряжению Папы и Стефана, патриарха Иерусалима, для ордена был написан Устав.

Устав ордена тамплиеров

Святой Бернар руководил написанием Устава ордена, который должен был определить поведение его членов. Текст Основного Устава, составленный святым Бернаром, содержал 72 раздела. Наибольшее количество дополнений было внесено в Устав по инициативе преемника Гуго де Пейна, Робера де Краона, который около 1139 года заказал французский перевод Устава. Военные обязанности, иерархия внутри ордена, практическое руководство членами ордена были основными темами дополненной версии. С течением времени Устав продолжал обновляться; фактически, в нём насчитывалось 686 разделов. Тщательность, с которой Устав был написан и постоянно дополнялся, его перевод с латыни на более доступный французский язык служат свидетельством против расхожих обвинений в ереси, предъявлявшихся ордену^[17].

Дж. Аптон-Ворд недавно, в 1992 году, перевела французский текст Основного Устава на английский язык. Она различает в этом тексте семь частей: «Основной Устав», написанный самим святым Бернаром и под его руководством после Собора в Труа 1129 году; «Статусы и установления Дома Храма», датирующиеся приблизительно 1165 годом, в которых описана структура ордена; «Наказания» — часть, в которой излагаются наказания и последствия проступков и подробно перечисляются требования, предъявляемые к братьям капелланам;

«Повседневная жизнь», в которой в деталях регламентируются повседневные занятия (молитва, приёмы пищи, сон и т. д.); «Проведение обычных собраний» — часть, в которой объясняются функции и порядок проведения собраний, организованных для того, чтобы «братья могли признать свои ошибки и исправиться»^[73]; «Дальнейшие подробности о наказаниях», написанные, возможно, около 1260 года и посвящённые описанию случаев, произошедших с членами ордена, «Принятие в орден» — часть, в которой описывается церемония принятия в члены ордена^[74].

«Мы обращаемся в первую очередь ко всем тем, кто скрыто отвергает свою собственную волю и желает с чистым сердцем служить Царю небесному как рыцарь и желает с усердием носить благородные доспехи послушания»^[75]. В первом предложении «Основного Устава» святой Бернар создаёт образ идеального рыцаря, а также указывает на то, что мирские рыцари не следуют этому идеалу.

«В этом религиозном ордене возродилась и расцвела сама суть рыцарства. До сих пор рыцарское сословие презирало справедливость, которую должно было охранять. Рыцари не делали того, что должно было делать: защищать бедных, вдов, сирот и церкви, но соперничали из-за награбленных трофеев и убивали»^[76]. Эдуард Берман замечает «Сами тамплиеры опирались на выдуманный идеал, а появившиеся позднее секты и общества видели свой идеал в тамплиерах»^[77].

Среди постановлений Устава выделяются следующие: Магистр ордена является всемогущим. Он обладает такой властью, что, как сказано в конце Основного Устава, все содержащиеся в нём особые распоряжения должны соблюдаться по усмотрению Магистра. Срок его служения был пожизненным, его похороны проводились с великими почестями и сопровождалась молитвами. Его заместитель выбирался капитулом, состоящим из 13 членов — восьми рыцарей и четырёх сержантов, которые олицетворяли собой 12 апостолов; к ним присоединялся капеллан, олицетворявший Иисуса Христа. В идеале капитул должен был состоять из представителей всех наций, входивших в орден тамплиеров.

Обязанности избранных рыцарей строго регламентировались. Правила повседневной жизни были основаны на правилах бенедиктинцев, включая молитвы и посещение месс. Конечно, это входило в противоречие с обязанностями носить оружие, доспехи, ездить на лошадях и т. д. Рыцари постоянно носили белую одежду, за исключением того времени, когда они были в больницах. Запрещалось носить украшения на доспехах и оружии. Они должны были читать 26 раз «Отче наш», когда вставали, ещё 60 раз перед едой; молитва должна была быть прочитана всего 148 раз за день. Общие трапезы должны были проходить в полной тишине, на столе не должно было быть ни воды, ни вина. Во время еды трапезующие слушали чтение «Священного писания». Остатки пищи следовало раздавать слугам и нищим. Десятая часть хлеба шла на милостыню. Мясо разрешалось есть три раза в неделю. В дортуарах тамплиеров свет должен был гореть всю ночь.

Тамплиеры должны были дважды в год соблюдать Пост, перед Пасхой и перед Рождеством. С другой стороны, традиционные монашеские посты были запрещены тамплиерам, поскольку они должны были поддерживать физическую форму на случай сражения. Тамплиеры должны были носить короткую стрижку и жить в самой простой обстановке: эти условия также указывали на бедность и смирение. Магистр, в память о смирении Иисуса Христа, должен был мыть ноги тринадцати беднякам на Великий Четверг перед Страстной Пятницей. Тогда же он должен был раздавать одежду, еду и милостыню. Рыцари тоже должны были пройти через церемонию подаяния милостыни. Охота была запрещена, исключение составляла охота на львов, которых святой Пётр считал одним из облиций дьявола: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что

противник ваш диавол ходит, как рыскающий лев, ища, кого поглотить» (Петр 1, 5:8). Вся собственность была общей, даже личные письма члены ордена должны были читать в присутствии Магистра. Пожилым и больным членам ордена предоставлялось обеспечение.

В орден принимали только мужчин. Рыцари приносили суровый обет безбрачия, им запрещалось жениться или оставаться в браке на момент вступления в орден. Жёны рыцарей-тамплиеров должны были вступить в другой монашеский орден. Тамплиерам запрещалось целовать своих матерей, жён, сестёр. Им запрещалось смотреть на женщин. Им запрещалось быть крёстными отцами. Хотя Устав ордена отличается почти женоненавистническими настроениями, в нём особо подчёркивается роль Девы Марии: «Ибо Богоматерь стала началом нашего ордена и в Ней, и Её чести пребудет окончание наших жизней и конец нашего ордена, когда Богу будет угодно их прервать»^[78].

Многочисленные военные руководства составляли важную часть дополненной версии Устава. В них подробно описывались правила по сооружению военного лагеря и поддержанию в нём дисциплины. Здесь же содержались указания относительно поведения во время стремительной атаки или сражения, также в Устав были включены правила о соблюдении военных и монашеских обязанностей. Отдельные главы были посвящены действиям в ходе сражения и в случае поражения.

Обряд принятия в орден нового брата подробно рассматривается в дополненной версии Устава. Сначала Великий Магистр должен убедиться в том, что никто из присутствующих не возражает против данного кандидата, затем кандидату рассказывали о суровых правилах тамплиеров, потом ему задавали вопросы о его характере и жизни. После его спрашивали, готов ли он отказаться от своей прежней жизни и посвятить себя служению ордену. Во время обряда инициации новый член ордена впервые слышал тайный Устав. Он давал клятву послушания и преданности Магистру ордена и Уставу, приносил обеты бедности и целомудрия, обещал завоевать Иерусалим и защищать его. Затем ему давали указания относительно правил, которые он должен был соблюдать до конца своей жизни. Церемония принятия в орден — такая, как она описана в Уставе, — не имела ничего общего с тем, в чём потом, в XIV веке, инквизиция обвинила тамплиеров.

Вопрос, который всегда ставил в тупик учёных и впоследствии принёс ордену серьёзные проблемы, заключается в различиях между латинским текстом Устава и его переводом на французский язык. Разночтения между двумя Уставами заметны в разделе об отношениях с рыцарями, отлучёнными от ордена.

В латинском тексте запрещалось общение с отлучёнными от ордена рыцарями, хотя разрешалось принимать их подношения и пожертвования. Во французском переводе Устава братьям приказывалось «идти туда, где собирались отлучённые от ордена рыцари». Отлучённый даже мог вновь присоединиться к ордену. Остаётся невыясненным, что послужило причиной несоответствий между латинским и французским текстами, была ли то ошибка переводчика, или настояние Робера де Краона на независимости французского текста от латинского, или излишнее христианское милосердие, которое распространялось даже на проклятых. В то время текст Устава хранился в тайне, так что, возможно, ни святой Бернар, ни Папа Иннокентий II не знали о внесённых в него изменениях.

Существовали разные наказания за нарушение Устава. Рыцари подвергались различным видам унижений (от небольших до весьма чувствительных). Они могли на протяжении года и одного дня есть пищу с пола, или их могли лишить одного из атрибутов одежды и всех привилегий и обязанностей рыцаря, или исключить из ордена. В 1301 году Уильям де Уарайн был исключён из ордена. Его посадили в крошечную камеру с видом на церковь, где он умер от голода. Он провинился в том, что продал землю тамплиеров без особого разрешения. Из окна

своей камеры Уарайн мог наблюдать за тем, как проходила месса и как причащалось братство, членом которого он уже не был.

В домах тамплиеров, где жило четверо или больше братьев, проходили еженедельные собрания. После проповеди слово предоставлялось братьям, которые хотели признаться в нарушении правил Устава. Наказание назначалось капитулом, в это время провинившийся должен был оставить комнату, чтобы обсуждение проходило в тайне. После проповеди вместо признаний могли быть высказаны обвинения. Если вина была доказана, то виновный нёс более суровое наказание, чем если бы он добровольно во всём сознался. Впоследствии враги ордена обвиняли его членов в том, что подобная практика самоконтроля была эквивалентом епитимьи, которую налагал священник. Хотя это было и не так, некоторые из наивных членов братства не имели об этом точного представления. Прочтение Устава может помочь разобраться в этом недоразумении.

В Уставе говорится, что рыцарь-тамплиер не может исповедоваться никому, кроме капеллана, «поскольку капелланы наделены большей властью от Папы, чем архиепископы»^[79]. Впрочем, капелланы не могли отпускать отдельные грехи, такие как убийство христианина или удар брата до крови, удар церковнослужителя, священника другого ордена, принесение обета другому ордену после вступления в орден тамплиеров или симония. Эти грехи мог отпустить только патриарх, архиепископ или епископ.

Изначально девять проступков могли привести к исключению из ордена. К ним относились симония, раскрытие секретов капитула, убийство христианина или христианки, воровство, уход из дома другим путём, чем через ворота (что подразумевает воровство или другой грех), сговор между братьями, измена ордену и бегство к сарацинам, ересь, бегство от врага с поднятым гербом. Позднее были добавлены «грязный грех содомии»^[80] и принятие священнического сана без разрешения ордена.

«Похвала новому рыцарству»

Святой Бернар внёс ещё один значительный вклад в успех ордена и способствовал созданию первых легенд, которые затем во множестве складывались о храмовниках. Он написал длинное послание Гуго де Пейну, в котором детально изложил свои взгляды на рыцарский кодекс и свою концепцию святого рыцарства. Трактат был назван «Послание к воинам Храма: о похвале новому воинству» (см. [приложение 2](#)). Полагают, что он датируется 1135 годом.

Послание было написано, чтобы служить руководством настоящим и будущим членам ордена, чтобы привлечь в орден новых членов и логически обосновать его существование. Это послание служило и ответом тем критикам, которые полагали, что христианская вера исключает вооружённое братство монахов-воинов, которое преследовало две цели: спасение души и военную службу, а, по мнению этих критиков, данные задачи противоречат друг друга.

Святой Бернар резко критиковал тщеславие и помпезность светских рыцарей с их ниспадающими на плечи волосами, шелками и драгоценностями, доспехами, украшенными перьями, расписными щитами. Всё это он называл женскими побрякушками. Он создал христианский эквивалент исламского джихада, который мог бы проповедовать Хасан ас-Саббах перед своими *фидаи*. Новое рыцарское сословие описывается «как сословие, ведущее постоянную двойную войну против армии зла на земле и на небе». Рыцарь-монах — рыцарь Христа. «Он не поднимает свой меч понапрасну, поскольку он слуга Бога, посланный, чтобы карать зло и прославлять добро. Убивая злодея, он не убивает человека, он убивает зло». Такое важное религиозное оправдание убийству врагов Христа, провозглашённое столь авторитетным

теологом, как святой Бернар, превратилось в концепцию, недоступную для дальнейшей критики. Кроме сурового Устава, тамплиеры славились своей храбростью. Мусульмане так же, как и европейцы, уважали рыцарей Храма за смелость. Несмотря на частые поражения в последующие двести лет, отвага тамплиеров редко ставилась под сомнение. Корни этого, безусловно, прослеживаются в послании святого Бернара «Похвала новому воинству»: «Рыцарь, который защищает свою душу доспехами веры, подобно тому, как облекает своё тело в кольчугу, и впрямь есть рыцарь без страха и упрёка. Вдвойне вооружённый он не боится ни демонов, ни людей... Готовясь к предстоящей битве, он защищён изнутри верой. Он одет в сталь, а не в золото, поскольку он должен внушать врагу ужас, а не вызывать в нём жадность. Ему нужна быстрая и сильная, а не разукрашенная и помпезная лошадь. Его цель — сражение, а не парад. Он ищет победы, а не славы. Он скорее будет внушать страх, а не впечатлять... Он мчится, чтобы атаковать врага, воспринимая его как овцу. Неважно, во сколько раз враг превосходит его численно, он не воспринимает врага как вселяющее ужас множество^[81].

Структура ордена

В дополненной версии Устава пристальное внимание уделялось иерархической структуре воинов и их обязанностям. *Великий Магистр* был главой ордена, но он также нёс ответственность перед всем орденом. Он мог распределять собственность, и на него возлагалась обязанность охранять богатство ордена. При принятии всех ответственных решений, таких как: крупные перемещения собственности, объявление войны, заключение мира, планирование военной кампании, даже принятие нового брата — магистр был обязан советоваться с капитулом. Хотя к его мнению прислушивались, но ему принадлежал только один голос.

Сенешаль — вторая фигура в системе управления. Во время сражений он носил герб ордена, *gonfanon baussant*, дословно «пегое знамя», представлявшее собой вертикальный прямоугольник, состоящий из двух квадратов: чёрного сверху и белого снизу. Третьими в иерархической системе ордена были *маршал* и *Верховный командор*. *Командор Иерусалимского королевства* являлся и казначеем: вместе с Великим Магистром он отвечал за сохранность богатства ордена. *Смотритель одежд* занимался экипировкой братьев и постельным бельём. Следующей должностью в иерархии была должность *командора Провинций*. Командор города Иерусалима нёс ответственность за здоровье и благополучие братьев, защиту пилигримов и перевоз драгоценнейшей реликвии тамплиеров (считалось, что это Святой и Животворящий Крест Господень). Существовали командоры городов Триполи и Антиохии. Затем следовали *магистры*, которые отвечали за поддержание порядка на своей территории, за исключением тех случаев, когда прибывал *Великий Магистр*.

Командоры Домов наблюдали за выполнением ежедневных занятий в замках и на фермах ордена и подчинялись *магистрам*. В XIII веке была создана новая должность — *глава командоров Западных провинций*, который был предводителем европейской части ордена и второй фигурой после *Великого Магистра*.

Безусловно, основу ордена составляли рыцари. Большая часть Устава посвящена правилам их поведения. Специальной программы подготовки рыцарей не существовало, предполагалось, что на момент вступления в орден братья уже являются хорошими воинами. Рыцарями могли стать люди только знатного происхождения. С начала существования ордена и до его уничтожения число рыцарей было очень небольшим. По подсчётам Генри Ли, перед роспуском в ордене состояло 15 000 человек, из которых рыцарями было 10%^[82]. Только рыцарям позволялось носить белые одежды с красным крестом.

Основная масса членов ордена, которая фактически являлась вспомогательной частью отрядов тамплиеров, занимались обеспечением всем необходимым элитного корпуса тяжеловооружённых и конных рыцарей. Братья-сержанты были старшими по званию в этой тщательно продуманной тыловой системе, в их обязанности входило всё: от приготовления пищи до участия в сражениях. Они носили чёрные *котты* с красным крестом спереди и сзади и чёрный или коричневый *гарнаш*. Зачастую обязанности сержантов совпадали с обязанностями рыцарей, за исключением того, что последние были старше по званию. Во время отсутствия рыцарей они занимались хозяйственными делами прецепторий.

В класс *сотоварищей* входили женатые братья. Если сотоварищ умирал до того, как истёк срок его службы ордену, его жена имела право получать от ордена пособие. Некоторые сотоварищи вступали в орден на определённый период времени или на время крестового похода. Другую группу сотоварищей составляли те, кто делал ежегодные взносы и надеялся получить духовное благословение ордена. В эту группу могли входить и женщины. К сотоварищам также относились те люди, которые не имели средств и готовы были предложить ордену только свои услуги, получая взамен пропитание.

Многочисленные братья-служители выполняли различные обязанности: они были пехотинцами, капелланами, оружейниками, кузнецами, конюхами, поварами, пивоварами, кожевниками, каменщиками, плотниками, техниками, архитекторами, врачами, слугами, рабочими, а также привлекали в орден новых членов. Одним из важнейших занятий была забота о лошадях. Требовались большие денежные средства и много энергии, чтобы перевозить на кораблях, размещать и содержать конную армию. (Каждому рыцарю разрешалось иметь от одной до трёх лошадей). Поскольку орден тамплиеров стал одним из самых богатых в средневековой Европе, то часть братьев управляла его финансовыми делами, а другая — огромными земельными наделами, подаренными ордену. Фермам нужны были люди, разбирающиеся в сельском хозяйстве и животноводстве, а также рабочие. Со временем была создана организация по распределению сельскохозяйственной продукции, шерсти, мяса, и т. д. Иногда тамплиеры сдавали в аренду подаренные земли, доход приносили также мельницы, виноградные прессы, копи. Позже члены ордена стали заниматься мореплаванием, создали свои собственные флотилии, чтобы перевозить по Средиземному морю в Святую Землю пилигримов, солдат, продовольствие. Потом к этим занятиям прибавилась торговля. Портовые города снабжали дома тамплиеров.

Целью этих различных занятий было увеличение денежных средств и вооружения, необходимых для похода в Святую Землю. Одним из важнейших достижений ордена было создание тыловой системы обеспечения в Европе, без которой тамплиеры прекратили бы своё существование после первого крупного поражения. Финансовая и продовольственная помощь, постоянный приток людей из Европы помогли выжить ордену на протяжении войны, которая продолжалась столетия.

Богатство и банкирская деятельность тамплиеров

Тамплиеры создали практику международной банкирской деятельности. Конечно, их многочисленные крепости, размещённые вдоль дороги на Восток, располагали к тому, чтобы короли, знать, торговцы, крестоносцы и пилигримы пользовались ими как хранилищами для золота и других ценных предметов. Было безопаснее довериться тамплиерам, разработавшим систему передачи денег, чем ехать с большой суммой по опасным дорогам. Средства, отданные на хранение ордену в Европе, могли вернуть владельцам по первому требованию, как только он

приезжал в Святую Землю. В записях тамплиеров, сделанных в разных местах, определяется сумма залога и платежа. Из этого впоследствии будет создана современная система выписывания чеков.

Тот, кто намеревался отправиться в долгое опасное путешествие за границу, зачастую составлял завещание и передавал его тамплиерам. Таким образом, тамплиеры могли выполнять обязанности душеприказчика, когда речь шла об имуществе, оставленном под их опеку. Очень часто храмовники получали в дар крупные денежные суммы. В некоторых случаях средства давались исключительно на крестовый поход, в других случаях их дарили ордену. Всему этому следовало вести строгий учёт.

С течением времени финансовая политика ордена была усовершенствована. Казначей ордена оказывали различные банкирские услуги королям, особенно во Франции. К услугам относились: установление величины и сбор налогов, передача денежных средств, урегулирование вопросов займов и выплат, предоставление пособий. Увидев, что король оказывает ордену доверие, по этим же вопросам к тамплиерам стала обращаться и знать.

Вооружённая охрана, которую могли предоставить Дома (*тампли*) храмовников, была настолько надёжной, что с 1185 года ей начали поручать защиту королевской сокровищницы в Англии. В 1204 году королевские драгоценности были отданы на хранение в лондонский тампль. Часто тамплиеры выступали в качестве третьей стороны, которая играла роль гаранта и держала у себя деньги, пока стороны не договорятся между собой. Известно, что в Арагоне^[83] помимо таких ценностей, как золото, драгоценные камни, документы, тамплиерам передавали на хранение домашний скот и даже рабов. Однако и в этом случае, чтобы добиться такого успеха в финансовой политике, требовалось вести строгий учёт. Этим мог заниматься казначей, способный точно определить стоимость вещей, сдаваемых на хранение.

Папы также пользовались опытом тамплиеров в финансовых вопросах. Тамплиеры стали вести финансовые дела с Папами с 1163 года, когда они выдали займы Папе Александру. В 1198 году Папа Иннокентий III начал облагать налогами духовенство и попросил тамплиеров оказать помощь в их сборе. Его преемник, Гонорий III, обратился к тамплиерам с просьбой помочь ему собрать деньги на Пятый крестовый поход. В результате духовенство заплатило налоги в парижский тампль, а затем они были переданы папскому легату, который командовал армией крестоносцев в Египте. В 1307 и 1308 годах, после того как во Франции члены ордена были арестованы, папа Климент V изъял свою часть из средств тамплиеров^[84].

В общем и целом, система, разработанная тамплиерами в Европе, способствовала развитию денежного хозяйства. Например, тамплиеры первыми стали продавать урожай. До этого фермерство было ориентировано на то, чтобы обеспечить продуктами сюзеренов и слуг. Постоянная потребность в деньгах, которые были нужны для проведения крестового похода, вынудила тамплиеров ввести новшества в финансовую политику. Хозяйство Святой Земли было построено на товарно-денежных отношениях. Наличные средства ценились выше недвижимого имущества, которое находилось под угрозой из-за постоянно меняющегося стратегического положения. Тамплиеры смогли приспособиться к этим условиям. Знакомство с принципами ведения денежного хозяйства дало рыцарям Храма опыт, благодаря которому их можно назвать пионерами этого направления, указавшими путь развития всей европейской экономике.

В Средние века запрет на ростовщичество тщательно обходился с помощью сложных формулировок контрактов. Выплата процентов была замаскирована под административные расходы, которые заблаговременно удерживались из суммы, полученной у заёмщика, или путём искусных манипуляций с курсом обмена иностранных денег. Тамплиеры давали деньги займы с самого основания, когда Великим магистром был Гуго де Пейн. Он относился к этому как к одной из обязанностей ордена, несмотря на то, что св. Бернар был категорически против

практицизма и денежной торговли в целом. Почти все европейские монархи брали займы у тамплиеров, так же поступали и некоторые монастыри.

Хотя и западные, и восточные тамплиеры были состоятельны, огромные суммы денег и сказочное богатство, которые им приписывают, безусловно, являются преувеличением. Рассматривая миф об их необыкновенном богатстве, следует учитывать огромные расходы, которые они понесли в течение двухсотлетней военной кампании. Деньги были необходимы на постоянные расходы, связанные с экипировкой, перевозкой, размещением воинов, а также кормлением большого количества требующегося персонала. Кроме того, строительство замков, их содержание и реконструкция были огромными финансовыми пропастями, так же как и выкупы, невозвращённые долги и захваченная врагами добыча.

Усиление тамплиеров в Европе

Поддержка св. Бернара и признание Папы, в результате которых орден получил свой Устав на Соборе в Труа, способствовали увеличению его численности^[18]. Поход сулил славу, опасность, путешествие, искупление грехов, возможность сражаться и установить Царство Божие на земле. Настало время претворить в жизнь идею создания военно-религиозного ордена, членами которого были бы рыцари-монахи, тем более что она была с радостью подхвачена европейцами. В короткий срок тамплиеры стали обладателями больших богатств и крупными землевладельцами. Всё это были дары аристократов, которые поддались харизме тамплиеров. Они пытались искупить грехи, проявляя щедрость по отношению к церковному ордену. Гуго де Пейн первым подарил ордену свои земли. Сначала влияние ордена распространилось на территории Франции, поскольку первыми тамплиерами были французы. Гуго де Пейн вскоре был назначен магистром тампля во Франции; таким образом, он заложил основание международной бюрократической структуры.

Затем он посетил Англию и Шотландию, и там ему также подарили земельные участки и деньги, так что он смог набрать в орден новых членов. В 1128 или 1129 году Гуго де Пейн создал лондонский тампль. Английская ветвь ордена стала особенно процветать при короле Стефане, который взошёл на престол в 1135 году. Отец Стефана был участником Первого крестового похода, а его жена была племянницей Балдуина I, короля Иерусалимского. Освобождение ордена от тяжкого бремени налогов способствовало быстрому росту английского тампля.

В 1130 году орден проник на Пиренейский полуостров, в Испанию, где тамплиеры впервые вступили в борьбу с маврами. Помимо клятвы ордену арагонские храмовники должны были в обязательном порядке присягнуть на верность королю. Под патронажем правителей Каталонии и Арагона тамплиеры получили большие земельные пожертвования в знак признания ценности их военной помощи. Король арагонский, Альфонс I, умерший в 1134 году, завещал треть своих владений храмовникам. Это сразу же привело к политическим интригам среди членов его семьи. Тамплиеры поступили мудро, отказавшись от этих земель при Робере де Краоне и получив взамен шесть замков и различные финансовые преимущества и привилегии. В расположенной по соседству Португалии королева Тереза подарила ордену один замок и окружающие его земли.

Развитие ордена в Италии было замедлено из-за политической раздробленности страны. Впрочем, там было несколько портовых городов, расположенных на побережье, откуда крестоносцы, купцы и пилигримы отправлялись в Святую Землю. В каждом из них находился тампль ордена.

При Гуго де Пейне и Робере де Краоне ордену были дарованы шестьсот привилегий, «половина из которых действовала на территории Прованса и Лангедока, треть — на севере Франции и во Фландрии, остальные — в Англии, Испании и Португалии и в других областях Франции»^[85]. Эти привилегии касались земли, доходов, торговли на рынке, ренты и т. д. Следует отметить необыкновенную популярность ордена в Провансе и Лангедоке — это ирония судьбы, если принять в расчёт участие тамплиеров в бессмысленном Альбигойском походе в XIII веке.

В 1129 году Фульк Анжуйский, старейший друг ордена, сопровождал Гуго де Пейна в Палестину, которую называли *Outremer*, или «заморские страны». Балдуин II, у которого не было сына, предложил Фульку руку своей дочери Мелисанды, чтобы обеспечить преемственность Иерусалимского престола. Фульк и Гуго отправились в путь, взяв с собой триста новых братьев-тамплиеров, вступивших в орден, чтобы защищать Святую Землю. Другая часть осталась в Европе. Пейен де Мондидье, магистр ордена во Франции, руководил делами тамплиеров в Европе. Многие новые члены внесли значительный материальный вклад в орден, отказавшись от мирской жизни.

Фульк и Мелисанда вступили в брак в конце мая 1129 года Балдуин сразу же приобщиł Фулька и новых тамплиеров к своему плану по атаке Дамаска. В октябре состоялось сражение, и христиане потерпели сокрушительное поражение. Причиной неудачи стало отсутствие военного опыта у новых тамплиеров, прибывших из Европы. Однако оно не отразилось на их репутации ни в Европе, ни в Святой Земле. Сведения о храбрости храмовников принесли в Европу вернувшиеся туда рыцари и пилигримы. В Тулузе был созван Совет, целью которого было сделать ордену очередные пожертвования. Сорок пять человек принесли ему дары; слава, богатство и численность ордена приумножились.

Особенно были рады новым членам ордена «за морем». Возвышение мусульманского воина Имад ад-Дина Зенги, который по происхождению был курдом и до этого служил сельджукскому султану Малик-шаху, а затем основал династию Зенгидов, несло угрозу христианскому миру. В 1128 году Имад ад-Дин Зенги стал правителем Алеппо, а к 1130 году стал управлять всей Северной Сирией.

Когда Боэмунд Антиохийский был убит во время сражения в 1130 году, его вдова Алиса, младшая дочь Балдуина II, провозгласила себя правительницей Антиохии и решила перейти в подчинение Зенги. Эта мысль была невыносимой для Балдуина. Вместе с Фульком они вторглись в Антиохию и выгнали Алису. Балдуин вновь стал правителем Антиохии, которую ранее, в 1126 году, он охотно передал Боэмунду и Алисе.

В августе 1131 года умер Балдуин II, а в сентябре были коронованы Фульк и Мелисанда: так началось их совместное правление. Вскоре в Антиохию вернулась Алиса, чтобы поднять мятеж. Фульк подавил восстание. В 1136 году он ловко устроил свадьбу Раймунда де Пуатье и девятилетней дочери Алисы, Констанции. Присутствие Раймунда в Антиохии снова укрепило эту территорию, так как он и Фульк могли действовать единым христианским фронтом.

Сведения о действиях тамплиеров в 1130-х годах немногочисленны. Несомненно, они занимались привлечением новых членов, разрабатывали усовершенствованные программы крепостного строительства и физической тренировки, которые были необходимы, чтобы превратить европейских рыцарей в воинов, которые могли бы сражаться, применяя разные тактики и стратегии в новых условиях. Необычайный и внезапный приток новых членов в орден тамплиеров вызвал к жизни новые практические и финансовые требования, которым следовало уделять соответствующее внимание. Впервые замки ордену на севере Святой Земли, в районе гор Аманус, предоставили либо Фульк в 1131 году, либо Раймонд в 1136 году.

Поскольку власть европейцев в Святой Земле укрепилась, первоначальная цель ордена, защита пилигримов, отошла на второй план. Тамплиеров стали всё больше и больше привлекать крестовые походы. Военная тактика мусульман была совершенно отличной от тактики, которой придерживались европейцы, и вследствие этого несколько ранних сражений обернулись для крестоносцев катастрофой. Личный тяжёлый опыт войны с мусульманами стал причиной

того, что короли и знать начали советоваться с тамплиерами, если отправлялись воевать в Святую Землю.

Гуго де Пейн умер 24 мая 1136 году. Орден, который он основал, процветал на протяжении двух веков, а затем стал одним из мифов западной цивилизации и её неотъемлемой частью. Смерть Гуго де Пейна и Балдуина II ознаменовала завершение Первого крестового похода.

Omne datum optimum и дальнейшая поддержка со стороны Папского престола

В 1130 году в Риме появился новый антипапа. Папа Гонорий II, находясь на смертном одре, высказал пожелание кардиналам, чтобы его преемником стал Иннокентий II (Григорио Папарески); четыре кардинала поддержали эту кандидатуру и добились его избрания путём разных интриг. Иннокентию II пришлось бороться против Анаклета II (Пьетро Пьерлониха), состоятельного и амбициозного римлянина, который заручился поддержкой двух кардиналов, затем приступом взял базилику св. Петра, разграбил её и стал подкупать всевозможных сторонников. Вскоре после этого и Иннокентий II, и Анаклет II были признаны Папами римскими в разных частях города. Опасаясь за свою жизнь, Иннокентий II бежал во Францию.

Людовик VI решил помочь Иннокентию II и заручился поддержкой Бернара Клервоского для того, чтобы разрешить конфликт. В 1135 году на Соборе в Пизе св. Бернар отлучил Анаклета II от Церкви. Иннокентий II, в свою очередь, тоже поддержал св. Бернара, став самым влиятельным защитником тамплиеров. На Соборе он пожертвовал ордену ежегодную папскую подать. Другие церковники также сделали подношения тамплиерам. В январе 1138 году Анаклет II умер. Став единственным Папой, Иннокентий II смог вернуться в Рим, где он встретился с Великим Магистром ордена Храма, Робером де Краоном, умным и обладающим даром убеждения дипломатом. Он осторожно объяснил Папе, что у тамплиеров постоянно возникают финансовые и административные трудности, связанные с проведением военных кампаний в Святой Земле, поскольку орден увеличивается. Иннокентий II внимательно его выслушал. Борьба с Анаклетом II убедила его в том, что Церковь нуждается в защите.

29 марта 1139 года Иннокентий II даровал храмовникам основную папскую буллу, *Omne datum optimum*, «Всё лучшее в дар». В это время св. Бернар находился в Риме и с радостью принял папский эдикт. Этот судьбоносный указ провозгласил тамплиеров «настоящими израильтянами», которые придерживаются принципов духовного милосердия и божественной любви. Буллой была установлена новая должность в ордене — должность брата-капеллана, или священника, который должен был следить за духовным благополучием рыцарей и служить братьям во всех Домах ордена. Таким образом, тамплиеры освобождались от местной духовной власти. Орден подчинялся только Папе. Храмовники были его личными воинами, а он — их единственным начальником. Им было даровано право строить собственные церкви, чтобы грешники не мешали им возносить молитвы; тамплиерам также разрешалось оставлять себе военную добычу. Они были освобождены от уплаты церковной десятины и могли оставлять её себе. На них не распространялась власть ни королей, ни императоров, ни служителей церкви, кроме самого Папы. Патриарх иерусалимский, которому подчинялся орден в самом начале своего существования, теперь не имел над ним никакой власти. Никто не имел права требовать клятвы от тамплиеров. Только храмовник мог стать Великим Магистром ордена (таким образом, королю было сложнее влиять на итог выборов). Только Великий Магистр и капитул ордена могли внести изменения в Устав. Более того, согласно булле, храмовники были не только защитниками пилигримов, отправлявшихся в Святую Землю, но и защитниками Католической церкви от врагов Святого Креста, — это право было дано им Богом и Святым Петром.

Последующие Папы, укреплявшие буллами права ордена, часто повторяли *Omne datum optimum*. В 1144 году Целестин II издал буллу *Milites Templi*, согласно которой благодетели ордена получали индульгенцию. Кроме того, раз в год им разрешалось собирать приношения ордену в церквях. В ней позволялось проводить мессу в областях, находящихся под интердиктом, если в церкви присутствовал сборщик-тамплиер. Папа Евгений III, ученик святого Бернара, издал буллу *Milites Dei*, согласно которой разрешалось изменить форму военного штандарта с прямоугольного чёрно-белого на восьмиугольный чёрный мальтийский крест на белом фоне. Более того, *Milites Dei* дал тамплиерам разрешение на строительство независимых от епископской власти часовен, а также право на захоронение умерших братьев на территориях, прилегающих к ним^{19}. *Omne datum optimum*, *Milites Templi*, *Milites Dei* уничтожали любое сомнение относительно миссии тамплиеров в Католической церкви. Святому воину, который сражался во имя установления и охраны царства Христова на земле, следовало оказывать помощь и поддержку, уважение и любовь, а также приносить пожертвования.

Глава XV

Второй крестовый поход

1130-е годы являются поворотным моментом в истории Святой Земли. После того как прошло первоначальное воодушевление, последовавшее за победой в Первом крестовом походе, европейцам понадобились более искусные стратегические решения, чтобы удержаться на заморских территориях. Благодаря тому, что орден тамплиеров пополнился новыми членами, интерес к крестовым походам вновь удалось пробудить. Политическая ситуация в Святой Земле стала очень сложной. Жители европейских стран, пришедшие в Святую Землю (их называли франками), жили на территории четырёх отдельных государств, основанных крестоносцами: королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское, графство Триполи и недолго просуществовавшее графство Эдесское. Их правители часто воевали друг с другом.

Отсутствие единства среди мусульман и их вражда друг с другом также способствовали политической нестабильности и постоянному переходу власти из одних рук в другие. Исходя из личной выгоды, правители мусульман заключали между собой различные временные союзы и соглашения. Часто завоевания и предательство становились причиной того, что у замков и земель менялись владельцы. Иногда враги, замысливая нападения друг на друга, заключали союзы, невзирая на религиозные и культурные различия, и нападали на своих единоверцев.

Как уже говорилось, византийцы и мусульмане стали заключать союзы ещё до крестовых походов. В отличие от крестоносцев, воодушевлённых идеей войны с неверными и нуждавшихся в краткосрочных соглашениях, договоры византийцев с мусульманами были более долгосрочными и выгодными. Кроме того, греки понимали, что если не контролировать власть европейцев в Святой Земле, то она будет усиливаться, сможет сравниться с их властью, а потом превзойти их собственную власть.

В 1137 году союз между европейцами и византийцами был расторгнут. В течение Первого крестового похода восточный император и западные крестоносцы заключили договор, согласно которому европейцы должны были получить всемерную помощь от византийского самодержца, в случае возврата Византии ранее принадлежащих ей земель, которые находились в руках у мусульман. Антиохия была одной из таких земель, однако с 1098 года она оставалась под властью европейцев. В 1137 году император Иоанн Комнин осадил Антиохию. Христиане стали сражаться с христианами. Хуже того, король Фульк Иерусалимский отказал в помощи князю Раймунду Антиохийскому, несмотря на их договор. Таким образом, Антиохия снова стала частью Византийской империи, и Раймунду пришлось принести феодальную присягу Иоанну II.

Межрелигиозные конфликты и постоянные смены союзников на территории Святой Земли возникали не только среди христиан. Сельджуки (представлявшие Аббасидов), Фатимиды, Омейяды постоянно боролись за власть друг с другом. Все они воевали с ассасинами (как описывается во второй главе). Средневековому европейцу, не знавшему сложных дипломатических отношений в Святой Земле, было невозможно представить такие союзы, как союз между правителем Дамаска и Фульком Иерусалимским против Зенги в 1139 году. Тамплиеры столкнулись со сложной системой интриг, которая зачастую противоречила наивному идеализму, изначально присущему им. Впоследствии такая политика приведёт к тому, что их обвинят в предательстве.

В 1144 году после месяца осады Зенги взял Эдессу. Это известие обнадёжило мусульман и вселило в них уверенность, а Европу повергло в гнев и отчаяние. Это было первое крупное поражение после победы в Первом крестовом походе за пятьдесят лет до этого. Папа Евгений III начал готовить новый крестовый поход. В качестве предводителя он выбрал короля Франции

Людовика VII. Бернар Клервоский стал активно проповедовать Второй крестовый поход сначала во Франции в 1146 году, а потом объехал Европу, повсюду призывая людей к действию. Второй крестовый поход стал крупнейшим походом, в котором приняли участие французские, немецкие, английские войска. Также были предприняты военные действия против мавров в Испании и вендов в германских княжествах.

Людовик VII, Бернар и Папа Евгений III в сопровождении приблизительно трёхсот храмовников и четырёх архиепископов собрались в 1147 году в Париже на заседании капитула тамплиеров, чтобы провозгласить начало Второго крестового похода. Людовику VII вручили орифламму — прикрепленный к золотому копыю алый стяг с изображением золотого пламени. Евгений III даровал тамплиерам право носить на плаще красный крест над сердцем и на плече. Белая мантия символизировала чистоту, а крест — мученичество^[20].

Эврар де Бар, магистр тамплиеров во Франции, входил в посольство, явившееся к византийскому императору с дипломатической миссией, которая увенчалась успехом. Посланцы должны были уговорить императора разрешить крестоносцам пройти через Византию. Эврар де Бар также участвовал в личных переговорах с Людовиком VII, целью которых было заключить соглашение о снабжении крестоносцев всеми предметами первой необходимости. Тамплиеры великолепно сражались и достойно вели себя во время опасного путешествия из Константинополя через Малую Азию в Антиохию. В течение долгого перехода за ними вновь укрепилась репутация отважных воинов, они служили образцом преданности и храбрости для европейской армии. Французская армия была разнородна: она состояла из отрядов, у которых были разные сюзерены, зачастую враждовавшие между собой. В добавление к этой неразберихе среди крестоносцев присутствовали немецкие отряды под предводительством Конрада III. Под его началом состояли воины, которым не хватало согласованности действий и сплочённости. Они резко отличались от храмовников, дисциплинированность которых поддерживалась Уставом. Король Людовик VII, в конечном счёте, поставил тамплиеров во главе всего войска. В 1148 году каждый воин принёс тамплиерам клятву послушания.

Во время Второго крестового похода храмовники выделили заём Людовику VII: это подтверждено историческими документами. Король потратил на продовольствие и перевозку воинов сумму денег, во много раз превосходящую рассчитанную. К марту 1148 года, на момент прибытия армии в Святую Землю, ему были необходимы деньги, которые он мог вернуть только по возвращении во Францию. Тамплиеры смогли ему помочь. «Таким образом, во время важного крестового похода, при содействии патрона тамплиеров Святого Бернара Клервоского, обе функции храмовников — и как воинов, защищавших Святую Землю и помогавших ей, и как банкиров, — одновременно вышли на первый план»^[86]. Начиная с этого момента, тамплиеры стали неотъемлемой частью европейских походов на Восток.

В июне 1148 года тамплиеры, госпитальеры, король Балдуин III, патриарх Фульхерий Ангулемский, короли Людовик VII и Конрад III, архиепископы Назарета и Цезареи, а также другие представители знати собрались на совете в Акре. Было решено атаковать Дамаск. Войска христиан численностью 50 000 человек осадили город, но не смогли добиться победы. Череда ошибочных решений стала причиной того, что за пять дней крестоносцы перессорились друг с другом. Стали распространяться различные слухи: против некоторых руководителей были выдвинуты обвинения в предательстве, подкупе и государственной измене. Европейских королей обвиняли в том, что из-за своих амбиций и своей глупости они решили напасть на дружественный франкам Дамаск. Палестинских баронов обвиняли в предательстве и зависти к первоначальному успеху прибывших правителей, а бароны, в свою очередь — Людовика VII и Конрада III в том, что они продались Дамаску. Про тамплиеров ходили слухи, будто они приняли

взятки от врага, чтобы операция провалилась.

Второй крестовый поход стал для Европы болезненным поражением. Особое возмущение вызывали действия Византии и её предательский союз с турками, ставший причиной многочисленных потерь, которые понесли европейцы во время похода в Антиохию. Людовик VII, оставив Палестину после поражения при Дамаске, стал собирать крестовый поход против Византии. Св. Бернар, разочарованный поражением Второго крестового похода, выступил с поддержкой похода на Византию. Эврар де Бар, ставший Великим Магистром после Робера де Краона, поехал во Францию вместе с Людовиком VII, чтобы собрать новое войско.

Тамплиеры оказались в Святой Земле в тяжёлом положении. В 1146 году, во время осады Дамаска, умер Зенги, его наследник и сын Нуреддин разгромил европейскую армию и убил Раймунда под Антиохией. Тамплиеры пришли на помощь Балдуину III, когда он стремительно атаковал войска Нуреддина, однако многие храмовники погибли в этом сражении. Андре де Монбар, сенешаль ордена, став свидетелем новых важных событий в Европе, написал письмо Эврару де Бару, в котором умолял его приехать. Великий Магистр вернулся в 1152 году, но вскоре ушёл из ордена и стал цистерцианцем.

Храмовникам удалось удержать военный оплот в Газе, недалеко от Аскалона. Со времён Первого крестового похода крепость Фатимидов в Аскалоне представляла собой постоянную угрозу Иерусалимскому королевству. Из Газы тамплиеры предприняли несколько молниеносных нападений на мусульман, воспользовавшись излюбленной мусульманской тактикой. Успех их нападений пошатнул баланс власти на юге Святой Земли.

Как бы то ни было, Аскалону суждено было стать одним из самых серьёзных поводов для обвинений тамплиеров в алчности. В январе 1153 года воинами Иерусалимского королевства была предпринята долгая осада города. 15 августа рядом с лагерем тамплиеров в стене Аскалона была пробита брешь. Говорят, что новый Великий Магистр Бернар де Тремеле не позволил никому, кроме тамплиеров, проникнуть в город, чтобы орден мог захватить первые трофеи. Неприкрытая алчность Великого Магистра привела к тому, что он был убит вместе с 39 другими рыцарями. Вскоре мусульмане заделали брешь, и на следующее утро сорок тел тамплиеров были вывешены на стене замка, а их головы были отправлены халифу Каира. Через неделю Аскалон был захвачен, но участие тамплиеров в победе было поставлено под сомнение, и им ничего не досталось из богатой добычи, которую захватили христианские воины.

20 августа 1153 года умер св. Бернар. В том же году умер Папа Евгений III, пятым Великим Магистром ордена стал Андре де Монбар. В 1154 году Нуреддин претворил в жизнь мечту своего отца — захватил Дамаск. Идея византийского крестового похода была забыта.

Глава XVI

Саладин и битва при Хаттине

В середине XII века в среде европейцев наметилась новая тенденция: светские феодалы стали дарить замки военным орденам и полагаться на то, что рыцари будут оборонять их бывшие владения. Бароны понимали, что содержание и кормление необходимого количества воинов обойдётся им слишком дорого. Гораздо выгоднее было отдать лишние территории военным орденам, чем защищать их самим. По подсчётам историков, на момент битвы при Хаттине в 1187 году тамплиеры и госпитальеры владели приблизительно 35% земель в Святой Земле, принадлежавших европейцам^[87]. Таким образом, военные ордена становились политическими силами, принимающими самостоятельное участие в местной политике, иногда вступая в конфликт друг с другом, а иногда с баронами. В результате между христианами увеличилась политическая раздробленность и соперничество.

В 1162 году иерусалимский престол перешёл к Амальрику I, младшему брату только что почившего короля Балдуина III. Амальрик I был влиятельным правителем. Он, как и его противник Нуреддин, осознавал стратегическую важность Египта. Если Египет остался бы в руках мусульман, то европейцы оказались бы окружены ими со всех сторон. Если бы эта территория перешла в руки европейцев, владения мусульман были бы раздроблены. Амальрик I атаковал Египет в 1164 году и повторил свою попытку в 1167 году. Нуреддин отправил против него своего курдского полководца Ширкуха. Хотя атаки Амальрика были отражены оба раза, его вторая кампания привела к обоюдно выгодному союзу с Фатимидами, которым требовалась его помощь в борьбе с Ширкухом. Когда Амальрик I предложил третье нападение на Египет в 1168 году, тем самым нарушая договор, тамплиеры отказали ему в помощи. Они заявили, что будет нечестно со стороны короля нарушить слово. Амальрик I продолжил начатое дело без храмовников и был разбит.

Враги ордена утверждают, что тамплиеры нарушили своё обязательство защищать Иерусалимское королевство. Впрочем, даже Вильгельм Тирский, один из самых суровых критиков ордена, признаёт, что в этом случае храмовники поступили достойно. На решение тамплиеров мог повлиять ощутимый недостаток финансовых средств, который они испытывали после Второго крестового похода. Также храмовники тратили деньги на охрану северной крепости от Нуреддина. Госпитальеры испытывали финансовый кризис, из которого, как они надеялись, им поможет выбраться египетская кампания. Вместо этого ситуация госпитальеров настолько ухудшилась, что их магистр вынужден был с позором покинуть свой пост. Другой причиной отказа тамплиеров могла быть давняя обида на Амальрика I за его действия в отношении маленького отряда, который сдался Ширкуху в 1166 году. Амальрик I поспешил им на помощь, но опоздал. Рассердившись, он решил, что тамплиеры недостаточно сопротивлялись, и приговорил 12 человек к повешению.

Ширкух был дядей легендарного исламского лидера Саладина (имя которого означает «Честь веры»), который впоследствии объединил мусульманский мир. Саладин родился в Сирии, в западной части Бейрута, в 1138 году. Отец Саладина, Айюб, был правителем Баальбека при Зенги, а затем правителем Дамаска при Нуреддине. Саладин рос, занимаясь делами, положенными молодому знатному человеку: учил Коран, арабскую поэзию, философию, преуспел в верховой езде, охоте и шахматах. Он стал проявлять воинские таланты во время военных кампаний Ширкуха. В сражении с Амальриком I в 1167 году Саладин впервые встал во главе военного отряда, причём ему удалось выдержать 75-дневную осаду христианской армии. В 1171 году из Египта он атаковал Амальрика I.

Ширкух стал визирем султана в Каире при фатимидском халифе ал-Адиде в 1169 году. После смерти дяди Саладин занял его пост. Через два года он сверг халифа и стал правителем Египта. На протяжении двухсот пятидесяти лет исмаилизм, сменивший суннитскую веру, был государственной религией этой страны. Однако Саладин вернул старое вероучение. Четырнадцатый фатимидский халиф Египта умер вскоре после того, как ему исполнилось 23 года. После смерти Нуреддина в 1174 году Саладин провозгласил себя первым правителем династии Айюбидов. Он верил в то, что ему было предназначено стать во главе джихада против неверных христиан. Саладин был человеком со скромными запросами. Оставшихся после его смерти денег едва достало на то, чтобы оплатить его похороны. Однако именно он победил неверных, а его могила в Дамаске до сих пор является местом паломничества. Как друзья, так и враги считали, что Саладин обладал всеми высшими добродетелями, такими как справедливость, смелость, честность, верность и милосердие. Он никогда не нарушал союзов.

Тем не менее мусульмане вовсе не проявляли единодушия в поддержке увеличивавшейся власти Саладина. Например, в 1172 году ассасины под предводительством Рашид ад-дина Синана предложили союз Амальрику I. Их пугали политические амбиции Саладина и его страстная поддержка суннитской веры. Взамен они требовали, чтобы король освободил их от ежегодной выплаты тамплиерам в размере 2000 золотых монет. Также храмовники должны были заключить с ассасинами соглашение о ненападении.

Амальрик I пообещал тамплиерам, что возместит им ущерб, и отправил посла с этим известием назад к Рашид ад-Дину Синану. На обратном пути посол был убит тамплиером по имени Готье дю Мениль. Только что избранным Великим Магистром был необузданный Одон де Сент-Аман. Неизвестно, приказывал ли Одон убить посла, но известно, что он поддерживал Готье. Амальрик I потребовал выдачи Готье для судебного разбирательства. Одон отказался сделать это, ссылаясь на *Omne datum optimum*. В гневе Амальрик I ворвался в дом, где находился Готье, арестовал его и отправил в тюрьму. С этого момента Готье исчез с исторической сцены, и возможность союза с ассасинами была потеряна.

Число побед Саладина увеличивалось, упрёки в адрес тамплиеров возрастали. В 1169 году Папа Александр III оказал ордену сильную поддержку, издав буллу, по которой запрещалось стаскивать тамплиеров с лошадей. Это было сделано в ответ на выступления против тамплиеров. Амальрик I собирался выразить свою озабоченность по поводу растущей власти и высокомерия ордена по отношению к другим христианским лидерам, однако он умер от болезни в 1174 году. В 1175 году Папа Александр III стал критиковать орден за то, что он хоронил на своих территориях отлучённых от Церкви. В 1179 году на Третьем Латеранском соборе тамплиеров осудили за то, что они злоупотребляли привилегиями, данными им предыдущими Папами. Епископы потребовали возвращения всех только что приобретённых церковей и церковных десятин. Позже было решено, что их следует вернуть в течение 10 лет после проведения собора. Хотя эти требования не были удовлетворены, они отражали всплеск недовольства против ордена.

В 1174 году Саладин осадил Дамаск, но город был спасён благодаря европейцам. Тем не менее ничто не могло остановить распространение ислама. В 1177 году с 26 000-й армией Саладин напал на Аскалон. Здесь он потерпел своё самое ужасное поражение от объединённых сил тамплиеров и Балдуина IV при Монжизаре. Вскоре ему представилась возможность отомстить. В 1180 году он захватил замок Шатле около Брода Иакова. Замок был построен за год этого. Его возвели с целью преградить одну из крупнейших военных дорог Саладина. Первая атака на замок провалилась, но Саладин разбил христиан при Мезарате. Одон де Сент-Аман был взят в заложники и умер в тюрьме в Дамаске в 1181 году. Саладин отправил подрывников к Шатле, чтобы они взорвали фундамент замка. Когда стены рухнули, мусульманская армия

напала на христиан. В битве тамплиеры потеряли 80 рыцарей и 750 сержантов. Саладин взял в заложники 700 человек и разрушил замок до основания.

Смерть молодого сирийского правителя в 1182 году, в конечном счёте, позволила Саладину занять трон Дамаска. Таким образом, он смог объединить суннитов и принять титул «Султан ислама и мусульман». Крестоносцы столкнулись с объединёнными вражескими силами, во главе которых стоял единоличный властитель, чьей единственной целью было их уничтожение во имя Аллаха.

Разобщённость крестоносцев как нельзя лучше сыграла на руку Саладину. Например, когда он вторгся в Триполи, тамплиеры владели одним замком, а госпитальеры — другим. Ордена спорили о территории. Каждый был настолько озабочен защитой собственной земли, что при вторжении войск Саладина каждый из орденов остался в своём замке. Граф Триполи Раймунд не хотел идти на Саладина в одиночку. Таким образом, хотя три христианских армии находились в непосредственной близости, войска Саладина могли передвигаться по этой территории, не опасаясь их, сжигая урожай, угоняя скот, убивая жителей.

Одна скромная, если не жалкая, попытка европейцев объединиться произошла в 1184 году, когда Великие Магистры тамплиеров и госпитальеров сопровождали патриарха Иерусалимского с миссией в Италию, Францию, Англию, чтобы предупредить европейцев об угрозе, которую представлял собой Саладин, и попросить финансовой и военной помощи.

Однако новый кризис, вспыхнувший в связи с вопросом о престолонаследовании, мог поставить Святую Землю в ещё более сложное положение и привести к гражданской войне. Король Балдуин IV страдал от проказы. Когда он почувствовал, что силы его слабеют, то поручил править королевством и командовать армией мужу своей сестры Ги де Лузиньяну. Власть Лузиньяна поддержали тамплиеры вместе со своим Великим Магистром, Жераром де Ридфором, так же, как и другие крестоносцы. Другой лагерь встал на сторону кузена Балдуина, графа Триполи Раймунда. В 1185 году, после смерти Балдуина IV, которому было 24 года, Раймунда выбрали регентом при малолетнем племяннике и наследнике Балдуина, Балдуине V. Однако, когда наследный принц умер в возрасте 10 лет, Ги де Лузиньян сразу же захватил трон и провозгласил себя королём Иерусалима. Саладин смог извлечь как дипломатическую, так и военную выгоду из постоянных христианских междоусобиц. Например, византийский император заключил договор с Саладином в 1185 году, по которому он обещал не оказывать помощи европейцам. Граф Раймунд также пользовался поддержкой мусульман. Жерар де Ридфор ненавидел Раймунда. Де Ридфор попытался убедить короля Ги де Лузиньяна напасть на Раймунда и принудить его признать законность своего правления. В ответ Раймунд заключил союз с Саладином в 1187 году, по которому Саладин обещал сделать Раймунда королём всех европейцев^{[21][88]}. Хотя такой поступок мог выглядеть как предательство, по крайней мере, в глазах Ги де Лузиньяна, Раймунд не пытался скрыть свои действия.

Иерусалимский король послал к Раймунду послов, чтобы убедить его присоединиться к общему союзу против приближающейся атаки Саладина. Де Ридфор, один из послов Ги де Лузиньяна, изначально предполагал организовать вместо мирных переговоров военный поход на Раймунда. Однако другие члены посольства переубедили Ги де Лузиньяна. Когда к Раймунду прибыли послы, произошла ссора, которая вскоре обернулась трагедией. Действуя согласно договору, Раймунд гарантировал безопасный проход мусульманских разведывательных войск численностью в 7000 человек под предводительством сына Саладина ал-Афдаля. Данное разрешение было действительно в течение 24 часов. Близлежащие деревни были встревожены, но жителям было приказано спокойно оставаться в своих домах.

Когда в Триполи прибыли послы от Ги де Лузиньяна, Ридфор узнал о разведывательной миссии мусульман и приготовился напасть на армию ал-Афдаля. Он принял это решение

несмотря на то, что совместные силы христиан насчитывали 140 воинов, из которых 90 были тамплиерами. Возражения со стороны других руководителей, указывавших на рискованность и необдуманность этого предприятия, только укрепили Ридфора в его решении. Он настоял на своём плане, и 1 мая 1187 года тамплиеры потеряли 87 рыцарей, включая маршалов. Сам тяжело раненый Жерар спасся, а Великий Магистр госпитальеров был убит.

Эта катастрофа ещё больше усугубила взаимную ненависть, которую питали друг к другу Жерар и Раймунд. С другой стороны, Раймунд добровольно подчинился Ги де Лузиньяну, признавая катастрофические последствия своего союза с Саладином. Мусульмане были воодушевлены своей кровавой победой и готовились предпринять атаку против Иерусалимского королевства.

Решающая битва при Хаттине произошла чуть больше месяца спустя. (Равнина, на которой находится Хаттин, расположена примерно в 65 милях к северу от Иерусалима и в двадцати милях от Акры.) Саладин выставил армию в 12 000 рыцарей против армии Ги де Лузиньяна в 1200 рыцарей и около 15 000 пехотинцев и лёгкой кавалерии. Враждебность между Раймундом и Жераром снова обернулась для христиан катастрофой.

Жерар убедил Ги де Лузиньяна атаковать Саладина, несмотря на возражения со стороны Раймунда. Раймунд настаивал на том, что армия должна оставаться на месте, невзирая на то, что Тивериада — город, в цитадели которого укрылась его жена, была окружена мусульманами. Раймунд знал, что европейцы могут воспользоваться летней жарой, если они просто переждут Саладина и позволят его войскам ослабеть из-за тягостной погоды. Большинство из присутствующих согласилось с Раймундом. Однако Жерар активно выступал против этого. Он назвал Раймунда предателем из-за его нежелания порвать союз с Саладином несколько недель назад. Он высмеял отношение Раймунда к затруднительному положению его жены и назвал его трусом. Он заявил, что тамплиеры будут вынуждены снять свои котты и заложить свои вещи, если покроют себя позором, не отомстив Саладину за своё недавнее поражение. Ги де Лузиньян поддержал Жерара. Поэтому христианская армия оставила свой лагерь, расположенный в богатой водой долине, чтобы пересечь знойную пустыню. Армия Саладина расположилась на другом оазисе, рядом с Рогами Хаттина. 4 июля 1187 года христианская армия была уничтожена. Хотя тамплиеры отважно сражались, Саладин воспользовался слабостью стратегической позиции европейцев. Тысячи воинов были убиты, тысячи были взяты в плен. Мусульмане захватили королевскую палатку и Святой Крест. Около двухсот захваченных тамплиеров и госпитальеров были обезглавлены. Хотя в Средние века взятие в плен и выкуп заложников были нормальным явлением, Саладин сделал исключение для этих орденов из-за того, что они были воинственно настроены и представляли угрозу Исламу. Двести тридцать тамплиеров погибли при Хаттине: на поле боя или под топором палача. Жерар де Ридфор остался в живых, но был заключён под стражу вместе с королём Ги де Лузиньяном и группой баронов, в ожидании выкупа.

Вся Палестина оказалась без защиты во время христианской мобилизации и подготовки битвы при Хаттине: в Святой Земле осталось лишь несколько гарнизонов. В течение двух месяцев Саладин взял Акру, Наблус, Яффу, Торон, Сидон, Бейрут и Аскалон. Он осаждал Иерусалим в течение двенадцати дней, и 2 октября 1187 года город сдался мусульманам. Саладин приказал немедленно очистить город от ненавистных христиан. Он снял великий крест с Храма Гроба Господня. Крест два дня носили по улицам и били палками. Это стало прелюдией к очищению мечетей розовой водой и возвращению их к первоначальному состоянию. Тем не менее Саладин повёл себя как истинный рыцарь, освободив 20 000 мирных христиан, переживших осаду. 7000 были выкуплены на деньги военных орденов, остальные были просто освобождены. Местным христианам было позволено остаться в городе, госпитальерам

разрешили находиться в их Доме, где они могли лечить больных на протяжении года.

В течение следующего года продолжалось победоносное шествие Саладина. За два года Святая Земля стала исламской территорией, а военные ордена были уничтожены. Христианские земли ограничились несколькими городами и замками около Средиземного моря, включая Тир и Триполи, а также замок Бофор и другие замки, разбросанные по округе. Саладин позволил Боэмунду, прежнему правителю Антиохии, оставить за собой город и один замок.

Глава XVII

Третий крестовый поход

Поражение при Хаттине и последующая потеря территорий были показательным уроком для европейцев. Палестинские тамплиеры были разбиты, а их Великий Магистр оставался в плену у Саладина. Число храмовников резко уменьшилось. Тамплиеров перестали уважать, их гордость была уязвлена.

В Европе происходило следующее: Папа Григорий VIII отправил своих легатов к европейским королям, чтобы собрать Третий крестовый поход. Его призыв был встречен с энтузиазмом. Первым, кто выразил согласие, был Фридрих Барбаросса, который в 1189 году отправился в поход во главе 100 000 армии. Испытав немало тягот в пути, он утонул в Армении, а его армия распалась. Тем временем стали собираться в путь короли Филипп II Август Французский и Ричард I Английский.

В лето 1189 года многие знатные европейцы приехали в Святую Землю. Много людей теснилось в Тире, где они вступали в ссоры, разделившись на сторонников Ги де Лузиньяна, к каковым относились и тамплиеры, и тех, кто поддерживал Конрада Монферратского. Влияние Ги де Лузиньяна было ослаблено тем, что до этого он был в плену и поддерживал Ридфора. В июле 1188 года Лузиньяна выкупили у Саладина. В июле 1188 года влиятельный немецкий маркиз Конрад прибыл в Святую Землю, чтобы выполнить свою миссию крестоносца. Его внезапный приезд и воинская доблесть спасли Тир от мусульман. Большинство баронов города видели в нём настоящего руководителя. Он закрепил свои претензии на Иерусалимский престол, женившись на дочери Амальрика I Изабелле.

Между Конрадом и Ги де Лузиньяном, а также поддерживавшими последнего тамплиерами разразился конфликт. Вследствие этого Ги де Лузиньян и его союзники приняли решение атаковать Акру, которую контролировали мусульмане, чтобы завладеть надёжным оплотом, который со временем позволил бы Ги де Лузиньяну вернуть былое могущество. Саладин стал защищать Акру, на которую напали христиане, и отразил атаку. Среди тысячи погибших был и Жерар де Ридфор. Он только что смог выкупить себя с помощью продажи замка в Газе, который принадлежал тамплиерам. Стратегическая потеря этого «прохода» из Египта в Палестину могла показаться многим высокой ценой за жизнь Жерара.

Несмотря на проигранную битву, основные силы христиан смогли продолжить осаду Акры, которая длилась в течение двух лет. Тем временем в Святую Землю из Англии отправился король Ричард I, а из Франции Филипп Август. Они выбрали разные маршруты. По дороге Ричард I напал на Кипр и присвоил себе богатства острова, затем продолжил свой путь и 8 июня 1191 года пристал к берегу Акры. Незадолго до него прибыл Филипп Август. Совместными усилиями новые войска под командованием двух монархов и отряды, уже давно находившиеся на территории Святой Земли, взяли город. После генерального сражения Ричард I приказал убить всех пленников. На глазах у Саладина его люди убили 2700 мусульман. Мотивы, по которым Ричард I проявил столь нехарактерную для него жестокость, не понятны.

Филипп Август, по большому счёту не заинтересованный в крестовых походах, отправился в Европу через три недели после победы под Акрой. Король Ричард I остался. Его последующие действия на территории Святой Земли постепенно помогли восстановить репутацию тамплиеров и повысить их самооценку. Ричард I решил продать Кипр Роберту де Сабле, новому Великому Магистру ордена. Для тамплиеров это был печальный опыт. Храмовникам пришлось подавить вооружённое восстание, которое подняло местное население. Через год орден избавился от острова.

В сентябре 1191 года Ричард I, которому тамплиеры помогли выбрать правильную стратегию, нанёс поражение Саладину в Арсуфе. К успеху привела великолепно продуманная тактика. Таким образом, он доказал как христианам, так и мусульманам, что Саладина можно победить. Вскоре после этого сражения Ричард I, чтобы заключить союз с Саладином, попытался выдать замуж свою дочь за его брата ал-Адила. Он предложил, чтобы чета правила совместно и чтобы Саладин вернул часть собственности военным орденам. Саладин ответил отказом. Ричард I провёл целый год в ожесточённой борьбе с султаном. Европейская армия подошла к Иерусалиму, но вынуждена была повернуть назад, так и не возвратив город христианам. Мудрые тамплиеры, госпитальеры и местные бароны отговорили Ричарда I от завоевания изолированного города. Он понял, что невозможно будет защищать Иерусалим, если он и его армия вернутся в Европу. Вместо этого европейцы отстроили Аскалон, который стал преградой на пути армии Саладина из Египта, и это помогло возместить утерянную Газу.

Тем временем Ричард I постоянно получал известия из Англии о предательстве своего брата Иоанна, который воспользовался его отсутствием, чтобы захватить престол, и вынужден был готовиться к возвращению. Поэтому, готовясь к отъезду, Ричард I стал заниматься политическими вопросами, касающимися ситуации в Святой Земле. По мнению некоторых историков, вероятно, он договорился с ассасинами об убийстве Конрада Монферратского^[89]. Другие возможности рассматриваются во второй главе. Был ли причастен Ричард I к смерти Конрада или нет, но он устроил свадьбу своего племянника Генриха, графа Шампани, и вдовы Конрада Изабеллы сразу через несколько дней после смерти Конрада, таким образом, оказав поддержку Ги де Лузиньяну. Генрих также приходился племянником Филиппу Французскому, поэтому его кандидатура была идеальной для поддержания интереса европейцев к палестинским делам.

В сентябре 1192 года после нескольких битв Ричарду I удалось подписать с Саладином мирный договор сроком на пять лет. По договору города, находящиеся к югу от Яффы, переходили в руки христиан, и тем самым был открыт безопасный проход для пилигримов, идущих в Иерусалим. Тамплиеры продали Кипр Ги де Лузиньяну, под удобным предлогом отослав его из Святой Земли и одновременно избавившись от беспокойной территории. После двухлетнего похода Ричард I, переодевшись тамплиером, отправился в Англию в октябре 1192 года. Таким образом начался его трудный и полный приключений путь: перед тем, как вернуться в Англию, он был схвачен, заключён в плен и выкуплен немецким императором Генрихом VI.

В 1193 году умер Саладин, что было действительно радостным событием для крестоносцев. Исламский мир снова раздробился, надежды Саладина на то, что его собственная династия Айюбидов продолжит правление, не оправдались. В новом веке заморские европейцы по-прежнему владели территориями в Святой Земле и смогли восстановить свои силы, пока мусульмане и европейские христиане решали другие проблемы. Тамплиерам удалось возродиться благодаря контактам с легендарным королём Ричардом Львиное Сердце.

Глава XVIII

Четвёртый крестовый поход

Другой источник удачи тамплиеров — вступление на престол в 1198 году Папы Иннокентия III, сильного и влиятельного руководителя, правившего в течение 18 лет. Он проявил железную волю, чтобы сделать Церковь главой теократической феодальной иерархии, в рамках которой христианские короли по собственной воле подчинялись власти Папы. Иннокентий III активно защищал тамплиеров. Он напоминал епископам о привилегиях, дарованных храмовникам в прошлом: освобождении от налогов, финансовой и религиозной независимости. Однако Иннокентий III жёстко управлял и тамплиерами; в своём письме от 1207 года он укорял их в гордыне и жадности, а также в том, что они злоупотребляют получаемыми пожертвованиями. Он критиковал практику принятия в члены ордена и захоронения за деньги отлучённой от Церкви знати. Иннокентий III приказывал храмовникам провести внутреннюю реформу. Тамплиеры стали личной армией Папы, армией Христа, с помощью которой Папа мог осуществить собственную волю и достичь своих целей. Среди них были освобождение Иерусалима и уничтожение катаров в Европе.

В 1202 году он стал проповедовать Четвёртый крестовый поход, слава которого должна была сравняться со славой Первого. Египет был первой целью; Иннокентий III надеялся избежать того, что считал ошибками, допущенными во Втором крестовом походе, когда многочисленные армии столкнулись с языковыми барьерами, а борьба между заносчивыми королями обрекла усилия христиан на неудачу. Армию Четвёртого крестового похода возглавляли представители различных знатных родов, считавшихся преданными Иннокентию III. Ими руководил Бонифаций Монферратский, брат Конрада. Тамплиеры помогли деньгами европейцам, отправившимся на восток. Согласно плану, палестинские храмовники должны были встретить крестоносцев в Египте и объединиться с ними, собрав единую христианскую армию. Но этому не суждено было случиться.

Венецианские купцы должны были предоставить корабли, всё необходимое для перевозки и годовой запас провианта. Крестоносцы не знали, что венецианцы одновременно заключили торговое соглашение с египетским султаном, пообещав ему, что ни один европеец не ступит на территорию Египта. Венецианцы потребовали от крестоносцев платы за их услуги, которая превышала доступные средства всех вместе взятых руководителей 30-тысячной армии. Тогда дож предложил сделку: если крестоносцы захватят далматинский порт Задар и отдадут его венецианцам, то те, в свою очередь, простят им долг. Хотя Задар был христианским городом, крестоносцы согласились и через пять дней отдали город венецианцам. Иннокентий III был оскорблён пролитием христианской крови и отлучил от Церкви как Венецию, так и всю армию крестоносцев. Позже, поняв, что армия действовала не по своей воле, он снял с неё отлучение.

Затем дож Венеции Энрико Дандоло, который питал давнюю ненависть к Константинополю, предложил крестоносцам захватить столицу Византии. Они могли уничтожить византийскую ересь и объединить всё христианство под руководством Папы, одновременно отомстив Византии за предательство во Втором крестовом походе и воспользовавшись богатствами Константинополя, чтобы уплатить долг Венеции. Лидеры крестоносцев согласились и в 1204 году напали на Константинополь. Последовали массовые грабежи и мародёрство, неизбежно сопровождавшиеся пьянством, святотатством, убийствами и насилием. Тысячи жителей были убиты, мечта Иннокентия об объединённом христианстве была уничтожена. Четвёртый крестовый поход изжил сам себя, даже не достигнув Святой Земли. Созданное франками в результате Четвёртого крестового похода Латинское королевство через 60

лет снова попало в руки греков.

Многие одобрили открытие фронтов кампании в Византии и на Кипре, считая их новым полем деятельности для рыцарей. Теперь те, кто искал почестей, возможности разбогатеть и искупить грехи, сражаясь во славу Божью, но избегал трудностей путешествия в далёкую и чуждую по культуре Палестину, значительно облегчал своё бремя. В результате, с начала XIII века военные ордена оказывали Святой Земле только моральную поддержку.

Глава XIX

Катары и Альбигойский поход

Разочарование Иннокентия III действиями крестоносцев и его недовольство разграблением Константинополя могли способствовать тому, с каким пылом он стал преследовать следующую крупную военную цель — Альбигойский поход. Кровавая война против ереси, начавшаяся в 1209 году, длилась 20 лет и в итоге привела к возникновению инквизиции. Жертвами этого похода были катары, населявшие французскую провинцию Лангедок; их центр находился возле города Альби. Катары — секта христианских дуалистов, не признававших власть Папы и тем навлекших на себя вражду церковников. Во время Тёмных веков Европу мало интересовал вопрос ереси. Донатизм, арианство и другие доктрины, которые существовали раньше, в основном, были уничтожены. К VI веку материальные условия стали слишком тяжёлыми, чтобы концентрироваться на философии на протяжении следующих четырёх или пяти столетий. Однако в XI веке манихейство снова стало бороться с гегемонией римско-католической церкви.

Августин, богослов IV века, основавший первый христианский монашеский орден в 338 году, до перехода в католичество на протяжении девяти лет был приверженцем манихейства. Он первым обвинил манихеев в сексуальных извращениях. Члены секты, по его утверждению, использовали в обряде причастия человеческую сперму. В начале XI века распространился слух, что некие еретики заклинают демонов, произнося нараспев их имена, пока не ощутят присутствие злого духа. Затем они тушат свет и предаются ужасным оргиям. Во время такой оргии прах зачатого ребёнка перемешивался с человеческими экскрементами и съедался бесноватыми вместо причастия. Как утверждает Малькольм Ламберт, название «катары», которое часто возводят к греческому или латинскому слову «очищение», возможно, восходит к слову «кошка»^[90]. Враги катаров в XII веке полагали, что, исполняя свои обряды, катары целовали кошачий зад, ибо верили, что в этом обличии им является сам Люцифер. В конце XII в. катары также носили название *bougre* от *Boulgaria* («Болгария»), которая была известна как источник их ереси. Затем оно стало обозначать «содомит», откуда произошли слова *bigger* и *buggery* «мужеложец» и «содомия».

Уже в 1233 году Папа Григорий IX дал чёткое определение катарской ереси: понтифик издал буллу *Vox in Rama*. В ней он описал верования и обычаи катаров и обвинил их в поклонении Сатане. По утверждению Папы, катары верили в то, что Господь совершил ошибку, изгнав Люцифера с небес, что возврат Сатаны будет триумфальным шествием и что он вознаградит верных ему. Григорий IX описал обряд инициации, проводимый в секте: сначала перед новичком появляется ужасная жаба, затем приходит холодный бледный человек — с его поцелуем из сердца новоприбывшего исчезают все следы христианской веры. По окончании пиршества, устроенного в честь новичка, показывается чёрная кошка. Все присутствующие целуют её в задний проход. В конце концов свет гаснет: это сигнал к началу оргии с элементами гомосексуализма. Тяжесть обвинений, выдвинутых Григорием IX, может быть сопоставлена только с искренней верой в их подлинность и страданиями тех, кому они были предъявлены.

Безусловно, средневековые европейские дуалисты не были манихеями. То есть они не придерживались традиций, заложенных персом Мани в III веке н. э. В действительности еретические секты XI века существовали по отдельности и независимо друг от друга, хотя имели определённые сходные черты. Их основным общими свойствами являлись дуализм, антиклерикализм, аскетизм, идеализм, пренебрежение материальными благами, иконоборчество и отвращение, которое они испытывали к порочности духовных лиц. Впрочем, в отличие от катаров, у еретиков XI столетия не было единой идеологии. Первое письменное

свидетельство о существовании катаризма относится к середине XII века и принадлежит немцам. «Ересь — это идеология, в которой существуют вера и обряды, теоретически наднациональная, безличная, вневременная. Она отличается тем, что в основе её лежит доктрина той или иной харизматической личности. Эта идеология стоит за сообщениями о еретических сектах, записанных западными летописцами»^[91].

Катары были христианами-мистиками. По их мнению, основой духовного развития является непосредственное, личное переживание Господа. Они вели своё начало от болгарских дуалистов X в., богомилов, которые спорили с Византийской церковью. И те, и другие имели много общего с манихеями IV в. Катары были умеренными дуалистами; другими словами, они верили в то, что Бог сильнее Сатаны, что Всевышний позволил Люциферу создать мир и, в конце концов, разрушит все его творения. С другой стороны, легко представить, что радикальные дуалисты — те, кто считал зло равным добру по силе, — тяготели к почитанию Сатаны; в этом обвиняли многих умеренных дуалистов.

Согласно учению катаров, Сатана, или Люцифер, создал людей из глины, и Господь Ветхого Завета, на самом деле, является Сатаной, поэтому они отрицали Ветхий Завет. Катары верили, что человеческая душа — падший ангел, заключённый в телесную оболочку, а настоящая духовная оболочка остаётся на небесах. Через гнозис, или знание, душа может соединиться с телом. Без гнозиса душа обречена на вечное переселение из одного тела в другое, на постоянное вращение в бесконечном круге материального заключения.

Катары верили, что по сути своей материя — зло, искупление для неё невозможно. Первая женщина поддалась плотскому соблазну и потеряла душу. Половой акт — тяжчайший грех, поскольку через него сохраняется материальное зло. Катары отрицали существование Ада и Чистилища, так как считали само по себе заключение духа в человеческое тело достаточным наказанием. Они трактовали Иисуса как эманацию, или ангела, которого послал Господь из жалости к падшему человечеству, чтобы возвестить людям учение о спасении. Иисус не является ни Богом, ни человеком, он — часть Бога. Его тело было иллюзией, потому что чистый дух не стал бы соприкасаться с греховной плотью. Катары отрицали, что Христос страдал и был распят на кресте, являвшемся, по их мнению, символом зла. По этой причине крест следовало презирать, а не благоговеть перед ним. Они отвергали концепцию воскресения Христа. Катары считали, что в основе католической Церкви лежит поклонение Богу, который, на самом деле, являлся Сатаной. Они отказались от Мессы, считая её ритуальным поклонением плоти.

Избранные катары, *Совершенные*, следовали истинному учению Христа, т. е. стремились ослабить связь с материальным миром. Катары отвергали церковь вместе с её священноначалием. Новообращённые катары ходили по всей Европе в образе простых аскетов. Они соблюдали строгую вегетарианскую диету, усиленно постились и жили в бедности. Между женщинами и мужчинами было полное духовное равенство, хотя епископский сан могли получить только мужчины. Совершенный проводил церемонию, известную под названием *consolamentum* — крещение огнём и духом, великое крещение, обещанное в Новом Завете. Новый Завет клали на голову *верующего*, чтобы его душа преисполнилась божественным посланием. Тем временем Совершенный читал молитвы, обращённые к Святому Духу, а через его руки, возложенные на голову *верующему*, передавалось послание. Совершенный, проводивший церемонию, и простые катары, которые присутствовали на ней, обменивались «поцелуем мира»^[92].

Католическое крещение водой соответствовало более простому крещению Иоанна Крестителя, который говорил: «Я крещу вас водою, но идёт Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить Вас Духом Святым и огнём»^[93]. Тем

самым пророк утверждал, что крещение огнём превосходит крещение водой. По мнению катаров, католический обычай крестить детей был лишён смысла, поскольку они не могли сделать собственный выбор. Но что ещё хуже, таким образом порочная церковь устанавливала связь с Сатаной. Доктрина катаров основывалась только на их собственном прочтении Нового Завета. Они возводили своё происхождение к восточным церквям, которые упоминались в Деяниях святых апостолов и в Апокалипсисе.

Совершенные принимали участие в ежемесячном обряде коллективной исповеди, известной под названием *apparellamentum*, которой руководили священники или епископы альбигойцев, специально для этого объезжавшие территории, где проживали катары. Церемония давала Совершенным духовное обновление и очищение, а также предоставляла священникам катаров возможность собрать информацию о состоянии различных территорий. Епископ катаров нёс ответственность за правильное обучение Совершенного миссионерской деятельности и литургии.

Члены секты, не решавшиеся принять суровый образ жизни, который вели Совершенные, или «хорошие люди», оказывали им материальную поддержку. Обыкновенные катары ценили Совершенных очень высоко, так же как и католики своих святых. Ритуал *Medioramentum* — обряд, который совершали обычные катары. Он выражал духовное благоговение перед «хорошими людьми». Согласно учению катаров, тот, кто не желал принять обет Совершенного, находился в рабстве у Сатаны. Таким образом, если молитвы читались не «хорошим человеком», они были тщетными.

Многие катары принимали *consolamentum* на смертном одре, тем самым избегая опасности нарушить обет. В конце XIV века, когда катаризм был почти полностью уничтожен, широкое распространение получила практика *endura*. Она подразумевала голодную смерть. К ней прибегали те, кто решился действовать согласно строгим требованиям катаризма, при этом не желая, чтобы власти поймали его и принудили отказаться от веры.

До того, как начались преследования катаров, секта без труда распространила своё влияние на территории Германии, юге Франции и севере Италии. Присутствие мусульман в Лангедоке в первой половине VIII века может объяснять веротерпимость местного населения и свободу сексуальных нравов. Соседи воспринимали простых и набожных катаров как людей, которыми двигали только духовные интересы. Их кроткая вера не нуждалась ни в десятине, ни в политической власти. Они не испытывали потребности в церквях. Очевидное духовное превосходство катаров представляло собой непосредственную угрозу католической Церкви. От 10 до 12% жителей Альби оказывали поддержку еретикам^[94]. Часть знатных семей Лангедока способствовала распространению влияния секты среди своих подданных: они либо активно поддерживали проповедническую деятельность катаров, либо потакали распространению ереси.

Определённые взгляды мешали росту секты. Катары отрицали брак как орудие Сатаны. Они испытывали столь сильное чувство неприязни к плотскому влечению, что иногда смеялись над беременными женщинами, говоря, что те носят в себе демонов. Также они утверждали, что женщины, умершие беременными, не могут спастись. Катары отказывались от приёма в пищу продуктов, полученных в результате полового акта, исключением являлась рыба, которая, по их мнению, была бесполой. Совершенные жили в суровом безбрачии. В конечном счёте, антисексуальные, антисемейные доктрины катаров способствовали упадку секты, поскольку они препятствовали её естественному пополнению. Ещё один догмат, мешавший росту секты — упорное отрицание материализма. Катаризм предоставлял скудную помощь бедным, которых мало привлекало движение, остававшееся безразличным к улучшению их материального положения или социального статуса. Наконец, в том, как вели себя катары во время гонения, был оттенок лицемерия. Суровый обет, запрещавший Совершенным проливать кровь, вынудил их

к тому, что, когда на них напали враги, «хорошие люди» стали полагаться на защиту *верующих*, которые «теоретически» были менее чистыми.

Со времён проповеди св. Бернара в Лангедоке в 1145 году (он также подозревал катаров в распущенности) Церковь стала предпринимать всё больше попыток побороть ересь: спорадически происходили хорошо организованные поджоги, которые инициировали местные священники, епископы и настороженная часть населения города. Горожан постоянно пугали союзами с нечистой силой, с которой якобы общаются катары. В 1206 году два кастильских священника, епископ Диего де Асеведа, родом из Осмы, и его субприор Доминик де Гусман, согласились прочитать цикл проповедей о простоте и бедности. Эта кампания напоминала странствия святых апостолов в I и II веках нашей эры. Священники путешествовали по всей Франции и спорили с еретиками. В 1207 году Диего де Асеведа вернулся Испанию, а Доминик де Гусман продолжил свои труды и впоследствии основал доминиканский орден.

Убийство папского легата, совершённое в 1208 году по приказу сторонника катаров графа Раймунда VI Тулузского, до такой степени разозлило Иннокентия III, что он организовал поход против альбигойцев и предложил индульгенции всем тем, кто проведёт в нём хотя бы 40 дней. Такой крестовый поход был очень заманчивым предложением, особенно в сравнении с суровыми условиями службы в Святой Земле. Путешествие не требовало особых усилий. 40 дней были достаточно скромной повинностью за то, чтобы получить искупление грехов. Убийство незащищённых еретиков казалось гораздо безопаснее, чем война с арабами. Лангедок был знаменит огромными богатствами, и, в конце концов, Папа дал разрешение на захват собственности тех владельцев, которые поддерживали и защищали еретиков.

Политическое напряжение особенно сказывалось на территории Южной Франции. Оно было вызвано уменьшением власти знатных феодалов и соответствующим ростом власти короля из династии Капетингов. Ситуация осложнялась амбициями местного духовенства и Папы. Нападение на Лангедок с севера лишило власти местную южную знать и открыло путь для распространения власти Капетингов в этом прежде независимом регионе.

Последовала активная военная агрессия. Она длилась на протяжении двадцати лет и превратилась в инквизицию, официально основанную в 1233 году. «Невозможно слишком часто говорить о том, что альбигойский крестовый поход не уничтожил ересь. Они убили нескольких Совершенных, уничтожили нескольких защитников катаров и, таким образом, подготовили действительно эффективное средство гонения на еретиков — инквизицию»^[95]. Григорий IX подписал доминиканцам разрешение на преследование ереси. Он дал им полную власть судить еретиков, предоставил им работу в особых епархиях на юге Франции и назначил в помощь специального папского легата, ответственного за борьбу с ересью.

Считалось, что с ересью можно бороться только одним способом — убивать еретиков. Со смертью человека исчезал и демон, сидящий внутри него. Только так можно было защитить большую часть христиан от немногих служителей дьявола. Всё более тесный союз между церковью и государством напоминал ситуацию, сложившуюся во времена римских гонений на христиан. Клевета сразу же стала удобным и эффективным средством борьбы с врагами. На юге Франции свирепствовали костры инквизиций и сверкали мечи нетерпимых борцов с ересью: более сотни лет они были направлены против катаров. В 1244 году, во время новой военной кампании, на горе Монсегюр пала последняя община катаров. К 1325 году катаризм был полностью уничтожен как особая религиозная форма^[22].

Участие в альбигойских походах было одним из самых постыдных дел тамплиеров. Оно стало костюмированной репетицией их собственного уничтожения. Несмотря на то, что разумные основания можно подыскать всему чему угодно, но ведь в Лангедоке тамплиеры истребляли христиан. И хотя они действовали по приказанию Иннокентия III, их поведение

в корне противоречило принципам, на которых был основан орден. Этот средневековый погром исчерпывающе характеризуется легендарным ответом папского легата Арнольда Амори на вопрос, как отличить катаров от католиков: «Убивайте всех, Господь своих узнает». Хотя литературное происхождение этого утверждения оспаривается многими историками, образованный Амори мог цитировать два места из Библии: первое — послание Павла к Тимофею: «Завтра покажет Господь, кто Его, и кто свят, чтобы приблизить его к Себе; и кого он изберёт, того и приблизит к Себе». Здесь Павел цитирует слова Моисея, сказанные накануне битвы ^[96].

Глава XX

Пятый крестовый поход

После Иннокентия III на папский престол взошёл Гонорий III, который продолжал активно поддерживать тамплиеров на протяжении следующих одиннадцати лет. События, происходившие в Святой Земле, предоставляли храмовникам многочисленные возможности для дипломатических манёвров, с помощью которых орден смог восстановиться, укрепить свою власть и заключить выгодные союзы. Тамплиеры отстаивали свои интересы и превратили оставшиеся земельные участки в отдельные феодальные общины. Храмовники стали укреплять свои замки с расчётом на то, что в них можно будет продержаться во время осады. Также они учили искусство, с которым Саладин и его воины подрывали крепостные стены. Замок Паломника в Атлите, между Яффой и Хайфой, представлял собой последнюю модель средневековых замков. Строительство началось в 1217 году, когда Великим Магистром ордена был Гийом Шартрский. Замок был построен на мысе, с трёх сторон его окружало море, он мог сдерживать неограниченное количество врагов, которые никак не могли его захватить^[23].

Пятый крестовый поход начался в 1217 году. В нём принял участие беспорядочно организованный экспедиционный корпус, в который вошли добровольцы — выходцы из разных земель: Кипра, Венгрии, Италии, Франции, Англии, Голландии и Австрии. Крестоносцы попытались захватить египетский город Дамьетту, надеясь, что эта стратегическая победа над султаном из династии Айюбидов ал-Камилем поможет им успешно продолжить движение на Иерусалим. Главным командующим армией крестоносцев был папский легат испанский кардинал Пелагий. Его неумелое руководство привело к тому, что крестоносцы фактически сделали всё, чтобы потерпеть поражение. Пелагий и Папа Гонорий III воспринимали Мухаммеда так же, как и недавно почивший Папа Иннокентий III. Он полагал, что Мухаммед — Великий Зверь, о котором идёт речь в Откровении, чья империя распадётся сама собой. Именно поэтому Пелагий отказался следовать советам тамплиеров, госпитальеров и других опытных военачальников, оставшись во власти религиозных предрассудков.

Франциск Ассизский посетил ал-Камиля в Каире во время осады Дамьетты. Через Франциска султан предложил христианам заключить перемирие. Если бы крестоносцы покинули Египет, он вернул бы им Святой Крест (который Саладин захватил при Хаттине) и отдал территорию, прилегающую к Галилее, и всю центральную Палестину, включая Иерусалим. Пелагий отказался, полагая, что грешно вести переговоры с неверными. Более мудрые полководцы знали, что Иерусалим будет лишён защиты, поскольку султан настаивал на том, чтобы оставить за собой два стратегически важных замка. Мусульмане могли бы использовать их в будущем, если бы захотели напасть на христиан. Военачальники также сделали вывод, что, возможно, султан слабее, чем они полагали, раз он решил предложить столь выгодные условия. С новым воодушевлением они атаковали Дамьетту, и в ноябре 1219 года город пал. И в тот момент они узнали, что в городе свирепствует чума.

Великий Магистр тамплиеров Гийом Шартрский получил ранения, повлёкшие за собой осложнения, от которых он умер летом того же года. Его сменил Пьер де Монтегю, чьё руководство вновь вселило в тамплиеров боевой дух и уверенность. Тем временем ко всё нараставшему недовольству остальных руководителей Пелагий продолжал держать армию в двадцати милях от Дамьетты на протяжении двух лет. Поскольку тамплиеры были связаны обетом верности Папе, им запрещалось поступать вопреки воле его прямого наместника, каким бы некомпетентным тот ни был.

В конце концов, возможно, под давлением мнения военачальников и нетерпеливости

объединённых сил христиан в июле 1221 года. Пелагий приказал напасть на Каир с армией в 600 кораблей и почти 50 000 солдат. Он не мог выбрать более неудачного момента, поскольку наступило время разлива Нила. После двенадцатидневного похода европейская армия достигла равнины. Отсюда она могла видеть мусульман, которые незаметно окружили её во время похода. Европейцы попытались вернуться, но в это время поднялся Нил, грозивший им гибелью. Пятый крестовый поход окончился полным поражением. В то же время ал-Камиль милостиво предложил вернуть им Святой Крест в знак перемирия и окончания Пятого крестового похода. Крест так мало значил для мусульман, что они потеряли его. Султан предпринял поиски, но Крест так и не был найден^{24}.

Глава XXI

Шестой крестовый поход и битва при Ла-Форби

Предводителем Шестого крестового похода, начавшегося в 1228 году, был Фридрих II. Это был интересный, неординарный человек: он бегло говорил на шести языках, включая арабский. Мусульмане любили и уважали его по следующим причинам: Фридрих II с удовольствием на протяжении долгого времени поддерживал дружеские отношения с семьями разных исламских султанов, в Сицилии у него был гарем, кроме того, он изучал арабскую философию и математику. Его мало интересовало христианство, хотя в детстве он был учеником Гонория III. Тот на протяжении всей своей жизни был привязан к Фридриху II, несмотря на разницу характеров. Современники называли Фридриха II *Stupor Mundi*, что в переводе значит «Чудо мира». Когда в 1215 году Иннокентий III короновал Фридриха на немецкий престол, тот сразу же изъявил желание отправиться в крестовый поход. Похоже, он дал своё согласие, чтобы заручиться поддержкой Папы и укрепить свою власть в Ломбардии. В 1220 году Папа Гонорий III короновал его императором Священной Римской империи, но Фридрих так и не отправился в крестовый поход. В 1225 году он женился на дочери и наследнице короля Иерусалимского Иоанна де Бриенна. Иоанн надеялся, что этот брак будет способствовать тому, что Фридрих II немедленно отправится в Святую Землю, но тот всё ещё медлил.

В 1227 году Папа Гонорий III умер; ему наследовал Григорий IX, который приказал Фридриху немедленно выполнить своё обещание и выступить в Иерусалим. Фридрих II подчинился, но быстро вернулся, ссылаясь на нездоровье, Григорий не поверил ему и отлучил от Церкви по двум причинам. Первой из них было его скорое возвращение, второй — военные действия против тамплиеров и других верных Риму католиков, которые немецкий король успел предпринять во время своего короткого путешествия.

Фридрих II снова отправился в путь в 1228 году, но на этот раз его положение было крайне абсурдным: отлучённый от Церкви король возглавил крестовый поход, а тем временем на Сицилию двигалась армия, которую против него отправил Папа. Сначала госпитальеры и тамплиеры с энтузиазмом встретили желание Фридриха II отправиться на два года в Святую Землю и принять участие в сражениях. Однако вскоре после его прибытия в Акру пришло письмо от Папы. В нём тамплиерам приказывалось не принимать участие в крестовом походе, который возглавлял Фридрих II, поскольку тот был отлучён от Церкви. Вскоре Папа отправил второе письмо тамплиерам, в котором говорилось, что он только что отлучил Фридриха II от Церкви во второй раз из-за того, что тот отправился в крестовый поход.

Хотя тамплиеры были связаны присягой Папе, они понимали, что любые изменения, которые может внести Фридрих II в соотношение власти между европейцами и мусульманами в Святой Земле, будут иметь огромные последствия. Поэтому они хотели знать обо всех его передвижениях и войти в долю в случае любых военных или территориальных завоеваний. Таким образом, тамплиеры пришли к компромиссу: они отправятся вместе с Фридрихом, но выйдут на день позже него — следовательно, их нельзя будет обвинить в том, что они шли рядом с ним. Затем они присоединятся к королю. По условиям этого соглашения, приказы Фридриха II отдавались именем Господа, а не его собственным именем, именем отлучённого императора.

В феврале 1229 года Фридрих II заключил с ал-Камилем договор на десять лет, по которому последний возвращал Иерусалим и территории, открывавшие путь к Средиземному морю. В дополнение султан обещал вернуть Назарет, западную часть Галилеи, а также земли, находящиеся рядом с Сидоном и Вифлеемом. В марте 1229 года Фридрих II самовольно принял титул короля Иерусалима. На следующий день архиепископ Цезареи отлучил от Церкви всё

население города за то, что оно укрывало отлучённого императора.

Хотя Фридрих II заключил договор от имени всех европейцев, он не имел на это права. Тамплиеры были разгневаны тем, что место их исконного Дома останется в руках мусульман. Также по соглашению военным орденам запрещалось укреплять свои самые важные замки. Тем самым «подрывалась» идейная основа военных орденов, поскольку смыслом их существования была Священная война против неверных. Отношения между Фридрихом II и тамплиерами были настолько напряжёнными, что, пробыв в Иерусалиме два дня, он покинул город, испугавшись за свою жизнь.

Условия договора сделали Иерусалим стратегически уязвимым пунктом. Те, кто не мог столь искусно, как Фридрих II, вести с мусульманами дипломатическую игру, в особенности понимали, в каком опасном положении находится город. Тамплиеры вместе с патриархом Иерусалима составили план вернуть Иерусалим Папе. Хотя они только обдумывали эти замыслы и вскоре от них отказались, Фридрих II узнал об их намерениях. Он обвинил тамплиеров в предательстве и выслал их из Акры. Императору удалось отчасти сбить спесь с храмовников. Он оказал помощь только что прибывшему Тевтонскому ордену, который был создан по образцу ордена Храма в 1198 году.

Тем временем Папа предпринял поход против Фридриха II в Италии. Тамплиеры попытались настроить против Фридриха II султана ал-Камиля. Раздражённый Фридрих II напал на Акру и попытался захватить Замок Паломника в Атлите. Крепость была хорошо укреплена и смогла выдержать нападение. 1 мая 1229 года необходимость защищать своё королевство от Папы вынудила Фридриха II вернуться в Европу. Фридрих II продолжил войну с военными орденами на Сицилии. Он отобрал собственность тамплиеров и госпитальеров и смог вернуть территорию, которая была утеряна во время его отсутствия.

Положение тамплиеров в Святой Земле улучшилось во время десятилетнего мира, который заключил Фридрих II. Ордену продолжали дарить замки и земли. В Европе храмовникам удалось пополнить свои финансовые ресурсы и набрать новых членов, что позволило им отстаивать свои интересы и интересы Латинского королевства в Сирии. Они снова стали перевозить пилигримов и купцов в Святую Землю и охранять их во время пути. Крупные военные действия между европейцами и мусульманами сменились стычками. В 1239 году перемирие закончилось, а Иерусалим, как и предполагали тамплиеры, отошёл к мусульманам.

Различные союзы, заключённые после битвы при Хаттине, значительно помогли европейцам восстановить свои силы, но в то же время внутренние разногласия между христианами мешали им укрепить свою позицию в Святой Земле. Тамплиеров повсюду обвиняли в злоупотреблении властью, потере замков и городов, а также спаде интенсивности торговли из-за того, что храмовники враждовали с другими военными орденами и итальянскими торговыми гильдиями. Жестокие конфронтации между военными орденами увеличивали конкуренцию, разжигали зависть и зачастую оборачивались кровопролитием.

В 1240 году тамплиеры и султан Дамаска из династии Айюбидов провели переговоры. В результате этих переговоров храмовники получили замок Сафет в Галилее, а Дамаск заручился поддержкой тамплиеров против своего врага, султана Каира из династии Айюбидов. Сафет был стратегически важным приобретением, поэтому госпитальеры прониклись завистью к тамплиерам. Объединившись с зятем Фридриха II Ричардом Корнуэльским, госпитальеры заключили союз с султаном Каира. Несмотря на то, что по этому соглашению к европейцам отходил Иерусалим, оно противоречило интересам тамплиеров. Позже в том же году в Акре вспыхнула вражда между храмовниками и тевтонскими рыцарями. Она обострилась настолько, что тамплиеры сожгли церковь, принадлежащую противникам. В 1242 году «война на словах» между храмовниками и госпитальерами перешла в уличные схватки, которые происходили

на всей территории Святой Земли. Тамплиеры даже осадили крепость госпитальеров в Акре.

К различным столкновениям, происходившим между военными орденами, добавился конфликт между различными политическими группировками. Интересы Папы и интересы династии Капетингов всегда шли вразрез с интересами немецкой династии Гогенштауфенов. Другой причиной разногласий были палестинские бароны, жившие на Востоке на протяжении полутора веков и считавшие себя единственными полноправными владельцами этих земель. Наконец, венецианские, генуэзские, пизанские и барселонские купцы соперничали друг с другом и часто присоединялись к враждующим политическим и военным группировкам.

Представители династии Айюбидов, правившие в Египте и Сирии, вели друг с другом междоусобную войну, а мелкие султанаты вступали в различные союзы с более крупными султанатами. Очень часто враждующие мусульманские группировки предлагали европейцам заключить мирные договоры. В дальнейшем это привело к обострению конфликтов между уже разобщёнными христианами. Григорий IX готовился собрать новый крестовый поход. На его призыв откликнулись некоторые знатные европейцы, например, Тибо Шампанский. В Святую Землю отправились разведывательные экспедиции. Прибывшие европейцы оказались в такой сложной ситуации, что были опровергнуты все их предположения о том, что речь идёт только о конфликте между христианами и неверными.

Затем появились тюрки-хорезмийцы. Великий Чингисхан раздвинул границы своей империи на запад, сея страх и ужас на завоёванных землях. Армии хана удалось выгнать из Хорезма тюрков, которые превратились в кочующую шайку разбойников, ищущую наживы. Султан Каира нанял их для штурма Иерусалима, и они захватили город в 1244 году, оставив жизнь и имущество лишь трём сотням жителей. Тюрки представляли собой серьёзную угрозу, и, чтобы её устранить, тамплиеры и госпитальеры оставили в стороне свои разногласия. Они объединились с баронами и создали единую европейскую армию, к которой присоединился султан Дамаска.

17 октября 1244 года тюрки и армия султана Каира столкнулись с объединёнными силами тамплиеров, госпитальеров, палестинских баронов и армией султана Дамаска. Сражение произошло рядом с Ла-Форби, недалеко от Газы. Христианско-дамасская армия понесла многочисленные потери. Великий магистр Арман Перигорский был ослеплён и взят в плен. Всё, чего удалось добиться христианам после битвы при Хаттине, было потеряно. В это время в Европе Фридрих II обвинил тамплиеров в том, что они не поддержали его союз с египтянами. Он выдвинул против них обвинение в предательстве из-за того, что они поддерживали Дамаск. Фридрих II гневно заявил, что тамплиеры встречали сыновей султанов с великой роскошью и позволяли посещавшим их мусульманам возносить нечестивые молитвы Мухаммеду на территории храма. Он явно лицемерил, поскольку сам поддерживал дружбу со многими мусульманами.

Последний крупный крестовый поход был предпринят под предводительством французского короля Людовика IX. Это произошло после поражения под Ла-Форби. Людовик IX родился в 1214 году на юге Франции. Он был очень набожным человеком и был причислен к лику святых через 27 лет после смерти. Людовик IX придал крестовым походам духовный подъём, напоминая тот, который испытывали участники Первого крестового похода. В настроении первых крестоносцев не было ни цинизма, ни разочарования, появившихся после поражения. Тогда не было ни дипломатических интриг, ни финансовой брешки, появившихся позже. Энтузиазм, искренность, благочестие Людовика IX позволили ему собрать войско, несмотря на скептическое отношение европейцев к крестовым походам. Тамплиеры оказали королю финансовую поддержку и взяли на себя решение материальных и технических вопросов крестового похода. Рено де Вишье, магистр ордена тамплиеров во Франции, был другом короля. Людовик IX и Рено де Вишье отправились в путь в августе 1248 года и в сентябре прибыли на Кипр.

К ним присоединился Великий Магистр Гийом де Соннак и отряд рыцарей, плывший из Акры. Эмир, представлявший интересы египетского султана, обратился к Гийому де Соннаку с предложением заключить мирный договор. Узнав об этом, Людовик IX запретил тамплиерам продолжать переговоры, как в своё время поступил его предшественник Пелагий. Король полагал, что вступать в переговоры с неверными недостойно христиан. План Седьмого крестового похода напоминал план Пятого: предполагалось сначала высадиться в Дамьетте, затем захватить Каир, а потом двинуться на Палестину. Сильный ветер разметал христианский флот, вследствие чего некоторые галеры были отброшены к берегу Акры. 5 июня 1249 года Людовик IX и 700 рыцарей высадились в Дамьетте. К счастью для короля, болезнь султана и жёсткость приближающихся крестоносцев напугали жителей, и они сдали город небольшой христианской армии.

Так же, как и Пелагий, Людовик настоял на том, чтобы остановиться в Дамьетте. Он хотел переждать половодье Нила, прежде чем идти на Каир. Гийом де Соннак рекомендовал атаковать Александрию, а затем продолжить поход. Король настоял на своём. После нескольких месяцев ожидания, в глубоком ноябре, христианская армия продолжила медленное наступление на Каир. По пути на них постоянно нападали летучие отряды мусульманской конницы. Людовик IX запретил вступать в сражения с ними. Во время одного из набегов раздражённый Гийом де Соннак нарушил приказ короля и перешёл в контратаку. 600 мусульман были убиты, это вселило в христиан уверенность, и они стали быстрее продвигаться вперёд.

В декабре армия подошла к каналу, который отделял её от Мансуры, места, где потерпело окончательное поражение войско пятого крестового похода. По другую сторону канала находились армии двух исламских военачальников: Факреддина, с которым Фридрих II дружил двадцать лет тому назад, и полководца мамлюков — Бейбарса, имя которого упоминалось во второй части. Мусульмане продержали там крестоносцев до наступления нового 1250 года, когда части христианской армии удалось перейти канал вброд и атаковать мусульманский лагерь на рассвете. Факреддин выпрыгнул обнажённым из своей ванны, и его тут же убили. Крестоносцы продолжали двигаться к Мансуре, где Бейбарс устроил им западню: его солдаты спрятались в стенах города; не подозревая об этом, христиане стремительно пронеслись через ворота, мусульмане выскочили из засады, напали на них и убили почти всех. Из 290 тамплиеров выжили только пять. Вместе с тремястами светскими рыцарями погиб и брат короля, граф

Роберт д'Артуа, знаменитый своим вспыльчивым нравом. Тем временем остаток армии пересёк реку и тоже подвергся нападению египтян. Христиане понесли многочисленные потери, среди погибших был и Гийом де Соннак, который потерял зрение и вскоре умер от ран.

Людовик IX надеялся, что после смерти султана в Египте произойдёт мятеж, но этого не случилось. В апреле королю пришлось вступить в переговоры, чтобы спасти свою армию, но его предложение было отвергнуто, и христианские войска начали отступление. Мусульманская армия стала преследовать отступающих, и европейцы потеряли тысячи человек. Людовик IX был взят в плен. Его смелость и честность так потрясли Айюбидов, что они согласились отпустить короля при условии, что он заплатит за себя выкуп так быстро, как только сможет.

Однако 2 мая 1250 года охранник-мамлюк убил нового султана из династии Айюбидов. Мамлюки играли значительную роль в египетской армии начиная с XII века, они участвовали во всех военных кампаниях Саладина. И они же были повинны в гибели его династии. Мамлюки поспешили защитить своего правителя в Египте от христиан, которые могли попытаться спасти короля. Новый султан мамлюков, Айбег, согласился выполнить договор и освободить Людовика IX. Европейцы окружили Дамьетту, и 6 мая короля отпустили. Один из его братьев остался в заложниках до тех пор, пока Людовик IX не соберёт выкуп.

Послы короля обратились к командору тамплиеров за деньгами, поскольку у Людовика IX не было нужной суммы. Командор отказался, говоря, что деньги, оставленные на хранение тамплиерам могут быть возвращены только их настоящим хозяевам. Однако друг Людовика IX Рено де Вишье, только что назначенный маршалом ордена, сказал, что в данных обстоятельствах французы могут взять деньги силой, не оставляя тамплиерам выбора. Посол короля поссорился с командором, забрался на борт и стал угрожать, что вскрыет сейф топором. Рено де Вишье немедленно отдал ему ключ от сейфа, в котором были деньги, необходимые для выкупа.

Де Вишье стал новым Великим Магистром. Людовик IX остановился в замке Атлит. Хорошие отношения, установившиеся между королём и военными орденами, пошли на пользу европейцам. В Акру прибыла делегация ассасинов, чтобы потребовать от короля плату за спокойное пребывание в Святой Земле. Три исмаилита несли обнажённые кинжалы, а четвёртый держал саван. Шествие было явно рассчитано с целью запугать короля. Ассасины заявили Людовику IX, что все правители европейских государств, которые так или иначе причастны к делам Святой Земли, включая немецкого императора и короля Венгрии, платили им деньги, так же как и султан Каира. Они добавили, что, если Людовик IX предпочёл бы не платить, они бы согласились на отмену дани, которую они выплачивают тамплиерам и госпитальерам.

Людовик IX назначил им вторую встречу, чтобы обдумать предложение. На ней он появился в сопровождении Великих Магистров тамплиеров и госпитальеров Рено де Вишье и Гийома де Шатонефа. Оба Великих Магистра были неумолимы по отношению к ассасинам и потребовали третью личную встречу. На следующий день они заявили посланникам ассасинов, что была задета честь короля, и что им повезло, что их не выбросили в море. Послы вернулись к своему предводителю. В ответ Старец Горы послал Людовику IX подарки, самым важным из них была его рубашка. Так как рубашку носили на голое тело, она символизировала дружеское отношение к новому союзнику. Он также отправил королю золотое кольцо, на котором было выгравировано имя Старца Горы. Подаренный набор красивого хрустала был украшен таким количеством янтаря, что его запах заполнил комнату. В свою очередь, Людовик IX тоже отправил ему подарки вместе с христианским посольством, члены которого говорили по-арабски и вели с правителем Сирии серьёзные беседы о Библии. Таким образом, ассасины заключили с королём Людовиком IX соглашение о ненападении.

В 1251 году в городе Атлит королева родила ребенка. Рено де Вишье стал его крестным,

несмотря на то, что это было запрещено Уставом ордена. Однако в 1252 году между Людовиком IX и тамплиерами возник конфликт, вследствие которого король публично оскорбил своих друзей. Воюющие между собой мусульманские султаны Каира и Дамаска отправили послов, чтобы попросить помощи у европейцев в борьбе друг с другом. Рено де Вишье предоставил Людовику IX подписанный договор, который обычно заключали тамплиеры с правителем Дамаска. Храмовники ждали только одобрения короля. Людовик IX был в ярости, поскольку усмотрел в этом узурпацию собственной власти. Хотя король свыкся с положением в Святой Земле, с тем, что с неверными заключаются союзы, он поддерживал Каир. Людовик IX надеялся, что таким образом он сможет освободить остатки своих войск, до сих пор находившихся в плену у мусульман. В гневе король потребовал, чтобы собрались все тамплиеры. Затем король приказал храмовникам разуться и стоять босоногими, пока Рено де Вишье громко объявлял дамасским послам, что заключил договор без королевского разрешения, и поэтому он считается недействительным. После Магистр и тамплиеры преклонили колени перед королем, прося у него прощения, и отдали ему владения ордена. Маршал ордена, фактически заключивший договор, был выслан из Святой Земли.

В 1254 году Людовик покинул Святую Землю. Вскоре после этого разразилась кровопролитная гражданская война между генуэзскими и венецианскими купцами. Она произошла в Акре, которая заменила Иерусалим как центр управления военных орденов после того, как Саладин захватил Святой Град в конце XII века. Во время конфликта тамплиеры объединились с тевтонскими рыцарями, венецианскими и пизанскими купцами против госпитальеров и купцов из Генуи и Барселоны. Столкновение повлекло за собой смерть 20 000 христиан, погибших в период с 1256 по 1260 годы^[97].

В это время происходили и нападения монголов, армию которых возглавлял Хулагу. Об этом уже упоминалось в восьмой главе второй части. Монголы угрожали тамплиерам и госпитальерам в 1255 году. В 1258 году Хулагу взял Багдад; в 1260 году пал Алеппо, а вскоре и Дамаск. Тамплиеры, госпитальеры и тевтоны отправили в Европу послов с тем, чтобы собрать военную и финансовую помощь. Монгольская жестокость вызвала беспокойство во всей Европе. Но дальнейшие события покажут, что на орден надвигалась более серьёзная угроза. В сентябре 1260 года великий вождь мамлюков Бейбарс нанёс поражение монголам недалеко от Назарета.

В октябре 1260 года полководец Бейбарс убил своего султана и захватил трон. Правивший Египтом до самой своей смерти в 1277 году. Бейбарс был смелым, жестоким, беспринципным и очень талантливым полководцем, который принёс мусульманам главные победы, в том числе над монголами, христианами, ассассинами. В итоге, в Империю мамлюков вошли Египет, Палестина, Сирия и прилегающие к ним территории. В 1265 году Бейбарс напал на европейскую территорию Святой Земли. Он взял Цезарею, Хайфу и Арсуф. В 1266 году Бейбарс захватил Сафет, который за последние 25 лет превратился во фьеф. В него входили 160 деревень с населением в 10 000 крестьян^[98]. «Когда Бейбарс захватил замок и гарнизон, состоявший из тамплиеров, он дал храмовникам ночь, чтобы они решили перейти в ислам или умереть. Тамплиеры все до одного выбрали смерть, но отказались предать крест»^[99]. В 1268 году Бейбарс взял Бофор, Антиохию, Яффу, Банью и Багру, первый замок тамплиеров в Палестине. В 1271 году пал Белый Замок.

Глава XXIII

Восьмой крестовый поход и последнее поражение

В отчаянии Папа Климент IV стал снова просить помощи у всех европейских королей. Король Людовик IX, отец одиннадцати детей, которому было уже 54 года, вновь откликнулся на призыв. Среди его потомков был и молодой внук Филипп, прозванный «Красивым». Он унаследовал внешность своего деда, но не его добродетели. 1 июля 1270 года Людовик IX отправился в свой второй крестовый поход. 17 июля он прибыл в Тунис, где заразился дизентерией, сопровождавшейся лихорадкой и судорогами. 27 августа король умер, прошептав перед смертью: «Иерусалим, Иерусалим!»^[100].

Принц Эдуард Английский возглавил армию крестоносцев, которая прибыла в Акру 9 мая 1271 года. Бейбарс только что захватил крепость госпитальеров Крак де Шевалье и замок тамплиеров Сафет. Когда Людовик IX и его армия прибыли в Африку летом 1270 году, Бейбарс был вынужден на время прекратить палестинскую кампанию. Таким образом, приезд Эдуарда вынудил Бейбарса предложить европейцам десятилетнее перемирие. После того как Великий Магистр тамплиеров Гийом де Боже подписал с Бейбарсом договор о ненападении, влияние тамплиеров в Палестине было утрачено раз и навсегда.

Договор, который заключили Бейбарс и Эдуард, позволил европейцам достаточно долго удерживать за собой территории в Святой Земле. В это время в политическую игру вступил последний крупный игрок. Карл Анжуйский был братом Людовика IX и близким другом Григория X. Папа короновал Карла Анжуйского на сицилийский трон в 1266 году, и тот пытался расширить границы своего государства на Средиземном море и подчинить себе Палестину. В 1268 году он казнил последнего претендента на Иерусалимский трон из династии Гогенштауфенов. Новым Иерусалимским королём европейцы избрали короля Гуго III Кипрского, который был потомком Изабеллы I, дочери Иоанна де Бриенна и жены Фридриха II. Однако внучка Изабеллы I Мария Антиохийская стала оспаривать претензии Гуго III Кипрского на престол. Она утверждала, что её родство к Изабелле I ближе, чем родство Гуго, поэтому она имеет право наследовать иерусалимский трон.

Карл Анжуйский поддержал Марию. Она отправилась в Европу, чтобы обсудить этот вопрос с Папой Григорием, который тоже сочувственно отнёсся к её просьбе. Карл Анжуйский несколько лет вёл переговоры с Марией. Папа помог убедить её принять щедрое предложение Карла, что она и сделала в 1277 году, передав ему свои права. Таким образом, Карл Анжуйский оспорил претензии Гуго. Гуго вернулся на Кипр в 1276 году, раздражённый тем, что тамплиеры отказали в помощи ему и поддержали Карла Анжуйского. Он оплатил храмовникам тем, что захватил их собственность на Кипре.

Карл Анжуйский, наоборот, был в хороших отношениях с тамплиерами. Гийом де Боже, ставший Великим Магистром, был одним из его родственников и представлял орден на Соборе в Лионе, созванном в 1274 году Григорием X. Целью Собора была организация нового крестового похода и его подготовка. Здесь тамплиеры отказались от предложения короля Иакова Арагонского предоставить крестоносцам воинов и продовольствие. Малькольм Барбер считает, что они поступили так потому, что поддерживали Карла Анжуйского. Если бы битва с мамлюками произошла во время сложных переговоров между Карлом и Марией, то шансы Карла на успех резко бы сократились^[101].

После смерти Бейбарса в 1277 году храмовники находились в очень тяжёлом положении. Угроза как со стороны Бейбарса, так и со стороны Хулагу подорвала силы европейских воинов. Впервые за двести лет они оказались в критическом положении. К тому же орден продолжал

упорно участвовать в гражданской войне в графстве Триполи между 1277 и 1282 годами. Это ненужное и бесполезное злоупотребление полномочиями безвозвратно обратило многих христиан против Гийома де Боже и тамплиеров. Как будет видно дальше, недоверие христиан имело для храмовников трагические последствия.

В 1281 году монголы предприняли новую атаку на мамлюков. Преемник Бейбарса султан Килавун ал-Малик ал-Мансур в 1282 году предложил европейцам заключить новый договор на 10 лет, чтобы избежать союза между монголами и христианами. В 1285 году после смерти Карла Анжуйского трон вернулся к сыновьям Гуго Кипрского.

В 1285 году, нарушив договор, Килавун стал нападать на территории европейцев. К этому времени европейцы находились в таком жалком состоянии, что окончательно потеряли присутствие духа. Вместо рвения, с которым они во времена первых походов требовали вернуть Палестину, ведя Святую Войну во имя Христа, осталось лишь желание вести торговлю с мусульманами. В 1289 году жители Триполи попросили Килавуна решить внутренний конфликт. Он выполнил их просьбу и захватил город. Гийом де Боже узнал через своих шпионов о намерениях султана. Он пытался предупредить христиан, но успел так дискредитировать себя в их глазах, что они не поверили ему. Килавун разрушил город и убил жителей. После этого он цинично заявил, что договор остаётся в силе, несмотря на его нарушение. Беспомощные и напуганные христиане согласились с этим.

В 1290 году в Акре вспыхнуло восстание и несколько мусульман было убито. Де Боже через своих шпионов узнал, что Килавун собирает армию, чтобы двинуться на Акру. Великий магистр предложил выдать султану пленных христиан, содержащихся в заключении у военных орденов и торговых гильдий, и обвинить их в том, что они подняли восстание. Таким образом он надеялся усмирить мамлюков. (Поскольку пленные всё равно были приговорены к казни, он решил, что с помощью этой уловки спасёт большую часть населения.) Однако его план был отвергнут. Затем де Боже лично встретился с Килавуном, чтобы договориться о выкупе жителей (каждый из них должен был заплатить по золотой монете) и попытаться спасти Акру. Когда он сообщил об этом горожанам, они обвинили его в предательстве.

В ноябре 1290 года Килавун умер, и престол перешёл к его сыну ал-Ашрафу, который поклялся продолжать политику отца. 5 апреля 1291 года он осадил Акру. Ночью Гийом де Боже предпринял нападение на лагерь мамлюков. Сначала рыцарям сопутствовала удача, но потом они запутались в верёвках от шатров и были отбиты мусульманами. 18 мая мусульмане прорвали защиту и вошли в Акру. Тамплиеры храбро сражались, а де Боже был смертельно ранен.

За христианами остался только замок храмовников на юго-западе города. Оставшиеся в живых тамплиеры и жители Акры укрылись в нём. Во главе европейцев стоял маршал тамплиеров Пьер де Севри. 25 мая ал-Ашраф предложил им в случае капитуляции открыть путь на Кипр. Де Севри согласился и сдал замок. Мамлюки ворвались и стали убивать всех подряд: мужчин, женщин, детей. Однако христиане смогли отбить их нападение. Де Севри отправил командора ордена Тибо Годена в Сидон с оставшимися сокровищами и святыми мощами. Ал-Ашраф вновь предложил перемирие. На этот раз Севри покинул замок, чтобы обсудить условия, но его обезглавили на глазах у всех. 28 мая 1291 года войска султана напали на замок, Акра пала, а все, кто там находился, были убиты.

Глава XXIV

Последние годы тамплиеров

В Сидоне выбрали нового Великого Магистра ордена; им стал Тибо Годен. Когда армия мамлюков захватила Акру, он отправился на Кипр, взяв с собой оставшиеся средства. 14 июля пал Сидон, 3 августа мусульмане завладели Тортозой, а 14 августа 1291 года в их руки перешёл Замок Паломника. Впервые за последние двести лет на территории Святой Земли не осталось ни одной христианской армии.

После смерти Годена в апреле 1293 года двадцать третьим и последним Великим Магистром ордена стал Жак де Моле. Он родился во Франции в 1244 году, стал храмовником в 1265 году и вскоре отправился в Святую Землю. Де Моле был искренне озабочен ситуацией на Востоке и стал критиковать действия тамплиеров. По его мнению, миссия храмовников заключалась в том, чтобы сражаться с неверными, поэтому он полагал, что любой союз с мусульманами в лучшем случае — слабость, а в худшем — предательство. Великий Магистр не скрывал своего презрения к Гийому де Боже и его попыткам наладить дипломатические отношения с неверными. Все те двадцать семь лет, что де Моле провёл в ордене, он строго придерживался раз избранной манеры поведения, тем самым показывая братьям, что достоин стать Великим Магистром.

В 1294 году де Моле покинул Кипр и в течение трёх лет путешествовал по Европе. Он побывал в Англии, Франции, Неаполе, Арагоне, также прибыл с визитом к Папе Римскому. Де Моле вёл активную деятельность, чтобы подготовить орден к новому крестовому походу. Ему удалось добиться того, что многие монархи освободили тамплиеров от некоторых налогов и предоставили им скидки на ввоз и вывоз товаров. Папа Бонифаций VIII был посредником в споре между храмовниками и королём Генрихом Кипрским. Монарх настаивал на том, чтобы орден признал его верховную власть, поскольку тамплиеры находились на его территории. Папа даровал ордену на Кипре те же привилегии, что и в Сирии. Он принудил Генриха уважительно относиться к храмовникам, поскольку во время защиты Святой Земли они испытали многие тяготы.

Тамплиеры сделали всё, чтобы достичь своих целей. В 1291 году на острове Руад, находящемся в двух милях от Тортозы, расположился небольшой гарнизон. Тамплиеры стремились увеличить число своих кораблей и участвовали в нападениях на мусульман. Вплоть до 1301 года храмовники постепенно укрепляли этот гарнизон, пока он не был уничтожен в результате нападения мамлюков. В 1306 году кипрское отделение ордена вступило в крупную политическую игру: тамплиеры помогали Амори де Лузиньяну в попытках низложить его брата, короля Генриха. К ним присоединились госпитальеры, которые тоже поддержали Амори. Военные ордена приняли участие в этом конфликте, надеясь укрепить крепости крестоносцев на Кипре и защитить их от мамлюков. Тамплиеры также пытались заключить союз против мамлюков с монголами.

Однако теперь исчезли все препятствия, ранее мешавшие открытому проявлению недовольства поведением храмовников. В случае поражения они становились удобной мишенью для обвинений. Тамплиеры давно вызывали опасение и ненависть из-за привилегий, которые им предоставил Папа. Привилегии, которые получили тамплиеры, не только ставили их в особое положение по отношению к другим орденам, но благодаря им уменьшалась независимость местных приходов. Католическая церковь протянула свои длинные руки вплоть до самых отдалённых городов и глухих деревень. Генри Ли также говорит о том, что эти привилегии распространялись на всех тамплиеров: от знатных рыцарей до более низкого класса — служащих

братьев, которые составляли около 90% всех членов ордена. Ещё одной причиной враждебности со стороны соседей по отношению к храмовникам является высокомерие, в котором можно было обвинить многих тамплиеров^[102]. И, наконец, явное преумножение состояния и влияния ордена было плохо сопоставимо с их военными «успехами».

Для многих слово «тамплиер» значило «крестоносец». Возникал законный вопрос: поддерживает ли Господь христианское дело? Сомнения в этом всё больше и больше мучили благочестивых христиан, поскольку крестоносцы терпели поражение за поражением. Энтузиазм сменился разочарованием, а вместо похвалы слышались обвинения. Успех крестовых походов способствовал невероятному росту ордена, а поражения предвещали его конец. В прошлом орден не раз страдал от огромных потерь, но всегда находил возможность выправить положение. Однако роковым ударом для храмовников стала потеря Святой Земли. Орден был практически уничтожен. Смелость тамплиеров не оправдывала поражения, которые терпели крестоносцы.

По подсчётам Малькольма Барбера, на тот момент в орден входило около 7000 человек: рыцари, сержанты, служащие братья и капелланы. Если учитывать сотоварищей и помощников, то число храмовников резко увеличивается. У тамплиеров было, по самым скромным подсчётам, 870 замков, общин и Домов^[103]. Независимость и военная мощь ордена вызывали напряжение в Европе. Тамплиеры могли сами объявлять войну и заключать мир. Они не подчинялись монархам и были освобождены от королевских налогов и пошлин. Храмовники были своего рода феодальным пережитком в эпоху укрепления централизованной королевской власти.

Вопрос об объединении военных орденов

Потеря Палестины обострила кризис, который назревал и до этого, но именно она стала причиной организации нового крестового похода. Однако на сей раз он повлёк за собой губительные последствия для тамплиеров. За время двухсотлетней истории крестовых походов Европа сильно изменилась. Феодализм превратился в национализм, а христианство стало утрачивать своё огромное влияние на средневековую культуру. Крестовые походы были тяжким финансовым бременем, и, в конечном счёте, монархи и церковники начали склоняться к тому, чтобы избавиться от него. Власти решили, что объединение денег и имущества орденов, а также их членов и руководства породит нечто целое, превосходящее по мощи и эффективности отдельные части. Уже в 1248 году король Людовик IX впервые высказал подобное предложение.

В 1274 году на Соборе в Лионе среди прочих вопросов обсуждалась проблема крестовых походов. Возобладало мнение испанского мистика Раймонда Луллия, который был рыцарем, а потом стал священником. Помимо этого он был прекрасным знатоком мусульманской культуры и верил в то, что мусульман можно обратить в христианство мирным путём с помощью хорошо подготовленных проповедников. Однако он признавал, что при этом должна применяться и некоторая сила. Луллий был ярким сторонником объединения военных орденов. Его доводы убедили в этом и Папу Григория, но в 1276 году понтифик умер. За последующие двенадцать лет на папском престоле сменились шесть Пап, и в это время не было предпринято ни одной попытки к объединению орденов. В 1287 году Луллий впервые высказал свою идею только что взошедшему на престол королю Филиппу IV.

В 1288 году Папой стал Николай IV. Он сразу же занялся вопросом Святой Земли. Понтифик выступил за объединение орденов и в 1291 году обнародовал первую буллу, посвящённую этой проблеме. Падение Акры также подтолкнуло церковные власти к принятию определённого решения. В 1292 году Собор в Зальцбурге дал официальное согласие на объединение. Однако смерть Николая IV в апреле 1292 года вновь приостановила осуществление этих замыслов.

С 1294 года по 1304 год Папой был Бонифаций VIII. Он не выказал интереса ни к проблеме объединения орденов, ни к вопросу о продолжении крестовых походов. Как правоведа его, прежде всего, волновала кодификация законов Церкви и укрепление власти Папы в противостоянии со светскими монархами Европы. Когда в 1294 году Жак де Моле отправился в Европу, чтобы встретиться с Бонифацем, Великий Магистр не знал или предпочёл не знать о том, что за объединение военных орденов выступают всё больше и больше людей.

Филипп IV и Климент V

Внук короля Людовика IX, Филипп Красивый, взошедший на престол в 1285 году, когда ему было семнадцать лет, стал одним из самых влиятельных европейских монархов. Он умел управлять людьми и свободно манипулировал ими. Филипп обладал такими качествами, как хитрость, рассудительность, ум, решительность, а также от природы был тонким психологом, с почти современной оценкой власти — «большая ложь». Тем не менее, будучи безжалостным политиком, Филипп считался полубогом. Согласно учению Церкви, монархи избирались самим Богом для руководства его паствой. Во время коронации Филипп был помазан святым елеем Капетингов. По всей Европе за ним укрепилась слава самого «истинного христианина» во Франции. Похоже, он и сам искренне в это верил.

Филиппу пришлось столкнуться с очень сложной финансовой проблемой. Амбиции Франции, которая превращалась во влиятельную мировую державу, требовали больших затрат. Нужно было погасить долги отца, оставшиеся со времён крестового похода против Арагона в 1284–1285 годах. Часть долга образовалась в ходе войны Филиппа с Англией и Фландрией в 1290-х годах. Отсутствие постоянного дохода у короля было характерной чертой феодальной экономики. Филипп мучительно искал способ разрешить финансовую проблему. В ходе его манипуляций за последнее десятилетие тринадцатого века деньги обесценились на две трети. Король ввёл огромное количество налогов, включая налог на внутреннюю торговлю. Филипп обложил налогами ломбардцев и евреев — две самые состоятельные малые народности, у которых он постоянно брал займы.

Финансовые проблемы короля вынудили его совершить беспрецедентный поступок: он стал взимать налоги с Церкви. В результате Филипп нажил себе не менее амбициозного, чем он сам, противника — Папу Бонифация VIII. Папа издал буллу *Unam sanctam*, в которой требовал от всех светских правителей безусловного подчинения папской власти. По мнению понтифика, власть королей изначально греховна, в то время как Папам власть дана самим Богом. Как можно себе представить, Филипп и Бонифаций находились в жёсткой оппозиции друг к другу на протяжении всего правления понтифика. В 1296 году Бонифаций издал буллу, запрещающую облагать налогами Церковь. Филипп, в свою очередь, запретил вывоз слитков золота из Франции и, таким образом, приостановил поступление церковной десятины в Рим. Война между двумя могучими соперниками постоянно обострялась, пока в 1303 году Бонифаций VIII не отлучил Филиппа от Церкви. Затем Папа намеревался наложить интердикт на всех жителей Франции. Это стало последней каплей. Филипп возбудил процесс против Папы во Франции и дал санкцию на его арест, пока тот отдыхал за пределами Рима в своей летней резиденции в Ананьи. Внезапно отряд, насчитывавший 1600 солдат, напал на понтифика за день до предполагаемого наложения интердикта. Слабый здоровьем восьмидесятишестилетний Папа был заключён на три дня под стражу, потом его освободили жители Ананьи. Но через месяц после нападения понтифик умер^[25].

Во главе отряда, который напал на Бонифация VIII, стоял Гийом де Ногаре. Он был

советником короля Майорки и легистом в университете Монпелье во Франции. Ногаре присоединился к королю Филиппу в 1290-х годах и стал «первым легистом государства» в 1302 году. Ногаре был изувером: он мог искусно обвинить своих жертв в колдовстве, ереси, сексуальных извращениях. В то время такие обвинения могли спровоцировать народные волнения, поскольку люди считали их тяжкими грехами. Ногаре выдвинул эти обвинения против епископа Памье в 1301 году, а в 1303 году предъявил их Бонифацию VIII.

После Бонифация VIII Папой стал Бенедикт XI. Во время аудиенции Ногаре признался Бенедикту XI в том, что именно он несёт ответственность за нападение на Бонифация VIII. В результате Бенедикт снял отлучение с короля, но вынужден был отлучить легиста. По-видимому, отлучение мало повлияло на Ногаре, поскольку он глубоко ненавидел папство. Полагают, что его родители были катарами, и их сожгли во время Альбигойского похода.

Смелые действия Филиппа являются яркой иллюстрацией борьбы за власть между светскими правителями и папами, которая происходила в XIV веке. Этот конфликт продолжался на протяжении всей истории ордена Храма, начиная с властолюбивого Григория VII (с 1073 года) до бессильного и боязливого Бонифация VIII (1303 год). Монархи постепенно одерживали победу в борьбе. Одной из причин упадка папской власти был цинизм, вызванный «успешной» политикой Пап в XIII веке: они искоренили катаров, воевали с Гогенштауфенами и породили инквизицию. Однако, как пишет Малькольм Барбер, «цена престижа Папы была слишком высокой. Для многих папская власть изменила свой облик, превратившись в образ правления, лишённый какой-либо моральной цели и благородных духовных принципов»^[104]. Нападки Филиппа Красивого на тамплиеров в более широком контексте могут восприниматься как продолжение этого противостояния.

Пьер Дюбуа, нормандский адвокат и публицист, занимавшийся пропагандой власти Филиппа Красивого, написал три памфлета. Первый был выпущен в 1300 году. В них он подчёркивал важность объединения тамплиеров и госпитальеров. Также он писал о необходимости объединения средств орденов, на которые можно будет организовать новый крестовый поход. Более того, Дюбуа предложил Церкви создать общую казну для грядущего крестового похода, игнорируя тот факт, что традиционно роль казначеев выполняли храмовники. В своём последнем памфлете, вышедшем в 1307 году, Дюбуа добавил, что тамплиеров следовало бы распустить, а их средства направить на финансирование крестового похода. Возможно, он писал так потому, что уже знал о намерениях Филиппа уничтожить орден.

Раймонд Луллий изменил своё первоначальное мнение относительно мирного обращения мусульман в христианство после того, как европейцы потеряли Акру. В 1292 году он предложил, чтобы в новом крестовом походе участвовал единый военный орден, во главе которого бы стоял Филипп или один из его сыновей. Предполагалось, что должность главы нового ордена будет наследственной либо выборной. Глава ордена должен был носить титул короля Иерусалима и называться *Bellator Rex*, или «Король-воитель». Луллий несколько лет провел при дворе Филиппа, пытаясь найти поддержку своему плану. Королю такая идея должна была казаться привлекательной, поскольку эта должность, которую бы занимали Капетинги, помогла бы династии укрепить свою власть в Европе и занять главенствующее положение среди церковных иерархов. По мнению Малькольма Барбера, Луллий оказал на Филиппа огромное влияние. Барбер пишет, что в записке, составленной в 1308 году после смерти жены короля, Филипп предлагал Папе объединить военные ордена. Он также высказал желание отречься от французского престола с тем, чтобы стать королём Иерусалима и главой нового рыцарского ордена в Святом Граде^[105]. Хотя тот факт, что король хотел отказаться от французского трона ради командования военным орденом и Иерусалимского престола, представляется сомнительным, в работе М. Барбера приведены доказательства намерений монарха.

Бенедикт XI умер после восьми месяцев понтификата. В ноябре 1305 года Филиппу удалось посадить на папский престол француза Бертрана де Го, архиепископа Бордо, который принял имя Климента V. В прошлом он изучал римское и церковное право. До своего избрания Бертран де Го был папским легатом. Тем не менее, это был слабхарактерный, нерешительный, жадный человек, беспрекословно подчинявшийся Филиппу. Так, например, из двадцати четырёх кардиналов, назначенных Климентом V, двадцать три были французами. К 1308 году за три года своего понтификата Климент V ещё ни разу не посетил Рим. Причиной столь долгого пребывания Папы во Франции было желание Филиппа удержать папский престол под непосредственным контролем. Вся абсурдность сложившейся ситуации становится очевидной, если учесть, что Климент V под давлением короля официально перенёс папскую резиденцию из Рима в Авиньон, находящийся на юге Франции (в 50 милях к северо-востоку от Марселя). Авиньон принадлежал одному из подданных понтифика. В 1348 году город перешёл в собственность Папы. Понтифики жили в нём вплоть до 1377 года, этот период получил название «Авиньонского пленения Пап».

Финансовые проблемы короля становились всё тяжелее. В июне 1306 года он заявил, что Франция вернётся к полноценной валюте, и вследствие этого цены выросли в три раза. Париж охватили беспорядки. Между разъярённой толпой и королевскими войсками происходили столкновения. Филипп вынужден был укрыться на три дня в резиденции тамплиеров. Там он оценил, насколько силен и богат орден тамплиеров, по сути представляющий собой настоящее государство в государстве. В прошлом году, после смерти жены, он пытался стать тамплиером, но получил отказ и с этих пор воспылил ненавистью к храмовникам. Его постоянные финансовые проблемы привели к тому, что он предпринял ещё один радикальный шаг, который стал мрачным предвестием грядущих событий. 21 июля 1306 года Филипп арестовал каждого пятого французского еврея. Аресты, прокатившиеся по территории всего государства и направляемые Гийомом де Ногаре, помогли пополнить королевскую казну большим количеством захваченных денег и конфискованного имущества, кроме того, были аннулированы многие долги короля ростовщикам-евреям.

6 июня 1306 года Папа Климент V отправил письма Великим Магистрам тамплиеров и госпитальеров, в которых приглашал их на аудиенцию в Пуатье, чтобы обсудить предстоящий крестовый поход. Великий Магистр ордена госпитальеров Фульк де Вилларе не смог приехать, поскольку орден был занят укреплением своей власти на Родосе. Де Моле изъявил желание явиться на встречу с Папой в конце года. Климент V приказал ему сделать поездку настолько незаметной, насколько это возможно. Вместо этого де Моле явился в сопровождении шестидесяти рыцарей, взяв с собой золото и драгоценности, чтобы продемонстрировать власть и богатство ордена. Сначала он отправился в Париж, где в местном тампле оставил драгоценности Храма и получил аудиенцию у короля. Филипп явно польстил старому воину и обманул его. В результате де Моле пребывал в полной уверенности в том, что король по-прежнему благоволит к тамплиерам. Следует помнить, что даже после этой аудиенции храмовники продолжали осуществлять финансовую деятельность во Франции.

Затем Жак де Моле отправился в Пуатье на встречу с Папой. На протяжении девятнадцати месяцев своего правления Климент V соглашался с Филиппом во многих вопросах, которые остались неразрешёнными после споров короля с Бонифацием VIII. Тем не менее Клименту V предстояло разрешить самую сложную проблему. Филипп только что подал ему на рассмотрение несколько ужасных обвинений в ереси и аморальном поведении, выдвинутых против ордена. Он заверил Папу, что у него имеется надёжный свидетель, который может поддержать эти обвинения. Король потребовал, чтобы Папа занялся расследованием этого дела.

Климент V предупредил об этом де Моле. Магистр пришёл в бешенство и никак не мог

поверить в такой поворот событий; он решительно стал отрицать все обвинения. Папа был удовлетворён его ответами и, возможно, решил переждать, пока уляжется гнев короля. В июле 1307 года де Моле вернулся в Париж, чтобы собрать секретный капитул. Во все французские тампли были разосланы циркуляры, в которых братьям напоминалось о том, что им запрещается разглашать любые тайны ордена.

Де Моле приехал в Пуатье и передал понтифику два документа, в одном из которых были представлены возражения против проведения нового крестового похода. Во втором была рассмотрена проблема объединения орденов. Де Моле прямо высказался против этой идеи, приведя несколько аргументов, ни один из которых не выглядел достаточно убедительным. Он доказывал, что у тамплиеров и госпитальеров разное предназначение и что слияние двух орденов приведёт к тому, что они не смогут полноценно выполнять свои задачи: госпитальеры занимались благотворительностью, а тамплиеры — военными действиями. Де Моле говорил, что новые члены вступали в ордена по разным поводам и что было бы несправедливо лишать их возможности выбора. Он добавил, что соперничество является верным путём к самосовершенствованию. Копии документов были отправлены Филиппу. «Великий магистр отказался от объединения орденов и тем самым приблизил гибель тамплиеров... если Филипп Красивый однажды что-то задумал, не возникало никаких сомнений в том, что он осуществит свою идею»^[106].

Госпитальеры поняли быстрее, чем храмовники, что ордена попали в опасную ситуацию, как только Святая Земля полностью оказалась в руках у мусульман. После того, как иоанниты укрепили свою власть на Родосе, они провозгласили своим основным занятием защиту европейских торговых кораблей и путешественников от мусульманских пиратов в Средиземном море. Политика тамплиеров была менее гибкой. Казалось, что де Моле не осознавал всю серьёзность положения, в котором он оказался. Однако следует заметить, что хотя его «слепота», безусловно, способствовала уничтожению ордена, сомнительно, что более разумное поведение могло бы предотвратить печальный исход.

2 августа 1307 года Климент V отправил буллу Эдуарду I с просьбой избавить английский тампль от королевских налогов. Понтифик отзывался о храмовниках в том же тоне заботливого покровителя, каким обращались к ордену Папы в течение двух предшествующих веков. Стратегия пассивного сопротивления Филиппу до сих пор приносила Клименту V успех. В том же месяце, но несколько позже, де Моле снова прибыл с визитом к Папе и, возможно, осложнил ситуацию, требуя от него провести расследование, чтобы снять с храмовников подозрения и развенчать клеветнические обвинения, которые были им предъявлены.

Обвинение, на основе которого развернулся процесс против ордена, было предъявлено одним из тамплиеров, французом Эскиусом из Флуарака. Эскиус предал храмовников: он пытался убедить Иакова II Арагонского в их виновности. Однако его план расстроился, поскольку король Арагона находился в хороших отношениях с орденом. Эскиус вернулся во Францию, чтобы представить свои обвинения на рассмотрение Гийому де Ногаре. Впоследствии в обмен на свидетельства бывшего тамплиера Филипп даровал ему часть земельных владений ордена. Помимо этого, после того, как его словам нашлись подтверждения, Эскиус получил деньги от других монархов. Бывшего тамплиера поддержали ещё три свидетеля: два отлучённых храмовника и церковник. Летом 1307 года Филипп дал согласие на присоединение к французскому тамплу двенадцати новых братьев. Гийом де Плезиан, один из доверенных легистов Филиппа, сообщил королю, что его шпионы подтвердили обвинения, выдвинутые против тамплиеров. Появилось ещё несколько свидетелей, которые тем или иным образом дискредитировали себя в глазах ордена.

После того, как Климент известил Филиппа о том, что намерен провести расследование по делу тамплиеров, 14 сентября 1307 года король выдал своим констеблям скреплённый печатью папский рескрипт. В нём приказывалось сделать необходимые приготовления для ареста всех французских храмовников на рассвете 13 октября 1307 года. В рескрипте ордену были предъявлены обвинения в чудовищных преступлениях, совершённых против Бога, Христа, Церкви, Европы и общечеловеческой морали. Им вменялись в вину ересь, колдовство, предательство и гомосексуализм. В этих филиппиках чувствовался почерк Гийома де Ногаре, который стал канцлером Франции и хранителем королевской печати. Документ, в котором предъявлялись столь страшные обвинения, должен был убедить констеблей в том, чтобы они пошли наперекор своим чувствам и выполнили свой долг: арестовали уважаемых людей — своих друзей и соседей.

Чтобы придать своим действиям видимость законности, Филипп стал утверждать, что арест ордена произошёл по требованию главы французской инквизиции, доминиканца Гийома Парижского. Несмотря на отсутствие прямых улик, необходимых, чтобы предъявить подобное обвинение, Гийом Парижский принял активное участие в разбирательстве дела тамплиеров. В течение десяти лет король пытался установить контроль над инквизицией во Франции, глава которой был его личным духовником. Гийом Парижский имел законное право прибегнуть к помощи мирских монархов, когда речь шла о ереси. 22 сентября он написал письмо инквизиторам Тулузы и Каркассона, в котором были перечислены все преступления тамплиеров. Гийом Парижский рекомендовал своим коллегам арестовать храмовников. Тем самым он стал подготавливать инквизиторов к выполнению сложной задачи: они должны будут доказать виновность храмовников, прежде чем конфисковать и описать все их богатства.

12 октября 1307 года де Моле был удостоен чести нести гроб на похоронах жены брата короля. На следующий день в пятницу, 13, он и все храмовники, примерно 5000 человек были арестованы. Бежать удалось лишь двадцати. Стремительность, с какой Филипп производил аресты, создавала такое впечатление, будто король пытался помешать тщательному расследованию дела, ведь братья могли остаться на свободе и защищаться в суде. Затем монарх прибегнул к средневековой практике политической пропаганды. На следующий день после ареста 14 октября ректоры университетов и церковники собрались в Нотр-Дам, там Ногаре и другие объяснили присутствующим причину, по которой члены ордена были взяты под стражу.

В воскресенье 15 числа весь французский народ приглашался в королевский парк, окружавший дворец Филиппа. К ним обратился глашатай монарха и инквизиторы-доминиканцы. То же самое происходило и в других городах Франции. Целью подобных обращений было формирование выгодного королю общественного мнения. 16 октября Филипп разослал письма всем христианским монархам и принцам, надеясь привлечь их на свою сторону.

Во время допросов власти использовали все средства, чтобы заставить арестованных говорить. Попытки были признанным законным методом ведения допросов. Инквизиция, убеждённая в том, что выполняет волю всевышнего, проявила всю свою жестокость. Храмовники были приговорены к смерти. Французские мирские власти, арестовавшие тамплиеров, получили приказ немедленно начать следствие и пытки. Несколько дней спустя членами ордена занялась Инквизиция. Королевские чиновники также принимали участие в расследовании. Их количество в отдельных регионах зависело от того, насколько Инквизиции требовались помощники.

Жестокость пыток нуждается в отдельном описании. Их орудиями были доска, к которой привязывались лодыжки и запястья, и лебёдка, на которую наматывался второй конец верёвки. Когда поворачивался рычаг, ноги и руки пытаемого растягивались до тех пор, пока не смещались суставы. Другим видом пыток была дыба. Руки и ноги арестанта заводили за спину и связывали, а другой конец верёвки перекидывали через потолочную балку, жертву вздёргивали, затем ослабляли верёвку, а потом резко поднимали на несколько сантиметров от пола. В результате у жертвы оказывались вывихнутыми руки, плечи, запястья, рёбра. Иногда, чтобы увеличить мучения, к ногам или половому органу преступника прикреплялись гири. Во время пытки огнём стопы арестанта смазывали жиром, а потом его подносили к огню. Одним из ярких свидетельств были показания священника, у которого несколько дней спустя после пытки из стоп выпали кости. Он предъявил их комиссии Папы на слушании своего дела. Существовали и другие традиционные пытки: осуждённого могли бичевать, морить голодом, держать на хлебе и воде, лишить сна, заключить в кандалы, поместить в антисанитарные условия, мучить психологически. Многие тамплиеры умерли в тюрьме, некоторые в отчаянии покончили жизнь самоубийством.

25 октября, спустя две недели после заключения тамплиеров под стражу разыгрался первый акт трагедии, которая через семь лет закончится полным уничтожением ордена. В тот день Жак де Моле на большом собрании в Парижском университете, где присутствовали легисты, признался в преступлениях, совершённых тамплиерами. Бытует мнение, что Великий магистр подтвердил предъявленные ему обвинения из одного лишь страха перед пытками, но в письме, написанном в январе 1308 года, он рассказывает о зверствах, которые пережил: с его спины, живота и бёдер содрали кожу^[107].

На следующий день после заявления Великого Магистра сделали признания ещё тридцать тамплиеров, среди которых были и храмовники, занимавшие высокие посты в ордене. Они были вынуждены подтвердить, что во время инициации новые братья должны были отречься от Христа, плюнуть на крест, позволить поцеловать себя в губы и копчик и поклониться отвратительному идолу, имевшему форму человеческой головы. Де Моле выразил благодарность «самому верующему из христианских королей, королю Филиппу» за разоблачение этих грехов и написал открытое письмо братьям, в котором просил их признаться в преступлениях, совершённых орденом.

9 ноября Гуго де Перо, досмотрщик ордена и второй после де Моле человек в иерархии тамплиеров, также совершил признание, и, таким образом, все, кто пытался защитить честь храмовников, отказались от этой идеи. Де Перо затаил ненависть к де Моле, поскольку считал, что тот лишил его законного права принять должность Великого Магистра. Возможно,

неприязнь послужила причиной того, что контролёр признал особо тяжкое обвинение, выдвинутое против тамплиеров. Он сказал, что храмовники поклонялись «Голове тамплиеров», или идолу. Истукан, как он утверждал, сопровождал его во время всех капитулов, проходящих во Франции. По описанию де Перо, идол представлял собой фигуру на четырёх лапах, двух передних и двух задних. Часть тамплиеров утверждала, что истукан был настолько ужасен, что его невозможно обрисовать. По словам разных свидетелей, у него была борода, или демоническое лицо, или два лица с двумя бородами, покрытые кожей; идол был сделан из серебра, а в его глазницах сияли карбункулы. Другие утверждали, что истукан был абсолютно гладок на ощупь, это было нарисованное изображение или маленькая статуэтка женщины.

«Голова тамплиеров», описанная столь по-разному теми немногими обвиняемыми, кто вообще подтвердил её существование, напоминает описания ужасных созданий и иллюстрации с их изображениями в средневековых колдовских книгах. Элифас Леви стилизовал их под карты таро: Дьявол, Верховный жрец и Маг. Так он внёс свою лепту в создание легенды о тамплиерах.

Несмотря на тщательный обыск, произведённый по указанию короля, в парижском тампле была обнаружена только одна голова. Был найден большой серебряный полый женский бюст, внутри которого лежал череп, завёрнутый в красный льняной саван. На голове была этикетка с надписью *Caput LXVIII* (что в переводе значит голова № 68). Согласно свидетельским показаниям, это была часть статуэтки, изображавшей одну из одиннадцати тысяч дев-мучениц. Эта скульптура должна была изображать страдания святой Урсулы, покровительницы девушек, и её одиннадцати последовательниц, живших во времена раннего христианства. Однако сочетание «одиннадцать дев» было неправильно переведено и превратилось в «одиннадцать тысяч»^[108].

Жоффруа де Гонневиль, происходивший из знатной, состоятельной, влиятельной французской семьи, был командором ордена тамплиеров в Пуату и Аквитании и занимал четвёртую ступень в иерархии ордена. В своём признании, сделанном 15 ноября 1307 года, он заявил, что Великий Магистр в Англии рассказал ему во время церемонии посвящения (которая состоялась в 1279 году) о традиции отречения от Христа и осквернении креста. Она была введена из-за обета нечестивого Великого Магистра, попавшего в плен к мусульманскому султану. Глава храмовников, чтобы обеспечить своё освобождение, поклялся, что, начиная с этого времени, тамплиеры станут отрекаться от Христа во время церемонии принятия в орден^[109]. Позже во время допроса Гонневиль высказал мнение, что эта традиция должна была соответствовать тройному отречению Петра. Этим Великим Магистром мог быть Жерар де Ридфор, который вполне был способен ввести этот обычай после того, как Саладин взял его в плен. Тома Бери, девятнадцатый Великий Магистр (1256–1273 годы) также мог быть инициатором этой традиции, поскольку, после того, как его пленили мусульмане, ради освобождения он отрёкся от христианской веры. Подозрение падает и на Ронселина де Форца, магистра Прованса в конце XIII века. «Магистру Ронселину» приписывается составление фальшивого «Секретного устава», который в XIX веке опубликовал Мерцдорф.

После допросов, проведённых в Париже между 18 октября и 24 ноября 1307 года, было получено 138 показаний. Из всех допрошенных только четыре тамплиера заявили о своей невиновности: Жан де Шатовиллар, Генрих де Эрсиньи, Жан Парижский, Ламбер Тойси. Сто двадцать три тамплиера признались в том, что плевали на крест или рядом с ним^[110]. Записи, сделанные во время допроса, показывают, что многие тамплиеры будто бы с каким-то облегчением признавали свою вину, словно снимали тяжелейшее бремя со своей совести. Однако Малькольм Барбер напоминает об одном важном обстоятельстве тем, кто принимает подобные признания за чистую монету. «Большинство людей, ставших свидетелями событий, произошедших в XX веке, понимают, что государство способно давить на организации, группы, отдельные личности. Таким образом, оно способно полностью изменить идейное восприятие

тех, кто ему подвластен»^[111]. Большинство французских тамплиеров были людьми среднего возраста, которые поддерживали орден, но не имели военного опыта. Они быстро признались во всём, пройдя сквозь муки или испугавшись их; на храмовников также подействовали заявления руководителей. После падения ордена в 1307 году под пытками умерло приблизительно 25 парижских тамплиеров^[112].

Европейские монархи не ответили на просьбу Филиппа (от 16 октября) арестовать храмовников. Зная его характер, они не приняли его слова на веру. Иаков II Арагонский и Эдуард II Английский отказались заключить членов ордена под стражу и написали письма в защиту тамплиеров другим европейским правителям и Папе. Однако женоподобный Эдуард II был слабым противником для Филиппа, кроме того, он совсем недавно взошёл на престол (в июле 1307 года). Английский король был обручён с дочерью Филиппа Изабеллой. Прежний король Эдуард I был могущественным правителем и надёжным защитником ордена. Тамплиеры совсем недавно помогли ему подавить восстание шотландцев, во главе которого стоял Уильям Уоллес. Если бы Эдуард I был жив, то Филипп вряд ли бы осмелился напасть на храмовников^[113].

Чтобы узаконить действия французского монарха, необходимо было получить разрешение понтифика. Оно позволило бы Филиппу лишить тамплиеров не только неприкосновенности, но и благословения Церкви. Климент V взял в свои руки контроль над процессом. 27 октября он высказал королю необычайно смелый упрёк за то, что монарх вымещивается в церковные дела. Филипп выступил против религиозного ордена, который должен был нести ответственность за ересь перед Папой. Только Церковь могла наказывать тех, кто совершил против неё преступление. Её исполнительной властью была инквизиция. Упрекнув короля в неправомочных действиях, Папа упустил из виду, что к монарху за помощью обратился Гийом Парижский. Со своей стороны, тамплиеры обратились к Папе за защитой от преследований короля. Они питали надежду, что Папа защитит их от Филиппа и поможет им оправдаться, или, по крайней мере, предаст их справедливому суду. Де Моле в течение нескольких лет тщетно надеялся на помощь понтифика.

Продемонстрировав таким образом свою независимость, Климент V сразу же вновь стал исполнять королевскую волю. 22 ноября 1307 года он издал буллу *Pastoralis praeeminentiae*. Данным указом королям Англии, Ирландии, Кастилии, Арагона, Португалии, Италии, Германии и Кипра приказывалось взять под стражу всех тамплиеров, находящихся на территории этих стран, и наложить арест на собственность ордена. Процедуру необходимо было провести от имени Папы. Климент V заявил, что он лично займётся расследованием дела и будет очень рад, если обвинения окажутся необоснованными. Понтифик оказался в центре бури, которую вызвал Филипп. Безусловно, король надеялся, что тамплиеров арестуют, а расследование займёт всего лишь несколько недель. Однако из-за вмешательства Папы оно затянулось на семь лет.

Во Франции первое следствие по делу храмовников под руководством Папы началось в декабре 1307 года. Понтифик отправил для разбирательства двух кардиналов. Они, как и требовалось, осведомились у инквизиторов и легистов короля о том, как ведётся расследование, а потом известили Климента V, что процедура проводилась в соответствии с законами. Раздражённый понтифик отправил их назад и приказал расспросить самих преступников. Кардиналы вскоре сообщили ужасные новости. Жак де Моле, Гуго де Перо и шестьдесят других братьев отказались от своих признаний, сделанных под пыткой.

По мнению инквизиции, подсудимые были виновны. Было бессмысленно и почти невозможно доказывать обратное. Ложное обвинение было преступлением. Не было никакой возможности организовать защиту тамплиеров; кроме того, запрещалось созывать специальные соборы. Свидетели не желали давать показания в пользу храмовников, поскольку не хотели

приобрести репутацию сообщников. Те, кто выступал на стороне обвинения, могли остаться анонимами. Подсудимому разрешалось составить список своих врагов. Если их имена совпадали с именами обвинителей, то истинность филиппик бралась под сомнение. Единственным выходом, который был у заключённых, являлось признание. В том случае, если подсудимый отрицал свою виновность, неизбежно следовали пытки. В редких случаях, когда осуждённый даже под пытками продолжал упорствовать, его как еретика отлучали от Церкви. Считалось, что ему помогал сам дьявол, и впоследствии заключённого сжигали на костре. Если осуждённый, сделав признание под пытками, потом отрицал его, то несчастного также сжигали на костре, поскольку полагали, что он упорствует в ереси. Признание и покаяние были необходимы, чтобы вернуться в лоно Церкви прежде, чем приговор будет приведён в исполнение. Наказание могло быть разным: от денежных штрафов, если преступление не было серьёзным, до пожизненного заключения, если преступление было крупным.

В феврале 1308 года Климент V заставил французскую Инквизицию временно прекратить допросы, чтобы собрать воедино все свидетельские показания и судебные записи, включая самые последние. 21 декабря 1307 года понтифик издал буллу, чтобы успокоить госпитальеров. Указ подтверждал статус ордена и гарантировал ему защиту. Папа настаивал на том, что судебное разбирательство по делу тамплиеров должно быть проведено под его руководством специальной комиссией. Филипп положил на чашу весов свою репутацию, личную безопасность и даже, можно сказать, королевскую власть. Отступление было невозможно. Монарх настаивал на виновности ордена, возможно, он поверил в истинность собственных обвинений. Вместе с Гийомом де Ногаре король организовал кампанию против Папы: в различных памфлетах они возводили клевету на понтифика и поносили его, обвиняя в том, что тот защищал еретиков, поскольку и сам был грешником. Филипп вновь обратился за помощью к легистам Парижского университета, чтобы получить судебное решение, подтверждающее законность его прав на ведение дела тамплиеров. Однако после месяца дискуссий 25 марта они сообщили ему, что он не может судить храмовников и налагать арест на собственность ордена. Тогда в мае 1308 году Филипп собрал Генеральные штаты. После недельной сессии, во время которой де Ногаре предъявил свои обвинения, 2000 представителей знати, церковников и простого народа поддержали действия короля и высказались за уничтожение ордена.

Позже в том же месяце Филипп отправился в Пуатье с небольшим вооружённым отрядом, чтобы обсудить этот вопрос с Климентом V. 29 мая Папа публично провёл консисторию, на которой присутствовали кардиналы, королевские советники, а также стоящие ниже по званию церковники и миряне. Гийом де Плезиан выступил с речью, в которой издевался над понтификом и даже угрожал ему. Однако Папа ответил, что не изменит своего решения и будет тщательно по закону расследовать дело тамплиеров. Он выразил свою ненависть к ереси, но при этом подчеркнул, что его долг состоит в обеспечении правдивого и беспристрастного приговора. 14 июня де Плезиан выступил с ещё более злобной речью. Однако Климент V твёрдо стоял на своём решении. Затем Филипп попытался найти компромисс. Безусловно, он подчинится власти Папы, но, поскольку Церковь не владеет местом, где можно было бы содержать заключённых, король поможет понтифику, и в распоряжение тамплиеров будут предоставлены камеры французских тюрем. 27 июня король организовал встречу Папы и 72 избранных тамплиеров, чтобы они, представ перед понтификом, признали свою вину. В конце концов, такая возможность дала Клименту V некоторую свободу в принятии решения. Он сказал, что признания были убедительными, и договорился с Филиппом о некоторых уступках в вопросе конфискации собственности. Затем понтифик разделил следствие на две самостоятельные группы.

Во-первых, суд над орденом должна была осуществлять специальная папская следственная

комиссия. Климент V заявил, что она доложит результаты следствия на Соборе в Вене, который был назначен на октябрь 1310 года (Собор отложили до октября 1311 года). Во-вторых, был возобновлён процесс под началом Инквизиции, деятельность которой была приостановлена в феврале. Она должна определить вину или невиновность отдельных тамплиеров. Это расследование должно было проводиться на уровне епархий провинциальными советами, во главе которых стоял местный епископ. Однако, как уже говорилось о мирской инвеституре, должность местного епископа была выборной и передавалась с санкции короля. Таким образом, Филипп контролировал процедуру дознания в провинциях.

Несмотря на различные уловки, к которым прибегал Климент V, чтобы сохранить лицо и создать видимость своей независимости, его мало заботила судьба храмовников. И понтифик, и король плясали под дудку Гийома де Ногаре. 12 августа 1308 года Климент V издал буллу *Faciens misericordiam*, в которой излагались обвинения, предъявленные тамплиерам. В указе было перечислено всего 127 обвинительных пунктов, многие из них повторяли друг друга, самыми серьёзными были следующие:

- во время церемонии принятия в орден (иногда после неё) новый член ордена должен был отречься от Христа или от того, что Христос был распят, или (иногда) от Иисуса, Бога, Девы Марии и святых;

- согласно доктрине тамплиеров, Иисус не является истинным Богом, он лжепророк, который не страдал на кресте и умер во искупление не общечеловеческих, но собственных грехов; ни посвящающий, ни новый член ордена не могут спастись через Иисуса;

- во время церемонии принятия нового члена в орден новообращённый должен плюнуть на крест или икону, иногда он топчет крест или мочится на него;

- тамплиеры поклоняются сатане в образе кошки и презирают Христа и христианскую веру;

- тамплиеры не верят в церковные таинства;

- капелланы ордена не благословляют мирян и не творят положенные молитвы во время Мессы;

- Великий Магистр, досмотрщик, командор ордена присвоили себе право отпускать грехи;

- во время церемонии принятия нового члена в орден посвящающий целует нового тамплиера либо в губы, либо в пупок, либо в живот, либо в зад, либо в спину, либо в половой орган, по другим показаниям, именно новичок целовал посвящающего;

- тамплиеры вступают в гомосексуальные связи, и членам ордена разрешается ухаживать друг за другом;

- тамплиеры поклоняются идолу и почитают его как Бога и спасителя. Свидетели описывают его по-разному: он представляет собой либо человеческую голову (человеческие головы); некоторые утверждают, что у него три лика, другие заявляют, что это череп. Тамплиеры верят в то, что идол защищает орден, даёт ему богатство и плодородие их землям;

- во время церемонии принятия нового члена в орден идол обвязывают верёвкой, которую тамплиеры потом носят всё время на талии поверх рубахи или на теле в знак почитания;

- руководители ордена наказывали всякого, кто отказывался вести себя подобным образом или выражал недовольство по поводу греховной сущности ордена;

- форма исповеди, принятая в ордене, позволяла сохранять существование этих грехов в тайне;

- состояние ордена накоплено бесчестным и безнравственным путём; тамплиеры не раздают милостыни и не проявляют милосердия;

- тамплиеры творят бесчинства ночью во время секретных капитулов, поэтому никто не знал об этом, в результате чего в ордене процветали бесчестие и безнравственность.

В конце августа 1308 года расследование во Франции приняло новый неожиданный оборот.

Климент V отправил трёх кардиналов, чтобы они провели допрос пяти главных руководителей ордена. Подсудимые вновь изменили свои показания и вернулись к своим признаниям, сделанным приблизительно год назад. Допрос обвиняемых происходил под неусыпным оком жестокого тюремщика Жана де Жанвиля, Гийома де Ногаре, который, как было известно тамплиерам, был повинен в их страданиях, и Гийома де Плезиана, умолявшего их сознаться в преступлениях во имя спасения своих бессмертных душ. Следует учесть, что несчастные подсудимые мужественно переносили изощрённые пытки, которым они подверглись во время своего длительного заключения.

С лета 1308 года до Собора в Вьенне, состоявшегося в октябре 1311 года, провинциальные советы осуществляли свою преступную деятельность, направленную против отдельных храмовников. Тем временем 12 ноября 1309 года в Париже папская комиссия открыла своё первое заседание. Главным вопросом была дальнейшая судьба ордена. В качестве специальных уполномоченных Климент V назначил восемь церковных сановников; Филипп одобрил их кандидатуры. Несмотря на то, что в августе был издан специальный указ, в котором всех желающих призывали выступить в защиту тамплиеров, никто не стал защищать орден. Тюремщики тамплиеров, назначенные Филиппом, не позаботились о том, чтобы приготовить транспорт или жильё для свидетелей.

Папа выслушивал каждого руководителя отдельно, и в результате члены ордена не имели возможности поддерживать связь друг с другом и, возможно, пытались спасти свои жизни за счёт других братьев. Гуго де Перо просил у Папы личной аудиенции. Пробыв два года в заключении, ослабленный и павший духом Жак де Моле дважды сознался в преступлениях. Как и де Перо, он пытался добиться у Папы личной аудиенции. Кроме того, де Моле понимал, что любое слово, сказанное в защиту ордена, может быть использовано против него. Его могли считать упорным еретиком. Его робкая речь в защиту ордена была абсурдной и бессвязной. 28 ноября 1309 года Гийом де Ногаре в качестве одного из доказательств виновности тамплиеров привёл заявление Саладина, который считал, что причиной поражения тамплиеров в битве была содомия и предательство христианской веры и Устава ордена. Де Моле сказал, что никогда не слышал этого утверждения и, несмотря на предъявленные ему обвинения, не является гомосексуалистом.

Первое заседание папской комиссии закончилось 28 ноября. У Филиппа не было сомнений в том, что у ордена не будет возможности защитить себя.

Второе заседание началось 3 февраля 1310 года. Очевидно, у Филиппа было ещё меньше поводов для беспокойства. Он не боялся, что комиссия помешает ему добиться желаемого результата в деле тамплиеров. По этой причине король приказал своим тюремщикам оказать некоторую помощь следствию и дать возможность высказаться тем заключённым, которые хотели дать свидетельские показания. Нашлось пятнадцать человек, готовых заступиться за орден. Внезапно их выступление получило массовую поддержку, вместо пятнадцати в защиту ордена выступило 597 братьев. 28 марта четырёх братьев назначили представителями от всей группы, в их числе были Пьер Болонский и Рено де Провен — талантливые, образованные и обладающие даром красноречия капелланы-тамплиеры.

31 марта и 7 апреля Пьер Болонский произнёс большую речь, в которой яростно отрицал все обвинения. Капеллан объяснил, что все признания братьев были получены под пытками. Он напомнил совету, что в странах, где запрещалось применение истязаний, не было сделано ни одного заявления против ордена. Он обвинил короля и его приспешников в постыдной лжи и заявил, что пытки пагубно влияют на человеческую душу, поскольку муки затуманивают разум. Невозможно говорить о справедливости, когда тамплиеров держат в королевских тюрьмах и они постоянно находятся под угрозой истязаний и смерти. Пьер Болонский возражал против участия

Ногаре и Плезиана в расследовании, поскольку мирянам запрещалось присутствовать на допросе. Он напомнил комиссии, что орден два века служил на благо христианству.

Пьер Болонский в своей пламенной речи в защиту тамплиеров, произнесённой 7 апреля 1310 года, коснулся темы непристойных поцелуев. Он утверждал, что каждый брат получал поцелуй мира во время церемонии принятия в орден нового члена. Выполняя этот ритуал, новичок показывал свою преданность Христу. Капеллан заявил, что всякий, кто говорил иное, повинен в смертном грехе. (В ноябре 1307 года он признался в том, что отрёкся от Христа, плевал на распятие, принимал участие в оргиях с элементами гомосексуализма и давал троекратный поцелуй в зад, пупок и половой орган. Тогда он поклялся, что говорит не под принуждением, а ради спасения своей души.)^[114]

К маю 1310 года впервые почти за три года дело приняло благоприятный оборот для тамплиеров. Ясная, убедительная, умно построенная защита храмовников ставила под угрозу лживые, оскорбительные обвинения Филиппа. Королю пришлось искать другой способ борьбы с орденом, поскольку это неприятное дело затянулось. Несмотря на то, что 10 мая Пьер Болонский обратился к комиссии с просьбой запретить Филиппу возобновление провинциальных советов, с 11 мая они продолжили свою работу, расположившись недалеко от Парижа. Этим органом инквизиции руководил другой приспешник монарха, только что назначенный архиепископом Санским, Филипп де Мариньи. Инквизитор был братом влиятельного казначея Филиппа, Ангеррана де Мариньи. На следующий день 12 мая архиепископ Филипп де Мариньи объявил, что пятьдесят четыре тамплиера, которые недавно выступили в поддержку ордена, являются упорными еретиками, потому что они отказались от собственных показаний, сделанных под пыткой. Их тут же вывезли в поле и сожгли на костре. Умирая, храмовники продолжали утверждать, что орден невиновен.

Как и ожидал король, зверское сожжение тамплиеров оказало должное влияние на свидетелей, желавших дать показания перед папской комиссией. Они пали духом. После того, как король продемонстрировал свою решимость уничтожить орден, оставшиеся защитники были вынуждены молчать. Тем временем де Мариньи продолжал отправлять тамплиеров на костёр. В течение нескольких дней были сожжены 120 храмовников. Архиепископы Реймса и Руана, оба назначенные Филиппом, открыли собственные провинциальные советы. Многие тамплиеры были убиты. Жертв выбирали из тех, кто мог выступить в защиту ордена. Архиепископ де Мариньи приказал доставить на провинциальный совет и осудить представителя ордена Рено де Провена. Папская комиссия послала представителей к архиепископу, чтобы остановить расследование, которое постепенно превратилось в фарс. Поначалу это не произвело на Мариньи никакого впечатления. В конечном счёте, он сдался и передал Рено де Провена в ведомство папской комиссии. Затем выяснилось, что Пьер Болонский таинственным образом исчез из тюрьмы. Скорее всего, его убили. Следующее заседание папской комиссии состоялась 30 мая.

Когда папская комиссия собралась на третью и последнюю сессию 3 ноября 1310 года, лишь горстка свидетелей согласилась выступить в защиту ордена. Оставшихся в живых защитников было приблизительно 200 человек, многие из них были ослаблены, напуганы и плакали, преклонив колени.

5 июня 1311 года папская комиссия представила результаты своего расследования Филиппу. Полная запись судебного процесса была предъявлена Папе. По заключению комиссии дело, возбуждённое против ордена, было не доказано. Тем не менее были найдены улики, показывающие, что в ордене бытовали нестандартные церковные обычаи, за которые орден должен понести наказание. Этого Филиппу было достаточно.

Булла *Pastoralis praeeminentiae* была направлена в 1307 году и другим европейским

правителям. Они поступили с орденом по-разному. Несмотря на то, что многие из монархов симпатизировали ордену, они должны были повиноваться понтифику и арестовать храмовников. В Англии папские предписания выполнили только для проформы. Английские тамплиеры знали об арестах, произошедших в октябре во Франции. Кроме того, Эдуард не спешил заключить их под стражу, поэтому, воспользовавшись трёхнедельной отсрочкой, некоторые члены ордена смогли бежать. С теми, кто остался, обошлись мягко. Они были заключены в свои тампли, им разрешили оставить свои богатства и даже оружие.

Английский суд состоял из трёх человек, этим он отличался от суда инквизиции. Почти ничего особенного не происходило до октября 1309 года, когда представители инквизиции стали проводить допросы без применения пыток. Ни один из сорока трёх братьев не признался в совершении тех преступлений, в которых их обвиняли. После серьёзной неудачи инквизиторы попросили короля дать им большую свободу при допросе. 15 декабря Эдуарду пришлось разрешить применение мягких пыток. Даже при этом условии весной 1310 года инквизиторам не удалось добиться ни одного признания. В июне инквизиторы пожаловались королю на то, что в Англии нет компетентных палачей, и попросили короля дать согласие перевезти английских тамплиеров во французские тюрьмы, где их могли тщательно допросить. Король отказал им. В конце 1310 года Эдуард разрешил снова применить пытки, но инквизиторам не удалось добиться ни одного признания. Всего было допрошено 144 английских тамплиеров.

Наконец, в мае 1311 года три храмовника покаялись в преступлениях, были прощены Церковью и вернулись в её лоно. Чтобы удовлетворить Папу, в 1311 году был достигнут компромисс: английские тамплиеры заявили, что вследствие предъявленных обвинений орден был сильно опозорен и его члены не могут оправдаться. В связи с этим они просят прелатов Англии отпустить им грехи и снять с них отлучение. Магистр английских тамплиеров с гордостью отказался пойти на этот шаг, его заключили в Тауэр, где он и скончался в 1313 году. В Шотландии Роберт Брюс думал о собственной выгоде больше, чем об амбициях короля и Папы, и согласился принять помощь хорошо подготовленных воинов в битве против Англии. В Ирландии следствие не дало никаких результатов.

Иаков II Арагонский из яростного защитника ордена превратился в сторонника Филиппа. В конце ноября 1307 года ещё до получения папской буллы он приказал арестовать всех тамплиеров и конфисковать их имущество. Возможно, Иаков II Арагонский понял, что, учитывая поддержку, которую Филипп оказывал понтифику (король фактически управлял действиями Папы), самым логичным было бы просто следовать ходу событий. В Испании также было много хороших воинов, занятых войной с маврами. Испанские тамплиеры были хорошо подготовлены и вооружены. Возможно, Иаков II почувствовал, что эти быстрые и решительные предварительные меры помогут избежать серьёзной конфронтации в будущем. В декабре он отправил свои войска на замок храмовников. Гарнизон, возглавляемый арагонским магистром тамплиеров, сдался, не оказав сопротивления. Тем не менее другие упорно сопротивлялись из-за того, что король отказался вступить в переговоры. Численность тамплиеров увеличилась, поскольку местная знатная молодёжь присоединилась к рыцарям, чтобы помочь им защитить замки.

В Арагоне расследование папской комиссии началось только в январе 1310 года. Хотя орден воевал с королём на протяжении двух с половиной лет, монарх проявил лояльность по отношению к арестованным тамплиерам. В 1311 году по распоряжению Папы к храмовникам ограничено были применены пытки, однако не удалось получить ни одного признания. В Арагоне так же, как и в других странах Пиренейского полуострова, включая Португалию, Майорку, Кастилию, тамплиеров оправдали. После этого многие из них покинули страну, ушли в горы и стали отшельниками. Существует предание, будто после смерти тела тамплиеров остались нетленными, что служило неоспоримым доказательством их невиновности и

мученичества^[115].

В Германии власти выразили разную степень готовности и желания выполнить приказ понтифика. В каждом регионе решение принималось в зависимости от местной политической ситуации. 11 мая 1310 года двадцать вооружённых тамплиеров ворвались на следствие, который проводил Собор в Майнце, и во всеуслышание опровергли все выдвинутые против них обвинения. Храмовники утверждали, что на плащах сожжённых тамплиеров чудесным образом уцелели кресты, это служило очевидным доказательством невинности ордена. Во время следующего заседания Собора тридцать семь тамплиеров, дававших показания, единодушно заявили, что выдвинутые против них обвинения ложны. Однако Климент V был разгневан вынесением оправдательного приговора и пересмотрел принятое решение.

В Италии было мало храмовников. Вероятно, многим из них удалось бежать, поскольку нашлось немного свидетелей. Местные правители по-разному отнеслись к распоряжению понтифика. В Ломбардии, несмотря на приказ Папы, власти отказались применять пытки и признали тамплиеров невинными. В Равенне к ним тоже отнеслись с сочувствием: только семь храмовников предстали перед Собором, власти не применяли пыток к подсудимым и признали их невинными. В Неаполе король из Анжуйской династии, сторонник Филиппа, немедленно выполнил папский указ: около сорока восьми тамплиеров были арестованы и убиты. Во владениях Папы были найдены только восемь храмовников, семь из них были признаны виновными; в других итальянских областях, таких как Тоскана, где было разрешено применение пыток, на первом же заседании суда тамплиерам вынесли обвинительный приговор.

После потери территорий на востоке тамплиеры перенесли свой главный штаб на Кипр. На острове произошёл государственный переворот: Амори де Лузиньян сверг с престола своего брата в 1306 году и благодаря поддержке храмовников стал правителем. Получив папскую буллу, Амори де Лузиньян стал обговаривать с тамплиерами сроки, в которые он может выполнить приказ понтифика и арестовать их. В мае 1308 года Магистр ордена на Кипре и два других руководителя предстали перед правителем и выступили в защиту себя и ещё 118 тамплиеров. 1 июня 1308 года Амори де Лузиньян осадил замок храмовников в Лимассоле. Тамплиеры сдались и были заключены под частичный арест. Слушание дела началось лишь в мае 1310 года. Все допрошенные заявили о своей невинности. Однако 5 июня Амори де Лузиньян был убит, а после его смерти Климент V смог провести новые судебные заседания и начать повсеместное применение пыток, надеясь, что комиссия вынесет более «справедливый» вердикт.

16 октября 1311 года во Вьенне (Франция) открылся главный Церковный Собор, который должен был состояться год назад. На повестке заседания были следующие вопросы: положение ордена тамплиеров, возможность ещё одного крестового похода и обсуждение планов реформирования Церкви. Собор, на котором планировалось решить многие проблемы, не оправдал возложенных на него надежд: отсутствовала одна треть приглашённых церковников и не было ни одного из монархов. Поэтому Клименту V пришлось сузить круг обсуждавшихся тем. Присутствующим надо было решить вопрос о распределении собственности тамплиеров. Папа находился под давлением многих факторов. Кроме того, Филипп и Ногаре возобновили угрозу заново начать посмертный суд над Бонифацием VIII. Бывшему понтифику предъявлялись обвинения, похожие на те, что были выдвинуты против тамплиеров, но только гораздо серьёзнее. Тело Бонифация VIII должно было быть извлечено из земли и сожжено, все его эдикты, направленные на укрепление папской власти, отменялись, а с Ногаре снималось отлучение.

По мере того, как приближалось время проведения Собора, Климент V всё отчетливее понимал, что нужны более веские улики, чем те, которые уже были у него на руках. За исключением Франции, где действовали приспешники Филиппа и орудия Инквизиции, на территории Европы не удалось найти никаких доказательств вины ордена. Папская булла

от 22 ноября 1307 года и дальнейшие действия понтифика обязывали его решить вопрос о виновности тамплиеров. Судьба Климента V зависела от вердикта, поэтому он потребовал применить пытки. Храмовники томились в тюрьмах с момента появления Инквизиции, а теперь их вновь вызвали на допросы. Последовали новые признания, некоторые тамплиеры перестали отстаивать свою невиновность. Таким был результат беспокойной и странной деятельности понтифика, желавшего легализовать свою власть. Климент V предложил тамплиерам выступить в собственную защиту. Однако похоже, что это была чистая формальность. Девять храмовников обратились с ходатайством, утверждая, что от 1500 до 2000 братьев ждут, чтобы им предоставили возможность защитить орден. Присутствующее духовенство, за исключением французских церковников, высказало своё пожелание разрешить защитникам тамплиеров дать показания на Соборе. Однако Папа приказал немедленно арестовать маленькую группу ходатаев, чтобы разубедить остальных выступать с подобными заявлениями и таким образом снова вызывать интерес и жалость к храмовникам.

Климент V не мог повлиять на решение Собора, поскольку истинная суть дела была слишком очевидна. Филипп потерял терпение. В феврале 1312 года он отправил к понтифику делегацию, среди членов которой были Ногаре, Плезиан и Ангерран де Мариньи, а также другие представители французской знати и кардиналы. Её целью было защитить интересы короля. Многие участники Собора были крайне недовольны посольством, поскольку личные переговоры делегатов с Папой проходили на протяжении двенадцати дней. В марте Филипп предъявил ультиматум. Он утверждал, что орден должен быть уничтожен, поскольку в июне папской комиссией были найдены доказательства ереси и других преступлений. Он добавил, что богатство тамплиеров должно быть отдано в казну нового крестового похода.

Сомнения Папы окончательно разрешились 20 марта 1312 года: король вместе с военным отрядом прибыл в Вьенну с целью удостовериться в том, что комиссия вынесет «справедливый» приговор. Дело должно было быть навсегда закрыто. 22 марта была созвана секретная консистория Собора. Климент V представил собравшимся кардиналам и прелатам свою буллу *Vox in excelso*. Он заявил, что хотя и не было найдено достаточно улик, доказывающих виновность тамплиеров, орден был сильно опозорен, поэтому отныне ни один достойный человек не вступит в него. Такое положение дел настолько ослабит христианские позиции в Святой Земле, что Папа вынужден распустить орден. Большинство (4/5) членов консистории поддержало понтифика. 3 апреля Климент V обнародовал буллу *Vox in excelso*, и с этого момента орден прекратил своё существование. Для публичного чтения указа на подиум вынесли три трона, в центре сидел понтифик, справа и слева от него были Филипп с сыном (королём Наварры). «Свершилось: уничтожить орден оказалось очень легко. Понтифику потребовались считанные минуты, чтобы несколькими фразами сделать то, что было не под силу всей исламской армии»^[116].

Король всё ещё питал надежду создать новый орден, во главе которого стоял бы он сам или один из его сыновей. Однако Филипп понимал, что это невозможно: на нём лежало несмываемое пятно. Его мечта стать во главе Христианской империи и получить титул «короля-воителя» была неосуществима. 2 мая понтифик издал буллу *Ad providam*. Согласно указу собственность тамплиеров переходила госпитальерам, а королю возмещались все издержки, которые он понёс с 1307 года. Военные ордена Кастилии, Арагона, Майорки и Португалии получили имущество храмовников, находящееся на территории этих стран, и предоставили убежище бывшим тамплиерам.

Как и следовало ожидать, состояние ордена стали постепенно разворовывать уже после первых арестов. После же осуждения все хартии, по которым храмовникам была дарована собственность, были аннулированы. Церковь и правительство конфисковали запасы еды,

одежды, а также лошадей, скот, движимое имущество и даже строительные материалы ордена. Право на получение ренты перешло властям. Долги, которые должны были выплатить признанным еретикам, прощались. Для Филиппа это было особенно выгодно, поскольку он занял у ордена довольно крупную сумму денег. Все монашеские ордена вели документацию, в которой подробно описывали свои занятия. Безусловно, тамплиеры не были исключением. Тем не менее, их архивы были безвозвратно утеряны. Неудивительно, что госпитальеры получили немного из того, что им даровал Папа. После уничтожения ордена началось немедленное разграбление его богатств, и госпитальерам досталась лишь скромная часть, которую они получили только через десять лет после издания буллы.

6 мая 1312 года Климент V издал буллу *Considerantes dudum*. Согласно указу, судьбу руководителей ордена должен был решить Папа, а остальных братьев будут судить провинциальные Соборы. С большинством из оставшихся в живых тамплиеров обошлись достаточно мягко. Тем, кто был признан невиновным или добровольно подчинился церковным властям, было позволено жить в бывших тамплях и даже получать пенсию из того, что осталось от собственности ордена. Только те, кто не пожелал признаться или отказался от уже сделанного признания, были наказаны, как еретики — их сожгли на костре. Многие отважные рыцари выбрали смерть.

В 1317 году немецким тамплиерам разрешили присоединиться к госпитальерам; в 1317 году в Аргоне Иаков II основал орден Монтезы, в который могли вступить бывшие храмовники. В Португалии тамплиеры получили разрешение стать членами нового военного ордена, ордена Христа, учреждённого королём Динишем. В 1318 году преемник Климента V Папа Иоанн XXII приказал церковным орденам оказать поддержку оставшимся в Неаполе храмовникам, кроме того, понтифик заявил, что обеты, принесённые членами бывшего ордена Храма остаются в силе. Так, например, им запрещалось вступать в брак. Из чего следует, что Папа негласно признал ортодоксальность тамплиеров, пойдя наперекор действиям своего предшественника, которые были направлены против храмовников.

Четверо главных руководителей ордена: Жак де Моле, досмотрщик Франции Гуго де Перо, командор ордена в Нормандии Жоффруа де Шарне и командор ордена в Аквитании Жоффруа де Гонневиль предстали перед специальной папской комиссией, в составе которой были три кардинала. Заседание состоялось в Париже 18 марта 1314 года. Слушание дела было чистой формальностью, поскольку подсудимые неоднократно признали свою вину. Однако де Моле и де Шарне отказались от сделанных признаний и заявили, что орден невиновен. Таким образом, они были признаны упорными еретиками, переданы в руки мирских властей и в тот же вечер должны были заживо сгореть на костре. Жака де Моле и Жоффруа де Шарне отвезли на Камышовый остров, находящийся на Сене. Руководители медленно сгорали на костре, но пока жизнь в них ещё теплилась, они во всеулышание утверждали, что невиновны и верны Церкви. Наблюдавшие за происходящим были восхищены поведением двух глав ордена и с почтением собрали их останки, считая погибших святыми мучениками.

Сразу же стали распространяться легенды, которые оправдывали этих великих воинов и указывали на несправедливость предъявленных обвинений. Говорили, что те тамплиеры, кто пытался доказать свою невиновность и были казнены, прошли сквозь руки Гийома де Ногаре. Один из них проклял подлого легиста. Через несколько дней де Ногаре умер. Говорят, что де Моле, пока пламя пожирало его, кричал, что орден невиновен, что Папа предстанет перед судом Господним в течение сорока дней, а король в течение года и оба ответят за свои преступления. Климент V умер через тридцать три дня, а Филипп — спустя восемь месяцев. Французскому монарху наследовали три сына, которые умерли в течение четырнадцати лет после кончины отца. Таким образом, династия Капетингов, правившая на протяжении трёхсот

лет, пресеклась.

Глава XXVI

Размышления об ордене тамплиеров

История тамплиеров вызывает у читателя непосредственный законный вопрос: были ли они виновны в тех преступлениях, в которых их обвиняли? Я полагаю, что требуется иная формулировка: в чём именно могли быть виновны храмовники, и кто из них мог совершить преступление?

Ответ должен быть объективным. В тамплиерах проявились все человеческие качества: героизм и трусость, щедрость и жадность, ум и глупость, скромность и гордыня, самоотречение и потворство своим желаниям, духовные взлёты и падения, соблюдение и нарушение клятв. Чтобы правильно оценить роль ордена, необходимо учесть, что многие из его членов по социальному статусу были чуть выше, чем крестьяне, а большинство из рыцарей были далеки от мифического идеала. С другой стороны, я верю, что некоторые из них пытались вести себя, как идеальные рыцари.

Истина заключается в том, что невозможно доказать ни виновность, ни невинность ордена. Для историков этот вопрос навсегда останется нерешённой проблемой. Действительно ли орден был еретическим: существовала ли ересь тайно во всех тамплях или только в ближайшем окружении некоторых Великих Магистров? Французский король и понтифик придерживались второй точки зрения. Многие из тамплиеров погибли под пытками во время заключения. Предъявленные обвинения покрыли орден позором — и он прекратил своё существование. Тем не менее единственный заговор, существование которого можно доказать, — заговор между Филиппом, Климентом V и Гийомом де Ногаре.

Историки, оккультисты, специалисты, занимающиеся проблемой тайных обществ, и многие другие пытались найти ответ на этот вопрос на протяжении многих веков. Решение этой задачи стало лакмусовой бумажкой для двух противоположных лагерей. Выбор ответа зависит только от веры человека в виновность или невинность ордена. Некоторые полагают, что тамплиеры были предвестниками светлой эпохи Возрождения, тайными основоположниками Ренессанса и возникших позднее эзотерических направлений. Другие полагают, что орден превратился в сатанинскую секту, последователи которой олицетворяют собой цинизм и атеизм, скрываясь за кулисами различных международных организаций, в том числе и ООН.

Существует ещё один вариант решения проблемы, так называемый «рационалистический» подход, которого придерживаются историки-скептики. Они утверждают, что тамплиеры были значимой частью исторического процесса, орденом, уничтоженным в Средние века. Те из них, кто остался в живых, вероятно, присоединились к другим монашеским орденам или стали мирянами. Однако со временем храмовники исчезли и были забыты, за исключением тех периодов, когда воспоминания о них гальванизировали романтики и шарлатаны. Сторонники этого мнения ссылаются на отсутствие фактических улик, которые бы указывали на наличие ереси внутри ордена и существование «тайных традиций». Они считают, что такая историческая недостоверность оправдывает их нежелание рассматривать ситуацию в более широком контексте.

Дж. Легман, историк и специалист по «науке любви», с большим чувством юмора и оригинальностью подходит к решению этой проблемы. Он пишет, что тамплиеры, несомненно, были виновны. Храмовники представляли собой сатанистскую дуалистическую секту, в их церемониях присутствовал элемент гомосексуализма. Почитание Бафомета было основой ордена. В подтверждение своих выводов Легман приводит эссе учёного Томаса Райта «Культ воспроизводства». И Легман, и Райт возводят обряд принятия нового члена в орден (в котором

обвиняли тамплиеров) к гностическим церемониям почитания фаллических символов, а через них к дохристианским и антихристианским культам. Райт полагает, что эти непристойные ритуалы, которые описывали ранние христианские ересиологи, являются «смесью свободы нравов, вульгарности древнего язычества с дикими доктринами поздних восточных философов»^[117]. Он полагает, что персидские манихеи бежали с востока на запад, пытаясь спастись от преследований, и положили начало движению катаров. Райт также олицетворяет средневекового сатану с Приапом.

Гностики полагали, что божество по природе своей является двуполым и бисексуальным. Вследствие этого многие секты допускали и гомосексуальные, и гетеросексуальные связи среди своих сторонников. Кажется нереальным предположение, что тамплиеры могли быть воодушевлены магическим язычеством, элементы которого присутствовали в суфизме, буддизме, индуизме, каббалистическом иудаизме, даосизме, культе ведьм XVI века и повлияли на деятельность Джеральда Гарднера и Алистера Кроули в XX веке. Однако нечто подобное мы имеем в виду, когда говорим о еретической доктрине, установившейся среди храмовников. Она не была лишь плодом воображения Филиппа IV и де Ногаре. Полностью отвергать эту возможность кажется столь же неразумным, как и безоговорочно её принимать.

Я полагаю, что, учитывая имеющиеся доказательства, можно создать теорию, которая не будет противоречить ни историческим фактам и здравому смыслу, ни романтике и таинственности, которые сопровождали орден с момента его основания. При исследовании загадки тамплиеров необходимо принять во внимание три важных и неоспоримых фактора, а их влияние может объяснить многое в истории храмовников.

Первым из этих факторов является творческий подход при создании Устава ордена и его пропаганде, направленной на привлечение новых членов и покровителей. Бернар применил сложную пояснительную методологию, целью которой было исследовать, анализировать и создать религиозную догму. Идея учреждения военного религиозного ордена, состоящего из монахов-воинов, была новой для христианства. Её неясное происхождение можно с лёгкостью возвести к истории царя Давида, описанной в Ветхом Завете. Убив Голиафа, он стал святым воином Господа. Сам Иисус часто проводит военные аналогии, в частности, для того, чтобы описать природу самопожертвования, необходимого на пути духовного самосовершенствования. Так, например, слова Иисуса: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл я принести, но меч»^[118], ясно выражают необходимость борьбы со злом.

Однако самым главным является то, что святой Бернар выдвинул новую оригинальную и плодотворную идею. Она соответствовала требованиям социальных, политических и духовных условий того времени и имела успех. Кроме того, идея Бернара возникла в тот момент, когда период культурного упадка близился к концу. Церковь с радостью приняла её, надеясь, что она сможет пробудить спящую европейскую душу. Короли и знать также подхватили эту новую мысль. Это не было наукой, это была теология. Европейское христианство претерпело чудесное изменение, а Бернар Клервоский был канонизирован за свои заслуги. С другой стороны, судьба распорядилась так, что тамплиерский орден — «детище» святого — был предан анафеме и уничтожен. Духовный миф был привилегией храмовников, которая отличала их от госпитальеров и тевтонов. Основание ордена Храма было творческим актом, его существование было подобно яркой вспышке, осветившей средневековую Европу. Уничтожение тамплиеров стало трагическим событием, однако оно имело столь же важное значение, как и его создание.

Вторым фактором было влияние, которое общение с мусульманами оказало на европейцев и, в особенности, на военных ордена. В Средние века арабская культура находилась на более высоком уровне, чем европейская. В регионе жили представители разных вер: мистики, факиры,

зороастрийцы, гностики, суфии, буддисты. Крестоносцы, которые постоянно сталкивались с ними, были поражены таким религиозным многообразием. Естественно, наиболее умные и предрасположенные к богословию рыцари не могли не сравнивать духовное богатство и мудрость восточного мира с предрассудками и догмами католичества.

Некоторые крестоносцы стали всё больше и больше сомневаться в том, что лишь христиане выполняют волю Бога. В результате, они постепенно изменили свои традиционные представления. Первая встреча европейцев с ассасинами произошла во времена Кийямы, когда те в очередной раз пересмотрели шариат. Нетвёрдость веры исмаилитов могла оказать влияние и на крестоносцев. Отвержение ассасинами мусульманской ортодоксии весьма напоминает предательство христианской религии, в котором обвинили тамплиеров.

Из всех участников крестовых походов военные ордена дольше всех пребывали на территории Святой Земли. Мы уже упоминали о том, что местные бароны, вынужденные тратить огромные денежные суммы на защиту своей собственности, дарили военным орденам земли и крепости. Европейские монархи и знать приезжали на восток во время очередного крестового похода, а когда военная кампания завершалась, возвращались домой. Безусловно, пребывание в Святой Земле было для них полезным опытом. Таким образом, на протяжении двух столетий арабская культура оказывала влияние на европейцев. Однако военные ордена постоянно находились на востоке. Воины изучали язык, вели торговлю, заводили друзей и вступали в политические союзы, читали местную литературу, знакомились с восточной философией, и даже втайне заводили любовниц. Иногда они проводили там больше времени, чем на западе, и новая культура была им ближе, чем родная.

Третий фактор, который необходимо учесть, — влияние катаров. Изучая историю храмовников, мы находим подтверждения тому, что они сыграли в ней важную роль. Жизнь тамплиеров сложным образом переплетается с жизнью катаров: они с радостью были приняты на территории Лангедока, но у их отношений была печальная развязка — Альбигойский поход. Обвинения в ереси, которую должны были искоренить храмовники, отчасти напоминали обвинения, позднее выдвинутые против ордена. Если тамплиеры и были еретиками то, вероятнее всего, на них повлияли именно катары. Например, священный поцелуй, в котором обвиняли тамплиеров, напоминает поцелуй мира среди Совершенных. Суть обряда осквернения креста близка чувству ненависти альбигойцев к иконам с изображением Христа. Название *bougre*, или *bugger*, применявшееся к катарам, позднее получило значение «содомит» и «содомия», в которой обвиняли тамплиеров. Совместное покаяние во время церемонии *apparellamentum*, которая происходила среди совершенных, напоминает капитулы тамплиеров. И те, и другие отрицали семью, обет целомудрия был одним из основных обетов альбигойцев и храмовников.

Еретические христианские течения, заявлявшие своей целью поиск истинного христианства, не нашли бы для осквернения предмета лучше, чем крест, поскольку именно он являлся символом ненавистной искупительной расплаты: невиновный страдал за труса во имя спасения его души. Антиномианское христианство презирало такое поведение. Также нетрудно себе представить, что отрицание катарами физического тела и его сексуальной природы могло превратиться в явное распутство. Психические и биологические потребности человека не находили удовлетворения, игнорировалась одна из них. В результате люди испытывали либо физический голод (половое влечение) в случае обета целомудрия, либо эмоциональный голод (потребность в личной привязанности) в случае разврата.

Здесь мы остановимся и рассмотрим возможность невиновности ордена. Бытует мнение, что никто из тамплиеров не пожелал умереть за свою еретическую веру в отличие от мучеников-катаров. Однако Жак де Моле, несмотря на все его колебания, принял мученическую смерть,

защищая орден. Великий Магистр поступил так же, как и многие другие храмовники. Эти подсудимые без труда могли бы избежать костров Инквизиции, если бы только не отказались от признаний, сделанных под пытками.

С лёгкостью поверив в виновность тамплиеров, чтобы подкрепить романтическую концепцию истории и устоявшиеся взгляды на инициационную сущность тамплиерской обрядовости, исследователи эзотерической традиции могут невольно оскорбить память храмовников, присоединившись к наветам французского короля. Чарльз Генри Ли считает, что признать виновность ордена — значит поддержать обвинения, выдвинутые Инквизицией против ведьм. Он также делает справедливое замечание, что, если бы тамплиеры действительно создали или распространили антихристианскую доктрину, то они бы постарались это скрыть. Храмовники стали бы постепенно и очень осторожно посвящать в свою тайну новых членов ордена. Учёный считает невозможным тот факт, что любое еретическое учение могло быть сразу же открыто любому новичку.

У тамплиеров никогда не было иерархической структуры подобной структуре ассасинов, у них не существовало имама. Должность Великого Магистра была выборной, главными критериями были военная подготовка кандидата и наличие политических связей. Исключение составлял только Гуго де Пейн, однако высокая духовность не являлась основным качеством для главы ордена^[119].

По Уставу Великий Магистр, безусловно, должен быть храбрым человеком, который ставит превыше всего интересы ордена. Кроме того, он должен был олицетворять духовную скромность, щедрость и честь. Однако Великий Магистр никогда не являлся представителем Высшего Разума в отличие от имама, который имел право радикально изменить доктрину секты. Так, например, Хасан III полностью пересмотрел исмаилитскую традицию и провозгласил Кийяму, а его правнук вынудил ассасинов отказаться от шиизма и принять суннитскую веру. Хотя Великий Магистр мог ужесточить или смягчить правила по собственному усмотрению, нет ни одного доказательства того, что у ордена существовал секретный Устав, положения которого могли бы стать причиной обвинений, выдвинутых против тамплиеров.

Ассасины под руководством Хасана ас-Сабаха представляли собой мистическую секту, которая сделала многое для того, чтобы изменить политическую ситуацию на востоке и распространить своё религиозное учение. Таким образом они надеялись получить политическую свободу во враждебной среде. Тамплиеры не были столь хитрыми. Тем не менее влияние мистических учений Бернара Клервоского, возможность принять разнообразные богатые духовные традиции Ближнего Востока и постоянное влияние еретиков-катаров могли стать причиной возникновения круга избранных. Во время своего пребывания в ордене *избранные* были способны создать доктрины на основе разных учений. Эта внутренняя элита храмовников, будучи предрасположена к мистическим догмам ассасинов, могла найти в них духовное богатство, достойное внимания. Учения, которые тамплиеры впоследствии развивали, обладали глубиной и не несли в себе зла. Они были дискредитированы надуманными и подлыми наветами Филиппа и Инквизиции.

Я полагаю, что вопрос о виновности или невинности ордена, если принять в расчёт исторические доказательства и логику человеческого поведения, может быть решен так: внутренний круг тамплиеров мог нести ответственность за некоторые проступки. Именно оставшиеся в живых *избранные* стали проводниками гностико-исмаилитского учения, проникшего в Европу. С тех пор оно начало оказывать влияние на развитие западной мистической традиции.

Часть четвёртая

Послесловие

Путь мистики

В этой книге рассматривается лишь одна узкая проблема — ключевой момент в развитии западной эзотерики — период крестовых походов. Эта эпоха тщательно изучена учёными и отражена в документах. Мы полагаем, что современное наследие западной мистической традиции является результатом слияния мистических учений ислама и христианства, поскольку обе религии основаны на иудаизме. Западный оккультизм можно представить в форме синтеза трёх эзотерических направлений трёх монотеистических религий, который произошел во времена крестовых походов. Когда сыновья Исаака и Измаила отпраздновали позднее воссоединение семьи, они приняли в свой круг дочерей Софии, античной языческой мудрости, которая пряталась среди эзотерических доктрин трёх религий. Так воскресла душа западной культуры со своим ещё нереализованным потенциалом.

В качестве доказательства этого тезиса предлагается последующий очерк оккультных верований, которые существовали до и после крестовых походов. Хотя мы можем лишь вкратце осветить основные этапы развития западной мистической традиции, это резюме поможет проиллюстрировать развитие эзотерики на протяжении различных культурных периодов, начиная с Египта — родины первых исторически засвидетельствованных мистических учений. Затем мы обратимся к периоду, когда оккультизм не имел чёткой формы. Эта эпоха подошла к концу с наступлением средневековья (VI век н. э.). Европейские языческие философы и посвящённые были вынуждены покинуть свои родные края и переселиться в более толерантные государства, расположенные на территории Персии. Эмигранты принесли с собой гностическое и неоплатоническое учения. Наиболее важные эзотерические исмаилитские доктрины будут представлены на следующих страницах. Затем, после завершения крестовых походов, оккультные верования вновь проникли на территорию Европы. В эпоху Ренессанса многочисленные эзотерические направления и мистические тайные общества расцвели пышным цветом. Наконец, мы проследим их развитие вплоть до сегодняшнего дня, это должно нам помочь установить важность истории крестовых походов.

Истоки западной мистической традиции

Египет

Египет — мать цивилизации и колыбель западной эзотерики. Египетская религия была магической религией, которая предполагала постоянное взаимодействие между человеком и различными божествами, составлявшими избранный пантеон. Посвящённые должны были запомнить магические формулы и заклинания и продемонстрировать своё умение. Жрецы устраивали проверки на смелость и честь. Обладание тайными знаниями и высокая нравственность были необходимы, чтобы проникнуть на более глубокие духовные уровни. Жрецы разработали сложную систему магии, которая представлена в письменной, скульптурной форме, а также в виде изображений. Египетские мистерии были сопряжены со священным культом фараона. Таким образом, у них не было потребности в эзотерической подоплёке,

подобной подоплёке исмаилитов или в Европе периода после крестовых походов.

На протяжении долгого времени Египет считался родиной алхимии. Египетские моралистические учения, представленные в форме учёной литературы и похоронных текстов, достигли высших уровней священного знания. Искусство Египта вызывает благоговение. Храмы, статуэтки, фрески, высеченные фигуры, ювелирные изделия, раскрашенные свитки и саркофаги — молчаливые свидетели великолепной и величественной культуры, с которой ничто не может сравниться. Молчаливые и неизменные изображения «Книги мёртвых» продолжают говорить и двигаться сегодня, несколько тысяч лет спустя после их создания.

Еврейская каббала

Каббала — еврейское эзотерическое учение. Слово происходит от ивритского корня QBL, который значит «получать» и предполагает передачу тайного знания устным путём. Считается, что Господь передал это знание некоторым избранным ангелам в Раю, которые сразу же передали каббалу Адаму после грехопадения. Это знание о том, как вернуть себе духовную непорочность. Затем учение было передано Ною, Аврааму (второе тысячелетие до н. э.). Авраам отправился в Египет, там поделился этим учением с избранными жрецами. Они, в свою очередь, передали знание адептам из других народов. Много времени спустя Моисей (ок. XIII века до н. э.) отправился в странствования по пустыне, где ангелы передали ему каббалу. Моисей зашифровал знание в первых четырёх книгах Пятикнижия. Таким было легендарное происхождение каббалы, которая не выходила за пределы иудейской культуры, пока ученики Рабби Шимона Бар Йохая не собрали его трактаты в единую работу по каббалистике, которую назвали «Зохар». Её впервые опубликовали в XIII веке.

Самым известным символом каббалы является древо жизни. Этот образ вызывает воспоминания о множественности, которая является неотъемлемой частью эманационной концепции космоса, представленной в учениях древних мистиков и пророков. Дерево состоит из небесного царства, царства архангелов, ангелов, и космического царства, помимо этого существуют царства земное и демоническое. Эта геометрическая иерархия истекает из единого и невидимого первоначала. Всё созданное переходит из этого единства в несколько постепенно уплотняющихся пластов бытия. Древо жизни отражается в четырёх мирах: мир архетипов, мир творения, мир формы и мир материи. Эти миры соответствуют четырём стихиям: огню, воде, воздуху, земле. Схематически структуру дерева можно изобразить в виде десяти сфер, или сефиротов, которые представляют собой числа от одного до десяти. Эти сферы соединены двадцатью двумя путями (священные буквы еврейского алфавита). Вместе они составляют тридцать два пути, которые описаны в «Сефер Йецире» — раннем каббалистическом тексте, автором которого считают Авраама. Своими богатыми символами древо жизни предлагает карту путей к освобождению.

Каббалистическая традиция существует и у арабов, и у греков, алфавиты которых являются буквенно-цифровыми. Таким образом, как и в иврите, слова и фразы могут наделяться тайным значением, которое открывается благодаря числовому соответствию с другими словами и фразами. А числам придавали скрытое значение в зависимости от того, какому слову они соответствуют. Священное искусство Египта также представляло собой соответствие между позой фигур на виньетках и иероглифами^[120]. Посвящённые изучали тайное знание, позволявшее им расшифровывать символы и читать скрытые послания в живописи и скульптуре.

Греция

Мифический поэт и музыкант Орфей привёз в Грецию египетские мистерии. Его считают создателем греческого пантеона. Полагают, что Элевсинские таинства были основаны около 1400 года до н. э. Они стали самым популярным и распространённым способом передачи и сохранения эзотерики Египта. Многие ритуалы Элевсинских таинств известны нам благодаря

Платону (ок. 428–348 годов до н. э.). Они описываются в его диалогах «Тимей» и «Критий». Об этих мистериях есть свидетельства и у римского писателя-сатирика Луция Апулея (II век) в его произведении «Золотой осёл». Центральным событием малых Элевсинских таинств является драма похищения Персефоны (дочери богини Цереры) Плутоном (владыкой подземного царства), который сделал её своей женой. Иерофанты Элевсина проводили параллель между этим таинством и заточением бессмертной души в тело, её гроб. Те, кто постоянно принимал участие в малых Элевсинских мистериях и доказывал, что достоин большего, принимал участие в больших Элевсинских мистериях. Освобождение Персефоны символизировало путь к очищению. Полгода она могла провести на земле. При инициации душа посвящаемого совершала временное бегство из материального царства смерти на олимпийские высоты, где живут бессмертные боги света. Тайные техники, при помощи которых заканчивались мистерии, были известны только жрецам и жрицам, отвечавшим за проведение таинств.

Гностицизм

Эти же элементы составляли основу средиземноморского духовного течения, известного под названием гностицизм. Зороастризм (персидский дуализм) распространился на территории Римской империи в виде митраизма и также оказал огромное влияние на гностицизм. Согласно учению гностиков, мир был разделён на две части: материю и дух. Дух — искорка непередаваемого, вечного, непостижимого божества в каждом отдельном человеке, которая была заключена в материальные границы трёхмерного тела по воле Демиурга, или меньшего божества. Согласно гностической доктрине эманации существуют первоначальные, непримиримые невидимые антагонисты (дух и тело, тьма и свет). Они дали рождение среднему основанию, или плероме — промежутку между ними. В плероме обитают различные архангелы, ангелы, от которых произошли люди и земля. Обратное движение по ступенькам от материи к духу означает путь возвращения. Посвящённый учится подниматься над тюрьмой тела и постепенно восходить, проходя духовные сферы. Этот процесс был подробно описан обществами средиземноморских гностиков. Духовная свобода была обещана тем, кто был достаточно смел и упорен, чтобы требовать её. Они имели на неё полное право.

В эпоху раннего христианства ессеи в Святой Земле и другие про-христианские еврейские и языческие гностики с радостью приняли откровение христиан. Гностицизм долгое время продолжал распространяться, поскольку имел тенденцию к синтезу.

Герметизм

Греческие гностики продолжили создание герметической литературы во II и III веках. Герметизм представлял собой своеобразную контаминацию всё тех же элементов, которые лежали в основе раннего христианства: гностицизма, греческой философии, еврейских и персидских верований, а также утешительных мифов о божественном спасителе. Считалось, что Гермес Трисмегист (греческий аналог Тота) научил людей письму, музыке, математике, астрономии, медицине, химии, магии и философии. Гермес — посвящённый, проводник душ в царство мёртвых, или духовный водитель, в невидимом мире. Душа посвящённого — герметика поднимается по семи планетам, постепенно оставляя низменную сущность, чтобы соединиться с духовной реальностью, с тем, кто был до сотворения.

Многие научные трактаты приписывались Гермесу во II и III веках н. э. В них обсуждались многочисленные вопросы: вопросы астрологии, алхимии, магии, оккультных свойств камней и трав. Также были философские и духовные трактаты, посвящённые ревностному благочестию, их тоже часто приписывают герметикам. Эта школа пыталась преодолеть рационализм греческой философии, культивируя мистические способности человека.

Неоплатонизм

В III-V веках н. э. из герметизма выделился неоплатонизм. Плотин (205–270), Порфирий

(234–305), Ямвлих (ок. 250–330), Прокл (ок. 410–485) были первыми представителями этого направления. Расцвет этой мистической философской школы ознаменовал собой окончание целой эпохи, поскольку сразу после него на Европу опустилось гробовое молчание Средних веков. Неоплатонизм включал в себя все рассмотренные направления и усовершенствовал их. «Неоплатонизм был последней попыткой умирающего язычества возвестить свою секретную доктрину и таким образом сохранить её для потомков»^[121]. Помимо учения об эманации неоплатоники выдвинули концепцию о том, что умственное знание является бесполезным до того, как уровень сознания индивида перейдёт на более высокую ступень восприятия действительности. Медитация и другие духовные упражнения — средства, с помощью которых посвящённый может постичь религиозную и философскую истины.

Ислам и Ближний Восток

Языческие мистерии стали исчезать по двум причинам: из-за извращённой природы таинств и христианских гонений. Западная Европа погрузилась в Средние века. Священная доктрина переместилась на Ближний Восток, поскольку под давлением Юстиниана учёные и отшельники были вынуждены покинуть неоплатонические академии и гностические общества. Персидская династия Сасанидов оказала им радушный приём.

Неоплатонизм стал развиваться дальше на Ближнем Востоке. За долгое время до этого древняя шумерская и вавилонская цивилизации создали избранные мифические пантеоны и проводили свои священные мистерии. Много веков спустя эти культуры вымерли, появился зороастризм (между VI и VII веком до н. э.). Под влиянием неоплатонизма и ислама доктрина Заратустры превратилась в местный персидский гностицизм, который существовал с VII по X века н. э. Хотя во время своего распространения на Ближнем Востоке традиционный ислам привлек к себе сердца множества верующих, ему не хватало развитой системы символов. Философское содержание неоплатонизма превосходно отвечало этому требованию, влившись в контекст мусульманской культуры и перевоплотившись на новой почве в исмаилизм и суфизм.

Через мусульманское посредничество в средневековую Европу проникли сочинения Аристотеля (ок. 384–322 годах до н. э.). Арабские переводы греческого оригинала были переведены на латынь в XII веке христианами, еврейскими, мусульманскими учёными, которые работали в Испании и Сицилии. Труды Аристотеля ставили под сомнение средневековые предрассудки и исключительное положение христианской духовности, основывавшейся на идеализме его учителя Платона, который исключил рассмотрение физической реальности из задач философии. Учения Аристотеля были прямой антитезой философии Платона. Для Аристотеля самым важным были рациональный подход и логика. Его научный метод основывался на рациональном исследовании. Учения философа способствовали развитию медицины, математики и естественных наук на востоке. Исследования Аристотеля также касались космологии, метафизики, этики, психологии и политики (в Европе она не могла найти применения с момента падения Рима).

Крестоносцы и оккультизм

Вынужденные контакты между христианством и исламом во время крестовых походов создали благоприятные условия для восприятия европейцами мистических учений. К тому моменту, когда христиане вплотную соприкоснулись с мусульманской культурой, европейцы уже были готовы к тому, чтобы впитать знания, которые им мог предложить восток. С другой стороны, к моменту завершения крестовых походов (спустя два столетия) мусульмане растратили всю свою жизненную энергию во время военных кампаний против крестоносцев и монголов. Европа, которая погрузилась в Средние века, когда восток переживал период расцвета, после завершения военных действий вступила в эпоху Ренессанса. Мусульманский мир погрузился в собственное Средневековье. Военная победа, одержанная мусульманами над европейцами и

монголами, обернулась экономическим и социальным упадком. Восток до сих пор восстанавливается.

Западная эзотерика после крестовых походов

Мы внимательно рассмотрели исмаилитские верования и историю их развития. На основе всего сказанного выше можно сделать следующий вывод: философия исмаилитов оказала существенное влияние на западную эзотерику. Разумно предположить, что основным источником проникновения гностическо-исмаилитского учения на территорию Европы были *избранные* тамплиеры, которым удалось спастись после уничтожения ордена. Оставшиеся в живых храмовники тайком продолжили обучать своих последователей доктринам и мистическим учениям, которые они усвоили на востоке — настоящему «тайному учению» ордена. Со временем эти знания легли в основу оккультных верований, распространившихся в Европе. В последующие века после уничтожения ордена в XIV веке стал готовиться эзотерический переворот, который продолжается и сегодня.

Ренессанс

Уничтожение тамплиеров совпало с закатом эпохи Средневековья. Сразу же стали появляться многочисленные оккультные учения и тайные общества, которые мистическим образом формировали дух того времени. Расцвет оккультизма был одним из признаков Ренессанса, или Возрождения — исторического периода, следовавшего за Средневековьем. Новая эпоха началась приблизительно в 1375 году и завершилась в 1575 году. Возрождение характеризуется повышением интереса к античной литературе и античным ценностям. Ренессанс сопровождался упадком феодализма и ростом торговли. Именно тогда произошло открытие Америки и была сформулирована теория Коперника, которая заменила собой геоцентрическую модель Птолемея. В этот период были изобретены бумага, печатный пресс, порох, компас, телескоп.

Леонардо да Винчи (1452–1519) долгое время считался образцом человека эпохи Ренессанса. Это был выдающийся художник и учёный, чьи интересы распространялись на весь спектр современного ему знания. Среди его коллег-художников итальянской школы был Микеланджело Буонаротти (1475–1564), работы которого отражают дух нового этапа европейской истории, ярко проявившийся во всплеске интереса к теме священной природы индивидуума, уже находившей ранее отражение в мифе о Святом Граале и куртуазных романах XII–XIV веков. На смену вынужденному коллективизму и теологии, столь характерным для Средневековья, пришла новая концепция, согласно которой индивид «может обогатить общество и природу, а не представлять для них угрозу»^[122]. Искусство Ренессанса отводит человеку его законное место во Вселенной: на картинах Микеланджело Бог с любовью касается руки Адама, а на лице обнажённого Давида нет ни тени стыда.

Развитие науки в эпоху Возрождения вселило в людей надежду на начало нового Золотого века. Важным событием этого периода стало открытие Америки. В энциклопедии «Британника» приводится следующая мысль: «Открыв в конце XV века Новый свет, путешественники поколебали общепризнанный авторитет античных учёных»^[123]. Вскоре изменились представления о Земле: она больше не имела плоскую форму и перестала быть центром солнечной системы. Во время своего визита в Италию в конце XV века Николай Коперник (1453–1543) познакомился с работой о Солнце. Её автором был Марсилио Фичино (1433–1499) — директор флорентийской Платоновской академии. Идеи итальянца так вдохновили Коперника, что последующие пятьдесят лет своей жизни он посвятил изучению астрономии.

Впоследствии учёный написал книгу, потрясшую весь мир, — «О вращениях небесных сфер»; она была опубликована вскоре после его смерти. Для того, чтобы доказать теорию вращения Земли вокруг Солнца, Коперник привёл цитаты из Гермеса Трисмегиста. Новая концепция противоречила старой, созданной во второй половине II в. н. э., теории Птолемея. Галилео Галилей (1564–1642) использовал последнее изобретение того времени — телескоп, надеясь дать научное обоснование гелиоцентрической модели. В результате он сразу же предстал перед судом Инквизиции и вынужден был отречься от своей идеи. Последние восемь лет жизни Галилей провёл под домашним арестом. Однако, несмотря на все усилия Инквизиции, эпоха Средневековья, основными чертами которой были религиозность, нравоучительность и авторитарная догма, подходила к концу. Люди перестали верить в непогрешимость Церкви.

Реформация

В 1517 году Мартин Лютер (1483–1546) публично обвинил церковников в развращённости. Кроме того, католической церкви были предъявлены обвинения в том, что она поощряет такое поведение. Таким образом, он положил начало Реформации в Германии. Можно предположить, что Лютеру только чудом удалось избежать Инквизиции. Возникновение и существование протестантского движения свидетельствует о слабости католической церкви, утратившей свою тысячелетнюю монополию в Европе. Лютер является олицетворением религиозных качеств, близких тем, которыми обладали еврейские пророки, жившие с VI по V века до н. э. В то время их борьба с официальной властью была уникальным явлением на Ближнем Востоке. Воззрения Лютера также напоминали и донатистскую ересь, согласно которой сила таинства зависела от духовной чистоты проводящего его человека.

Западные эзотерические движения

В период Ренессанса увеличилось число эзотерических движений, что также поколебало авторитет Церкви. Художники, естествоиспытатели, учёные-гуманитарии, даже политики поддержали старую как мир идею. Античные идеалы стали символом самого утончённого вкуса и признаком современности. Сейчас мы рассмотрим некоторые оккультные течения, последователями которых были эзотерики Ренессанса.

Миф о Граале

Среди первых идей, завладевших воображением людей эпохи Возрождения, был миф о святом Граале^[26]. Эта легенда воплощала тоску по идеалу. Воин Грааля на своём пути подвергался серьёзным опасностям и сталкивался с множеством врагов. Сверхъестественная сила помогала воину подняться выше собственных возможностей и даровала ему стойкость для достижения духовной победы. Его единственной защитой является вера, приверженность долгу и высшей цели.

Первые письменные сказания о святом Граале появились почти одновременно с основанием ордена Храма. Безусловно, тамплиеры служили источником вдохновения для таких авторов как Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170–1220), который в «Парцифале» идеализировал рыцарей — защитников Святого Грааля, чья чистота позволяла им не принимать никакой другой пищи, кроме духовной, заключённой в священной чаше. Полин Матарассо полагает, что Бернар и цистерцианцы послужили образцом для других авторов легенд о святом Граале. Она проводит параллель между традициями монахов, их постоянным уединением (они были отшельниками) и добродетелями, которыми были наделены рыцари Грааля. Они совпадали с добродетелями цистерцианцев^[124].

Для знати были учреждены рыцарские ордена, в основе которых лежала символика Грааля.

В 1348 году в Англии Эдуард II основал орден Подвязки. Филиппом III был основан орден Золотого руна, объединивший испанскую, австрийскую и французскую знать. Тщательно продуманные и помпезные обряды этих орденов олицетворяли высокую рыцарскую культуру, которую приняли аристократы позднего Средневековья. Они придерживались этой этики как в военное, так и в мирное время.

Таро

Первое знакомство европейцев с картами таро было напрямую связано с публикацией «Парцифалья» в последней четверти XV века. Считается, что таро были созданы на совете посвящённых, произошедшем в Марокко около 1200 года. Их целью была защита и передача тайной мудрости, несмотря на культурные и языковые барьеры. Для достижения этой цели было выбрано оригинальное средство, которым оказалась колода карт, использовавшаяся кочующими цыганами. Карточные изображения передают суть духовного процесса посвящения. Считается, что в таро воплощено всё тайное знание. Среди многочисленных символов присутствуют те, что связаны с мифом о Граале, а также с астрологией и алхимией. При гадании на таро используются магические техники, при которых гадающий медитирует над картой, раскрывающей перед ним путь к высшей сосредоточенности. По своей структуре таро напоминает каббалу. Двадцать два козыря соответствуют буквам ивритского алфавита и путям дерева жизни, четыре масти — четырём стихиям, десять пронумерованных карт — сефиротам.

Герметизм в эпоху Возрождения

В 1453 году на Константинополь напали турки-османы и захватили город, поэтому представители восточной учёной элиты вынуждены были бежать на Запад. Они взяли с собой книги и манускрипты, созданные в Древней Греции в классический период. Учение почти забытых герметиков, которые жили в период раннего христианства, вновь оказалось востребованным во время Ренессанса. В 1460 году Козимо Медичи (1389–1464), состоятельный правитель Флоренции, купил греческие рукописи, содержащие основные части *Corpus Hermeticum* (труд, состоящий из пятнадцати трактатов). Медичи основал платоновскую Академию, члены которой занимались изучением греческой философии, и которая стала в результате центром неоплатонизма эпохи Возрождения. Он приказал Марсилио Фичино, руководителю академии, перевести только что купленный манускрипт. Фрэнсис Йейтс указывает основную ошибку герметиков Ренессанса: они считали, что этот текст является памятником Древнего Египта, а не Греции II-III веков н. э. ^[125] Тем не менее глубочайшее почтение, которое они питали к этому труду, разделялось оккультистами позднейших эпох, прекрасно осведомлёнными о его истинном происхождении.

Герметическая каббала

Одновременно с появлением доступа к герметической литературе стал возрастать интерес к еврейской каббале. Он возник во многом благодаря Пико делла Мирандола (1463–1494), ученику Фичино. Соединение греческого герметизма и еврейской каббалы получило название герметическая каббала. Возможно, Пико делла Мирандола заинтересовался каббалой потому, что он смог познакомиться с ненапечатанными манускриптами Раймонда Луллия (1235–1315). Мирандола оказал влияние на Йоханнеса Решлина (1455–1522), Корнелия Агриппу (1486–1535), Роберта Фладда (1574–1637), которые погрузились в изучение каббалы и прямым или косвенным образом повлияли на движение розенкрейцеров, которое возникло в начале XVII в. в Германии. Кнорр фон Розенрот (1636–1689) перевёл некоторые тексты из Зохара на латынь. Его труд получил название *Kabbala Denudata*. Фон Розенрот помог популяризировать в христианской культуре идею о том, что иврит является священным языком и способен помочь раскрыть тайны природы. Открытая интеллектуальная модель, которую предлагала герметическая каббала, дала оккультистам разных национальностей общую структуру. На основе этой структуры они могли

проводить собственные исследования, а также создать единый язык общения.

Алхимия

В XVI и XVII веках появилось целое море алхимической литературы, вызвавшее оживлённый интерес у учёных и оккультистов того времени. Хотя обычно алхимию описывают как психическо-духовный процесс, несомненно, она представляла собой в большой степени духовную экспериментальную науку и была предшественницей физики и химии. С философской точки зрения, алхимия представляла собой следующий шаг на пути от воззрений радикальных гностиков, испытывавших крайнее отвращение к материи, к признанию материальной природы воплощённого мира. Материя стала восприниматься как возможное средство лечения. Тонкими и невидимыми психическими энергиями можно было управлять и регулировать их при помощи различных растений, металлов и других натуральных источников энергии. Алхимия признавала превосходство духа в том смысле, что, в отличие от него, материя способна трансформироваться. Работы Парацельса (1493–1541) (алхимик, физик, учёный, астролог) и его учителя Иоханесса Триметия (аббат, учёный, историк) способствовали популярности теории врачевания, криптографии, каббалы, магии, общения с ангелами. Парацельса высоко оценили последующие поколения. Существует мнение, будто его труды были найдены в могиле Христиана Розенкрейца. Ниже мы ещё вернёмся к этому направлению.

Магия

Подобно алхимии, магия прославляет тело, считая его проявлением божественного, лестницей на небеса. Большая часть теории и практики магии основывается на трактовке физического мира как основы для общения с духовными силами мира невидимого. Церковный запрет на магию вынудил её сторонников скрывать свои занятия, так как они были объявлены антисоциальными действиями. Тем не менее перевод трудов герметиков впервые придал ей важность и философский авторитет в глазах западного общества. Адепты Ренессанса — например, Корнелий Агриппа в своей работе *De occulta philosophia* (1531 год) — определяют магию как науку, практиковавшуюся восточными Магами, и отвергают её связи с колдовством, с которым она обычно ассоциировалась прежде. Джордано Бруно (1548–1600), изучавший работы Раймонда Луллия, заплатил за свой интерес к космологии и магии дорогую цену и был сожжён на костре. Он поддержал гелиоцентрическую концепцию Коперника и учил, что универсум постоянно расширяется и населён разными внеземными существами. Бруно был ярким сторонником магии и египетской религии.

Западные тайные общества

Как описано выше, многочисленные мистические общества и другие группы изучали, развивали, практиковали вместе с астрологией и основные оккультные учения. Хотя розенкрейцеры считаются первым европейским объединением такого типа, историк Кристофер Макинтош пишет, что непосредственным предшественником розенкрейцеров можно считать тайное общество алхимиков, основанное в Германии в 1577 году. Это общество носило название ордена Неразлучных. Его главные члены были владельцами шахт и плавильных. Орден использовал собственный алфавит и хранил результаты своих трудов в центральном секретном архиве^[126]. Вскоре после этого в Германии появились розенкрейцеры. С тех пор в своём лице они воплотили для запада саму идею тайного общества. Далее мы кратко ознакомимся с историей Братства Розы и Креста и их нескольких более знаменитых последователей за последующие четыре века.

Розенкрейцеры

Три манифеста розенкрейцеров: *Fama Fraternitatis* (1614 год), *Confessio Fraternitatis* (1615 год), *Chymische Hochzeit Christian Rosenkreutz* (1616 год) популяризировали концепцию тайного ордена, который незаметно направляет человеческую историю. Европейцы увлеклись этой идеей. Французский философ и известный математик Рене Декарт (1596–1650) пытался найти розенкрейцеров во время своего путешествия в Германию в 1619–1620 годах, но его план не удался. Хотя в манифестах декларировалось существование и цели ордена, большинство желающих быть принятым в его ряды не смогли вступить с ним в контакт.

В *Fama* говорилось, что легендарный основатель братства розенкрейцеров с начала до середины XV в. путешествовал по Святой Земле в поисках истины. Когда он вернулся в Европу, все те, с кем он пытался разделить полученное знание, отнеслись к его учению с пренебрежением из-за собственной гордыни и невежества. В конце концов, Розенкрейц вернулся в Германию. Там он нашёл трёх учеников, которым смог передать свою тайную мудрость. Вчетвером они основали братство розенкрейцеров. Когда орден увеличился, его основной целью стало лечение людей. Розенкрейцеры взяли на себя обязанность бесплатно врачевать больных. Они должны были соблюдать анонимность и одеваться согласно обычаям той страны, в которой они пребывали. Раз в год они собирались вместе на секретное заседание в штаб-квартире, которая носила название Дом Святого Духа. Розенкрейц прожил сто шесть лет и был похоронен в богатом склепе, где его тело сохранялось нетленным ещё 120 лет. Когда обнаружили могилу основателя ордена, розенкрейцеры вынуждены были открыться миру и возвестить наступление золотого века духовного просвящения и преобразования.

В *Confessio* особенно ярко выражались антипапские настроения. В этом манифесте понтифик объявлялся антихристом. Большинство учёных считает, что анонимным автором, по меньшей мере, одного трактата *Chymische Hochzeit Christian Rosenkreutz* является Иоанн Валентин Андреэ (1586–1654), немецкий протестантский священник. Он был активным членом группы, которая занималась подготовкой духовной реформы в Европе и намеревалась установить протестантскую монархию в Богемии, где правила реакционная католическая династия Габсбургов. В результате деятельности этой группы на королевский трон Богемии был коронован курфюрст Палатинский Фредерик V (1596–1632) и его супруга английская принцесса Елизавета Стюарт (1596–1632). Однако их царствование продлилось совсем недолго, благодаря чему они стали именоваться «Зимним королём и королевой Богемии». Фрэнсис А. Йейтс называет эти попытки «выражением религиозного движения, набиравшего силу в течение многих лет при поддержке тайных обществ, которые наполняли Европу. Оно было направлено на решение религиозных проблем, которым также активно занимались мистические направления, появившиеся в результате смешения герметизма и каббалы»^[127]. Йейтс полагает, что конец шестилетнего расцвета литературы розенкрейцеров в Германии связан с военным поражением Фредерика от Габсбургов. Недолговечное движение розенкрейцеров тем не менее имело самое огромное влияние на все оккультные течения в Европе.

Михаэль Майер (1568–1622) — физик при дворе императора Рудольфа II, распространил идею о том, что розенкрейцеры занимались алхимией. Один из английских розенкрейцеров Роберт Фладд — физик и оккультист, написал несколько значительных работ по герметической каббале и алхимии. Его труды и труды Майера сопровождалась великолепными иллюстрациями, полными эзотерического символизма. Их авторами были Йохан де Брай (издатель и гравёр) и его зять Мэтью Мэриан (1593–1650). Труды в области оккультных искусств Джона Ди (1527–1608) и Эдуарда Келли (ок. 1555–1597) стали ещё одним поворотным моментом в истории ордена. Ди выступал за уничтожение католичества в Европе. Фрэнсис Йейтс пишет, что «несомненно за работами розенкрейцеров стоят труды Джона Ди»^[128].

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — натуралист, философ и политик является символом

английского розенкрейцерства. Его утопия, «Новая Атлантида» (1627 год), опубликованная посмертно, безусловно, содержит идеи, близкие тем, что выражены в манифестах розенкрейцеров. Томас Воэн (1622–1656), известный как Ириней Филалет, написал несколько важных трактатов по алхимии. Кроме того, он напечатал английский перевод манифестов розенкрейцеров, который назывался «The Fame and Confession of the Fraternity of the Rosie Cross» (1652 год). В 1690 году Езекииль Фокскрафт напечатал «*Chymische Hochzeit Christian Rosenkreutz*». Элиас Ашмол (1617–1692), ведущий представитель английского розенкрейцерства, был алхимиком, литератором и учёным. Он основал музей Ашмола в Оксфорде и был членом Британского королевского общества. Ашмол посвятил много трудов изучению масонства и стал масоном в 1646 году, спустя примерно семьдесят лет с момента публичного объявления о существовании этого тайного общества. Исаак Ньютон (1642–1717) также был членом Британского королевского общества и проявлял большой интерес к алхимии. Среди его бумаг были найдены копии манифестов розенкрейцеров и рукопись Ашмола.

Ввиду того что, как мы видели, жертвами клеветы становились и ассасины, и тамплиеры, следует упомянуть тот факт, что в 1623 году были выдвинуты первые серьёзные обвинения против розенкрейцеров. Во Франции был напечатан анонимный памфлет^[129], автор которого обвинял их в отрицании Бога, поклонении Сатане, богохульстве, занятиях магией и ведьмовством.

Франкмасонство

По мнению Кристофера Макинтоша, впервые связи между франкмасонством и розенкрейцерами были установлены в 1638 году, после смерти Роберта Фладда^[130]. Невозможно установить, как именно новое общество вступило в контакт с орденом Розы и Креста, но легко догадаться, почему. Высокие мистические принципы розенкрейцеров, несомненно, соответствовали духу «умозрительного» франкмасонства. С середины XVIII века история розенкрейцеров постоянно переплеталась с историей масонства, поскольку тогда братство ввело в свой Устав восемнадцатую степень Древнего и Признанного Шотландского Обряда.

Хотя не существует единой точки зрения на происхождение франкмасонства, на этот счёт выдвигается множество теорий, основывающихся как на реальных фактах, так и являющихся плодом фантазии. Самое распространённое мнение следующее: умозрительное франкмасонство (современное тайное общество открытое для «людей неремесленных профессий») образовалось из средневековых гильдий строителей и каменщиков, или представителей «рабочего» масонства. Джон Дж. Робинсон в своей книге «Родившийся в крови» приводит блестящий аргумент против этой теории. Учёный полагает, что более вероятным источником происхождения франкмасонства являются бежавшие тамплиеры. Английские и шотландские тамплиеры были хорошо осведомлены об участии своих французских братьев, таким образом, за несколько месяцев до начала арестов в Англии они знали, что может их ожидать. Некоторые из них предпочли уйти в подполье, возможно, к ним присоединились те тамплиеры, которым удалось своевременно выбраться из Франции. Если учесть то, как с храмовниками обошлись Филипп Красивый и Климент V, становится понятным, по какой причине в основе франкмасонства лежала антимаонархическая и антипапская деятельность.

Секретные знаки, жесты, слова, которые произносили во время своих обрядов масоны, вполне соотносятся с поведением отлучённых от Церкви, преследуемых беглецов, приговорённых королём и Папой к смерти. Такие особенности масонства, как требование веры в единого Бога, уважение и терпимость к секретам общества, тоже согласуются с историей братства воинов-монахов, которых внезапно объявили еретиками и стали преследовать. К названным выше общим чертам монашеского ордена и тайного общества следует добавить следующие: масоны увещевали братьев проявлять милосердие к нуждающимся; братья,

разгласившие тайну общества (ордена) подвергались наказаниям. Кроме того, и для тамплиеров, и для масонов играл огромное значение Храм Соломона (построен ок. 950 года до н. э.).

В 1707 году в Лондоне была основана английская Великая Ложа. С этого момента франкмасонство стало быстро распространяться. В 1737 году Майкл Рамсей Эндрю (1696–1743), шотландский франкмасон, впоследствии ставший канцлером Великой масонской ложи во Франции, выдвинул идею античного происхождения масонства и особой важности периода крестовых походов. Он утверждал, что причиной крестовых походов было желание каменщиков вернуть Храм Соломона христианам и продолжить строительство священной архитектуры. По его мнению, масоны объединились с орденом госпитальеров. Вскоре эта идея нашла множество сторонников, которые стали распространять легенду о существовании связи между тамплиерами и масонами. Таинства тамплиеров праздновались по Йоркскому масонскому обряду Градуса тамплиеров, а также по Шотландскому обряду тридцатого градуса, или обряду Рыцарей Кадоша.

Тайные мастера

Орден Злато-розового Креста был основан в Германии в середине XVII века. О его основателе Германе Фиктулде почти ничего неизвестно. Традиция ордена возникла из смешения идеологии масонов и розенкрейцеров; братья глубоко изучали алхимию. В отличие от других масонских обществ и розенкрейцеров, которые были сторонниками радикализма, т. е. занимали прогрессивную политическую позицию, и придерживались антихристианских идеалов, это направление было консервативным. И Кнорр фон Розенрот, и Франсис Меркурий ван Гельмонт (1618–1699) — физик, каббалист, алхимик — были членами этого ордена. В нём существовало девять ступеней посвящения. Концепция Тайных Руководителей особо культивировалась именно этой группой и стала неотъемлемой частью идеологии других тайных обществ, возникших позже. Поражает сходство между функциями Тайных Руководителей на Западе и Имамом и Махди на Востоке.

Тайные общества XVIII века

Масонство на континенте было менее организованным и централизованным, чем английское, деятельность которого находилась под жёстким контролем Великой Ложи. Таким образом, под названием «франкмасонство» на территории Европы существовали разные Ложи, имевшие различную власть над своими членами. В 1764 году барон Карл Готлиб фон Гунд ввёл обряд «Строго Послушания». Между 1735–1740 годами французские франкмасоны подверглись влиянию католицизма, особенно в Клермоне. В 1742 году в Париже барон Гунд, который был в своё время католиком, прошёл все градусы посвящения в орден. По возвращению в Германию он ввёл обряд «Строго Послушания». Талантливый организатор, Гунд успешно сумел распространить свои идеи. К концепции собственного ордена он добавил миф о тамплиерах, а братья его ложи стали называться *Новыми Тамплиерами*. Согласно его трактовке, бежавшие английские тамплиеры перебрались в Шотландию, а франкмасоны являются преемниками храмовников. Он установил девять провинций и семь градусов принятия новых членов в орден, объявив главами ордена Высших Неизвестных^[131]. Гунд проявлял большой интерес к алхимии, способствовавший увеличению популярности ордена, поскольку братья предоставляли нужную информацию и ставили алхимические опыты.

«Тамплиерский клерикат» также оказал огромное влияние на немецкое масонство. Он был основан Иоганном Августом Штарком, который так же, как и Гунд, был католиком. Потом Штарк перешёл в протестантство. Он искал корни оккультизма в Ассирии, Персии, Египте. По его мнению, ессеи передали своё тайное учение капелланам тамплиеров, а те создали собственную структуру внутри ордена и обладали особым знанием, в которое не были посвящены рыцари.

В XVIII веке масоны сыграли огромную роль в политике: они приняли активное участие в подготовке Великой французской революции. Считается, что такие легендарные фигуры, как граф де Сен-Жермен и Калиостро, организовали восстание с помощью масонской сети. Оккультисты полагают, что в аббатстве Сен-Жермен хранится философский камень. В 1776 году профессор-иезуит Адам Вайсхаупт основал Тайный орден Баварских Иллюминатов, также использовав масонскую сеть, чтобы осуществить собственные цели и набрать в орден новых членов. Орден Иллюминатов стал поводом для создания бесконечных теорий о природе политических заговоров. До сих пор бытует мнение, что свержение монархии во время Великой французской революции было подготовлено орденом Иллюминатов, которое действовало через масонские ложи. Целью движения было отомстить за уничтожение тамплиеров, произошедшее около четырёх веков назад.

В 1760 году во Франции Мартинес де Паскуали (ум. 1774) основал орден «Избранных Коганов». Происхождение Паскаля остаётся тёмным. Возможно, он был испанским или португальским евреем и в зрелом возрасте принял католичество. Его уникальная магическая доктрина содержала в себе элементы астрологии, гностицизма и каббалы, на основе которых он создал усовершенствованную, тщательно разработанную систему магических заклинаний. Их целью было облегчить общение между адептом и «Активной и разумной первопричиной»^[132].

В 1781 году Кур де Жеблен (1725–1784) в своей работе «Древний мир» назвал таро «Книгой Тота» по имени египетского бога магии и прорицания. Де Жеблен первым предположил, что таро было придумано в Египте, а двадцать две старшие арканы соответствовали ивритскому алфавиту. Адепт XIX века Элифас Леви (1810–1875) в книге «Учение и ритуал высшей магии» высказал следующую мысль о таро: «это научная книга по каббале, в которой все комбинации открывают гармонию, предшествующую знакам, буквам, числам; практическое значение таро ценно и удивительно. Заключённый, у которого нет книг, но есть таро, и который умеет им пользоваться, может в течение нескольких лет приобрести универсальное знание, постигнуть уникальное учение и овладеть неисощимым источником красноречия»^[133].

Тайные общества XIX века

Элифас Леви, Фредерик Хокли, Папюс (доктор Жерар Анкос, 1865–1916), Макс Теон (ок. 1848–1927), маркиз Станислав де Гуайта (1861–1897), Франс Хартманн (1838–1912), Теодор Ройсс (1855–1923) и другие писали о тайных науках, практиковали их и обучали им своих последователей. П. Б. Рэндольф (1825–1875) основал братство «Эулис». Он обратил своё внимание на обряд принятия нового брата у розенкрейцеров и у «сирийских ансариев или нусайритов». От них он получил «бесценный секрет приготовления эликсира жизни, секрета юности, загадки забвения, философский камень и тайну магического кристалла, которая позволяет провидцу пребывать одновременно на Земле и на других планетах»^[134].

Сэр Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873) избрал графа де Сен-Жермен в качестве прототипа розенкрейцеров и героя своего знаменитого романа «Занони». Жозефин Пеладан (1858–1918) открыл первое заседание своего ордена католических розенкрейцеров в Париже в 1892 году. Его посетителями были такие художники и музыканты, как Густав Моро (1826–1898), Фелисьен Роп (1833–1898), Жорж Руо (1871–1958), Эрик Сати (1866–1925). В 1875 году госпожа Блаватская основала теософский кружок. Её литературные успехи нашли отражение в книге «Разоблачённая Изида» и «Тайная доктрина». Автор попыталась популяризовать оккультизм и открыть людям его тайны. Её попытки увенчались невиданным успехом. Блаватская познакомила Европу с восточной религией и стала активно пропагандировать идею Тайных Руководителей, которые незаметно помогают ищущим на пути мудрости.

В 1867 году в Англии Роберт Уэнтворт Литтл (1840–1878) и Кенетт Маккензи (1833–1886) основали общество розенкрейцеров. Маккензи утверждал, что немецкие розенкрейцеры

посвятили его в тайну обряда инициации. Среди членов этого общества был Уильям Уинн Уэскотт (1848–1925) — английский коронер и оккультист, ставший главой ордена в 1891 году. Другим членом и будущим главой ордена был учёный адепт С. Л. Мак-Грегор Мэзерс (1854–1918), который перевёл на английский язык трактат *Kabbala Denudata*.

В 1888 году Уэскотт и Мэзерс вместе с У. Р. Вудман основали в Лондоне Герметический орден «Золотая Заря». Среди членов «Золотой зари» были светочи английской литературы и живописи: Уильям Батлер Йейтс (1865–1939), Артур Мейчен (1863–1947), Алжернон Блэквуд (1869–1951), Джордж Расселл (1867–1935), Флоренс Фарр и, конечно, Алистер Кроули (1875–1947). Мэзерс систематизировал всю эзотерическую традицию — и в результате синтеза получилась оригинальная концепция, которая до сих пор является общепризнанной в среде англоговорящих оккультистов. Он создал систему Еноха — основной вклад «Золотой Зари» в западную эзотерику. Эта теория объединяет все вышеперечисленные направления. Символика церемонии принятия нового члена в орден была позаимствована у розенкрейцеров. Её главный ритуал — открытие могилы Христиана Розенкрейца.

«Золотая заря» повлияла на все направления современного оккультизма. Её ведущим принципом является концепция Тайных Руководителей, с которыми, по утверждению её членов, поддерживают тесные связи её официальное руководство. Согласно легенде «Золотой зари», её основатели общались с немкой, принадлежавшей к ордену розенкрейцеров. Именно с её согласия было создано общество. Однако с течением времени она прекратила общение с ним. Позже другой розенкрейцер написал обществу, что с ней больше невозможно связаться, но что англичане уже получили достаточное количество указаний, чтобы самостоятельно вступить в контакт с Тайными Руководителями, и больше не нуждаются в прежнем попечителе.

XX век

«Золотая заря» распалась, главным образом, из-за того, что оборвалась связь с розенкрейцерами, по крайней мере, так считал Алистер Кроули — глава ордена после Мэзерса. Несомненно, он был самым выдающимся представителем оккультизма в XX веке Кроули быстро поднялся по всем ступеням «Золотой зари». Он последовал примеру розенкрейцеров и тамплиеров и совершил несколько путешествий на Восток, чтобы лично познакомиться с разными традициями азиатской мудрости, в которых нашли отражение многие мировые культуры. Кроули всегда тяготел к исламу. В «Книге Закона», переданной ему в Каире в 1904 году, он, как и Мухаммед, провозглашается пророком новой эры. Так сказал Айвас, «посланник сил, которые сейчас управляют Землёй»^[135]. Кроули описывает Айваса как «высокого тёмного мужчину... с лицом варварского царя, возможно, персидского или ассирийского»^[136].

Влияние Кроули на современный оккультизм неизмеримо, его учение проникло почти во все западные школы. Два магических общества, которые следуют заветам Кроули, существуют и сегодня. Один из них — орден Восточных тамплиеров, а второй — А. А. Их члены (мужчины и женщины) живут согласно принципам «Книги Закона». Первой заслугой Кроули было то, что он получил эту книгу, т. е. выступил в качестве посредника. Вторая заслуга — разработка уникальной системы магической практики для ордена А. А. Кроули ввёл в западную традицию восточные техники медитации и концентрации (йога). Таким образом, он подчеркнул важность соединения духовных традиций Востока и Запада, которое произошло во время крестовых походов. Это объединение означало духовное Возрождение: Кроули назвал его Новой Эрой. Концепция ордена Восточных тамплиеров основывается на интерпретации идей ордена Храма. Кроули назвал своих последователей «рыцарями-монахами Телемы». В ордене существует строгая почти военная иерархия и дисциплина. Полагают, что учение Кроули возникло в результате взаимодействия ислама и христианства.

Я считаю, что Кроули является современным толкователем западных мистерий.

Современные оккультные течения (за небольшим исключением) основаны на его работах. Он умер в 1947 году. Представителем самостоятельного направления является Рудольф Штайнер (1861–1925)^[137], в течение непродолжительного периода бывший членом ордена Восточных тамплиеров. Его считают основателем антропософии. Хотя эта школа предлагает самобытный путь самосовершенствования, структурным основанием антропософии является эзотерическое христианство. Таким образом, оно выходит за рамки узкого понимания оккультизма (до сих пор мы не давали широкой трактовки эзотерики). В качестве исключения я бы также привёл Г. И. Гурджиева (1877–1949) и его оригинальные работы, посвящённые психо-духовному пробуждению.

Среди самых выдающихся англоязычных адептов, последователей Кроули, были художник Остин Осман Спэр (1889–1956), каббалист Чарльз Стэнсфилд Джонс, известный под именем брата Ашада (1886–1950); Карл Гермер (1885–1962), преемник Кроули на посту Официального Главы ордена Восточных Тамплиеров; Уилфред Смит (1885–1957); Джек Парсонс (1914–1952), химик, работавший в Лаборатории реактивных двигателей в Калифорнии. Он написал новаторскую работу о твёрдом ракетном топливе, и за научные заслуги в его честь был назван лунный кратер. Также следует упомянуть литератора и целителя Израэля Регарди (1907–1985), майора Грэди Луиса МакМертри (1918–1985), которого Кроули незадолго до своей смерти назвал будущим халифом ордена Восточных тамплиеров. Он стал следующим главой ордена после Гемера в 1969 году и вдохнул в общество новую жизнь, успешно передав его в руки наследников. Стоит назвать также Марсело Рамоса Мота (1931–1987) и Гарри Смита (1923–1991) — широко известного современного гения, который внёс выдающийся вклад в различные сферы человеческой деятельности, включая антропологию, искусство, кино, музыку. Кроме того, он сыграл важную роль в развитии магического направления в современном оккультизме. Нужно упомянуть и Кеннета Гранта (р. 1924). Одним из членов ордена Восточных тамплиеров, оказавших огромное влияние на современные религиозные течения, был Джеральд Гарднер (1884–1964). Он был другом Кроули и возродил ведьмовскую традицию, которая постепенно приобрела множество сторонников и стала одним из самых популярных аспектов Нью-Эйджа. Ещё один современный адепт учения Кроули — доктор Майкл Аквино. В 1975 году он основал Храм Заката и приобрёл много последователей. Также не следует забывать об исследованиях Питера Кэролла, посвящённые магии.

Тёмная сторона

Тамплиеры и ассасины привлекали к себе внимание и со стороны тёмных сил. В 1865 году в Пуласки в Теннесси был основан Ку-клукс-клан. Эта организация возникла и получила широкое распространение в качестве реакции на разрушительные последствия Гражданской войны. Ку-клукс-клан стала выдавать себя за рыцарский военный орден, ставивший своей целью защиту христианских добродетелей и конституции США. Её основатель, генерал Натан Бердфор Форрест (1821–1877) призвал распустить организацию спустя четыре года после её основания. Он понял, что невозможно контролировать деятельность тех, кто мог от её имени совершать преступления. Несмотря на то, что он распустил общество, оно и по сей день даёт знать о своём существовании. Было три периода расцвета и заката Клана. Современная одежда его членов напоминает одежду храмовников: на плаще над сердцем красуется красный крест. Ритуал сожжения креста сравнивали с обрядом, в исполнении которого обвиняли тамплиеров^{[138][27]}. Существует также и организация новых самозванных ассасинов, которая называется Финейские Священники и занимается распространением своих взглядов на христианство. Её миф сосредоточен на оправдании Богом убийства супругов, вступивших в брак в нарушение установленных законов. Израильтянин взял в жёны мадианитянку вопреки воле Господа, как написано в *Числах* (25:6-13). Ричард Хоскинс сравнивает современного финейского священника

с шиитским ассасином. Полемизируя на эту тему, он опирается на данные о средневековых тамплиерах^[139].

Немецкая националистическая идеология конца XIX века, провозвестником которой можно считать Гвидо фон Листа (1848–1919), была окутана романтической ностальгией по средневековому рыцарству в лице тамплиеров и тевтонов. Йорг Ланц фон Лебенфельс (1874–1954), влиятельный сторонник Листа, в своё время был цистерцианцем. Затем он ударился в расистскую философию и придал ей евгенические цели, которые были характерны для поздней национал-социалистической идеологии. В 1907 году Ланц основал орден Новых Тамплиеров. Он проповедовал христианский расизм, согласно которому настоящими израилитами и избранным народом являются арии. В отличие от него Лист был сторонником языческих «тевтонских» традиций и отрицал христианство, считая его ложной верой.

Теодор Фритч (1852–1914) взял за основу своего учения работы Листа и Йорга Ланца фон Лебенфельса. В 1912 году он создал Германский орден. К 1917 году Рудольф фон Зеботтендорфф (1875–1945) стал главой ордена в Баварии, который носил название Общество Туле, чтобы оставить настоящее название ордена в тайне. Члены этого общества были первыми сторонниками Гитлера. Зеботтендорфф предоставил свою мюнхенскую газету Нацистской партии для того, чтобы она могла осуществлять пропаганду своих идей. Хотя сам Адольф Гитлер (1889–1945), очевидно, мало нуждался в мистическом рыцарском братстве, Генрих Гиммлер (1900–1945), основатель СС, чрезвычайно интересовался распространяемыми им мифами.

Царство Фантазии

Современные писатели посвятили тысячи страниц истории тамплиеров. Согласно многим из них, храмовники владели копьем, которым римский воин проткнул ребро Иисуса Христа, Святым Граалем, или другими бесценными сокровищами. В многочисленных книгах приведено описание тайных символов и мистерий тамплиеров. Многие мыслители, которые занимались вопросом мировой тирании, считают тамплиеров ранними сторонниками идеи мирового правительства, поскольку они создали первое межнациональное объединение. Ассасинов обвиняют в том, что они оказывают финансовую поддержку современным террористическим организациям и осуществляют контрабанду наркотиков на Ближнем Востоке.

Заключение

Легенды об ассасинах и тамплиерах вызывают у людей живой интерес и по сей день. Этот факт свидетельствует о том, что их идеология воздействует на уровне архетипов. Для того чтобы лучше разобраться в этом вопросе, рассмотрим следующие концепции. Традиционные представления продолжают существовать, хотя сейчас предпринимаются активные попытки дискредитировать существующие религии и их ценности. Критики считают, что они устарели и в их основе лежат ложные понятия, например, Бог. «Внутреннее осознание Бога», которое описывал Ямвлих, требует от нас стремления к чести, рыцарству, самопожертвованию, искуплению, патриотизму, смелости, чистоте. Какими ещё словами можно лучше передать идеологию, носителями которой были средневековые тамплиеры и ассасины?

Другими свойствами, которые были им присущи, являются воинские добродетели: чувство локтя и строгая иерархия. Безуспешность американских попыток бороться с этими качествами свидетельствует о их укоренённости в самом сознании членов военных организаций, как и о том, что они выдержат любое давление со стороны столь популярной ныне политкорректности.

Мистические устремления и стремление к абсолюту являются другой составляющей

«внутреннего знания Бога». Кто-то может желчно заметить, что нравственная чистота не присуща современному человеку. Однако, несмотря на нынешний упадок морали и культ цинизма, распространённый среди экспертов и социологов, вечные ценности, описанные в «Парцифале», никуда не исчезли. Неизбежным заключением является следующее — мир морально разлагается, а не прогрессирует.

Современные высоколобые моралисты часто с горечью говорят о том, «какое огромное количество людей погибло во имя веры». Однако религия была не главной причиной человеческих жертв в XX веке. Между 1900-м и 1987-м годами, по меньшей мере, 168 миллионов человек было убито по приказу собственных правительств в мирное время. В этот же период, по оценкам историков, в ходе военных действий погибло 40 миллионов^{28}. Другими словами, в XX веке человеку в четыре раза чаще грозит быть убитым собственным правительством в мирное время, чем погибнуть во время войны. Ужасная статистика доказывает, что, по крайней мере, в современной жизни тоталитаризм опаснее религии.

Высокие моральные принципы, по которым могут оцениваться действия индивида и его цели, способны стать хорошим средством для повышения нравственности. Как для тамплиеров, так и для *фидаи* непреклонная добродетель служила путём достижения духовного совершенства. Те, кто сегодня идёт к этой цели, нуждаются в той же предпосылке.

Приложение 1

Девять ступеней мудрости

Этот краткий очерк по теологии и девяти ступеням системы исмаилитов был написан на основе нескольких источников. Одним из них является «Литературная история Персии» Эдуарда Г. Брауна (т. 1, с. 410-415). Его работа опирается на труд мусульманского историка ан-Нувеири, написанный около 1332 года, в котором цитируется рукопись X века, принадлежащая перу исмаилита Аху Мухсина, ярого противника Фатимидской династии. Другими источниками являются произведение Йозефа фон Хаммер-Пургшгала «История ассасинов» (с. 34-37), «История ордена ассасинов» Энно Франциуса (с. 26-29) и «Краткая история Фатимидского халифата» де Ласи О'Лири (1923 год, перепечатано: Дели, 1987, с. 21-32). Интересные рассуждения и мысли на эту тему приведены Самюэлем М. Штерном в «Исследованиях по раннему исмаилизму» в главе под названием «Книга высшей инициации и другие пародии на исмаилизм». Кроме того, я предложил несколько собственных идей.

Я полагаю, что представленная ниже интерпретация иерархической инициационной системы может восприниматься как вспомогательные указания на способы передачи скрытого исмаилитского учения внутри общины. Однако читатель должен помнить, что она является всего лишь предположением о том, какой на самом деле была закрытая от обывателей система. Я не согласен с тем, что исмаилиты являются зловещими фигурами: сторонниками либо циничного агностицизма, либо аморальной и атеистической доктрины. Наоборот, если эта интерпретация действительно верна, она описывает возвышенное и благородное учение.

Прежде чем привлечь нового члена в орден, исмаилиты сеяли сомнение в душе человека, который, как они полагали, мог впоследствии принять их учение. Ему задавались простые, но вместе с тем неразрешимые вопросы, касающиеся жизни и доктрины Корана. С их помощью ищущему указывали на его невежество и потребность в авторитарном учителе и проводнике. «Зачем Господу понадобилось шесть дней для сотворения мира, если он мог сотворить его в одно мгновение?» «Как выглядят ангелы в Коране, и почему человек не может их видеть?» «Почему только человек является прямоходящим существом?»

Дальнейшая дискуссия, в ходе которой обсуждались противоречия и неясные места в Коране, должна была взволновать ум будущего ученика. Затем ему говорили, что ответы на данные вопросы являются величайшей тайной и не могут быть открыты недостойному. Захочет ли он принести торжественную клятву *даи* никогда не разглашать знания, которые он, возможно, получит; желает ли он принести клятву верности *даи*? Обещает ли он никогда не присоединяться к врагам исмаилитов, не выступать против исмаилитов и продолжить формально следовать суннитскому вероучению?

Первая ступень

После того, как ученик принёс присягу на верность и подтвердил свою готовность хранить тайну, его посвящали в первую ступень исмаилитской тайны. Он признавал, что откровения в Коране имеют высшее эзотерическое значение — батин. Этот смысл мог быть открыт ему толкователем, которого вдохновил и наделил этим правом сам Бог. Это ступень была самой длительной, поскольку требовалось полностью отказаться от прежней веры, и за этим процессом тщательно следил учитель.

Вторая ступень

Затем ученику указывали на заблуждения суннитской веры и её неспособность ответить на важнейшие вопросы. Он должен был согласиться с этим, затем отказаться от собственного понимания правды и принять учение имама или его непосредственного представителя — *даи*, которому было дано более глубокое знание истины, чем ученику. Для многих эта ступень была последней.

Третья ступень

На этой ступени ученик узнавал одну из тайн каббалы — тайну числа семь: семь небес, семь планет, семь цветов, семь металлов и т. д. Ему говорили, что эта тайна распространялась и на семь божественных учителей исмаилитов, имамов; их имена ему называл *даи*. Кроме того, ученику открывали эзотерические формулы, с помощью которых он мог призвать помощь имамов. С переходом на эту ступень ученик навсегда отделялся от обычной общины шиитов, знавшей двенадцать имамов.

Четвёртая ступень

Ищущий узнавал, что Господь раскрыл себя семи пророкам: Адаму, Ною, Аврааму, Моисею, Иисусу, Мухаммеду и Исмаилу (или Мухаммеду ибн Исмаилу). Суннитская вера запрещала признавать пророков, которые следовали за Мухаммедом: с её точки зрения, это было ересью. Согласно одному из суровых суннитских правил, Мухаммед был последним пророком. Таким образом, исмаилиты не признавали Коран последним откровением божественного закона.

Пятая ступень

Тем, кто достиг этой ступени, *даи* открывал, что буквальная интерпретация Корана подходит только для необученного народа, не готового проникнуть под руководством имама в батин. Соблюдение шариата толковалось как незнание эзотерического значения, которое стоит за заповедями. Ученикам открывалась доктрина двенадцати апостолов, которые распространяли истинную веру. На этой же ступени их учили математике и нумерологии. Им открывалась тайна числа двенадцать: двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать колен Израиля и т. д. Ученики узнавали, как на практике можно применить магическую каббалу.

Шестая ступень

Только самые успевающие и разумные ученики доходили до этого уровня, поскольку здесь им говорилось, что необходимо забыть обо всех ритуалах ислама, включая молитвы, пост и паломничество. Эти требования были целесообразны только с социальной точки зрения. Им сообщалось, что они не имеют никакого смысла, а их цель заключается только в управлении толпой. Однако все эти церемонии были наделены аллегорическим значением, о котором знали

лишь мудрецы. Учеников познакомили с учениями Пифагора, Платона, Аристотеля; ищущие могли с помощью разума проверить правильность веры. Ученик на шестой ступени мог сам стать *даи*.

Седьмая ступень

Те немногие, кто поднимался на этот уровень, переходили от философии к мистицизму. Ученики познакомились с дуалистической доктриной первичной и вторичной причин (первоначальной и последующей). Она противоречила вере в божественное единство. Те, кто доходил до этой ступени, изучали теорию Аристотеля о вечности материи; акт творения понимался как приведение материи в движение, породившее время и способность к изменению.

Восьмая ступень

На этом уровне раскрывалась чрезмерность эзотерических учений. Утверждалась относительность морали и, как следствие, несоотнесённость действия с нравственностью (или отсутствие абсолютных ценностей). На этом уровне дальше конкретизировались два принципа, которые вводились раньше. Первой безымянной причиной был Бог, мысль Бога стала эманацией и второй причиной; она получила название Логоса, который служил посредником между Богом и человеком. Таким образом, провозглашалось существование бесформенной, неназванной, непознаваемой сущности, предшествовавшей всем дуалистическим понятиям и несводимой к ним.

Девятая ступень

На этой ступени посвящённый изучал греческий гностицизм — космологическое учение о душе, небесах и небесной мудрости. Исмаилит девятой ступени был истинным философом, устанавливавшим законы сам для себя. Учение этой ступени является источником расхожей цитаты, которую приписывают Хасану ас-Сабаху: «Истины нет, всё разрешено». Эти слова нашли отражение в откровении английского мага XX века Алистера Кроули: «Делай всё, что хочешь, только в этом заключается Закон». Под этим подразумевается отказ от собственного «эго» и чистота нравов, сопутствующие успешному поиску духовной истины, когда сам ученик наконец способен положиться на собственное восприятие мира, чтобы понять свою миссию.

Приложение 2

Книга рыцарей тамплиеров

Похвала новому рыцарству (Liber ad milites Templi: De laude novae militiae)

Гуго де Пейену, рыцарю Христа и Великому магистру воинов христовых, от Бернара, скромного аббата монастыря в Клерво, с пожеланием побед.

Если только я не ошибаюсь, мой дорогой Гуго, Вы не единожды, не дважды, но трижды просили меня написать наставление для Вас и Ваших братьев. Ибо, как Вы говорите, если я не имею дозволения метать копьё, то могу, по крайней мере, направить своё перо против врагов Ваших. Вы говорите, что Сия духовная, а не материальная, помощь, способна оказать Вам необходимую поддержку. Я долго заставил Вас ждать, но не по причине моего пренебрежения Вашей просьбой, а оттого, что я хотел уделить ей должное внимание. Поскольку я бы предпочёл, чтобы более умелая, а не моя неопытная рука взялась за дело. Я опасался, что из-за своего неумения лишь усложню задание, которое всё равно будет необходимо выполнить.

По этой причине, не понапрасну прождав столько времени, я, приложив все усилия, выполнил Вашу просьбу. Пусть же моя неспособность исполнить её успешно не будет ошибочно принята за отсутствие желания. Я предоставляю судить читателю, удалось мне выполнить задание или нет. Даже если кто сочтёт мой труд плохим или посчитает, что я не достиг цели, всё же буду рад тем, что приложил все свои усилия.

I. Наставление рыцарям Храма

1. Мне думается, что новый рыцарский орден, появившийся на Востоке, возник именно в том месте, которое однажды посетил сын Божий во плоти. Тогда сын Божий прогнал сыновей тьмы своей могучей десницей, а ныне он несёт смерть их ученикам, непокорным сынам, он разит их руками своих защитников. А своему народу приносит искупление, затрубив в рог спасения в благородном доме Давида, слуги своего.

Сей новый рыцарский орден неизвестен в веках. Он ведёт две войны: одну против противников плотских, а вторую против воинства злых духов на небесах. Мне не представляется удивительным, если человек сражается с врагом земным, ибо сие мы видим часто. Когда добрый дух сражается против злых духов и грехов, в сем поступке я тоже не нахожу чуда, хотя он и достоин похвалы, ведь в мире живёт много монахов. Но, если воин вооружён обоими мечами и знак благородства украшает его пояс, сочтёт ли хоть единый человек это обычным и не будет ли восхищён, ведь сие неведомо миру?

Поистине, он бесстрашный рыцарь, защищённый со всех сторон, ибо тело его защищают доспехи, а душу — вера. Он, несомненно, ограждён со всех сторон и не боится ни демона, ни человека. Почему он должен опасаться за свою жизнь или страшиться смерти, когда он живёт во Христе и почиет во Христе? Он верно и преданно служит Христу; он желает освободиться и соединиться с Христом.

Рыцари, идите же вперёд смело, и решительно гоните врагов Христа. Верьте в то, что ни жизнь, ни смерть не смогут отделить Вас от милости Божьей, в которой пребывает Иисус Христос. В любой опасности твердите: «И в жизни, и в смерти Бог с нами». Как славно вернуться из подобной битвы! Как благословенно пасть мучеником в битве! Возрадуйся! Смелый

победитель! Если ты сражаешься и живёшь в Боге — это слава и радость, а если погибнешь, соединишься с Господом. Жизнь, несомненно, полна даров, а победа достойна славы, однако, священная смерть лучше. Подумай, если умершие в Боге благословенны, то сколь благословеннее умершие ради него?

2. Поистине, Господу дорога смерть его преданных воинов, гибнут ли они дома или на войне. Однако много лучше и славнее умереть на войне! Спокойна жизнь того, чья совесть чиста! Я повторяю, сколь спокойна жизнь для того, кто ждёт смерти без страха, ибо желает её, и принимает её достойно! О, как истинно священны и защищены рыцари Господа, ведь они не подвергаются двойной опасности, в которой оказываются те, кто сражается не во имя Христа. Мирской рыцарь, когда ты сражаешься, то, должно быть, боишься, что смерть твоего земного врага погубит твою душу, или, может быть, что и тело твоё, и душа твоя погибнут.

И поражение, и победа для христианина зависят от чувств его сердца, а не сокровищ, которые может принести ему победа. Если воин сражается за правое дело, то цель его войны не может быть злой. Исход войны не может быть хорошим, если причина её была дурной, а рыцарь намеревался причинить зло. Если воин умирает с жаждой убить другого, то оба умирают — и убийца, и поражённый. Если ты сильнее и одерживаешь победу с намерением убить человека, то ты — живой убийца. Однако убийство грех, живой ты или мёртвый, победивший или проигравший. Жалкая победа достаётся ему, убившему человека и поддавшемуся пороку, он упивается тщеславием, им владеют гнев и гордыня.

Но как быть с тем, кто убивает, не поддавшись лихорадке мести и не находясь в плену у тщеславия, но единственно, чтобы спасти себя? Даже это недостойная победа, поскольку смерть души опаснее смерти тела. Душа не умирает со смертью тела, но гибнет, живя во грехе.

II. О мирских рыцарях

3. Каков же конечный результат или плод мирского рыцарства, осмелюсь сказать, плутовства, если смертный убийца грешит и теряет и разрушает вечную смерть? Искренне, я приведу слова апостола и скажу ему, который сеет, пусть сеет с надеждою и тому, кто молотит, пусть молотит с надеждою получить ожидаемое.

Для какой цели, о, рыцари, вы совершаете эту глупую ошибку; что это за безумие заставляет вас сражаться с таким трудом и рвением и, в конце концов, умирать или грешить? Вы покрываете своих лошадей в китайские шелка и свои доспехи каким-то тряпьем, раскрашиваете свои щиты и сёдла, украшаете свои уздечки и шпоры золотом и серебром и драгоценными камнями, а затем во всём этом блеске постыдно и бездумно мчитесь навстречу смерти. Это украшения мужчины или безделушки женщины? Вы полагаете, что золото ваших украшений может отразить удары мечей ваших врагов, или что они не смогут пронзить ваши китайские шелка?

И, наконец, вы сами убеждались в том, что воин должен обладать следующими тремя качествами: силой, трудолюбием и осторожностью. Рыцаря не должны обременять долги, он обязан свободно передвигаться и уметь быстро поражать врага мечом. Тогда почему вы, наоборот, закрываете своё лицо женоподобными локонами, и спотыкаетесь о длинные одежды и, наконец, прячете свои нежные, холёные руки в просторные, неудобные рукава? Кроме того, даже если вы хорошо вооружены, не боитесь ли вы, ибо вступили на этот опасный путь столь бездумно и легкомысленно. А по какой причине вы ведёте войны и споры? Это либо безрассудный гнев, либо пустое желание славы, или жадность. Если вами руководят эти причины, то, безусловно, опасно убивать или погибнуть в руках соперника.

4. А воины Христа могут безопасно сражаться за своего Господа, они не боятся совершить грех, обagrив руки в крови врага, или погибнув. Потому, что вы либо несёте смерть, либо умираете во имя Христа, вы не грешите, но вполне достойны славы, поскольку этим вы славите Господа. В любом случае, Христос побеждает: он либо с радостью принимает смерть врага, либо утешает своего воина.

Рыцарь Господа сражается с честью и погибает с честью, поскольку, когда он сражается, то служит Христу, а когда погибает во имя Христа, служит себе. Он не носит меч понапрасну, он является посланником Бога, и он наказывает зло ради торжества правды. Поэтому, убивая зло, он не является убийцей. Я говорю, что он является убийцей греха и сторонником Христа. Он прогоняет зло и защищает рыцарский орден. Но, если он гибнет, то не умирает, но возрождается.

Если он приносит смерть — он приносит пользу Господу, когда он сам умирает, он служит себе. В смерти язычника слава христианина, поскольку тем он славит Христа. А по смерти христианина Царь щедро награждает своих рыцарей. Таким образом, война должна быть благом, поскольку человек может радоваться тому, что справедливость восторжествовала, а во втором случае он скажет: «Истинно, есть награда для праведных; истинно, Бог — судия всей земли». Я не призываю к убийству язычников, если есть другой способ заставить их не нападать на христиан. Всё же, я думаю, что благороднее убить их, чем позволить им грешить против справедливости и, таким образом, возможно, против праведной воли предоставить им право принять на себя грех.

5. Что же делать? Если запрещено христианину обнажать меч, тогда почему предтеча Спасителя учил, что солдаты должны довольствоваться своей платой, и не снял с них военную обязанность? Если же она разрешена тем, на кого сам Господом возложил эту миссию (если только они не призваны для более благородного занятия), могут ли среди них более достойные чем те, кого я знаю, кто держит для нас своими руками Сион, город силы нашего духа.

Таким образом, они прогнали нарушителей божественного закона, и праведный народ может войти туда, ничего не опасаясь. Они рассеяли воинственных язычников и убили тех, кто вселял в нас в ужас, и прогнали зло из земли Господа. Неверные расхищают Иерусалим, унося бесценные сокровища христиан. Они оскверняют святые мощи, они захватили святилище Господа. Пусть мечи христиан падут на шеи врагов, чтобы уничтожить всех, кто против знания Бога, против христианской веры, чтобы не сказали язычники: «Где их Бог?»

6. Когда язычников прогонят, он вернётся в свой дом и вернёт свою собственность, которая воспламенила его гнев в Евангелии: «Се, — сказал Он, — оставляется вам, дом ваш пуст», и он горько плачется о них. Пророк доносит его стенания: «Я оставил дом Мой; покинул удел Мой». Более того, другое пророчество тоже исполняется «Искупил Господь народ свой и избавил его. И придут они, и будут торжествовать на высотах Сиона; и стекутся к благостыне Господа».

Счастливый Иерусалим знает, что настало время, когда вы его посетите. «Радуйся, Иерусалим, и узнай, что ныне — время посещения твоего! Торжествуйте, пойте вместе, развалины Иерусалима, ибо утешил Господь народ Свой, искупил Иерусалим. Обнажил Господь святую мышцу Свою пред глазами всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего». Дева Иерусалимская брошена и некому тебя поднять. Встань, стряхни прах, Дева, пленная дочь Сиона. Встань, я говорю, встань, и ты увидишь, как нисходит на тебя благодать Господа. Больше не будут тебя звать покинутой и забытой, поскольку Господь возрадовался в тебе, и земля твоя станет плодоносной. Подними глаза и оглянись вокруг, всё, что ты видишь, соединится и будет твоим. Эту помощь посылает святейший. Древнее пророчество сейчас

исполняется: «Я соделаю тебя величием навеки, радостью в роды родов. Ты будешь насыщаться молоком народов, и груди царские сосать будешь», и в другом месте: «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме».

Не видите ли вы, как часто старые пророчества предсказывают появления нового рыцарства? Истинно, исполняется то в городе Бога Живаго, о чём мы только слышали. Конечно, мы не будем полагаться лишь на исполнение этих пророчеств, поскольку мы должны помнить о божественном смысле текстов. Конечно, мы должны жить в вечной надежде, как бы не осуществлялись пророчества сейчас. Иначе земное богатство может вытеснить духовную надежду, а преждевременное выполнение может помешать будущим ожиданиям. Слава града земного не приуменьшает славы Града Небесного, но готовит путь к нему. По крайней мере, мы помним что Град земной образ Града Небесного, который приходится нам истинной матерью.

IV. О жизни тамплиеров

7. А теперь, для того, чтобы показать образец другим рыцарям и устыдить их, сражающихся на стороне дьявола, а не Бога, мы кратко расскажем о жизни и смерти рыцарей Христа. Какие же качества они проявляют в обществе, а какие на войне. Или по-другому: чем отличается рыцарь Господа от рыцаря мирского?

В первую очередь важны дисциплина и послушание. Как говорится в Священном писании, непослушный сын погибнет, ибо непокорность есть такой же грех, что волшба, и противление то же, что идолопоклонство. Они уходят и возвращаются по желанию своего руководителя. Он также даёт им еду и одежду, и они не просят продовольствие в других местах. Что касается жилья и одежды, они избегают любого излишества такого, как золото и довольствуются только необходимым. Они живут, как монахи, в прекрасном и строгом общежитии без жён и детей. И, конечно, нет у них недостатка в евангельском совершенстве, поскольку они живут отдельно от всего мира единой семьёй и желают сохранить единство духа внутри мира.

Преданные друг другу, они являются одним сердцем и единой душой, таким образом, никто не следует собственной воле, но все подчиняются руководителю. Они не перекалывают свои обязанности и не слоняются без дела. Когда они не заняты, они едят свой хлеб, чинят свои доспехи или порванную одежду или наводят порядок и, наконец, они выполняют всё необходимое и слушаются своего руководителя.

Между ними нет лицемерия, за исключением того, что они по-разному проявляют себя в деле. Предпочтение оказывается заслугам, а не происхождению. Они соперничают друг с другом в вопросе чести, носят поклажу друг друга, чтобы выполнить работу Христову. Ни одно лишнее слово не сказано ими, они не делают бесполезной работы, не смеются напрасно, бормотание или шёпот исключены. Если только что-нибудь из этого случится, их сразу же поправляют. Они ненавидят простые и азартные игры, питают отвращение к охоте, и не находят удовольствия в порочном, жестоком занятии — соколиной охоте, которое вошло в привычку у светских рыцарей. Они отвергают придворных шутов, магов, трубадуров, рыцарские поединки и ненавидят глупые выдумки. Их волосы коротко пострижены, по слову апостола, что постыдно мужу ухаживать за мягкими локонами. Они редко переодеваются или моют свои волосы, пренебрегая этим, пока одежда не станет ветхой и грязной от доспехов и солнца.

8. Готовясь к предстоящей битве, они защищены изнутри верой. С внешней стороны это сталь, не золото, поскольку они должны внушать врагу ужас, а не вызывать в нём жадность. Им нужны быстрые и сильные, а не украшенные и помпезные лошади. Их цель — сражение, а не парад. Они ищут победы, а не славы. Они скорее будут внушать страх, а не производить

впечатление. Они не отличаются жестокостью и не ездят бездумно и легкомысленно туда и обратно, но упражняются в искусном размышлении. Терпеливо и благоразумно устроят они свой военный орден, согласно библейскому изречению: «Воистину, подлинный израильтянин — муж мира, даже когда выступает на битву».

Однако на войне они оставляют свою доброту, словно говорят: «Не ненавижу ли я тех, кто ненавидит Тебя, Господи; не мерзки ли мне враги Твои?». Они мчатся, чтобы атаковать врага, как овцу. Неважно, во сколько раз враг превосходит их численно, они не воспринимают врага как вселяющее ужас множество. Не то чтобы они были уверены в собственных силах, но они верили в добродетель Господа и в то, что он приведёт их к победе. Конечно, они чувствуют уверенность, когда вспоминают слова Маккавея: «Легко и многим попасть в руки немногих, и у Бога небесного нет различия, посредством многих ли спасти их или посредством немногих; ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила». Мы видели, как один человек обратил в бегство многих, как два человека обратили в бегство тысячи».

Но что ещё более удивительно, они могут быть спокойными, словно ягнята, и яростными, как львы. И я не знаю, как мне их назвать — рыцарями или монахами, возможно, они являются и тем, и другим. Однако, как монахи, они обладают добротой, как рыцари, они обладают силой духа. Об этом мы можем сказать: «Это дело рук Господа и оно замечательно в наших глазах». Эти люди назначены Господом, и он нашёл их в пределах своей земли. Они являются достойными израильтянами, а их задачей является верно и неусыпно охранять могилу, которая является ложем истинного Соломона. Каждый из них держит в руке меч и искусно сражается.

Храм Иерусалима

9. Конечно, их жилище находится в Иерусалимском Храме, который не является тем древним и знаменитым строением царя Соломона. Нет зданий, равных древнему храму. Однако я говорю о современном храме, который не уступает в славе первому. Действительно, всё великолепие первого храма заключалось в брэнном золоте и серебре, в камнях и дорогих породах деревьев. Скромным украшением современного храма является верность Богу его жителей и их сотоварищей. Представляя себе первый храм, вы представляете себе различные краски, а современный храм полон добродетелей и богоугодных дел. Несомненно, святость — подходящее украшение для дома Господа, ведь радоваться лучше многим добродетелям, чем великолепному мрамору. Больше привлекают чистые сердца, чем филенки.

Конечно, фасад нового храма украшен, но не драгоценностями, а оружием, на месте древних корон висят щиты, канделябры, кадила, кувшины сменились уздечками, сёдлами и копьями. Всеми этими знаками рыцари демонстрируют свою веру и рвение служить Господу, который в своё время вдохновил Христа стать рыцарем. Он сам, воспламенившись духом, своей святой рукой, не мечом, а бичом, который он свил из нескольких верёвок, войдя во Храм, выгнал торговцев, перевернул ящики с мелочью и сломал клетки с голубями. Он поступил так, поскольку считал, что эти занятия являются осквернением и не достойными занятиями в доме Господа.

И воодушевившись таким поступком Христа, преданные рыцари посчитали, что ещё более постыдным и нестерпимым является осквернение Святого Дома руками неверных, чем руками торговцев. Они оставили себе лошадей и оружие и прогнали подлых неверных и безумных тиранов из Святой Земли. Там они упражнялись в благочестии и занимались работой. Они почитают Храм Господа, выполняя старательно свою работу, безусловно служа ему и постоянно

совершая молитвы. Они не приносят в жертву мясо животных, согласно обряду древних, но приносят в жертву братскую любовь, верное послушание и добровольную бедность.

10. Их дела в Иерусалиме привели весь мир в восхищение. Земли внимали им со вниманием и миряне из далёких стран предавались размышлениям. Они стекались с востока и запада, подобно потоку, несущему славу Божью язычникам, а их лепет был подобен полноводной реке, которая принесла радость жителям Града Божьего. И, конечно, радостно и полезно видеть такое множество людей, стремящихся на помощь меньшинству. Это дважды доброе дело видеть, как порочные, жестокосердные воры, безбожники, убийцы, клятвопреступники и прелюбодеи становятся христианами.

Причиной двойной радости является то, что другая сторона так же счастлива избавиться от них, как их новые товарищи счастливы получить их. Все счастливы, поскольку их бывшие товарищи живут в мире, а их новые товарищи укрепились. Так Египет радуется их обращению и отбытию, а гора Сионская и дочери Иудины радуются тому, что приобрели новых защитников. Мусульмане рады тому, что освободились от них, а христиане ожидают, что они освободят их. Восток охотно смотрит, как жестокие опустошители покидают местность, а их новые товарищи приветствуют своих верных защитников. Таким образом, каждый доволен этим, один выгодно подкрепляется новой силой, в то время как другой с радостью от них избавляется.

Таким образом, Христос мстит своим врагам, шествуя с триумфом и во славе с их помощью. Его враги стали его сторонниками, сражающимися на его стороне, так же, как был обращён Савл — преследователь, ставший Павлом — проповедником. Таким образом, я не удивлён, как говорил сам Спаситель, тому, что при дворе небесном больше радости бывает о покаянии одного грешника, нежели о добродетелях множества праведных мужей, не имеющих нужды в покаянии. Конечно, обращение столь многих грешников и злых людей приносит столько же много добра, сколько зла они приносили до этого.

11. Радуйся же, Град Святой, благословенный самым Высшим и ставший его скинией, дабы люди могли спастись в тебе и через тебя! Радуйся, источник многих чудес! Приветствую тебя, госпожа народов и королева провинций, страна патриархов, мать пророков и апостолов, давшая начало верности, славе христиан! Если Господь позволил, чтобы ты была часто уничтожена, то лишь для того, чтобы храбрые воины смогли сражаться за твою добродетель и спасение. Приветствую тебя, обетованная земля, в которой прежние жители питались молоком и мёдом. Теперь ты будешь питанием для благой жизни и спасительным лекарством для всей земли!

Да, я говорю, да. Ты прекрасная и самая плодородная земля, в чрево которой упало небесное семя от сердца вечного Отца. Такой урожай мучеников произошёл от этого небесного семени! Эта плодородная земля производит священные добродетели, и некоторые из них приносят плоды в сорок, шестьдесят и даже сто крат. И потому те, кто знают тебя, понимают твою красоту и насыщаются богатством и силою. Всем, даже тем, кто никогда тебя не знал, и во всех концах земли, они восхваляют и описывают твоё величие, необычайную славу и чудеса.

Славные вещи говорятся о тебе, Град Господний. И мы сейчас восторгаемся этим Градом ради восхваления и славы твоего имени, Господи!

Примечание редактора: Это перевод Лизы Коффин первых пяти глав «Похвалы новому рыцарству», которые посвящены тамплиерам. Оставшиеся восемь глав послания отведены описанию святых мест в Палестине и библейским событиям, благодаря которым они прославились. Полный текст послания Бернара доступен на английском языке в книге «The Works of Bernard of Clairvaux», — собрании произведений Бернарда Клервоского, переведённых Конрадом Грини. Полную ссылку можно найти в библиографии.

Примечание переводчика: Оригинальный латинский текст, который я перевела, был

напечатан в St. Bernard's Opera, Vol. III, Tractus et Opuscula (Рим, 1963). Искренне надеюсь на то, что я перевела этот текст точно. Хотела бы выразить благодарность Джеймсу Вассерману за правку и за то, что мне была предоставлена такая возможность. Хотела бы поблагодарить моего любимого, Скотта Коффина, за его помощь, бесконечную любовь и поддержку.

Приложение 3

Карты

Ближний Восток

Европа и Средиземноморье

Персия

Святая Земля

Ассасины

1. Al-Sulami, Muhammad ibn al-Husayn. *The Book of Sufi Chivalry*, перев. Sheikh Tosun. Bayrak al-Jerrahi al-Halveti, New York: Inner Traditions, 1983.
2. Browne, Edward G.A. *Literary History of Persia*. 4 vols. 1902. Reprint, London: Cambridge University Press, 1977.
3. Burman, Edward. *The Assassins: Holy Killers of Islam*, Wellingborough: Aquarian Press, 1987.
4. Daftary, Farhad. *Medieval Ismaili History and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
5. De Lacy, O'Leary. *A Short History of the Fatimid Khalifate*. 1923. Reprint, Dehli: Renaissance Publishing House, 1987.
6. Farhad Daftary, *The Assassin Legends*; London: I. B. Tauris & Company, 1995.
7. Farhad Daftary, *The Ismailis: Their History and Doctrines*; Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
8. Franzius, Enno. *The History of the Order of Assassins*, New York: Funk & Wagnalls, 1969.
9. Hammer-Purgstall, Joseph von. *The History of the Assassins*, 1835; reprint New York: Burt. Franklin, 1968.
10. Khan Sahib Khaja Khan. *The Secret of Ana'l-Haqq*. 1926. Sh. Muhammad Ashraf, Reprint, Lahore Pakistan: 1976.
11. Khayyam, Omar, *The Rubaiyat*. Trans. and ed. Edward Fitzgerald, New York: Collier Books, 1962.
12. Lewis, Bernard. *The Assassins: A Radical Sect in Islam*, New York: Basic Books, 1968.
13. Marshall G. S. Hodgson, *The Order of Assassins*, The Hague: Mouton, 1955.
14. Martin Lings, *Muhammad: His Life Based on the Earliest Sources*; New York: Inner Traditions, 1983.
15. Nasr, Seyyed Hossein, ed. *Ismaili Contributions to Islamic Culture*. Tehran: Imperial Iranian Academy of Philosophy, 1977.
16. Newby, P. H. *Saladin in His Time*. New York: Dorset Press, 1992.
17. Pickthall, Marmaduke, trans. and ed. *The Meaning of the Glorious Koran*. 1930. Reprint, New York: Alfred A. Knopf, 1992.
18. Rosebault, Charles J. *Saladin: Prince of Chivalry*. New York: Robert M. Me. Bride & Co., 1930.
19. Stern, Samuel M. *Studies in Early Ismailism*. Jerusalem: The Magnes Press, Hebrew University; Leiden: E. J. Brill, 1983.
20. Tawfik, Younis. *Islam*. New York: Konecky & Konecky, 1998.
21. Wilson, Peter Lamborn. *Sacred Drift: Essays on the Margins of Islam*. San Francisco: City Lights Books, 1993.

Тамплиеры

1. Billings, Malcolm. *The Cross and the Crescent*. New York: Sterling Publishing, 1990.
2. Bradford, Ernie. *The Templars: Knights of God*. Wellingborough: Aquarian Press, 1986.

3. Coss, Peter. *The Knight in Medieval England 1000–1400*. Conshohocken, PA: Combined Books.
4. Dudley, Dean. *History of the First Council of Nicaea*. 1925. Reprint, Mokelumne Hill, CA: Health Research, 1966.
5. Eschenbach, Wolfram von. *Parzival*. Trans, with introduction by Helen M. Mustard and Charles E. Passage, New York: Vintage Books, 1961.
6. Greenia, Conrad, trans. *The Works of Bernard of Clairvaux*. Vol. 7, *Treatises 3*. The Cistercian Fathers Series, no. 19. Kalamazoo, MI: Cistercian. Publications, 1977.
7. Henry Charles Lea, *History of Inquisition of the Middle Ages*, 3 vols. 1888; reprint. New York: Russell & Russell, 1955.
8. Howarth, *The Knights Templar*. London: Collins, 1982.
9. John J. Robinson, *Born in Blood*. New York, 1989.
10. Knight, Richard Payne and Thomas Wright. *A Discourse on the Worship of Priapus*. 1865. Reprinted as *Sexual Symbolism. A History of Phallic Worship*. New York: The Julian Press, 1961.
11. Lambert, Malcolm. *The Cathars*. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
12. Legman, G. *The Guilt of the Templars*. New York: Basic Books, 1966.
13. Malcolm Barber, *The New Knighthood*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
14. Malcolm Barber, *The Guilt of the Templars*; Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
15. Marshall, Christopher. *Warfare in the Latin East, 1192–1291*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
16. Matarasso, Pauline. *The Quest of the Holy Grail*. Middlesex, U. K.: Penguin Books, 1975.
17. Michelet, Jules. *Satanism and Witchcraft*, перев. на англ. A. R. Allison. New-York: Citadel Press, 1946.
18. Partner, Peter. *The Murded Magicians: The Templars and Their Myth*. Oxford: Oxford. University Press, 1981.
19. Paynes, Robert. *The Dream and the Tomb*. Chelsea: Scarborough House, 1991.
20. Riley-Smith, Jonathan, ed. *The Atlas and the Crusades*. New York: Facts on File, 1990.
21. Runciman, Steven. *A History of the Crusades*, 3 vols. 1951, reprint London: the Folio. Society, 1994.
22. Simon, Edith. *The Piebald Standard*. London: White Lion Publishers Limited, 1976.
23. Strayer, Joseph. R. *The Albigensian Crusades*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.
24. Upton-Ward, J. M. *The Rule of the Templars*, Suffolk: The Boydell Press, 1992.
25. Weston Jessie L. *From Ritual to Romance*. Garden City: Doubleday Anchor Books, 1957.

Основные цитированные произведения

1. Apuleius, Lucius. *The Transformation of Lucius. Otherwise Known as The Golden Ass*. Trans. Robert Graves. New York: Farrar, Strauss & Giroux, 1951.
2. Cavendish, Richard, ed. *Man, Myth and Magic: An Illustrated Encyclopedia of the Supernatural*. 24 vols. New York: Marshall Cavendish Corporation, 1970.
3. Cohn, Norman. *The Pursuit of Millennium*, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 1970.
4. Crystal, David, ed. *The Cambridge Biographical Encyclopedia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
5. Goelet, Ogden, ed. *The Egyptian Book of the Dead: The Book of Going Forth by Day*. Rev. ed. San Francisco: Chronicle Books, 1998.
6. Norman F. Cantor, *The Civilization of the Middle Ages*. New York: Harper Perennial, 1994.
7. Plato. *The Works of Plato*. Trans. B. Jowett. New York: Tudor Publishing Company, n. d.

8. Potok, Cheim. *Wanderings*. New York: Fawcett Crest, 1980.
9. Robinson, James M., ed. *The Nag Hammadi Library*. 3rd ed. San Francisco: Harper & Row, 1988.
10. Vagi, David L. *Coinage and History of the Roman Empire*, 2 vols. Sidney, OH: Coin. World/Amos Press, 1999.
11. Will Durant, *Age Faith*, vol. 4 of *The Story of Civilization*. New York: Simon and Schuster, 1944.
12. Will Durant, *Caesar and Christ*, vol. 3 of *The Story of Civilization*. New York: Simon and Schuster, 1950.

<i>Мистические тайные общества</i>

1. Allen, Paul M., ed. *A Christian Rosenkreutz Anthology*. Blauvelt, NY: Rudolf Steiner. Publications, 1968.
2. Beta, Hymenaeus, ed. *The Equinox*, Vol. 3, no. 10 1986. Reprint, York Beach, ME: Samuel Weiser, Inc., 1990.
3. Christopher McIntosh, *Eliphas Lévi and the French Occult Revival*. New York: Samuel. Weiser, Inc., 1972.
4. Clymer, R. Swinburne, *The Rosicrucian Fraternity in America*, 2 vols. Quakertown, PA: Rosicrucian Fraternity, 1935.
5. Crowley, Aleister, *The Confessions of Aleister Crowley*. Ed. by John Symonds and Kenneth Grant. New York: Hill and Wang, 1969.
6. Crowley, Aleister, *The Equinox of the Gods*. 1936. Reprint, Scottsdale, AZ: New Falcon Publications, 1991.
7. Crowley, Aleister. *The Book of the Law*. 1938. Reprint, New York: Samuel Weiser, Inc., 1976.
8. Daraul, Arkon. *A History of Secret Societies*. New York: Citadel Press, 1990.
9. Godwin, Joscelyn, Christian Chanel, and John P. Deveney. *The Hermetic Brotherhood of Luxor*. York Beach, ME: Samuel Weiser, Inc., 1995.
10. Godwin, Joscelyn, *The Theosophical Enlightenment*. Albany: State University of New York Press, 1994.
11. Goodrick-Clarke, Nicholas. *The Occult Roots of Nazism*. New York: New York University Press, 1992.
12. Hall, Manly P. *The Secret Teachings of All Ages*. 1925. Reprint, Los Angeles: Philosophical Research Society, 1975.
13. Hamill, John. *The Craft*. Wellingborough, U. K.: Aquarian Press, 1986.
14. Heckethorn, Charles William. *The Secret Societies of All Ages and Countries*. 2 vols. 1897. Reprint, New Hyde Park: University Books, 1965.
15. Howard, Michael. *The Occult Conspiracy*. Rochester, VT: Destiny Books.
16. Howe, Ellic. *Theodor Reuss*. London: Transactions of Quatuor Coronati, Lodge, 1987.
17. Iamblichus. *On the Mysteries of the Egyptians, Chaldeans and Assyrians*. Trans. Thomas Taylor. 1821. Reprint, London: Stuart and Watkins, 1968.
18. King, Francis, and Isabel Sutherland. *Rebirth of Magic*. London: Corgi, 1982.
19. King, Francis. *Ritual Magic in England*. London: Neville Spearman, 1970.
20. King, Francis. *Sexuality, Magic and Perversion*. Secaucus, NJ: Citadel Press, 1974.
21. King, Francis. *The Secret Rituals of the O. T. O*. London: C. W. Daniel Co., 1973.
22. Levi, Eliphas. *The History of Magic*. Trans. A. E. Waite. 1913. Reprint, London: Rider and

Company, 1951.

23. Levi, Eliphas. *Transcendental Magic*. Trans. A. E. Waite. 1896. Reprint, York Beach: Samuel Weiser, Inc., 1991.
24. McIntosh, Christopher. *The Rosicrucians*. York Beach, ME: Samuel Weiser, Inc., 1997.
25. Norman MacKenzie, ed., *Secret Societies*. New York: Crescent Books, 1967.
26. Scott, Ernest. *The People of the Secret*. London: The Octagon Press, 1983.
27. Shah, Idries. *The Sufis*. Garden City: Doubleday, 1964.
28. Wasserman, James. *Art and Symbols of the Occult*. Rochester, VT: Destiny Books, 1992.
29. Webb, James. *The Occult Establishment*. La Salle, IL: Open Court, 1976.
30. Yates, Frances. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
31. Yates, Frances. *The Rosicrucian Enlightenment*. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.

Политические заговоры

1. Bailyn, Bernard, ed. *The Debate on the Communism*. 2 vols. New York: Literary Classics, of the United States, Inc., 1997.
2. Barruel, Augustin. *Memoirs Illustrating the History of Jacobism*. 1798. Trans. Robert. Clifford. Fraser, MI: Real View Books, 1995.
3. Bovard, James. *Freedom in Chains: The Rise of State and the Demise of the Citizen*. New York: St. Martins Press, 1999.
4. Bushart, Howard L., John R. Craig, and Myra Barnes. *Soldiers of God: White, Supremacists and Their Holy War for America*. New York: Kensington Books, 1998.
5. Courtois, Stephane, ed. *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Trans. Jonathan Murphy and Mark Kramer. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
6. Hoskins, Richard Kelly. *Vigilantes of the Christendom*. Lynchburg, VA: The Virginia Publishing Co., 1990.
7. Jasper, William F. *Global Tyranny Step by Step*. Appleton, WI: Western Islands. Publishers, 1992.
8. Kelly, Clarence. *Conspiracy Against God and Man*. Boston: Western Islands, 1974.
9. Kopel, David B. and Paul H. Blackman. *No More Wacos*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1997.
10. LaPierre, Wayne. *Guns, Crime and Freedom*. Washington, D. C.: Regnery Publishing, 1994.
11. Malcolm, Joyce Lee. *To Keep and Bear Arms*. Cambridge: Harvard University Press, 1994.
12. McAlpine, Peter. *The Occult Technology of Power*. Port Townsend, MI: Loompanics. Unlimited, 1974.
13. McNulty, and William Gazicki. *Waco: The Rules of Engagement*. Video documentary. Los Angeles: Somford Entertainment, 1997.
14. McNulty, Mike, and Rick Van Fleet. *Waco: A New Revelation*. Video documentary. Ft. Collins, CO: MGA Films, Inc., 1999.
15. Perloff, James. *The Shadows of Power*. Appleton, WI: Western Islands Publishers, 1988.
16. Quigley, Carroll. *The Angifo-American Establishment*. New York: Books in Focus, Inc., 1981.
17. Quigley, Carroll. *Tragedy and Hope*. 1966. Reprint, Hollywood: Angriff Press, 1974.
18. Rand, Ayn. *Adas Shrugged*. New York: Random House, 1957.
19. Ross, John. *Unintended Consequences*. St. Louis: Accurate Press, 1996.
20. Rummel, R. J. *Death by Government*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1994.
21. Stoddart, Christina M. *Light-Bearers of Darkness*. 1930. Reprint, Hawthorne, CA: Christian

Book Club of America, 1983.

22. Stoddart, Christina M. *Trail of the Serpent*. Hawthorne, CA: Christian Book Club of America, n. d.

23. Tabor, James D. and Eugene V. Gallagher. *Why Waco? Cults and the Bat-de for Religious Freedom in America*. Berkeley: University of California Press, 1995.

24. Vazsonyi, Balint. *America's 30 Years War: Who Is Winning?* Washington, D. C.: Regnery Publishing, Inc., 1999.

25. Webster, Nesta H. *Secret Societies and Subversive Movements*. 1924. Reprint, Hawthorne, CA: Christian Book Club, n. d.

26. Wingus, Neal. *The Illuminoids*. New York: Pocket Books, 1979.

27. Yallop, David A. *In God's Name*. New York: Bantam Books, 1984.

28. Bastiat, Frederic. *The Law*. 1850. Trans. Dean Russell. Irvington-on-Hudson: The Foundation for Economic Education, 1994.

29. Huxley, Aldous. *Brave New World*. Garden City: Sun Dial Press, 1932.

30. Miller, Edith Starr (Lady Queenborough). *Occult Theocracy*. 1933. Reprint, Hawthorne, CA: Christian Book Club of America, 1980.

31. Orwell, George. *Animal Farm*. 1946. Reprint, New York: New American Library, 1964.

32. Robinson, John. *Proofs of a Conspiracy*. 1798. Reprint, Boston: Western Islands, 1967.

notes

Iamblichus, *On the Mysteries of the Egyptians, Chaldeans and Assyrians*, trans. Thomas Taylor (1821; reprint, London: Stuart and Watkins, 1968), p. 23.

Hermes, Trismegistus, *The Mind to Hermes*, trans. Frances A. Yates in: *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* (Chicago: University of Chicago Press, 1964), p. 32.

Crowley, Aleister, *The Book of the Law* (1938; reprint, New York: Samuel Weiser, Inc., 1976), p. 32.

James, Bovard, *Freedon in Chains: The Rise of the State and the Demise of the Citizen* (New York: St. Martins Press, 1999), p. 1.

Norman F. Cantor. *The Civilization of the Middle Ages* (New York: Harper Perennial, 1994), p. 37.

Ibid., p. 42.

David L. Vagi, *Coinage and History of the Roman Empire*, 2 vols. (Sidney, OH: Coin World/Amos Press, 1999), vol. 1, p. 279.

Ibid., p. 352.

Cantor, *The Civilization of the Middle Ages*, p. 44-45.

Will Durant, *Caesar and Christ*, vol. 3 of *The Story of Civilization* (New York: Simon and Schuster, 1950), p. 659. Здесь цитируется письмо императора.

Jules Michelet, *Satanism and Witchcraft*, trans. A. R. Allinson (New York: Simon and Schuster, 1944), p. 564.

Cantor, *The Civilization of the Middle Ages*, p. 155.

Will Durant, *Age of Faith*, vol. 4 of *The Story of Civilization* (New York: Simon and Schuster, 1944), p. 564.

Cambridge Medieval History, vol. 7, p. 722.

Durant, Age of Faith, p. 197.

Farhad Daftary, *The Ismailis: Their History and Doctrines* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), p. 37.

Martin Lings, *Muhammad: His Life Based on the Earliest Sources* (New York: Inner Traditions, 1983), p. 57.

Ibid., p. 164.

Durant, Age of Faith, p. 283.

Farhad Daftary, *The Assassin Legends* (London: I. B. Tauris & Company, 1995), p. 13.

Daftary, The Ismailis, p. 160-161.

Daftary, The Assassin Legends, p. 5.

Daftary, The Ismailis, p. 198.

Daftary, The Ismailis, p. 233.

Ibid., p. 141-143.

Ibid., p. 137.

Aziz Esmail and Azim Nanji, «The Ismailis in History» in: *Ismaili Contributions to Islamic Culture*, ed. Seyyed Hossein Nasr (Tehran: Imperial Iranian Academy of Philosophy, 1977), p. 233.

Marshall G. S. Hodgson, *The Order of Assassins* (The Hague: Mouton, 1955), p. 16-18.

Daftary, The Ismailis, p. 240-241.

Bernard Lewis, *The Assassins: A Radical Sect in Islam* (New York: Basic Books, 1968), p. 30.

Edward Burman, *The Assassins: Holy Killers of Islam* (Wellingborough: Aquarian Press, 1987), p. 55.

Heinz Halm in: Farhad Daftary, *Medieval Ismaili History and Thought* (Cambridge: Cambridge University Press, 1966), p. 91.

Samuel M. Stern, *Studies in Early Ismailism* (Jerusalem: The Magnes Press, Hebrew University; Leiden: E. J. Brill, 1983), p. 58.

Lewis, *The Assassins*, p. 48.

Stern, *Studies in Early Ismailism*, p. 61.

Joseph von Hammer-Purgstall, *The History of the Assassins* (1835; reprint, New York: Burt Franklin, 1968), p. 46.

Enno Franzius, *The History of the Order of the Assassins* (New York: Funk and Wagnalls, 1969), p. 24.

Lewis, *The Assassins*, p. 43; Daftary, *The Ismailis*, p. 340.

Lewis, *The Assassins*, p. 58.

Ibid., p. 61. Бермен (Burman, *The Assassins*, p. 36) относит это событие к 12 июня.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 126.

Ibid., p. 82.

Lings, Muhammad, p. 199.

Lewis, *The Assassins*, p. 51.

Burman, *The Assassins*, p. 37.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 115.

Lewis, *The Assassins*, p. 48.

Ibid., p. 105.

Daftary, The Assassin Legends, p. 30.

Silvestre de Sacy, «Memoires on the Dynasty of the Assassins», trans. in: Daftary, The Assassin Legends. Этимология обсуждается на с. 147-171.

Daftary, The Assassin Legends, p. 91-93.

Lewis, *The Assassins*, p. 12.

Daftary, The Ismailis, p. 19.

Esmail and Nanji, «The Ismailis in History», p. 250.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 59.

Daftary, *The Assassin Legends*, p. 41.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 153-157.

Daftary, The Assassin Legends, p. 41.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 157.

Daftary, The Ismailis, p. 392.

Muhammad ibn al-Husayn al-Sulami, *The Book of Sufi Chivalry*, trans. Sheikh Tosun Bayrak al-Jerrahi al-Halveti (New York: Inner Traditions, 1983), p. 6.

Daftary, *The Assassin Legends*, p. 68, 71; *The Ismailis*, p. 398.

Lewis, *The Assassins*, p. 116-117.

Ibid., p. 122.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 274.

Hodgson, *The Order of Assassins*, p. 276; Daftary, *The Ismailis*, p. 415.

Daftary, The Ismailis, p. 454.

Steven, Runciman, *A History of the Crusades*, 3 vols. (1951, reprint London: the Folio. Society, 1994), vol. 1, p. 140.

Stephen, Howarth, *The Knights Templars* (London, Collins, 1982), p. 48.

Edward, Burman, *The Templars: Knights of God* (Wellingborough: Aquarian Books, 1986), p. 19-20; Malcolm Barber, *The New Knighthood* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), p. 6-7.

Burman, *The Templars*, p. 23.

Цит. по: Cantor, The Civilization of the Middle Ages, p. 34.

J. M. Upton-Ward, *The Rule of the Templars*, (Suffolk: The Boydell Press, 1992), p. 106.

Ibid., p. 13-16.

Ibid., p. 19.

Ibid.

Burman, *The Templars*, p. 30.

J. M. Upton-Ward, *The Rule of the Templars*, p. 87.

Ibid., p. 79.

Ibid., p. 112.

Цитаты из «Похвалы новому рыцарству» в переводе Лизы Коффин, см. [прил. 2](#).

Henry Charles Lea, *History of Inquisition of the Middle Ages*, 3 vols. (1888; reprint, New York: Russell & Russell, 1955) vol. 3, p. 250-251. Глава из этой книги была перепечатана G. Legman в *The Guilt of the Templars*, Нью-Йорк, с. 137-244.

Burman, *The Templars*, p. 80.

Malcolm, Barber, *The New Knighthood*, p. 276.

Burman, *The Templars*, p. 36.

Burman, *The Templars*, p. 56.

Malcolm, Barber, *The New Knighthood*, p. 89.

Stephen, Howarth, *The Knights Templar*, p. 145.

Например: Dukant, *Age of Faith*, p. 30.

Malcolm, Lambert, *The Cathars* (Oxford: Blackwell Publishers, 1998), p. 43-44.

Ibid.

Joseph R. Strayer, *The Albigensian Crusades*, p. 75 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992), p. 143-150, в книге приведены описания некоторых ритуалов катаров.

Матф. 3:11, см. также Деяния 1:5.

Lambert, *The Cathars*, p. 69.

Strayer, *The Albigensian Crusades*, p. 75.

К Тимофею 2:19 и Числа 16:5. Малькольм Барбер полагает, что папский легат взял за основу своего высказывания эти две библейские фразы.

Christopher, Marshall, *Warfare in the Latin East, 1192–1291* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), p. 41 приводится цитата из современного свидетельства — манускрипта «Ротлен», «Продолжение Гийома Тирского 1229–1261 гг.

Burman, *The Templars*, p. 131.

John J. Robinson, *Born in Blood* (New York: M. Evans & Co., 1989), p. 60.

Howarth, *The Knights Templar*, p. 224.

Barber, *The New Knighthood*, p. 171.

Lea, *History of Inquisition of the Middle Ages*, vol. 3, p. 243-244.

Barber, *The New Knighthood*, p. 1.

Malcolm Barber, *The of the Templars* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 22.

Barber, *The New Knighthood*, p. 285.

Burman, *The Templars*, p. 156.

G. Legman в *The Guilt of the Templars*, p. 16.

Ibid., p. 94.

Malcolm, Barber, *The Trial of the Templars*, p. 68.

Encyclopedia Britannica, цит. G. Legman, *The Guilt of the Templars*, p. 46.

Malcolm, Barber, *The Trial of the Templars*, p. 243.

G. Legman в *The Guilt of the Templars*, p. 3.

Barber, *The Trial of the Templars*, p. 126.

John J. Robinson, *Born in Blood*, p. 115.

Lea, *History of Inquisition of the Middle Ages*, vol. 3, p. 316.

Howarth, *The Knights Templar*, p. 305.

Thomas Wright, «The Worship of the Generative Powers» in *A Discourse on the Worship of Priapus*, Richard Payne Knight (1865; reprinted as *Sexual Symbolism, A History of Phallic Worship*, New York: The Julian Press, 1961), p. 106. Часть эссе Т. Райта, посвящённая тамплиерам, также перепечатана в книге G. Legman в *The Guilt of the Templars*, p. 247-286.

Матф. 10:34.

Lea, *History of Inquisition of the Middle Ages*, vol. 3, p. 268.

Ogden Goelet, ed., *The Egyptian Book of the Dead, The Book of Going Forth by Day* (San Francisco: Chronicle Books, 1998), p. 147-148.

Manly P. Hall, *The Secret Teachings of All Ages* (1925; reprint, Los Angeles: Philosophical Research Society, 1975), p. 17.

F. Cantor, *The Civilization of the Middle Ages*, p. 558.

«The History of the Science», *Encyclopedia Britannica*.

Pauline Matarasso, *The Quest of the Holy Grail* (Middlesex, U. K.: Penguin Books, 1975), p. 15-16, 20-21.

Yates, Giordano Bruno and the Hermetic Tradition, p. 1-2.

Christopher McIntosh, *The Rosicrucians* (York Beach, ME: Samuel Weiser, Inc., 1997), p. 22-23.

Frances Yates, *The Rosicrucian Enlightenment* (London: Routledge & Kegan Paul, 1974), p. 40.

Ibid., p. 39.

Ibid., p. 104. McIntosh, *The Rosicrucians*, p. 49-50.

McIntosh, *The Rosicrucians*, p. 43.

Peter Partner, *The Murded Magicians: The Templars and Their Myth* (Oxford: Oxford University Press, 1981), p. 118.

Christopher McIntosh, *Eliphas Levi and the French Occult Revival* (New York: Samuel Weiser, Inc., 1972), p. 24.

Eliphas Levi, *Transcendental Magic*, перев. на англ. А. Е. Waite, (1896, reprint, York Beach: Samuel Weiser, Inc., 1991), p. 394.

R. Swinburne Clymer, *The Rosicrucian Fraternity in America*, 2 vols. (Quakertown, PA: Rosicrucian Fraternity, 1935), vol. 1, p. 463.

Crowley, *The Book of the Law*, p. 5.

Aleister Crowley, *The Equinox of the Gods* (1936; reprint, Scottsdale, AZ: New Falcon Publications, 1991), p. 118.

Francis, King, *Ritual Magic in England* (London: Neville Spearman, 1970), p. 205-207 and *the Secret Rituals of the O. T. O.* (London: C. W. Daniel Co., 1973).

David, Annan, «*The Ku Klux Klan*», in Norman MacKenzie, ed., *Secret Societies*. (New York: Crescent Books, 1967), p. 277.

Richard, Kelly Hoskins, *Vigilantes of the Christendom* (Lynchburg, VA: The Virginia Publishing Co., 1990).

comments

В этой книге под словом «мистерии» мы понимаем широкую сеть автономных религиозно-философских школ, процветавших в древнем мире. Мэнли Холл пишет об этом идеале: «Мистерии, по словам их участников, хранили трансцендентное знание столь глубокое, что оно было доступно лишь самому высокому разуму, и столь могущественное, что оно могло быть открыто лишь людям, лишённым личных притязаний и посвятившим свою жизнь служению на благо человечества. Достоинство этих священных учреждений и оправданность их притязаний на право обладания Высшим Знанием подтверждается самыми выдающимися философами древности, которые сами были посвящены в глубины тайного учения и могли засвидетельствовать его силу» (Manly P. Hall, *The Secret Teachings of All Ages* [1925], p. 20.) Мистерии удовлетворяли духовные потребности толпы с помощью публичных церемоний и упрощённого, приуроченного к народным нравам вероисповедания, в то время как более развитые души проводились по дальнейшим уровням тайного учения.

Оценивая это положение, читатель может сравнить основополагающие принципы общественного устройства Американской Республики в том виде, в котором они выражены в Декларации прав, конституции и Билле о правах, с принципами ООН, озвученными в таких соглашениях, как Декларация прав человека, Международное соглашение по гражданским и политическим правам, а также в Международном соглашении по экономическим, социальным и культурным правам. Коротко говоря, в американской системе неотъемлемые права личности происходят от Бога и защищаются от правительства, как видно по таким выражениям, как «Конгресс не будет принимать законов...». «Права», перечисленные в установлениях ООН, зависят от воли государства, как с очевидностью показывает цитата из Международного соглашения по гражданским и политическим правам: «Вышеизложенные права не подвержены никаким ограничениям, за исключением тех, которые налагаются законом, необходимы для защиты национальной безопасности, общественного порядка, общественного здоровья или морали или прав и свобод других людей, и согласуются с другими правами, принятыми по данному Соглашению».

Речь идёт о массовом самоубийстве сектантов под началом Джима Джонса 18 ноября 1978 года.— *Примеч. пер.*

Должность с таким пышным названием оказалась крайне недолговечной, поскольку Цезарь был убит через тридцать дней после её получения.

В том же году Святой Бенедикт основал монастырь Монте-Кассино. Правило Бенедикта было признано большинством христианских монашеских общин, и именно на его основе шесть веков спустя было создано Правило тамплиеров.

Активная судебная деятельность, то есть присвоение законодательной власти судебными чиновниками, вытекает из системы Юстиниана. По принципам общего права, законодательная власть принадлежит исключительно народу, осуществляющему её через своих представителей в государственном и судебном аппарате. Суд ограничивается толкованием и исполнением законов и не вдаётся в излишние вольности, приводящие к появлению новых законов.

Рассказ Марко Поло пользовался таким успехом, что он послужил образцом для арабской повести, написанной в 1430 году и ошибочно принятой за независимый источник, подтверждающий сведения Марко Поло. (См.: Joseph von Hammer-Purgstall, *The History of the Assassins* [1835; reprint, New York: Burt Franklin, 1968], p. 136, а также Farhad Daftary, *The Assassin Legends* [London: I. B. Tauris & Company, 1995], p. 118-120.) Книга Марко Поло оставалась самым популярным в Европе источником по легенде об ассасинах на протяжении более четырёх столетий.

Эта заповедь всё ещё в силе. Описывая изменение отношения Усамы бин Ладена к США, репортёр Джеймс Райзен писал: «В конце концов он стал ярким противником Соединённых Штатов после кризиса, завершившегося Войной в Заливе в 1990 году. Присутствие сотен тысяч американских и других иностранных солдат на земле Саудовской Аравии он воспринимал как глубокое оскорбление религиозного чувства, как возвращение варваров-крестоносцев, готовых осквернить святыни ислама» (New York Times, September 6, 1998).

Если бы Фатима была мужчиной или же если бы мусульмане были готовы увидеть во главе своей общины женщину, ислам мог бы стать единой силой с ещё большими возможностями, чем те, которыми он располагает на данный момент.

После смерти Хадиджи у Мухаммеда было несколько жён. Алиша, дочь Абу Бакра, долго занимала положение любимой жены. Однажды её публично обвинили в супружеской неверности, и она считала, что одним из оклеветавших её был Али.

Омейяды удержали под своей властью Испанию и Марокко.

Дело усложняется ещё и тем, что для очередности имамов существуют разные системы. См. Daftary, *The Ismailis*, p. 104-105.

Из уважения к исследованиям современных исмаилитских учёных, мы считаем своей обязанностью процитировать следующий отрывок: «Впрочем, распространённая среди нынешних историков точка зрения, согласно которой провозглашение Кийямы включало в себя отмену шариата, так и не получила надёжного обоснования». «История исмаилитов» Азиза Эсмаила и Азима Нанджи, см.: *Isaili Contributions to Islamic Culture*, ed. Seyyed Hossein Nasr, p. 249.

Следует признать, что Хасана ас-Саббаха можно изображать в виде нетерпимого религиозного революционера, успешно осуществившего свои замыслы, которые в конечном итоге загнали религиозную творческую силу нового ордена в глухие ущелья самого глубокого революционного подполья.

См. Барбер М. «Новое рыцарство», с. 8-9. Проблемы, связанные со средневековым календарём, обсуждает также Аптон-Ворд Дж., см. «Устав тамплиеров» (С. 2,1992). В XII веке во многих регионах Франции Новый год начинался 25 марта.

Январь 1128 г., возможно, соответствует январю 1129 г. по новому стилю. См также Аптон-Ворд Дж. «Устав тамплиеров» (с. 2, 1992) и Барбер М. «Новое рыцарство» (с. 13-14).

В 1877 г. немцем Мерцдорфом был опубликован фальшивый «Тайный устав» тамплиеров. Он выдавал эту рукопись за подлинную, написанную в XIII веке. В ней были собраны доказательства того, что тамплиеры были еретиками, изобличалась их связи с альбигойцами и другим дуалистическими сектами. В поддельной рукописи говорилось о том, что храмовники оскверняли крест, поклонялись Магомету, целовали нового брата в пупок, губы и копчик, читали места из Корана и т. д. (с. 161-163, 1981).

Учитывая проблемы, связанные, как уже упоминалось выше, с летосчислением, Гуго де Пейн мог набрать новых членов в орден за год до Собора в Труа. Привлечение новых братьев создавало впечатление укрепления Ордена, т. е. Совет должен был с ним больше считаться.

Позже предоставление этой привилегии стало вызывать споры, поскольку на репутацию Ордена повлияла коррупция. Отлучённая от Церкви знать платила, чтобы посмертно вступить в Орден и быть похороненной на священной христианской земле, избегая таким образом тяжелейшего последствия отлучения.

Любопытно, что, если верить Йозефу фон Хаммер-Пургшталю, в те же цвета были одеты *фидайи*. По его словам, они носили красные тюрбаны, сандалии и белые одежды.

Горячность Жерара совпадает с тем, как св. Бернар в «Похвале новому рыцарству» описывает смелость тамплиеров: «Он мчится, чтобы атаковать врага, воспринимая его, как овцу. Неважно, во сколько раз свирепый враг превосходит его численно, он не боится его. Они не уповают на собственную силу, но верят в могущество Господа, который приведёт их к победе... Мы видели, как один человек обратил тысячу в бегство и двое прогнали десять тысяч». На это указывает Малькольм Барбер в «Новом рыцарстве», с. 181. Перевод «Похвала новому рыцарству» см. в [приложении 2](#).

По вопросу европейских христианских еретических сект настоятельно рекомендуется прочитать исследование Норманна Кона «В погоне за Золотым веком» (1970 г.).

Хотя большая часть Замка Паломника была разрушена мамлюками, сейчас Атлит является израильской морской базой.

Малькольм Барбер считает, что он был возвращён.

Чтобы сопоставить взаимоотношения Филиппа и Папы с тем, как вели себя другие монархи по отношению к понтификам, нужно привести следующие факты. В 878 году один знатный человек заключил под стражу и уморил голодом Папу Иоанна VIII, когда пытался убедить понтифика дать разрешение своему ставленнику принять титул императора Священной Римской Империи. В 897 году Папа Стефан VI эксгумировал и ограбил труп своего предшественника. Он представил тело перед судом церковного капитула, мертвеца признали виновным, с него содрали одежды, избили и бросили в Тибр. В том же году в Риме вспыхнуло восстание, в результате понтифика взяли под стражу и задушили. Затем некоторое время папский престол занимали подряд несколько порочных понтификов, поэтому Оттон I, король Германии и император Священной Римской Империи, отстранил Папу Иоанна XVI. Понтифику выкололи глаза, вырезали язык и протащили его по всему Риму. В 1052 году Папа Лев IX был заключён под стражу на девять месяцев. В 1075 году шпионы римской знати во время служения рождественской Мессы напали на Папу Григория VII и взяли его под стражу.

Как пишет Норман Кантор, роман Томаса Мэлори «Смерть Артура» был самой популярной книгой в конце XV века («Средневековая цивилизация», с. 538).

Современный руководитель ордена Чарльз Ли описывает ритуал сожжения как «свет». «Он воплощает свет Иисуса Христа, озаривший мир, победу христианской веры». См. Говард Л. Бушарт, Джон Р. Крейг и Мария Барнс «Воины Господа: белые рыцари и их Святая война за Америку» (Нью-Йорк, 1998, с. 160).

Р. Дж. Раммел «Смерть правительства» (Нью-Брунсвик, 1994, с. 3-4). Профессор Раммел полагает, что в Советском Союзе было убито приблизительно 62 миллиона, 36 миллионов в коммунистическом Китае, 21 миллион в фашистской Германии. См. также Стефан Куртуа «Красная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии» (перев. на англ. Джонатан Мерфи и Марк Крамер, Кэмбридж, Гарвард, 1999).